

МИРЫ УРСУЛЫ ЛЕ ГУИН ВСЕГДА ВОЗВРАЩАЯСЬ ДОМОЙ

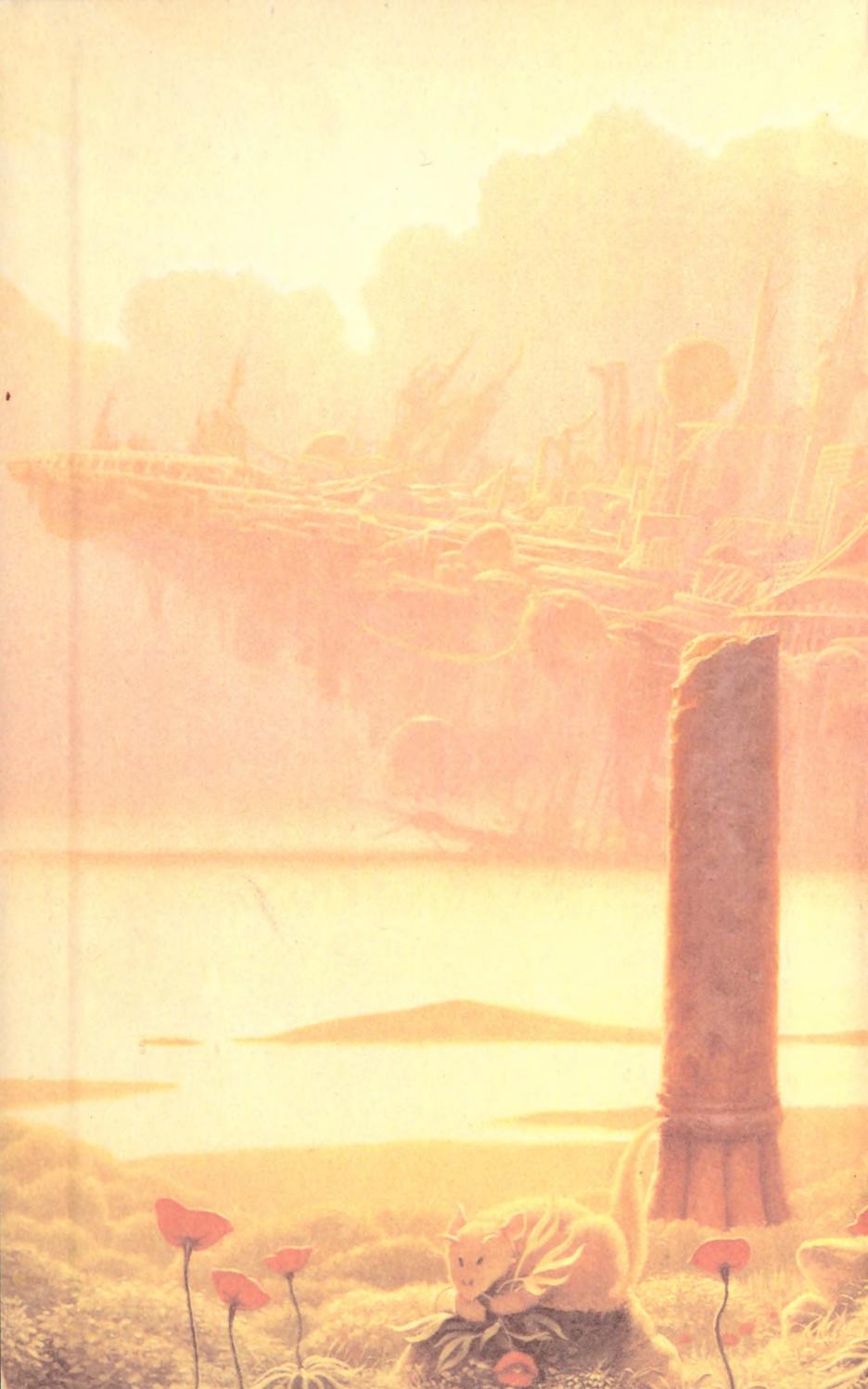
Книга вторая

МИРЫ УРСУЛЫ ЛЕ ГУИН

**ВСЕГДА
ВОЗВРАЩАЯСЬ ДОМОЙ**

УРСУЛА ЛЕ ГУИН

WORLDS OF URSULA LE GUIN

ALWAYS COMING HOME

Book two

**«POLARIS» PUBLISHERS
1997**

МИРЫ УРСУЛЫ ЛЕ ГУИН

**ВСЕГДА
ВОЗВРАЩАЯСЬ ДОМОЙ**

Книга вторая

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1997**

Миры Урсулы ле Гuin. Всегда возвращаясь домой.
Кн. 2 / Пер. с англ. — Полярис, 1997. — 383 с.

Этот том собрания сочинений знаменитого автора составил монументальный роман «Всегда возвращаясь домой» — «опыт археологии будущего», шедевр современной фантастики.

Произведение, опубликованное в данном издании, охраняется законом об авторском праве. Перепечатка романа и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя и переводчика. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

Издание осуществлено с разрешения автора и его литературных агентов: Virginia Kidd (США) и Александра Корженевского (Россия).

Иллюстрации на обложку и форзац печатаются с разрешения художника Michael Whelan и его агентов: Glass Onion Ltd. (США) и Александра Корженевского (Россия).

Always Coming Home
Copyright © 1985 by Ursula K. Le Guin

Inside illustrations
Copyright © 1985 by Margaret Chodos

Cover Art
Copyright © 1997 by Michael Whelan

© И. Тогосва, перевод, 1997

© Издательство «Полярис», оформление,
составление, название серии, 1997

ISBN 5-88132-308-2

**ВСЕГДА
ВОЗВРАЩАЯСЬ ДОМОЙ**

Книга вторая

ВОСЕМЬ ИСТОРИЙ ЖИЗНИ

Истории жизни — популярный в Долине жанр. Биографии и автобиографии часто записываются и передаются в хейимас или в какое-нибудь Общество в качестве ценного подношения, подарка. Будучи в большинстве своем довольно банальными, они тем не менее являются собой как бы «стержень» или пересечение личного, индивидуального, кем-то конкретным прожитого исторического отрезка времени с общественным, безличным циклическим временем-бытием, некое соединение временного и вечного, некий священный акт.

Самая большая часть данной книги, история жизни Говорящего Камня, представляет собой автобиографию. А в этой главе собраны более короткие истории, и в них звучит целый хор голосов мужчин и женщин, жителей Долины, старых и молодых.

«Поезд» семилетнего Достаточно из Синшана — типичная краткая автобиография, преподнесенная автором в дар хейимас своего Дома: история эта повествует об очень важном событии из жизни мальчика, который искренне считает, что читатель тоже непременно ощутит его значимость для жизни Долины.

«Она Слушает» (или «Слушающая женщина») была преподнесена хейимас Змеевика в Синшане в день получения ее автором среднего имени, того самого, которое человек носит всю свою взрослую жизнь, пока не получит последнее имя.

Как и многие автобиографии, не претендующие на звание литературного произведения, эта история написана от третьего лица.

В «Джунко» автор пользуется третьим лицом, рассказывая о себе самом в прошедшем времени, а в настоящем времени пишет

от первого лица. Описанные здесь неудачные поиски некоей мечты духовно сильным героям представляют собой кульмиационный момент данной истории — и жизни автора.

«Светлая пустота ветра», переданная Кулкунной из Телины в свою хейимас, — это описание того, что мы бы назвали бестелесным или послежизненным опытом; она изображает умирание человека как центральный момент жизни. Поскольку жизнь его была все-таки спасена Целителями (как живыми, так и уже умершими), Кулкунна сразу же вступил и сам в Общество Целителей; он чувствовал, что должен отдать некий неоплатный долг. А вот в конце той истории, которая рассказана Говорящим Камнем, мы видим совсем другую сторону подобных отношений: Целитель, спасший человеку жизнь, становился в результате полностью ответственным за эту жизнь — как и родители, которые произвели данного человека на свет. Долг и кредит в Обществе Целителей — это дело жизни и смерти, очень серьезное дело.

«Белое Дерево» — единственная простая биография во всей этой группе историй. Если чей-то друг или родственник считает, что нерассказанная история жизни этого человека заслуживает того, чтобы ее рассказали, то можно поступить так, как поступил автор «Белого Дерева», написанного после смерти основного действующего лица.

«История третьего ребенка», подписанная Пятнистым Козлом из Мадидину, однако рассказанная от первого лица, возможно, представляет собой исполненную мести и иронии биографию, которая выдается за автобиографию; или же, возможно, это чистый вымысел; или же нечто среднее между тем и другим. Вольная форма подобного «верлибра» использовалась также для плачей, сатирических и фривольных песенок.

«Пес у дверей» — это запись видения, которое началось как сон, а потом получило продолжение наяву, благодаря медитации в хейимас. Попросту говоря, это выдуманное путешествие, некая фантазия, которой даже не дается рационального объяснения. Однако и автор, и читатели из Долины считали ее вполне состоятельной историей жизни. Следует отметить, правда, что автор, передавший ее в хейимас Красного Кирпича в Ваквахе, не подписался.

И, наконец, в «Мечтательнице», самой длинной из представленных историй, Дятел из Телины пересказывает свою жизнь с известной прямотой и реалистичностью. Копии этой работы хранились как в хейимас Телины, так и в Архиве Ваквахи. Возможно, Дятла попросили записать эту историю ее приятели-ученые с Горы-Прародительницы — в качестве некоего образца для других людей, обремененных тем же даром; ибо она в своем произведении попыталась выразить то, что чаще всего остается невысказанным:

эмоции и взаимоотношения с другими людьми человека, следующего (вольно или невольно) путем мечтаний, некоего провидца, и определить то место, которое «великое видение» занимает в обычной жизни.

ПОЕЗД

Написано мальчиком по имени Достаточно из Дома Змеевика (Синшан)

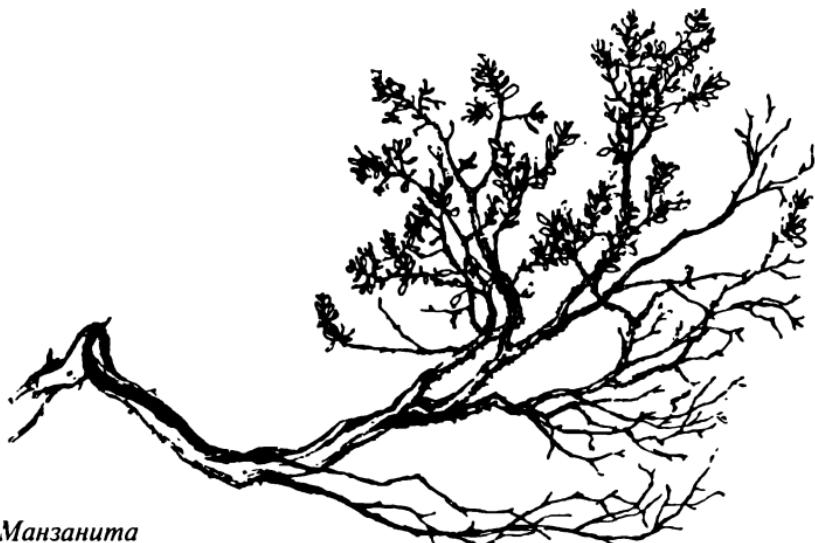
Это мое первое письменное подношение. Хейя хей хейя хейя хейя. А мое первое имя, которое дали мне мои матери: Достаточно. Я живу в Третьем Земном Доме со времени Танца Луны, происходившего семь лет назад. А вот как называется дом моей матери: Синие Стены, и находится он в Синшане. После Танца Вина я отправился в путешествие из Синшана с моим двоюродным братом Маком и теткой с материнской стороны по имени Подарок. Я впервые покидал Синшан. Мы прошли Долину насквозь, до гор, высившихся на другой ее стороне, потом спустились к берегу Реки На. На другой берег мы переправились на пароме.

Паромщик переправлял нас на пароме и все время тянул за какую-то веревку, а потом отправился тем же способом назад, но уже без нас. У него там еще были куры с зелеными хвостами. Потом мы немножко прошли пешком и пришли на Рельсовую Дорогу. Там пахло каким-то мылом и еще чем-то горелым. Рельсовая Дорога похожа на очень широкую лестницу, лежащую на земле и уходящую так далеко за горизонт на северо-западе и юго-востоке, что ни того, ни другого конца ее увидеть невозможно. По обе стороны от нее трава вся сострижена, а внутри этой «лестницы» насыпаны красивые гладкие камушки. Мы перешли через нее по одной из по-перечных перекладин. Поднялись на холм, заросший чертополохом, и наконец, усевшись под росшими там дубами, поели немного — маринованных овощей и варенных яиц. Пока мы там сидели, вдали, далеко-далеко, послышался шум, похожий на рокот барабана. Подарок сказала: смотрите, и мы стали смотреть. Шум становился все громче и громче, потом показался и сам Поезд! Я очень испугался. Дома, когда я иногда слышал такой шум и мне говорили, что это Поезд, я всегда думал: вот, тяжело ступая, идут каменные люди. Но шум Поезда куда громче, если ты рядом. Поезд испускал клубы дыма и был похож на сцепленные друг с другом движущиеся дома. На одной из его частей, которая больше была похожа на большую тележку, сидел человек в красной шляпе, который помахал нам рукой. Я рукой махать в ответ не стал, потому что обеими руками держался за тетку и Мака. Я был очень взволнован. Подарок сказала, что это и есть Поезд и он везет вино для жителей Амаранта. Все сойки на том холме разом умолкли, когда Поезд подошел ближе, и утки тоже все поднялись в воздух с берегов Реки, так что вокруг стало темнее и я даже почувствовал их запах. Этот Поезд держал путь на юго-восток, и скоро он прошел мимо. Мы встали и вышли на заросшую чертополохом тропу, которая привела нас к Старому Озеру. Там мы с моим двоюродным братом стали жить и ловить рыбу. А через четыре дня вернулись домой и принесли свой улов. Хейя Дому Змеевика!

ОНА СЛУШАЕТ

Подарено хейимас Змеевика в Синшане обитательницей дома Чимбам по имени Она Слушает

Луна ничего особенного в своей жизни не видела, и не слишком часто ходила в хейимас, и не пела песни Общества Крови, и не вела бесед со старыми людьми. Однажды она отправилась на принадлежавший ее семейству участок для сбора полезных растений на Черной Гряде близ Хиру, чтобы собрать там кое-какие семена. Она очень устала, работая на солнцепеке, и поднялась повыше в заросли карликового дуба, чтобы прилечь там и немного поспать. Она улеглась на небольшой полянке, где рядом не было ни одного ядовитого дубка, под большим земляничным деревом с пятью стволами. Вдруг кузнечики все разом смолкли. Нигде не было слышно ни звука. Она даже подумала, что начинается землетрясение, и села. Глядь, а напротив стоит какая-то женщина, вся левая сторона которой, с головы и до пят, золотисто-красного цвета, а по правой стороне ее тела вьются какие-то черные перекрученные полосы, и правая нога у нее черная, сухая и без стопы. Женщина

Манзанита

стояла и смотрела на Луну одним здоровым, ясным глазом и одним сожженным. Потом сказала: «Снимай-ка одежду!» Девушка заплакала. «Посмотри-ка на себя, ты вся целая, мягкая и совершенно живая!» — упрекнула ее Женщина Земляничного Дерева. Девушка попыталась спрятаться от нее, закопавшись в кучу листьев земляничного дерева. «Ты глупая и, чтобы стать мудрее, должна сперва выйти замуж», — сказала Женщина, взяла своей красной рукой живую ветку земляничного дерева и ударила ею девушку наискось по грудям так, что остались полосы, а потом своей почерневшей рукой взяла сухую ветку и ударила ею девушку поперек живота так, что пошла кровь. Потом она отвернулась от Луны и сама стала ветвями дерева и небом. Луна плача отползла подальше и бросилась вниз по горной дороге, прихватив свою корзинку с семенами. Когда она пришла домой, в Синшан, мать ее, сидевшая на балконе, спросила: «Что это с тобой случилось, дочка?» Но девушка стояла и молча плакала. Мать и говорит ей: «Видно, ты побывала там, куда должна пойти я. Ну что ж, придется мне пойти. Сердце мое совсем никуда не годится, и пора мне умирать. Я не могла тебе этого раньше сказать, но теперь вижу: ты сумеешь меня услышать и понять. Наверное, ты встретила кого-то из обитателей Четырех Домов. Наверное, кто-то из них заговорил с тобой».

Девушка сказала: «Это была душа Земляничного Дерева. Но она ничего про тебя не говорила. Она велела мне выйти замуж».

Мать Луны сказала: «То же самое и я тебе говорю».

Но девушка все продолжала плакать, а мать ее утешала.

Вскоре после этого молодой человек по имени Виноградная Лоза из Дома Желтого Кирпича переселился к ним в дом и стал там жить. Они с Луной поженились во время Танца Вселенной. Тогда мать девушки была еще вполне здорова, но потом стала быстро слабеть и умерла через девять дней после Танца Луны. И тогда ее имя перешло к дочери. Имя ее было Она Слышает.

Хея земляничное дерево
Хея земляничное дерево
Хея земляничное дерево
Хея земляничное дерево.

ДЖУНКО

*Передано в хейимас Желтого Кирпича
в Чукулмасе Джунко из Черепичного дома*

Он не желал разговаривать с камнями или бродить по следам пумы, когда на двадцатом году жизни поднялся на Гору-Праородительницу. Этого молодого человека звали Сматрящий На Солнце, а потом он стал тем стариком, что теперь пишет эту историю.

Он не делал никаких подношений, когда покидал Вакваху по верхней дороге, и не остановился, чтобы спеть вслух или про себя у Истоков Великой Реки. Он не попросил ни оленя, ни медведя, ни большой дуб, ни ядовитый дубок, ни ястреба, ни змею помочь ему или дать совет. Он не попросил помочи даже у Горы-Праородительницы. Он вскарабкался прямо на вершину и отправился к северо-западному хребту. Дул сильный ветер.

Он построил там дом: нарисовал на земле камнем его очертания и, стоя внутри этого нарисованного дома, громко сказал: «Мне не нужны ни живые существа, ни их души, ни их формы, ни их слова. Мне нужна вечная истина. Я сделаю все, что должен для этого сделать, я буду поститься, я принесу любое жертвоприношение, я отдаю даже свою жизнь, если смогу хотя бы перед смертью увидеть то, что лежит за пределами жизни и смерти, за пределами слова и формы, за пределами всего сущего — познать вечную истину».

Дул ветер, светило солнце. Молодой человек начал свой великий пост. Четыре дня и четыре ночи он стоял там, в нарисованном доме. Но это было только начало.

Канюк чертил в небесах свои круги, скалы готовы были поведать юноше свою историю, травы молчаливо обступали его — все они были там, но их слова были ему не интересны, ему нужна была лишь вечная истина.

На пятый день он спустился вниз, чтобы напиться и набрать воды у Источника Легкое Перо. Он напился и наполнил водой глиняный кувшин, который был кем-

то оставлен в дар ручью, а потом пошел обратно на вершину — стоять в своем доме из начерченных на земле линий. В течение трех дней он отпивал по несколько глотков в день из того кувшина. На четвертый день вода кончилась, да и ноги его больше уж не держали. Но он остался на вершине, в своем нарисованном доме, только опустился на четвереньки и повторял про себя: «Я отдаю даже свою жизнь, только дайте мне узнать вечную истину».

Люди из Ваквахи принесли ему воды. Люди из его Дома пришли и сказали ему, что этот его поступок — жестокая ошибка. Одна женщина из Ваквахи, из Дома Желтого Кирпича сказала ему: «Неужели ты думаешь, что стал выше самой горы только потому, что стоишь на ее вершине?» Она оставила ему миску с едой, но он к еде и не прикоснулся. Только напился воды, когда люди наконец ушли. Напившись, он почувствовал только еще большую слабость. Он даже не мог стоять на четвереньках. Он лег, но стоило ему лечь, как к нему явились сны. Он не хотел, чтобы они ему снились. Он тщетно боролся со сном и все повторял мысленно: «Дайте мне познать вечную истину, я отдаю свою жизнь».

Потом он вдруг стал слышать свое имя, кто-то звал его: «Смотрящий На Солнце! Смотрящий На Солнце!»

Это имя дали ему другие люди; он не сам выбрал его. А теперь, решил он, надо сделать то, что говорит это имя. И поднял глаза к небесам — стал смотреть на солнце.

Стояло полное безветрие, на небе не было ни облачка. А он все смотрел и смотрел на сияющее солнце, пока перед глазами у него не начали вертеться колеса — и черные, и очень яркие. Колеса переплетались, вращались одно в другом, и вокруг Солнца, и вокруг Вселенной, и все еще продолжали вращаться, когда он наконец отвел от солнца свой взгляд.

Какая-то сойка забрела внутрь нарисованного на земле дома и сказала: «Так ты сожжешь себе глаза».

Смотрящий На Солнце ответил: «Я сделаю то, что должен сделать».

И продолжал смотреть на солнце. Он чувствовал себя очень плохо, и, когда солнце село и повсюду спустилась

тьма, во тьме он по-прежнему видел яркие колеса и черные колеса, вращавшиеся вокруг него повсюду.

Сова подлетела к нему совсем близко и несколько раз проухала: «Ты ослепнешь!»

Молодой человек попытался заплакать, но слезы выжгло из его глаз, и он пополз по земле среди вращающихся колес, плача громко, но без слез. Все живое вокруг принялось уговаривать его: «Ступай вниз, сейчас же ступай вниз!» Он чувствовал даже, что Гора-Праородительница передергивается — так лошадь подергивает шкурой, стараясь согнать надоевшую муху. Он чувствовал, как земля под ним тоже вращается подобно колесу. Когда начало светать, он понял, что еще видит, и на четвереньках немного спустился вниз по склону горы. Он напился из Источника Легкое Перо и передохнул там. После этого силы частично к нему вернулись, и он

смог идти на двух ногах. Он слышал, что все живое вокруг повторяет ему: «Ступай вниз!», и он пошел вниз, в Вакваху, и по-прежнему все живое вокруг твердило: «Ступай вниз! Спускайся еще ниже!» Он спустился по берегу Реки На до самой Кастохи, но и там все время слышал: «Ступай вниз!» Он не понимал, куда еще ниже можно пойти, пока не вспомнил о пещерах в Кестеце. Он узнал о них, будучи виноторговцем, и пошел туда по старой дороге. Он добрался до пещер, вошел внутрь, миновал винные склады, устроенные там, и двинулся дальше: там, в темноте из скалы били ледяные ключи. Туда совсем не проникал солнечный свет, но он видел, как даже здесь, под землей все вертятся и вертятся те яркие колеса. И он начал танцевать там, притопывая и подпрыгивая. Кровь текла у него из носа и из глаз, а он танцевал и выкрикивал: «Дайте же мне познать вечную истину!»

И тут какой-то человек принял танцевать с ним вместе. И хотя вокруг было совершенно темно, Смотрящий На Солнце хорошо видел этого человека, и обликом своим тот не походил ни на кого из известных ему людей — ни на мужчину, ни на женщину. И этот человек спросил, танцуя: «А ты знаешь достаточно, чтобы тебе открыли вечную истину?»

Смотрящий На Солнце ответил: «Я внимательно запоминал все то, чему меня учили, я знаю все песни, я с детства хранил чистоту и никогда не знал женщины, я много постился, я танцевал священные танцы, я принес много даров, я отдал все!»

«Да, да, да, да», — сказал тот человек, танцуя. Голос его становился все выше, все тоньше, и сам он все уменьшался, но продолжал танцевать. Смотрящий На Солнце не мог теперь видеть ясно, но было похоже, что тот человек все уменьшается и уменьшается, танцуя, пока наконец не превратился в кого-то вроде мыши или большого паука, и это существо тут же убежало прочь, во тьму более мелких дальних пещер.

Люди из Цеха Виноделов тогда вошли в пещеры и окружили Смотрящего На Солнце, а потом все вместе вынесли его наружу. Сам он идти не мог. Ему дали

напиться — сперва воды, а потом молока, потом дали ему съесть немного мякоти абрикосов. Когда он попил и поел, его отвезли на тележке для сена в Чукулмас в дом его матери и оставили там до выздоровления.

Но вечером он встал, вышел из материного дома и пошел прочь из города на охотничью сторону горы. Он зашел так далеко, как только сумел. Оказавшись в весьма уединенном месте — в одном из боковых ущелий Каньона Синего Ручья, он разорвал свою рубашку, связал из нее веревку и привязал себя к сосне так, что мог только стоять, прислонившись спиной к дереву. И он сказал: «А теперь я умру здесь от голода и жажды, если мне не будет дарована возможность хоть мимолетно познать вечную истину».

И он еще несколько раз повторил это обещание и повторял его всю ночь.

Когда занялся день, он заметил, как кто-то поднимается к нему со дна каньона среди зарослей карликового дуба и сосен. Его обожженные солнцем глаза все еще видели неясно, да и в ущелье было темновато. Он решил, что это кто-то из города идет, чтобы отыскать его и заставить прекратить голодовку, так что громко крикнул: «Эй! Не ходи сюда! Ступай назад!»

Человек остановился внизу у ручья, потом повернулся и пошел прочь. И тогда молодой человек подумал, что это ведь мог быть и кто-то из Четырех Домов, несший то, о чем он просил, и он что было сил крикнул: «Вернись! Пожалуйста, вернись!» Но тот человек уже ушел.

Привязанный к дереву, Смотрящий На Солнце сказал: «Ну вот, теперь я скоро умру».

И тут же перед ним возник яркий человек, прозрачный как стекло и весь светящийся. Светящийся человек заговорил с ним: «Возьми мой дар!» Даже его голос, казалось, звенел и сверкал, но сам человек мгновенно исчез. Смотрящий На Солнце стоял и ждал в тишине. Воздух был неподвижен. Небо закрыли тучи, и повсюду разливался ровный свет. Царила мертвая тишина. Ничто не двигалось. Ничего не происходило. Только джунко пролетел меж двух сосен и уселся на ветку. Молодой

человек ждал обещанного дара и вечной истины. Вскоре сойки вновь начали ругаться и вопить на верхушке той сосны, к которой он привязал себя. Но он все ждал. Пощел дождь.

Когда капли дождя упали ему на волосы, на лицо и на плечи, Сматрящий На Солнце понял, что больше ничего не случится, что именно это и должно было произойти, рассердился и решил: «Тогда я так и буду стоять, пока не умру». Он наклонил голову, чтобы дождь не смачивал ему губы, и остался там, привязанный к дереву.

Упало еще несколько крупных дождевых капель, и дождь прекратился, а через какое-то время выглянуло солнце. В тот день упрямый молодой человек ослеп окончательно. Через некоторое время его родственники и люди из его Дома, которые давно уже искали Сматрящего На Солнце, наконец его нашли. Он был уже еле жив и долго еще пребывал в беспамятстве, пока им занимались Целители. Потом он вновь постепенно обрел память, силы стали возвращаться к нему, однако лечение его продолжалось до самой зимы. Целители вернули его к жизни, только вот прежней остроты зрения вернуть ему не смогли. (Так что теперь я могу видеть все только сбоку. А прямо перед собой ничего не вижу.)

Сматрящий На Солнце женился на Цветке Сливы из Дома Обсидиана и поселился с ней в доме под назва-

нием Построенный Слишком Быстро. У них родились дочь и сын. Смотрящий На Солнце продолжал работать в Цехе Виноделов и еще пел в Обществе Целителей. Прошлой зимой его жена умерла. С тех пор мое имя Джунко.

СВЕТЛАЯ ПУСТОТА ВЕТРА

Рассказано Кулкунной из Дома Красного Кирпича (Телина)

Тридцать лет назад, как мне говорили, некая болезнь, что таилась во мне издавна, стала усиливаться, отнимая у меня разум, вызывая конвульсии, заставляя сердце биться с перебоями и останавливая дыхание. Об этом я сам почти ничего не помню, но хорошо помню, что случилось в итоге.

Я оказался внутри темного дома странной формы и не разделенного на комнаты. Стены дома были такими тонкими, что ветер и дождь проникали сквозь них. Я стоял посреди этого дома. Высоко под самой крышей в стенах было что-то вроде узеньких, маленьких, тусклых окошечек. Я ничего не мог разглядеть сквозь них. Мне очень хотелось увидеть, что там снаружи, узнать, в какой части города находится этот дом, и я сердито спросил вслух: «Интересно, как здесь пройти к двери? Где здесь дверь?» Ощупью продвигаясь вдоль стен, я нашел дверь и приоткрыл ее.

И тут же сильный ветер резко, с грохотом распахнул ее настежь, и весь дом содрогнулся у меня за спиной, словно пустой бычий пузырь. Теперь я стоял на какой-то огромной, залитой ярким светом площади, где свирепствовал ветер. Под ногами у меня тоже были только свет и ветер, и лишь сила ветра держала меня в воздухе.

Как только я это увидел, я подумал, что непременно упаду, если не найду какой-нибудь опоры ногам; и я действительно начал падать. Я искал хоть что-нибудь, на что можно было бы поставить ногу или зацепиться рукой, но там не было ничего, на этом ветру. Я падал, и мне было очень страшно. Я в ужасе зажмурился, но это

не помогло: тьмы там не было вовсе. Я падал, и ничего невозможного было сделать. Я падал, как перышко падает из крыла пролетевшей птицы. Ветер нес меня, и я падал, кружась. Я был как перышко. Пожалуй, и бояться мне не стоило.

Как только я это понял, в меня сразу проникло все величие ветра, ясность окружавшего меня света и радость.

Но вместе с осознанием этого я ощутил какое-то неведомое течение, которое тащило меня куда-то все сильнее и сильнее. Ясный свет вокруг померк, стало темнеть и совсем стемнело; ветер стал слабее, тише, превратившись в звуки, дыхание, голоса.

Потом я снова почувствовал, что дышу сам, собственным носом и ртом, слышу собственными ушами, ощущаю собственной кожей, живу благодаря ударам собственного сердца. Некоторое время, правда, я еще не мог по-настоящему видеть и видел все лишь глазами своей души, понимая, что мои чувства могут воспринимать только самих себя, что весь мир вокруг — это они сами, они его создали, отбрасывая тени на ясную пустоту ветра. Я понял, что жизнь — это когда тебя поймают среди этих теней руки света. Я не хотел возвращаться. Но искусство Целителей заставило меня вернуться, они тащили меня, и их пение позвало меня назад, позвало меня домой. Я открыл глаза и увидел старика по имени Черный Папоротник из Общества Черного Кирпича, который сидел возле меня и пел. Голос у него был тонкий и сиплый. Он смотрел прямо мне в глаза и пел:

Иди же, пора, иди вперед.
Иди к нам, пора,
Пора к нам вернуться.

Я понял, что пора мне снова начать ходить по этой земле и не возвращаться больше в тот светящийся мир. И вот с сожалением и болью, с трудом, ценой огромных усилий, в точности как говорится в Песне Сожжения, которую поют во время Ухода На Запад и погребения:

Тяжело, тяжело.
Нелегко.
Но ты должен вернуться туда.

В точности так я стал своим прахом, золою. Я снова стал своим темным телом вместе с сидящей в нем болезнью.

В течение многих дней и ночей я был совершенно беспомощен, но когда наконец выздоровел, то стал значительно сильнее, чем когда-либо до этого, и, благодаря строгой диете и специальным занятиям, так с тех пор и остался в добром здравии.

Я много дней провел в постели под присмотром врачей, прежде чем решился спросить: почему нигде не видно Черного Папоротника, но, только сказав его имя вслух, вспомнил, что этот старик давно уже умер, еще когда я был совсем ребенком.

Когда Целители вылечили меня окончательно, я стал учиться, стремясь тоже стать врачом. Тем, кто передал мне все свои знания и песни, я дарю песню, которую Черный Папоротник подарил мне, призывая меня вернуться из того мира света и ветра лет тридцать назад. Эта песня хорошо помогала при лечении людей, пребывавших в состоянии шока, а также при кризисных состояниях, вызванных лихорадкой.

БЕЛОЕ ДЕРЕВО

*Автор: Танец Овцы из Дома Обсидиана
(Синшан)*

Он родился в Доме Желтого Кирпича в самом начале сезона дождей. Мать его жила в Синшане, в доме На Вершине Холма. Это тогда был совсем новый дом; мать, бабушка и тетка этого человека, а также их мужья строили дом целый год и окончили как раз перед тем, как человек тот появился на свет. Его первое имя было Двадцать Один День.

Характер у него был мягкий, но довольно замкнутый, ум живой и серьезный. А разговоры разговаривать попусту он не слишком любил.

Он был хорошо образован — учился как у себя в семье, так и в своей хейимас, участвовал во всех церемониях своего Дома, а потом, в тринадцать лет, вступил в

Общество Сажальщиков и, годом позже, когда надел некрашеные одежды, в Общество Благородного Лавра. В юности он изучал искусство выращивания плодовых деревьев под руководством брата своей матери, ученого из Общества Сажальщиков из Дома Желтого Кирпича, а еще он учился у самих садовых деревьев всех сортов.

Когда ему исполнилось девятнадцать лет, он поднялся на гору в Вакваху на Танец Солнца. Он жил там в хейимас Желтого Кирпича, учился и пел до самого Танца Вселенной. После этого он в одиночку совершил восхождение на Гору-Праородительницу.

Вернувшись из этого похода, он перебрался в Кастоху, где поселился у своих родственников по Дому, изучая искусство садоводства, ибо сады Кастохи славились всюду как самые плодоносные и красивые. Вскоре он принял свое среднее имя Ясная Погода и надел рубаху из крашеного полотна — перешел жить в дом к женщины из Дома Змеевика. Ее звали Холм, и была она из дома На Холме, что в Кастохе. Она была лесником и занималась в основном теми дубами, древесина которых идет у плотников на отделку и для особо тонкой работы. Несколько лет муж трудился с нею вместе, разыскивая, отбирая, срубая и сажая новые дубы. И присоединился к ее Цеху.

Но каждый раз, возвращаясь из очередной экспедиции в Кастоху, он продолжал работу над скрещиванием различных сортов груш. В те времена ни один из сортов груш в Долине не был достаточно хорош: они становились жертвами гусениц, им требовался особый режим полива, иначе деревья чувствовали себя плохо и неважно плодоносили. Чтобы добыть различные саженцы, он ходил с Искателями на Чистое Озеро и в долину Долгий Звук, спрашивал совета у жителей северных районов через ПОИ. Несколько саженцев ему прислали из садов, что расположены у Реки В Сорок Рукавов, далеко на севере; эти саженцы ему привезли торговцы, которые были родом из тех мест и занимались тем, что обменивали копченого лосося на вино. Путем скрещивания северных груш с местной дикой грушей, которую он отыскал где-то в дубовых рощах между Кастохой и Чу-

кулмасом, ему в итоге удалось вывести невысокое крепкое и очень засухоустойчивое дерево с отличными плодами, и он вернулся в Синшан, чтобы посадить там несколько таких груш. Теперь они известны всем: это та самая коричневая груша, что растет в большинстве садов Долины, и люди называют ее груша Ясной Погоды.

Все те годы, что он путешествовал, а Холм многое времени проводила в лесах, они подолгу не жили вместе. У них не было общих детей. Через какое-то время Холм решила совсем прекратить семейную жизнь, перестала вести хозяйство, оставила дом и превратилась в настоящую лесную женщину. Ясная Погода тогда перешел жить в дом другой женщины из Дома Обсидиана по имени Черная Овца. Она тоже жила в Кастохе, в доме Сорочьем. У нее уже была дочка. Потом у них с Ясной Погодой родился общий сын.

Ясная Погода начал изучать яблони из садов Верхней Долины, работая над скрещиванием сортов и пытаясь помочь горным яблоням противостоять болезни, от которой у них свертывались листья. Он также в течение многих лет серьезно занимался изучением почв в предгорьях, присматриваясь, где и какие деревья лучше растут. Но как раз когда его работа была в самом разгаре, Черная Овца стала прихварывать, у нее сильно ослабел слух, а потом и зрение.

Они переехали из дома ее матери вместе с дочерью и сыном в Синшан, где несколько лет прожили в Старом Красном доме. Они трудились вместе с местными Целителями, и Черная Овца училась, как нужно быть большой, а Ясная Погода — как заботиться о ней, когда ей необходима будет его помощь. Он работал садовником и принимал участие во всех церемониях своего Дома и всех Цехов и Обществ, членами которых являлся. Продолжать изучение почв предгорий он, к сожалению, больше не мог. Черная Овца еще девять лет прожила, жестоко страдая, став глухой и слепой.

Когда она умерла, ее дочь вернулась в дом своей бабушки в Кастоху. Ясная Погода с сыном жили вместе с одним семейством из Дома Желтого Кирпича. В это время он как раз получил свое последнее имя, данное

ему членами Общества Сажальщиков во время Танца Вина: Белое Дерево. Он продолжал работать в садах Синшана, сажал деревья, ухаживал за ними, обрезал сучья, подчищал и удобрял землю, собирал плоды и отбирал лучшие саженцы. Он стал членом Общества Зеленых Клоунов и танцевал Танец Вина, и Танец Вселенной, и Танец Луны, пока ему не исполнился восемьдесят один год. Он умер от воспаления легких, поработав под дождем в сливовых садах Синшана.

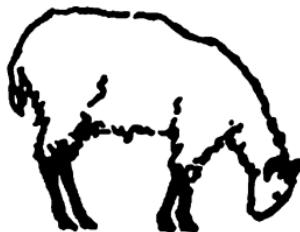
Белое Дерево был отцом моего отца. Это был добрый и молчаливый старик. Я пишу это для библиотеки, при надлежащей его хейимас в Синшане, и сделаю еще одну копию для библиотеки его хейимас в Кастохе, чтобы Белое Дерево еще хоть какое-то время вспоминали добром, когда сажают грушевые деревья или хвалят наши сады.

Примечание переводчика:

с. 22. ...изучал искусство выращивания плодовых деревьев под руководством брата своей матери... а еще он учился у самих садовых деревьев всех сортов.

Мы, пожалуй, скорее скажем, что он учился у своего дяди тому, как надо ухаживать за садовыми деревьями; однако это будет не совсем точный перевод повторяющегося суффикса -ауд со значением «с, вместе с». Таким образом, учиться «вместе с» (дядей и деревьями в данном случае) — это не просто передача неких сведений кем-то кому-то, но некие отношения, скорее похожие на родство, ибо они считаются взаимными. Подобная точка зрения кажется безнадежно противоречащей определениям субъекта и объекта, принятым в науке. Тем не менее оказывается, что генетические эксперименты и опыты Белого Дерева были технически весьма искусны и что он был достаточно сведущ также и в теории. Совершенно определенно он достиг именно тех результатов, к которым стремился, и полученный в итоге сорт плодового дерева получил его имя: типичный случай контроля Человека над Природой. Это выражение, впрочем, невозможно перевести на язык кеш, в котором нет ни одного слова со значением «природа», но в разговоре о ней используется местоимение «она», обозначающее живое существо женского рода. Так или иначе, народ Кеш воспринимал грушу, выведенную Ясной Погодой, как результат сотруд-

ничества человека и нескольких грушевых деревьев. Такая разница в восприятии представляется достаточно интересной, а отсутствие заглавных букв, возможно, не совсем обычным.

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЕГО РЕБЕНКА

*Рассказано Пятнистым Козлом из Дома
Обсидиана (Мадидину)*

Моя мать не собиралась беременеть мной,
она была слишком ленива, чтобы сделать аборт,
и мое первое имя было Неосторожность.

Она была из Дома Обсидиана,
из города Мадидину,
а дом ее назывался Пятнистые Камни.
Жители Мадидину похожи на гравий,
похожи на песок,
похожи на бедную почву.

Отец мой был из Дома Синей Глины,
он жил в Синшане,
в семействе своей матери.
Жители Синшана похожи на чертополох,
похожи на крапиву,
похожи на ядовитый дубок.

Муж моей матери тоже был из Дома Синей Глины,
он жил в Мадидину,
в ее семействе.

Я человек никому не нужный,
никудышный,
с маленькой душою.

Я не учился как следует танцевать,
или как следует петь,
или как следует писать.

Я не люблю возделывать землю,
я никаким мастерством не владею,
животные бегут от меня прочь.

Мои старшие сестра и брат были сильнее меня
и никогда меня не ждали,
никогда ничему меня не учили.

Муж моей матери был их отцом,
но любил и привечал только их,
а меня никогда даже не учил ничему.

Мать моей матери была со мной нетерпелива,
она считала, что мне не следовало рождаться,
она говорила, что меня и учить-то не стоит.

Я никогда не танцевал ни одну вакву,
пока мне не исполнилось тринадцать.

Никто в нашей хейимас не желал научить меня
песням,
никто не желал научить меня танцам.

В четырнадцать я надел некрашеные одежды,
и люди из Дома Синей Глины из Синшана взяли
меня

в Путешествие За Солью,
но мне никаких видений не являлось.

Когда мне исполнилось пятнадцать,
ко мне все время стала приставать одна девчонка
из Дома Синей Глины и все вокруг слонялась.
Она заставила меня пойти Во Внутренние Земли
с нею.

И забеременела.

Мы поженились,
но у нее случился выкидыш.

Она сложила мои вещи за порогом,
пришлось мне возвращаться в дом матери своей.

Я был там никому не нужен,
мне приходилось целый день работать на поле,
помогая мужу матери моей,
помогая матери своей на электростанции,
помогая своей бабке, которая лечила животных.

Была там девушка в некрашеных одеждах из Дома Змеевика,
и я все время за нею увивался,
пока она со мной Во Внутренние Земли не сходила.
Ее родители не разрешили нам жить в их доме,
сказали, она слишком молода для брака,
сказали, я им там не нужен.
Тогда мы с ней отправились в Телину
и стали жить с одной семьей из Дома Змеевика,
работая там, где придется.

Люди в Телине — как мухи,
они — как москиты,
они — как оводы.
Считают себя великодушными, раз живут
в большой Телине,
считают себя важными, раз там бывают большие
танцы,
считают себя всезнайками, раз там большие
хейимас.
Они уверены, что все делают правильно,
а другие люди невежественны
и должны поступать по их указке.

Я там все время с кем-нибудь ссорился,
и эти люди ссорились со мною,
а молодые люди сами задирались
и делали мне больно.
Меня сбивали с ног,
мне выбили и расшатали зубы.
Они вели нечестную борьбу,
и я взялся за нож,
и брюхо одному из них вспорол.

Тогда они ужасно расшумелись,
меня обратно в Мадидину отослали,
и девушку мою прогнали тоже.
Она вернулась к матери своей,
а я к своей — не стал.

Ушел я в нашу хижину в горах.
Там было холодно,
там было одиноко,
все время шли дожди.
И там я заболел,
я простудился сильно, горел в жару,
и чуть я в одиночестве не умер.
Потом отправился в Синшан.
Мать моего отца взяла меня к себе,
и я остался в доме На Вершине Холма.
Они твердили мне, чтоб вел себя разумно,
что следовало больше мне учиться,
что нужно осмотрительнее быть.

Ловить мы рыбу часто уходили в устье На,
в соленые болота и рукава ее,
но мы поймать умели мало на этих топких
берегах.

И местные сказали, что липну я к одной девчонке,
а было все как раз наоборот,
она все время рядышком болталась.
Пошел я раз к Реке,
но та девчонка потащилась следом
и там со мной Во Внутренние Земли вошла.

Хотели мы остаться в Унмалине,
но тамошние жители сказали,
что эта девушка для брака не созрела,
ей следует домой немедленно вернуться,
то есть в Синшан.
А в Синшане люди полны злобы,
во все суют свой нос
и чересчур провинциальны.
Они все время докучали нам
и даже в Унмалине,
а в итоге из Дома Синей Глины люди пришли
и увели ее обратно в Синшан,
я же в Тачас отправился.

Мне в Тачас Тучас печально было,
там у меня ни дома, ни семьи,
и никого, кто был бы другом мне.
А люди там — ну точно скорпионы,
иль на гремучих змей похожи,
или на страшных ядовитых пауков.
Какая-то старуха из Дома Красного Кирпича
все время ко мне липла в этом Тачас Тучас
и поселила меня в своем доме,
заставила меня на ней жениться.
Я там долго прожил,
не покладая рук работал для той старухи
и ее семьи я целых десять лет.
А дочь старухи была взрослой,
и у нее своя уж дочка подрастала,
и эта девушка в меня влюбилась,
живя все там же, в доме своей бабки
и ни на миг меня не оставляя.
Она заставила меня заняться с ней любовью.
Она сказала матери и бабушке об этом,
она в хейимас обо всем сказала,
и городу всему стало известно.
Меня там люди просто застыдили,
стараясь оскорбить меня, унизить,
в итоге же они меня прогнали.
Никто из Тачас Тучас мне не верил,
никто в свой дом не брал,
никто не стал мне другом.
Нет смысла города менять и дальше —
они все одинаковы,
и люди всюду тоже.
Себялюбивые, жестокие и маленькие души
у тех, кто порожден людьми.
Отныне буду жить я в Мадидину,
где я никому не нужен,
где мне никто не верит,
где никто меня не любит,
Я стану жить здесь в материнском доме,
где нет мне места, где мне жить противно
и где никто не хочет, чтоб я оставался.

И буду делать ту работу, которая мне не по нраву.
Я стану жить здесь, чтоб еще лет девять их злить,
потом еще лет девять
и еще лет девять.

СОБАКА У ДВЕРЕЙ

Запись сновидения; подарено хейимас Красного Кирпича в Ваквахе, но не подписано

Я оказался в городе, который, безусловно, принадлежал Долине, однако не был ни одним из девяти известных ее городов. Место было совершенно мне незнакомое. Я точно знал, что живу в одном из домов этого города, но никак не мог его отыскать. Я сходил сперва на городскую площадь, потом на площадь для танцев, потом решил, что мне следует зайти в хейимас Красного Кирпича. Площадь для танцев окружало не пять хейимас, а только четыре, и я не знал, которая из них моя. Я спросил какого-то человека: «А где же у вас еще одна хейимас?» И он ответил: «У тебя за спиной». Я обернулся и между высокими крышами хейимас увидел убегавшую прочь собаку. Надо сказать, что все это мне снилось.

Проснувшись, я последовал за той собакой. И пришел к глубокому колодцу, обложеному по краю камнем. Я оперся руками о бортик, заглянул в колодец и увидел там небо. И я, оказавшись между двумя небесами — вверху и внизу, воскликнул: «Неужели всему этому должен когда-нибудь прийти конец?»

Ответ был таков: «Да, всему на свете должен прийти конец».

«Должен ли пасть мой город?»

«Он уже вот-вот падет».

«Должны ли быть забыты Великие Танцы?»

«Они уже забыты».

В воздухе потемнело, земля дрогнула, стены зашатались. Дома начали разрушаться, туча пыли скрыла горы и солнце, и ужасный холод пронизал воздух. Я вскричал: «Неужели мир на пороге своего конца?»

Ответ был таков: «У него нет конца».

«Но мой город разрушен!»

«Он уже вновь отстраивается».

«Но я должен умереть, а стало быть, забыть все, что я знал!»

«А ты помни».

Потом из тучи пыли вышла та собака и подошла ко мне, неся в пасти маленькую сумочку, сплетенную из травы.

В этой сумочке были души людей со всего света — маленькие, как семечки укропа, очень маленькие и черные.

Я взял сумочку и пошел дальше рядом с собакой. Когда небо начало светлеть и пыль в воздухе немного улеглась, я увидел, что горы, окружавшие нашу Долину, разрушены. Там, где они только что были, теперь раскинулась большая равнина. По этой равнине я и шел следом за собакой куда-то на северо-восток в толпе других людей, каждый из которых нес такую же сумочку, как у меня. В некоторых сумочках были семена, а в некоторых — маленькие камешки. Эти камешки терлись друг о друга и будто шептали: «Не ищи конца в конце. С нашей помощью построишь, с нашей помощью разрушишь». Разобрав, что они говорят, я, забывший прежде свой путь, вдруг вспомнил его и сразу вышел на берег Реки На, заросший ивами, и по берегу пришел в город Телину, а там — мимо хейимас Красного Кирпича прямо к своему родному дому. Но та собака уже оказалась у дверей дома, она рычала и скалила зубы, не давая мне войти.

МЕЧТАТЕЛЬНИЦА

*История жизни Дятла из Дома Змеевика
(Телина)*

Моя мать и тетка рассказывали, что когда я еще только начинала говорить, то часто беседовала с такими людьми, которых сами они ни видеть, ни слышать не могли, и, кроме того, я говорила то на нашем языке, то на каком-то совсем незнакомом. Я ничего об этом не помню, зато хорошо помню, что всегда удивлялась, когда родные утверждали, что, например, в той или иной комнате или в саду «никого нет», тогда как везде всегда было полно народу. Чаще всего эти люди вели себя тихо, занимались своими делами или просто шли мимо. Я уже догадывалась, что никто из окружающих с ними не заговаривает, да и сами они нечасто обращали на нас внимание и не всегда отвечали мне, когда я пыталась с ними поговорить; но мне и в голову не приходило, что другие люди их совсем не видят!

Однажды я здорово поспорила со своей двоюродной сестрой, когда та сказала, что в прачечной никого нет, а я отлично видела там несколько человек, которые что-то передавали друг другу и беззвучно смеялись, словно играя в какую-то забавную, веселую игру. Моя сестра была старше меня, и она сказала, что я все вру. Я заревела и попробовала изо всех сил пихнуть ее, чтобы она шлепнулась. Вот и сейчас я еще помню, какой меня тогда охватил гнев. Я ведь говорила о том, что видела собственными глазами, и даже подумать не могла, что она-то этих людей в прачечной не видит! Я решила, что она сама врет только для того, чтобы назвать врущкой меня. Долго еще жили во мне после этого гнев и стыд, и долго мне не хотелось даже смотреть на тех людей, которых все остальные не видят и даже не хотят о них говорить. Когда я этих людей замечала, то отворачивалась, пока они не уходили. Раньше я считала, что все это мои родственники, что все они из нашей семьи, так что видеть их мне было приятно и весело; но теперь я почувствовала, что доверять им нельзя, раз они навлекают на мою голову такие неприятности. Конечно, я

переворачивала все с ног на голову, но тогда рядом не нашлось никого, кто мог бы это мне как следует объяснить. Семья моя вообще не слишком склонна была к размышлению и рассуждениям на подобные темы, а я, кроме школы, бывала только в нашей хейимас, да и то только летом, перед началом игр.

Когда я стала отворачиваться от тех людей, которых часто видела раньше, они почти все ушли и больше не приходили. Осталось только несколько, и я почувствовала себя одинокой.

Я любила проводить время со своим отцом, Оливой из Дома Желтого Кирпича; это был человек немногословный, очень осторожный в своих мыслях и словах, мягкий и незлобивый. Он занимался починкой и приведением в порядок солнечных батарей и генераторов, проводки и электроприборов в домах и хозяйственных постройках. Вся его работа была связана с Цехом Мельников. Он не возражал, когда я увязывалась за ним, если я вела себя тихо, так что я ходила с ним повсюду, стараясь держаться подальше от нашего шумного,ечно занятого семейства. Когда отец заметил, что меня интересует его ремесло, то начал учить меня. Матери мои особого энтузиазма по этому поводу не проявили: моя бабушка из Дома Змеевика была с самого начала недовольна тем, что получила в зятя Мельника, а моя мать всегда хотела, чтобы я занялась медициной. «Если уж у нее есть третий глаз, то и надо его использовать хорошенъко», — заявили они и послали меня учиться к Целителям на Белый Сернистый Источник. И хотя я там действительно очень многому научилась и учителя мне тоже нравились, но сама работа была не по душе. У меня не хватало терпения на все эти чужие болезни и несчастные случаи, порой кончавшиеся смертью; куда интереснее была та опасная, словно исполняющая страстный танец энергия, с которой работал мой отец. Я часто своими глазами видела мощные электрические токи, испытывая при этом всплеск эмоций, мне слышались звуки нежной и тихой музыки, а еще — чьи-то голоса, которые пели и говорили где-то вдали, так что понять их было трудно; все это происходило, когда я работала с солнечными

батареями и электрическими проводами. Отцу я об этом не говорила. Если и он тоже слышал или чувствовал что-либо подобное, то предпочитал помалкивать, храня свои чувства вне Дома слов.

Детство мое было таким же, как и у всех, разве что я училась в Обществе Целителей, работала вместе с отцом и любила бывать одна; и еще, возможно, я меньше остальных своих сверстников любила детские шумные игры. Кроме того, хотя я обошла всю Телину вместе с отцом и знала там все улицы, проходы и дома, мы никогда из города никуда не уходили. Летней хижины у моей семьи не было, и никто из моих родственников никогда даже просто так не поднимался в горы. «К чему покидать Телину? — говорила в таких случаях моя бабушка. — Здесь же есть все!» И правда, летом в городе было очень приятно, даже когда стояла жара; люди по большей части перебирались в горы, так что в прачечной было мало народу, а опустевшие дома приобретали совершенно иной, загадочный облик, и все улицы, сады и площади были пустынны, окутаны ленью и тишиной. И всегда именно летом, чаще в самый разгар жары, в полдень, я видела тех людей: они брели по Телине, поднимались вверх по течению Реки... Их трудно описать,

и я понятия не имею, кто они были такие. Небольшого роста, они ступали по земле почти бесшумно, шли гуськом или по три-четыре человека, друг за другом; кожа на руках и ногах у них была гладкой и нежной, лица — округлые, покрытые какими-то линиями или метками, нарисованными возле губ или на подбородке; глаза у всех были узкие и иногда казались распухшими и воспаленными, словно они чересчур много курили или пла-кали. Они всегда очень тихо шли по городу, не глядя по сторонам и не говоря ни слова, а потом поднимались вверх по течению Реки. Когда я их видела, то всегда произносила четыре Главные Хейи. Сердце мое сжималось, когда они уходили в молчании. Они казались такими далекими и шли, окутанные печалью.

Когда мне было уже почти двенадцать, моя двоюродная сестра прошла обряд и надела одежды из некрашеного полотна. По этому поводу наша семья устроила пышное празднество, раздарив при этом множество самых различных вещей, о существовании которых я даже и не подозревала. На следующий год наступил мой че-ред, и мы снова устроили большой праздник, хотя по-дарки были не такими щедрыми, потому что теперь у нас осталось уже не так много. Я вступила в Общество Крови как раз перед Танцем Луны, а праздник в мою честь был устроен во время Летних Танцев. В самом его конце обычно бывали скачки и всякие игры на лошадях, потому что на эти Танцы к нам прибывали люди из Чукулмаса.

До этого я никогда даже не сидела на лошади. Те юноши и девушки, что участвовали в конных играх и скачках на стороне Телины, привели для меня спокойную кобылу и подсадили меня к ней на спину, вложив в руки поводья, а потом лошадь тронулась с места. Я чувствовала себя диким лебедем! То была радость в чистом виде, и я могла разделить ее со всеми остальными всадниками; нас всех объединяло замечательное ощущение праздника, общего возбуждения, вызванного играми и скачками, красотой и страстной силой лошадей, которые, наверное, считали, что праздник устроен специально для них. Та кобыла, например, за один день на-учила меня ездить верхом. И даже во сне мне снилось,

как я сижу у нее на спине, а на следующий день я снова ездила верхом и на третий день уже участвовала в скачках на годовалом жеребчике, принадлежавшем какому-то семейству из Чукулмаса. Мой жеребчик пришел вторым в том заезде, когда на нем ехала я, и первым, когда на нем был мальчик, что его вырастил. В течение всего этого шумного и яркого празднества, возбужденная скачками и окруженная друзьями, я как никогда радостно ощущала свое детство, но я уже покидала свой Дом, да и чересчур растерялась от того, что мне было сразу дано так много. Я отдала свое сердце тому рыжему жеребчику, на котором участвовала в скачках, и тому мальчику из Чукулмаса, который его вырастил и был мне братом по Дому Змеевика.

Все это было очень давно, и здесь совсем нет никакой его вины; он об этом даже и не узнал никогда. То, что пишу я, принадлежит мне одной; для себя одной я вспоминаю все это.

Итак, Летние игры в нашем городе закончились, и всадники умчались вниз по течению Реки в Мадидину и Унмалин; а я осталась — тринадцатилетняя, считающаяся теперь взрослой, но без коня.

Я стала носить одежду из некрашеного полотна, которую готовила для себя весь предшествующий год, и часто ходила в Общество Крови, разучивала там вместе с другими разные песни и мистерии. Те юноши, что так дружески отнеслись ко мне во время Летних игр, остались моими добрыми друзьями, и когда видели, что мне до смерти хочется покататься верхом, то давали мне какую-нибудь лошадку из своего хозяйства. Я научилась играть в ветулу и помогала ухаживать за лошадьми в конюшне и на Пастбище Полукопыта, которое находилось на северном склоне у Лунного Ручья, а еще одно пастбище было на холме под названием Толстая Бочка. Как-то раз я сказала в Обществе Целителей, что мне очень хотелось бы уметь лечить лошадей, и они послали меня учиться этому искусству у одного старика по имени Спорщик, который был великим ветеринаром, лечившим и лошадей, и всякий домашний скот. С животными он разговаривал, и они его понимали. Так что ничего удивительного, что он умел их лечить. Я все

время прислушивалась к нему. Он произносил какие-то древние слова, похожие на слова старинных песен, и еще он знал множество способов молчания и дыхания; то же самое за ним вслед делали и животные; но я никогда так и не смогла разобрать, что же они говорили.

Спорщик сказал мне однажды:

— Я на будущий год умру, примерно к Танцу Травы.

И я спросила:

— Откуда ты знаешь?

— Один бык мне сказал, — ответил он, — когда заметил вот это. Видишь? — И он вытянул перед собой обе руки, держа их неподвижно: по внешней их стороне то и дело пробегала едва заметная дрожь или слабые судороги, свойственные севай.

— Чем позже это начинается, тем дольше можно с этим прожить, — сказала я со знанием дела, поскольку училась в Обществе Целителей, но он мне ответил:

— Еще один Танец Вселенной, еще один Танец Вина — так мне сказал тот бык.

В другой раз я спросила Спорщика:

— Как же мне лечить лошадей, если я не умею с ними разговаривать? — Мне казалось, что я мало чему успела от него научиться.

— Ты и не сможешь. — ответил он. — По крайней мере так, как это делаю я. Да и зачем ты вообще здесь?

Я засмеялась и выкрикнула, как тот человек из пьесы:

Для чего я рожден?
В чем цель моей жизни?..
Ответьте мне сразу!
Ответьте немедля!

Я чуть с ума тогда не сошла. Я совершенно растерялась, я ничего не понимала, и все остальные занятия мне были безразличны.

Однажды, когда я явилась в хейимас Обсидиана на очередное песнопение Общества Крови, одна женщина по имени Молоко — я тогда считала ее старухой — встретила меня в дверях, посмотрела на меня своими одновременно острыми и какими-то подслеповатыми, как у змеи, глазами и сказала:

— А ты зачем сюда явилась?

Я ответила ей:

— Чтобы петь вместе со всеми, — и поспешила пройти мимо, но понимала, что спросила-то она вовсе не об этом.

Летом я отправилась вместе с танцорами и наездниками Телины в Чукулмас. Там я встретила того юношу, теперь уже молодого мужчину. Мы поговорили о рыжем жеребчике и о той белой лошадке, на которой я ездила во время игры в ветулу. Когда он погладил своего чалого по боку, я сделала то же самое, и наши руки ненадолго соприкоснулись.

Потом прошел еще год, и снова наступила пора Летних игр. Вот так оно и пошло: я ни о чем не думала и не заботилась, кроме Танца Лета и этих игр.

Старый лошадиный доктор умер в первую ночь Танца Травы. Я тогда ходила в Дом Воссоединения и учила песни Ухода На Запад; и потом спела их для него. После кремации я совершенно забросила все занятия. Я не могла разговаривать с животными или какими-нибудь другими существами. Я ничего не видела ясно в своем будущем и никого не слушалась. Я снова стала работать вместе с отцом, как прежде, а еще ездила верхом, ухаживала за лошадьми и тренировалась в игре в ветулу, чтобы иметь возможность участвовать в Летних играх. Моя двоюродная сестра была окружена целой толпой подружек, которые болтали, играли в кости на миндаль и печенье, а иногда — на колечки и сережки, и я тоже старалась быть с ними вместе почти каждый вечер, но не видела вокруг себя ни одного настоящего человека. Все комнаты казались мне совершенно пустыми. Никого не встречала я ни на площадях, ни в садах Телины. Никто, печался о чем-то, не брел вверх по течению Реки...

Когда солнце повернуло к югу и в Телину снова съехались и сошлись танцоры и наездники из Чукулмаса, я участвовала в игрищах и скачках, проводя целые дни в полях. Люди говорили: «Эта девушка прямо-таки влюблена в рыжего жеребца из Чукулмаса» — и поддразнивали меня, но не очень обидно; всем ведь известно, как подростки порой влюбляются в лошадей, даже песен немало сложено о такой любви. Но этот жеребец

понял, что здесь что-то не так, и больше не позволял мне командовать собой.

Через несколько дней всадники поехали дальше, в Мадидину, а я осталась.

Вещи порой бывают очень упрямыми и непокорными, однако в них одновременно заключена и некая сладостная готовность служить; они понимают, как ты к ним относишься, и отвечают тебе тем же. Электричество очень похоже на лошадей: безрассудное и своевольное, но одновременно полное готовности подчиниться и стать надежным помощником. Если ты черезсчур небрежен или тороплив, лошадь или обнаженный электрический провод может стать твоим врагом и весьма опасным. В тот год я несколько раз сильно обожглась и получила удар током, а однажды даже устроила пожар в доме, плохо соединив провода и не заземлив их. Люди учуяли запах дыма и погасили огонь, прежде чем он успел наделать бед, но мой отец, который и привел меня в свой Цех, был так встревожен и рассержен, что запретил мне работать с электричеством до следующего сезона дождей.

К Танцу Вина в тот год мне исполнилось пятнадцать. Я впервые напилась допьяна. Ходила по всему городу, кричала, разговаривала с людьми, которых больше никто не видел: так мне рассказывали на следующий день, но сама я ничего не могу об этом вспомнить. И я решила тогда, что если снова напьюсь, но, может, не так сильно, то опять увижу тех людей, которых так часто видела раньше, когда они были повсюду и спасали меня от одиночества. Так что я стащила вина у наших соседей по дому — они разлили большую часть откупоренного на праздник бочонка по бутылкам — и в одиночестве отправилась на берег Реки На, где уселись на сухие листья под низко склонившимися ивами и выпила вино.

Я выпила первую бутылку целиком и спела несколько песен, большую часть второй бутылки просто разлила и отправилась домой. Дня два после этого я прохврала. Но потом снова стащила вино и на этот раз выпила сразу две бутылки. Никаких песен я петь не стала. Голова у меня закружилась, меня затошнило, и я уснула. Утром я проснулась там же, на берегу под ивами, на

холодных камнях, чувствуя ужасную слабость и озноб. Семья моя начала после этого случая беспокоиться на мой счет. Ночь в тот раз была душной, я вполне могла сказать, что нарочно осталась спать на улице, чтобы было прохладнее; но моя мать всегда знала, если я врала. Она решила, что я, должно быть, занималась любовью с каким-нибудь юношей, но по какой-то причине не желаю признаваться в этом. Ей было неловко и стыдно, ведь я по-прежнему носила некрашеную одежду, тогда как, с ее точки зрения, мне уже не полагалось этого делать. Меня страшно рассердило ее недоверие, и все же я ничего не сказала ей в свое оправдание и не стала никак объяснять свой поступок. Отец мой понимал, что на душе у меня кошки скребут, но, поскольку я украла вино и не ночевала дома вскоре после того, как устроила пожар, он тоже больше сердился, чем беспокоился. Ну а моя двоюродная сестра в это время была влюблена в одного юношу из Дома Синей Глины, и все остальное ее совершенно не интересовало. Наши с ней общие подружки, с которыми мы когда-то вместе крали счасти в кладовой, приучились курить коноплю, что никогда мне не нравилось; и хотя те мои друзья, с которыми я вместе каталась верхом и ухаживала за лошадьми, по-прежнему были добры ко мне, я почему-то стала еще больше сторониться людей и даже лошадей. Мне не хотелось видеть мир таким, какой он есть. И я начала создавать себе свой мир.

Я придумала вот что: тот молодой человек из моего Дома в Чукулмасе испытывает те же чувства, что и я, так что мне надо непременно отправиться в Чукулмас после Танца Травы. А потом мы с ним уйдем вместе в горы и станем лесными людьми. Мы возьмем с собой рыжего жеребца и поселимся в предгорьях Горы-Сторожихи или еще дальше; мы дойдем до заросших травами дюн, что расположены к западу от равнины Долгого Звука, где, как он однажды рассказывал мне, живут на свободе табуны диких лошадей. Люди из Чукулмаса порой отправляются туда, чтобы поймать дикую лошадку, но вообще-то в этих краях никаких людских поселений нет. Мы бы жили там совсем одни, приручаая лошадей и катаясь на них верхом. Рассказывая сама себе об этом выдуман-

ном мире днем, я считала, что мы будем жить как брат и сестра; однако по ночам, лежа в постели одна, в своих мечтах я видела совсем иное. Миновал Танец Травы. Я отложила свой уход в Чукулмас, убедив себя, что лучше отправиться туда после Танца Солнца. Я еще никогд а не танцевала Танец Солнца как взрослая, и мне очень хотелось попробовать; а после этого, сказала я себе, я непременно уйду в Чукулмас. Но при этом я отлично сознавала, что, уйду я или не уйду, это не будет иметь ровным счетом никакого значения, и тогда больше всего на свете мне хотелось умереть.

Тяжело признаваться в этом самой себе. Все время стараешься спрятать эти мысли поглубже, забыть о них за суетой и ожиданием иных событий. Я с нетерпением ждала, когда начнется Двадцать Один День, как если бы с началом подготовки к Танцу Солнца вся моя жизнь должна была тоже начаться заново. Накануне первого из Двадцати Одного Дня я отправилась в свою хейимас.

Стоило мне ступить на первую ступеньку приставной лестницы, как внутри у меня все похолодело и сплелось в тугой комок. В эту ночь состоялось долгое пение. Но губы мои были немы, и голос не желал выходить из горла наружу. Я хотела выбраться из хейимас и убежать, промучилась этим желанием всю ночь, но не знала, куда же мне пойти.

На следующее утро были образованы три группы: одна должна была в полном молчании направиться вдоль северо-западной гряды в дикие края; другая — с помощью конопли и особых грибов — впасть в транс, а третья все это время обязана была бить в барабаны и петь. Я никак не могла решить, к какой же группе мне присоединиться, и именно это больше всего огорчало меня. У меня вдруг начался сильный озноб, и я направилась к лестнице, но не смогла даже ногу на ступеньку поставить.

Старая Целительница по имени Желчь, у которой я учились когда-то в Обществе Целителей, в это время как раз спускалась по лестнице вниз. Она пришла сюда, чтобы петь со всеми вместе, однако по привычке, свойственной всем Целителям, внимательно посмотрела на меня и сказала:

- Ты плохо себя чувствуешь?
- По-моему, я заболела.
- Почему ты так думаешь?
- Я хочу танцевать и не могу выбрать танец.
- Ну а петь со всеми ты можешь?
- У меня голос пропал.
- А в транс не входила?
- Я этого боюсь.
- Ну а как насчет путешествия?

— Я не могу выйти из этого дома! — громко воскликнула я и снова вся затряслась.

Желчь откинула голову назад, отчего подбородок ее утонул в складках полной дряблой шеи, и задумалась, поглядывая на меня. Она была низенькой, темноволосой, морщинистой старухой. И она сказала:

— Ты уже напряжена до предела, девочка. Ты что, сломаться хочешь?

— Может быть, оно было бы и лучше.

— А может быть, было бы лучше расслабиться?

— Нет, это еще хуже.

— Ну хорошо, ты сама так решила. А теперь пойдем.

Желчь взяла меня за руку и повела к двери в самую дальнюю, внутреннюю комнату хейимас, где находились люди Внутреннего Солнца.

— Я не могу войти туда, — сказала я. — Я еще слишком молода, чтобы учиться этому.

— Душа твоя достаточно стара, — ответила Желчь. И то же самое она сказала Черному Дубу, который вышел из круга и подошел к двери, встречая нас. — Вот твоя старая душа и молодая и тянут слишком сильно в разные стороны.

Черный Дуб, который был спикером Дома Змеевика, заговорил с Желчью, но я была не в состоянии понять то, о чем они говорили. Едва дверь во внутреннюю комнату за нами закрылась, как волосы у меня на голове встали дыбом, а в ушах зазвенело и запело. Я увидела там круглые яркие огни, то вспыхивавшие, то исчезавшие в полной тьме — в этом помещении света не было вовсе, только какое-то неясное свечение, просачивающееся сверху, из узенького окошка под самой крышей. И этот слабый свет начал завиваться кругами. Чер-

ный Дуб повернулся ко мне и что-то сказал, но как раз в этот момент у меня и началось то видение.

Я видела не человека по имени Черный Дуб, но сам Змеевик. Каменное существо, не мужчину, не женщину, вообще не человека, однако по форме похожее на очень большого и крупного человека с синевато-зеленой кожей, покрытой синими и черными прожилками, какие бывают у камня змеевика. У существа этого не было волос, а глаза — без ресниц и совсем непрозрачные — двигались очень медленно. Змеевик как бы с трудом поднял эти глаза и посмотрел на меня.

Я скрчилась от ужаса и опустилась на пол. Я не могла ни заплакать, ни заговорить, ни встать, ни двигнуться с места. Я была точно мешок, полный одного лишь страха. Я совсем сжалась в комок на полу и почти перестала дышать, пока какой-то камень, может быть, то была рука Змеевика, не ударил меня довольно сильно по голове, повыше правого уха. Я потеряла равновесие, и было очень больно, так что я заплакала, даже зарыдала от боли, и после этого снова смогла дышать. Кровь в том месте, куда меня ударили, не шла, но там вздулся здоровенный желвак.

Я сидела, скрчившись на полу, и постепенно приходила в себя после того удара. Нескоро снова посмотрела я вверх. Змеевик все еще стоял там. Да, он так и стоял там. Через некоторое время я увидела, как медленно движутся его руки. Они неторопливо поднимались вверх и сошлились примерно на уровне пупка. Потом снова разошлись и растянули живот в стороны. И в камне открылось длинное и широкое отверстие, какая-то щель, похожая на дверь в некое помещение, куда — я это знала — я должна буду войти. Я встала, все еще горбясь и трясясь от страха, и сделала один шаг внутрь этого камня.

Но там не было никакого помещения. Там был сплошной камень, и я оказалась внутри этого камня. Там не было света, там не было места, там было нечем дышать. Я думаю, что все остальное мое видение было связано именно с пребыванием внутри этого камня; то есть именно там-то все и произошло; однако, согласно своей человеческой природе, люди должны хоть что-нибудь

видеть, и все вокруг меня как бы менялось и превращалось в вещи и существа, словно я попадала в иные места.

Мне казалось, что эта скала из змеевика треснула, развалилась на куски, смешалась с красноземом, и через какое-то время я сама тоже попала в землю, став как бы частью почвы. Теперь я могла чувствовать то, что чувствует почва. Я чувствовала, как дождь вливается в меня, падая с небес. Я чувствовала — и отчасти это было подобно способности видеть — как дождь падал сверху и просачивался в меня, падал с небес, которые сами казались сплошным дождем.

Я как бы засыпала и снова просыпалась, но спала не полностью, а постигая нечто во сне. Я начала ощущать камни и корни, а вдоль своего левого бока — бег холодной воды, и услышала ручеек, возникший в сезон дождей. Подземные источники грунтовых вод питали этот родник, он поднимался и журчал рядом со мной, протекал сквозь меня, просачивался во тьме сквозь почву и камни. Возле того ручейка во мне росли большие глубокие корни деревьев, и между ними повсюду тонкие бесчисленные корешки трав, луковицы незабудок, слышался стук сердца бурундука, дыхание спящего крота... Я начала подниматься вверх по одному из больших корней конского каштана, потом — по его стволу и вышла наружу, на лишенную листьев ветвь, проползла до самого ее края, к маленьким боковым веточкам. Там я лежала и смотрела на непрерывные нити дождя. По ним я взобралась на плавающее в вышине облако, похожее на гигантскую лестницу, и по этой лестнице — на тропу ветра. Там я остановилась, ибо боялась ступить прямо на крылья ветра.

Койотиха сошла вниз по тропе ветра. Она явилась мне в виде худой женщины с жесткими серовато-коричневыми волосами, росшими у нее на голове и на руках, и с тонким длинным лицом. Глаза у нее были желтые. Двое ее детей пришли с нею вместе, но в виде детенышей койота.

Койотиха посмотрела на меня и сказала:

— Не бойся. Ты можешь посмотреть вниз. Можешь посмотреть назад.

Я посмотрела назад и вниз, содрогаясь под порывами ветра. Внизу и за моей спиной виднелись темные верхушки деревьев; над лесом сияла радуга, а на листьях играли отблески света. Я подумала, что на этой радуге, должно быть, есть люди, но не была уверена в этом. Внизу и далеко впереди виднелись покрытые пожелтевшей от летнего зноя травой холмы и меж ними — река, что текла в море. Кое-где в воздухе подо мной было так много птиц, что я не видела земли, видела только отражавшийся на их крыльях свет.

У Койотихи был высокий певучий голос, в котором как бы одновременно слышались несколько голосов. Она сказала:

— Хочешь подняться еще выше?

Я ответила:

— Я хотела бы пойти к Солнцу.

— Ну так иди вперед. Все это моя страна. — Сказав это, Койотиха шагнула мимо меня прямо на крылья ветра и побежала по ним на четвереньках, как все койоты, вместе со своими щенками. Я одна осталась стоять там, на ветру. Пришлось и мне тоже двинуться вперед.

Гора-Прапородительница

Мои шаги по крыльям ветра были широкими и неторопливыми, как у танцующих Танец Радуги. При каждом шаге мир внизу выглядел иначе. При одном он был светлым, при другом — темным. При следующем шаге его словно затягивало дымом, а потом дым разлетался, будто его и не бывало. При следующем долгом шаге черные и серые облака пепла или пыли скрыли все

вокруг, а шагнув еще разок, я вдруг увидела песчаную пустыню, где ничто не росло и ничто не двигалось. Я сделала еще один шаг, и все внизу превратилось в сплошной город — только крыши и улицы, по которым спешило множество людей; люди шныряли по этому городу и были похожи на насекомых в пруду, когда посмотришь сквозь увеличительное стекло. Я сделала еще шаг, и мне стали видимы глубины океана, передо мной обнажилось его дно, и лава медленно изливалась из трещин в океанском дне, и огромные пустынные каньоны вдали, в тени стен, поддерживавших континенты, почему-то были похожи на канавы, какими окапывают у нас стены амбаров. И еще один долгий шаг сделала я на крыльях ветра и увидела поверхность нашего мира, пустынную, гладкую и бледную, как лицо младенца, которого видела однажды: он родился без передних долей головного мозга и без глаз. Я сделала еще шаг, и ястреб встретил меня в лучах солнца в застывших небесах над юго-западными склонами Горы-Праородительницы. Шел дождь, и облака на северо-западе были по-прежнему темны. Капли дождя сверкали на листьях деревьев в лесу и в ущельях, которыми изрезаны были горные склоны.

Из того видения, что открылось мне в Девятом Доме, я кое-что могу рассказать — словами, письменно, — а кое-что спеть под аккомпанемент барабана. Но для большей части увиденного я так и не подобрала ни нужных слов, ни музыки, хотя с тех пор я большую часть своей жизни посвятила именно тому, чтобы найти и эти слова, и эту музыку. Я не умею нарисовать то, что вижу, ибо моей руке не дарована способность придавать изображеному предмету сходство с настоящим.

Мне все-таки кажется, что гораздо лучше это могло бы быть нарисовано, чем рассказано, и вот почему: там не было ни одного человека. Рассказывая что-то, вы говорите: «Это сделал я» или «Это увидела она». Когда же не существует ни меня, ни ее, то как бы не существует и самой истории. Я существовала, пока не попала в Девятый Дом; там существовал ястреб, но меня там не было. Ястреб был; был и неподвижный, застывший воздух. Если смотреть на вещи глазами ястреба, то лиша-

ешься собственной души. Твое собственное «я» смертно. А это — Дом Вечности.

Итак, из того, что видели глаза ястреба, я здесь могу словами рассказать следующее:

То была Вселенная энергии. То было пересечение энергетических полей всех живых существ, всех звезд и скоплений светил, всех миров, животных, умов, нервов, пыли, кружевной пены вибрации, которая существует сама по себе, и все было связано друг с другом, каждое было частью другой части чего-то еще, большего, и каждая часть в этом конгломерате была, таким образом, понятна только в качестве составляющей целого, безграничного и незамкнутого.

В Пунктах Обмена Информацией нас учат, что информационная сеть Столицы Разума распространяется надо всей поверхностью нашего мира вплоть до Луны и других планет, находящихся от нас на невообразимом расстоянии, где-то там, среди миллиардов звезд: во время моего видения вся эта обширнейшая паутина предстала передо мной как мгновенная вспышка света на одной из волн океана энергии и показалась мне крохотной пылинкой на одном из зернышек травы, произрастающей на бесконечных лугах. Образ света, танцующего на волнах океана, или — пылинки в солнечном луче, сияние света на зрелых травах, блеск искр, взметнувшихся над костром, — это все, что у меня есть: никакой образ не способен вместить видение, заключающее в себе все образы. Музыка способна выразить это полнее и лучше, чем слова, но я не музыкант и не поэт и не могу воспользоваться музыкой слов. Пена и блестки слюды на скалах, сверкание волн в солнечных лучах, пляшущие водяные брызги и пыль, работа больших ткацких станков, которые тоже будто танцуют — все танцы отразились в тот миг в видении ястреба и в моем мозгу; и поистине все это отразилось бы в нем, если бы разум мой был чист и достаточно силен. Но ни один разум и ни одно зеркало не смогут удержать это видение и не разрушиться,

Потом начался какой-то спуск, или же меня понесло прочь, и я увидела некоторые вещи, которые могу описать. Вот одна из них: в том меньшем пространстве или

мире, не знаю, как его следует называть, боги или волшебные существа разыгрывали всевозможные ситуации. Сама будучи человеком, я вспоминаю эти существа тоже в виде людей. Один из них, например, придал конкретную форму вибрации энергии, направив ее по кругу. Он был очень силен, однако искалечен. Он работал, как кузнец в кузнице, создавая замкнутые колеса энергии, обладающие страшной мощью, исторгающие пламя. Он, их создатель, был сожжен ими до черноты и вот-вот мог рассыпаться в горстку праха, которая уместилась бы в морской раковине; глаза у него стали как гончарная печь, когда ее откроешь после обжига, а волосы — как горящие проволочки, но он все продолжал сворачивать петли энергии, замыкая ее в колеса, запирая силу внутри другой силы. Все вокруг этого существа теперь было черным и пустым, только эти колеса вращались, молотили, перетирали. Были там и другие существа, метавшиеся словно птицы, несомые бурей, летящие с криком над этими огненными колесами и пытающиеся остановить их вращение, однако, попав под такое колесо, они буквально взрывались огненными перьями. Сам Мельник теперь казался тоненькой оболочкой, содержащей тьму, он ослабел, выжженный дотла, и тоже попал во вращение и горение этих колес, что-то без конца перемалывавших, и его самого наконец перемололо, превратив в тончайную черную пыль. Колеса эти, вращаясь, все увеличивались в размерах, соединялись друг с другом, пока вся машина, зацепившись зубцами, не остановилась и не взорвалась, не разлетелась, сверкнув, на куски. Каждое колесо, взрываясь, ярко вспыхивало, и в этой вспышке представляли лица, глаза, цветы, чудища, горящие на кострах, взрывающиеся, гибнущие, превращающиеся в черную пыль. И все кончилось, лишь мелькнула световой блик во Вселенной энергии, и тьма поглотила ее, точно пузырек пены, точно одно мелькание членока, точно блестку слюды. Черная пыль улеглась по форме открытых спиралей. Потом начала двигаться и шевелиться, и внутри ее родилось некое мерцание, словно пылинки танцевали в солнечном луче. Это начала свой танец черная пыль. Потом танец постепенно замер, и где-то близко, слева кто-то заплакал, словно ма-

ленький зверек. То плакала я сама, плакал мой разум и мое «я», ощущившее себя в этом мире; и я снова начала становиться самой собой; однако душа моя, свидетельница увиденного, противилась этому. И лишь разум мой продолжал упорно тащить ее из Девятого Дома обратно ко мне, зовя и плача, и она наконец вернулась.

Я лежала на правом боку на земляном полу в маленькой теплой комнате, где стены тоже были земляными. В темноте светились лишь красные спирали электронагревателя. Где-то неподалеку пели люди, мелодия была простая, однообразная. Я держала в левой руке кусок змеевика — зеленоватый, с темными пятнышками, совсем круглый, точно водой обкатанный камешек, хотя осколки змеевика нечасто бывают такой формы, чаще они трескаются и крошатся. Он был как раз такой величины, чтобы я могла, сжав пальцы, спрятать его в ладонь. Я долгое время сжимала этот круглый камень и слушала пение, пока не уснула. Когда же через некоторое время я окончательно проснулась, то почувствовала, что камень у меня в ладони становится как бы менее материальным, что пальцы мои проваливаются в него, а он уже почти не ощущим, он исчезает... И вот он исчез совсем. Я немножко была этим опечалена: я ведь мечтала, как было бы замечательно — вернуться из Правой Руки, зажав в ладони кусочек того мира; но чем яснее становилась моя голова, тем быстрее растворялась и эта тщеславная мысль. Впрочем, через много лет тот камешек вернулся ко мне. Я шла вдоль берега Лунного Ручья со своими сыновьями, которые тогда еще были совсем маленькими. И младший из них увидел тот камешек в воде и подобрал его и назвал «другим миром». Я сказала сыну, чтобы он сберег его и положил в свою плетеную корзинку с крышкой. Он так и сделал. Когда он умер, я снова опустила этот камешек в воду Лунного Ручья.

Я пробыла под воздействием того видения первые двое суток Танца Солнца, который празднуется Двадцать Один День. Я чувствовала себя очень слабой, утомленной, и меня оставили в хейимас на весь праздник. Я могла слушать Долгое Пение и порой выходила в другие комнаты хейимас; мне были рады даже в самой

дальней потайной комнате, где пели и танцевали в честь Внутреннего Солнца и где у меня было то видение. Я обычно садилась, слушала и посматривала на них вполглаза. Но если я пыталась наблюдать более внимательно, или подпевать, или хотя бы касаться большого барабана, слабость тут же накатывала на меня, точно волна на прибрежный песок, и приходилось снова прятаться в той маленькой комнатке с земляными стенами и потолком и ложиться на землю, точнее — погружаться в землю.

И вот однажды утром меня разбудили, чтобы я послушала веселый Гимн Зиме, и впервые за Двадцать Один День я взобралась по лестнице на крышу хейимас и увидела солнце.

На тех людей, что танцевали Танец Внутреннего Солнца, была и в дальнейшем возложена забота обо мне. Они рассказали мне, что я была в опасности и что если теперь мне явится иное видение, то я должна постараться его нарушить, ибо еще слишком слаба для дальнейших испытаний. Мне не велели танцевать и все время приносили мне разные лакомства, они так ласково утоваривали меня поесть, что отказаться было невозможно, так что в конце концов я стала есть с удовольствием. После Дня Восхода мной очень заинтересовались некоторые из ученых в хейимас и взяли меня под свою опеку. Моими учителями и наставниками стали Черный Деготь из моего Дома и Молоко из Дома Обсидиана. И я начала учиться подробно излагать свое видение.

Сперва я думала, что учиться тут нечему: всего-то и нужно, что рассказать увиденное.

Молоко работала со словами; Черный Деготь — со словами и барабаном, а еще он пел старинные песни. Они заставляли меня продвигаться очень медленно, рассказывать по крохотному кусочку, иногда — произносить всего лишь одно слово и без конца повторять то, что я оказалась в состоянии вспомнить, в такт старинной священной мелодии, чтобы все было изложено как можно точнее и правдивее и стало впоследствии достоянием слушателей.

Когда же наконец, благодаря их методике, я начала понимать, что это на самом деле такое — рассказать то, что явилось тебе из иного мира, — и когда невероятная

сложность и бесчисленные живые детали моего видения вспомнились вновь, ошеломив меня и заполонив собой все мое воображение, лишая меня способности описать их, я испугалась, что перепутаю и забуду все это еще до того, как успею ухватить хотя бы один фрагмент того удивительного спектакля, и что даже если я и припомню потом кое-что, то все равно никогда ничего понять не смогу. Мои наставники подбадривали меня и усмелись мое нетерпение. Молоко говорила:

— У нас-то кое-какой опыт в подобных вещах есть, а у тебя никакого. Ты просто должна научиться говорить о небесных явлениях земным языком. Ну вот послушай: если бы новорожденного отнесли на вершину горы, смог бы он спуститься назад, прежде чем научится ходить?

Черный Деготь объяснял мне, что, по мере того как я учусь воспринимать рассудком то, что восприняла тогда лишь зрительно, я постепенно приближаюсь к существованию как бы в обоих Мирах одновременно; а потому, говорил он, «спешить тебе совершенно некуда».

— Но ведь это же займет долгие годы! — говорила я.

— Ты уже занимаешься этим тысячу лет. Желчь говорила верно: душа у тебя старая.

Меня все эти намеки очень беспокоили, я зачастую не могла понять, шутит Черный Деготь или действительно так думает. Молодых всегда задевают подобные вещи, и какой бы там старой ни была моя душа, разуму моему было всего пятнадцать лет. Мне потребовалось прожить еще довольно долго, прежде чем я начала осознавать, что многие вещи можно сказать только шутя, хотя за шуткой будет скрываться истина. Я должна была полностью вернуться в Дом Койота из Дома Ястреба, чтобы понять это, и я до сих пор порой об этом забываю.

Черный Деготь вечно шутил, пугал меня, поддразнивал, но вообще-то он был очень добрый, и я его совсем не боялась. А вот Молока я боялась с тех самых пор, когда она посмотрела на меня в Обществе Крови и спросила: «Зачем ты здесь?» Она была очень умной, ужасно много знала и была главной Исполнительницей Песен этого Общества. Она обращалась со мной спокойно, была

терпеливой, беспристрастной, но никогда — мягкой, и я ее боялась. С Черным Дегтем она держалась вежливо, но было совершенно ясно, что за этой вежливостью скрывается презрение. Она полагала, что место настоящего мужчины в лесу, или в поле, или в мастерских какого-нибудь Цеха, а не среди священных и умных вещей. В Обществе я как-то слышала ее насмешливое шутливое замечание: «Мужчина, что занимается любовью с помощью мозгов, думает, наверное, с помощью пениса». Черному Дегтю ее мнение о нем было прекрасно известно, однако мужчины-интеллектуалы, мужчины-ученые привыкли, что в их физических возможностях женщины всегда сомневаются, а достижения преуменьшают; он, казалось, не обращал внимания на высоко-мерие Молока в отличие от меня: я порой пыталась защищать его от ее нападок, а однажды даже заявила запальчиво:

— Хоть он и мужчина, но думает ничуть не хуже, чем женщина!

Ничего хорошего из этого, разумеется, не вышло; и хотя мои слова и были отчасти справедливы, я все равно не могла рассказать Черному Дегтю, мужчине и к тому же мужчине из моего собственного Дома, то, что было для меня важнее всего; ну а Молоку, женщине высоко-мерной и жесткой, всю свою жизнь прожившей девственницей, можно было даже и не пытаться что-либо объяснять. Я как-то раз начала было, чувствуя настоятельную в том потребность, но она сама меня остановила:

— То, что мне следует знать об этом, я знаю, — сказала она твердо. — Видение — это нарушение законов! Видение должно быть с кем-то разделено; но нарушение законов разделено не может быть ни с кем.

Я ничего из этого не поняла. Я очень тогда боялась выйти из хейимас и снова окунуться в прежнюю жизнь, снова пойти неверным путем, заблудиться среди неверных решений и отчаянных действий. Прошло примерно с полмесяца после Танца Солнца, и я особенно остро это почувствовала и стала говорить, что слаба и больна и не могу пока покинуть хейимас. На это Черный Дегтю радостно заявил:

— Ага! Значит, пора тебе домой возвращаться!

Я решила, что более черствого человека на свете нет. Во время занятий с Молоком я, по-прежнему тревожась, начала плакать, а потом не выдержала и выпалила:

— Лучше бы мне никогда это видение не являлось!

Молоко быстро глянула мне прямо в глаза — словно хлыстом по лицу хлестнула! — и сказала:

— У тебя вовсе и не было никакого видения.

Я, съежившись, недоумевая, смотрела на нее.

— Ничего у тебя не было. Ничего. Эта хейимас никаку не денется. Можешь жить здесь, забившись в угол, или занять все помещение, или уйти отсюда — словом, поступай, как хочешь. — Так сказала Молоко и ушла прочь.

Я осталась в маленькой комнате одна и стала рассматривать ее, эту маленькую теплую комнатку с земляными стенами, полом и крышей — всю под землей. Да, вся она была — сплошная земля. Но за этими земляными стенами было небо — сплошное небо. Эта комната стала для меня Вселенной энергии. Я была заключена внутри своего видения. А не оно — во мне.

Так что я вышла из хейимас и отправилась домой, чтобы продолжать жить и оставаться на правильном пути.

Большую часть времени я проводила в хейимас с Черным Дегтем или же в Обществе Крови, где со мной занималась Молоко. Здоровье мое наладилось, однако я по-прежнему чувствовала себя вялой, сонной и мало помогала своей семье. Все мои родственники, за исключением отца, отличались вечной занятостью, беспокойством и неутомимостью, это были люди, жадные до работы и разговоров, но совершенно не умевшие хоть сколько-нибудь побыть в покое. Среди них, после целого месяца, проведенного в хейимас, я чувствовала себя камешком, попавшим в горный ручей, где его со всех сторон толкают, трут и обкатывают. Но я с удовольствием ходила на работу вместе с отцом. Молоко тогда сама посоветовала ему брать меня с собой. Черный Деготь не был с ней согласен и утверждал, что это занятие опасно

для души, однако Молоко ответила ему терпеливо и высокомерно, как и всем мужчинам:

— Об этом не беспокойся. Именно благодаря опасности она и обрела свою способность.

Итак, я вернулась к работе с электричеством. Я учи-лась этому мастерству прилежно, была осторожной и больше уже пожаров не устраивала. Еще я училась у Черного Дегтя играть на барабане, а у Молока — рассказывать мистерии. Но время тянулось так медленно, нестерпимо медленно, и страх мой продолжал расти: страх и нетерпение. Образ всадника верхом на рыжем жеребце уже не так часто присутствовал в моих мыслях, как прежде, однако же именно он-то и был средоточием моего страха. Я никогда больше не ходила на скачки, держалась подальше от прежних друзей, которые, как и я, любили лошадей, и старалась не появляться близ пастбищ, где паслись лошади. Я пыталась даже не вспоми-нать о том Танце Лета, о тех играх и скачках. И выбросила из головы все мысли о любви, хотя сестра моей матери снова вышла замуж, и они занимались любовью каждую ночь в соседней комнате, производя при этом довольно-таки много шума. Я начала бояться и ненавидеть себя, постилась и проходила обряды очищения, но все это меня только ослабляло.

Я ничего об этом не говорила Черному Дегтю: мне было стыдно; но я никогда не говорила об этом и с Молоком, и в последнем случае мне мешал страх.

Итак, миновал Танец Вселенной, следующим празд-ником должен был быть Танец Луны. Мысль об этом все больше и больше пугала меня; я чувствовала себя загнанной в угол. Когда наступила первая ночь Танца Луны, я спустилась в свою хейимас, намереваясь все время оставаться там и заткнуть уши, чтобы не слышать любовных песен. Я начала было наигрывать на барабане одну из мелодий, которую Черный Деготь запомнил во время своих видений, когда сам себе казался стрекозой. Почти сразу же я впала в транс и оказалась в Доме Гнева.

В этом доме было черно и жарко, только что-то жел-товатое поблескивало вокруг, словно молнии в грозовой туче, а под ногами и за стенами что-то невнятно гудело.

Там была еще какая-то старая женщина, очень черная, с огромным количеством рук. Она окликнула меня, но не тем именем, которое я тогда носила, Ягодка, а совсем другим: Дятел: «Эй, Дятел, поди-ка сюда! Эй, Дятел, поди-ка сюда!» Я понимала, что Дятел — это мое новое имя, но не подходила.

Та старуха и говорит мне:

— И чего ты все время дуешься? Взяла бы да занялась любовью со своим братом из Чукулмаса! Неисполненное желание ведет к порче и саморазрушению. *Ты не должна* — так говорят рабовладельцы, *мне не следует* — рабы. Несвободная энергия вращает колеса Зла. Посмотри, что ты ташишь за собой! Как можешь ты крутить свое колесо, как можешь ты управлять энергией, будучи вся опутана такими цепями? Предрассудки! Все это предрассудки!

И я вдруг заметила, что обе мои ноги прикреплены ремнями с пряжками к огромному валуну из змеевика, так что я совсем не могла двигаться. Я подумала, что если упаду, то этот валун полетит за мной и в итоге раздавит меня, превратит в лепешку.

А та старуха вдруг как заорет:

— Что это ты носишь на голове? Это ведь никакое не покрывало для Танца Луны! Да и все это предрассудки! Предрассудки!

Я подняла руки и нашупала на голове тяжелый шлем из черного обсидиана. Оказывается, я все видела и слышала сквозь эту черную полупрозрачную оболочку, закрывавшую мне и глаза, и уши.

— Сними его, Дятел! — велела старая женщина.

— Только не по твоему приказу! — ответила я.

Я с трудом могла ее видеть и слышать, потому что шлем все тяжелее давил мне на голову и все плотнее обхватывал ее, а привязанный к моим ногам валун все тянул меня куда-то назад...

Она закричала:

— Постарайся вырваться! Ты превращаешься в камень! Постарайся вырваться!

Я ни за что не желала ее слушать. Так уж я решила — не подчиняться ей. Руками я еще глубже надвинула обсидиановый шлем себе на глаза и на уши и на лоб, пока

мое лицо совсем в него не провалилось, и шлем не стал частью меня самой, и я не шагнула назад, и не вошла прямо в камень, вросла в него. А потом я стояла там совершенно неподвижно, тяжелая и твердая, однакоходить я могла и могла теперь нормально видеть и слышать — когда это темное, полупрозрачное стекло не прикрывало мои глаза и уши, а стало как бы их частью. Я увидела, что дом тот весь обят пламенем, что он дымится и рушится — горело все, и пол, и стены, и крыша. Какая-то черная птица, может быть, ворона, летала из одной комнаты в другую в этом дыму. Старуха тоже горела, горела ее одежда и плоть, тлели волосы. Ворона летала вокруг нее и кричала мне: «Сестра, уходи отсюда, лучше уходи отсюда скорее!»

Ничего иного, кроме самого гнева, в Доме Гнева нет. И я сказала:

— Нет!

Ворона закаркала, потом сказала:

— Сестра, набери воды, набери воды из источника!

Потом она взвилась вверх и вылетела наружу сквозь горящую стену дома. И в этот миг она оглянулась и посмотрела на меня: у нее было лицо мужчины, прекрасное и сильное, обрамленное густыми вьющимися волосами, взметнувшимися вверх. Потом стены горящего дома обрушились и превратились в стены хейимас Змеевика, где я и сидела, наигрывая на барабане. Я, видно, так с тех пор и играла на барабане, но только какую-то совершенно неведомую мне раньше мелодию.

После этого видения меня стали звать Дятлом — учение согласились, что лучше пользоваться тем именем, которое дала тебе сама Праматерь, даже если не сделаешь того, что она тебе велела. Вскоре я отправилась в горы к Истокам Великой Реки, как мне велела та ворона; и после этого я наконец освободилась от страха перед своим желанием.

Центральное видение — оно и есть центральное, оно не предназначено ни для чего, что не связано с ним самим. То, что я видела в Девятом Доме, по природе своей было словно облако или гора. Мы привыкаем к видениям, извлекаем из них какой-то смысл, черпаем в них образы, живем благодаря им, но они существуют

вовсе не для нас и не про нас, во всяком случае, служат нам не больше, чем весь окружающий нас мир. Мы сами — часть этих видений. Бывают и другие сны и видения, все они дальше от центра и ближе к душе смертного; одно из них — видение перемен, оно рассказывает о личной жизни человека. То видение, в котором Праматерь назвала меня новым именем, и было как раз одним из таких видений перемен.

Наступило лето, и люди пришли в наш город из Чукулмаса. Мой брат по Дому Змеевика во время скачек уже не гарцевал верхом на своем рыжем жеребце: на нем сидела какая-то девушка из Дома Обсидиана, а он ехал рядом на гнедой кобыле. Рыжий жеребец выиграл все скачки, и его очень все хвалили. Говорили, что после этого лета он в скачках больше участвовать не будет, а станет племенным производителем. Я на скачках была только среди зрителей. Как и во время игр. Трудно сказать, что я тогда чувствовала. У меня все время стоял колючий комок в горле, и я без конца повторяла про себя: «Прощай! Прощай!», однако то, с чем я в те часы прощалась, уже миновало. Я все еще оплакивала минувшее и тем не менее оставалась спокойной. Девушка та оказалась отличной наездницей и была очень красивая, и я подумала, что они, возможно, собираются стать мужем и женой, но это не причилило мне боли, я даже почти не думала об этом. Мне только хотелось уйти подальше от Телины и начать жить той жизнью, которая была мне показана в видении перемен.

И вот в самую жару я отправилась с Черным Дегтем в горы к Источникам Великой Реки На, что близ Вакваки.

Там, на Горе-Праородительнице, я жила в гостевой комнате хейимас Змеевика и занималась главным образом тем, что помогала их электрику налаживать хитроумную проводку вокруг хейимас, а также в Архиве и на Пункте Обмена Информацией.

По утрам я выходила из дома с восходом солнца. Стоя на крыльце, я видела вокруг только пышные белые облака тумана. Летний туман наполнял Долину, пока первые лучи солнца не развеивали его и не освещали

скалистые вершины горной гряды. И я всегда пела, как меня научили еще в детстве:

Здесь Долина Пумы,
где горный бродит лев,
где он просыпается, светясь,
прекрасный из Седьмого Дома!

Позже, во время сезона дождей, эта пума, видно, сама взошла на Гору-Праородительницу, отчего вершины всех гор и Источники скрылись среди темных облачков и серого тумана. Просыпаться окруженной молчанием этих не дающих дождя и все скрывающих туч было все равно что просыпаться навстречу новому сну, все равно что дышать тем же воздухом, что и горный лев.

Живя на Горе-Праородительнице, я большую часть дня проводила в хейимас, а спала всегда только там. Я работала вместе с учеными, прорицателями и толкователями видений из Вакваки над техникой повтора видений и их изложения с помощью слов, а также — над их передачей с помощью музыки. Я не слишком много времени уделяла танцам или рисованию, поскольку у меня не было к этому способностей, зато упорно тренировалась в пересказе, в переложении своих видений в словесную форму, а также — на язык барабана.

У меня, как и у многих людей, были несколько преувеличенные представления о трудностях жизни прорицателей и толкователей видений. Я считала, что они ведут напряженное аскетичное существование, всегда устремленное к невыразимому. На самом же деле это была довольно скучная, самая обыденная жизнь. Когда людям являются видения, они, естественно, о себе заботиться не могут, и когда возвращаются «оттуда», то порой страшно утомлены, или возбуждены, или ошеломлены, и в любом случае им прежде всего необходима тишина и покой, без каких бы то ни было отвлекающих моментов и вопросов. Иными словами, это сродни отдыху после родов или любой другой тяжелой интенсивной работы. Совершающего тяжкий труд кто-то непременно должен поддерживать и защищать. Возрождение видений

и пересказ их словами требуют того же, хотя и не настолько тяжелы.

В гостевом доме я постилась перед великой ваквой; я вообще ела совсем мало, внимательно глядя, что именно я ем, и выпивала немножко вина, разбавленного водой. Если вы собираетесь вызвать видение или повторить видение, являвшееся вам прежде, то вам вовсе не хочется вызывать их каждый раз разными способами — то входя в транс, то благодаря голоданию, то под воздействием алкоголя или конопли, или же распевая специальные песни. Во всем этом самое главное — умеренность и постепенность. Если же человек уже находится в состоянии экстаза, тогда, конечно, дело совсем другое; это даже не работа, это самосожжение.

Так что та жизнь, которую я вела в Ваквахе, была скучной и мирной, каждый день примерно одинаковой от сезона к сезону, и она совершенно устраивала меня, она была мне приятна, она успокаивала мою душу и разум, и я ничего иного для себя не желала. Работа, проделанная мной за эти годы на Горе-Праородительнице, заключалась в повторе и пересказе того видения Девятого Дома, которое было мне даровано самым первым; я передала все, на что была способна, ученым из Дома Змеевика для записей и толкований. Они были добры ко мне, среди них я чувствовала себя как в своей родной семье, это и была моя семья, мой Дом, и в этом Доме я снова ощущала себя ребенком, а не человеком, добровольно отправившимся в ссылку. Мне казалось, что я наконец пришла домой и всю оставшуюся жизнь буду рассказывать свои сны, играть на барабане, погружаться в транс и выходить из него, буду танцевать на прекрасной площади Пяти Высоких Домов и утолять жажду из Источников Великой Реки На.

Танец Травы в тот год, мой третий год жизни в Ваквахе, танцевали поздно. Через несколько дней после его окончания и за несколько дней до начала Двадцати Одного Дня я как раз собиралась подняться по лестнице хейимас Змеевика, когда ко мне подошла Женщина-Ястреб. Я думала, что это одна из обитательниц хейимас, пока она не крикнула по-ястребиному: «Кийир, кийир!» Я обернулась, и она сказала:

— Танцуй Танец Солнца на вершине Горы, Дятел, а после этого ступай вниз. Пожалуй, пора тебе уже научиться красить свою одежду. — Она рассмеялась и вылетела как ястреб прямо в дверь у меня над головой.

Ко мне подошли какие-то люди, я же все стояла в молчании у лестницы. Люди слышали крик ястреба, а кое-кто и видел, как птица вылетела в дверь хейимас.

После этого у меня не было ни новых видений, ни повторных видений Девятого Дома, ни каких-либо еще.

У меня отняли этот дар и освободили меня. Этот дар на самом деле оказался тяжким бременем. Трудно было возвращать назад собственные видения, делить их с кем-то, отдавать их и терять навсегда снова и снова. Все это было выше моих сил, и я вовсе не жалела, что перестала заниматься этим. Но когда я поняла, что скорее всего вообще утратила всякую способность видеть подобные сны и вскоре должна буду покинуть Вакваху, то весьма опечалилась. Я вспомнила о тех людях, которых считала своей семьей давным-давно, когда еще была ребенком, еще до того как мной овладел тот страх. Они ушли из моей жизни, и теперь я тоже должна уйти, оставить теперешнюю свою семью, этих родных мне людей, и жить среди чужих всю оставшуюся жизнь.

Один мужчина из Дома Змеевика, житель Ваквахи по имени Олений Язык, который многому научил меня, и пел со мною вместе, и всегда дарил меня своей дружбой, заметил, что я подавлена и мрачна, и сказал:

— Послушай. Ты, наверно, считаешь, что все для тебя кончено? Ничего подобного! Ты думаешь, что все двери закрыты? А они все распахнуты настежь! Помнишь, что сказала тебе Койотиха в самом начале?

— Она сказала, чтобы я не боялась, — ответила я.

Олений Язык кивнул и засмеялся.

— Но Женщина-Ястреб сказала, чтобы я потом спустилась с вершины Горы, — сказала я.

— Она же не сказала, чтобы ты никогда туда больше не возвращалась.

— Да, но я утратила свою способность, и видения ко мне больше не приходят!

— Но у тебя ведь осталась голова на плечах! Ну вот где, по-твоему, центр твоей жизни, Дятел?

Я подумала, хотя и не слишком долго, и ответила:

— Там. В том первом видении. В Девятом Доме.

Он сказал:

— Твоя жизнь вращается вокруг этого центра. Только не ослепляй свой разум страстным желанием вернуть то видение! Ты же понимаешь, что видение — это не настоящая жизнь, это не ты сама действуешь в нем. Даже ястреб кружит вокруг своего ястребиного желания. И ты обойдешься вокруг своего Дома и обнаружишь, что дверь его открыта настежь.

Я танцевала тогда Танец Солнца на самой вершине Горы-Прародительницы, как велела мне та Женщина-Ястреб, и после этого почувствовала, что мне пора уходить. В Ваквахе было несколько человек, которые вызывали у себя различные видения путем длительного голодания или принимая наркотики и жили постоянно среди галлюцинаций; они, видимо, так никогда и не узнали, что такое видение, порожденное воображением, мечтой, и жили как-то нечестно, все время переделывая мир. Я боялась, что если останусь там, то, возможно, вскоре начну подражать им, как о том предупреждал меня Олений Язык. В конце концов, я уже однажды ступала на этот ложный путь. Так что я рас прощалась со всеми своими друзьями и холодным ясным утром отправилась вниз, в Долину. Молодой краснокрылый ястреб кружил с криками надо мной, и крики эти — «кийир! кийир!» — звучали так печально, что я даже заплакала.

Итак, я вернулась в дом своей матери в Телине. Мой дядя женился и переехал, так что в моем распоряжении теперь оказалась отдельная небольшая комната; это было чудесно, потому что моя двоюродная сестра вышла замуж и родила ребенка и дом стал ужасно перенаселенным и беспокойным. Впрочем, он и прежде был таким. Я снова стала работать вместе со своим отцом, набираясь у него опыта как в теории, так и в практике, и через два года стала членом Цеха Мельников. Мы с отцом по-прежнему часто работали вместе. Жизнь моя была почти такой же спокойной, как и в Ваквахе. Иногда я проводила несколько дней в хейимас, играя на барабане; видения меня более не посещали, однако без-

молвие, что возникало как бы внутри барабанного боя, было именно тем, что мне требовалось.

Один сезон сменялся другим, а я все думала над теми словами Женщины-Ястреба. Как-то раз я делала новую электропроводку в старом доме Семь Ступеней на северо-восточной окраине Телины. Был жаркий полдень, один из жильцов этого дома принес мне лимонада, и мы с ним разговорились и продолжили нашу беседу на следующий день. Он был из Дома Синей Глины, родом из Чукулмаса; когда-то он женился на женщине из Дома Змеевика, и у них родилось двое детей, но младший оказался больным севаи. И эта женщина бросила детей и мужа, оставила дом своей матери и перебралась на другой конец города, чтобы там выйти замуж за мужчину из Дома Красного Кирпича. Я ее знала, в детстве мы с ней когда-то вместе играли и безобразничали, но с этим мужчиной я никогда прежде не встречалась. Его звали Тихая Вода, и жил он по-прежнему в доме бабки своих детей. Он работал в основном аптекарем, да еще иногда дубил кожи и занимался домашним хозяйством. Мы с ним много разговаривали и очень сошлись характерами. Мы и потом не раз встречались, чтобы поговорить. Потом стали заниматься и любовью и решили пожениться.

Отец мой был против этого, потому что у Тихой Воды было уже двое детей, так что мне иметь детей, видимо, вообще не следовало; но это меня вполне устраивало. Бабушка и мать вообще как-то не слишком тепло относились ко всем моим начинаниям, потому что в итоге я всегда их разочаровывала, к тому же они совсем не хотели, чтобы в нашем доме поселилось еще трое людей — там и так повернуться было негде. Но и это тоже, как ни странно, меня устраивало. В итоге все, о чем я мечтала в течение долгих лет, воплотилось в жизнь.

Мы с Тихой Водой и его малышами устроились на нижнем этаже в доме Семь Ступеней, а на втором этаже жила бабушка мальчиков. Это была женщина довольно ленивая, но добродушная и очень любила своего зятя и внуков, и мы с ней отлично уживались. Мы прожили в этом доме четырнадцать лет, и у меня всегда было все,

что я хотела, и я была довольна и счастлива, как овца с двумя ягнятами на безопасном пастбище, где полно полно сочной травы. Все эти годы прошли точно один долгий летний день на огороженном крепкой оградой поле или в тихом доме, где плотно прикрыты все двери, чтобы в комнатах сохранилась прохлада. То был день моей жизни. До него и после него были сумерки и тьма, когда вещи и их тени сливаются воедино.

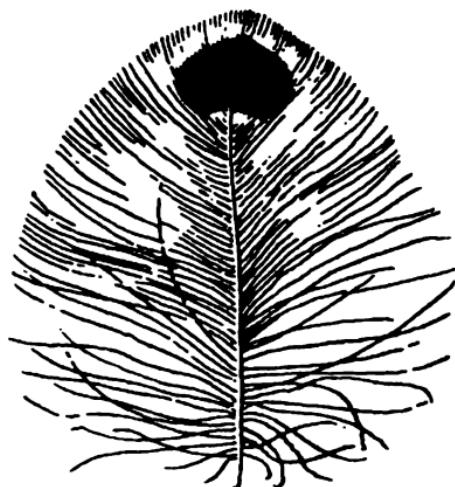
Наш старший сын — к великому удовольствию моей бабушки — отправился учиться в Общество Целителей на Белый Сернистый Источник, едва надев некрашеные одежды, а к тому времени как ему исполнилось двадцать, он уже по большей части даже и жил в хейимас у Целителей. Младший умер, дожив до шестнадцати лет. Постоянное соседство с жестоко страдающим от боли, все больше слабеющим, теряющим способность управлять своими конечностями и неумолимо слепнущим братом и заставило нашего старшего сына стать Целителем. Что же касается меня, то мне радостно было жить рядом с бесстрашной душой младшего мальчика. Он был похож на ястребка, который залетел к вам на минутку, чтобы согреться, и даже дался в руки, отважный и не способный причинить вреда, но только смертельно раненный. Когда он умер, Тихая Вода ужасно затосковал и стал мечтать о своем старом доме. Вскоре он перебрался в Чукулмас и стал жить в доме своей матери. Иногда я ходила его навестить.

Я же вернулась в дом своего детства, где по-прежнему жили моя бабушка, мать, отец, тетка, двоюродная сестра, ее муж и двое ее детей. И по-прежнему семейство не знало покоя, вечно все были чем-то заняты и очень много шумели; я там себя чувствовала совершенно не к месту. Я часто ходила в хейимас играть на барабане, но и это было совсем не то, чего мне хотелось. Мне очень не хватало Тихой Воды, но время было упущено, и поздно нам было начинать снова совместную жизнь. Нет, мне хотелось чего-то другого, но чего именно, я никак не могла понять.

В Обществе Крови однажды мне сказали, что Молоко, которая теперь стала действительно ужасно старой, перенесла удар. Мой сын пошел со мною вместе наве-

стить ее и очень хорошо подлечил; и, поскольку она жила совсем одна, я переехала к ней на время, чтобы быть под рукой, пока она еще нуждалась в помощи после болезни. Это оказалось удобно и приятно нам обеим; но она в это время была занята поисками своего последнего имени и училась умирать, так что, хотя я и могла оказать ей в этом некоторую помощь, а также кое-чему от нее научиться, все равно это было не то, чего хотелось мне самой.

Однажды, незадолго до Летних Танцев я работала в хранилищах над Лунным Ручьем. Цех Мельников установил там новый генератор, и я занималась проверкой провода, подключенного к молотилке, который кое-где нуждался в дополнительной изоляции; должно быть, над проводом изрядно потрудились мыши. Я работала там, вдали от всех, в темной, пыльной узкой щели, слушая мышиную возню у себя над головой и под стенами сарая. Вскоре я краем глаза заметила, что в этой щели со мной вместе находятся еще какие-то люди, внимательно наблюдающие за моими действиями. Кожа у них была серовато-коричневого цвета, руки длинные, гибкие и тонкие, а ладонки и ступни очень белые; глаза у них ярко горели. Я никогда их раньше не видела, но они почему-то показались мне знакомыми. Я сказала, продолжая работать:

— Я бы хотела, чтобы вы не оголяли провода, потому что может начаться пожар. Мне кажется, в таком большом зернохранилище можно найти еду и получше изоляции!

Эти люди тихонько засмеялись, и самый темно-кожий из них сказал высоким нежным голосом:

— Нам спать пора. — И они, оглянувшись на меня, бесшумно и быстро исчезли.

Но там остался кто-то еще. От страха у меня слегка екнуло сердце. Сперва я никак не могла как следует разглядеть этого человека в полумраке; потом увидела, что это Черный Деготь.

— Ты уж больше не ездишь верхом на лошадях, Дятел? — спросил он.

— Езда верхом — это для молодых, Черный Деготь, — откликнулась я.

— А ты разве старая?

— Мне скоро сорок.

— И неужели ты совсем не скучаешь по скачкам?

Он поддразнивал меня в точности так, как когда-то дразнили меня за то, что я влюблена в рыжего жеребца.

— Нет, об этом я не скучаю.

— О чем же ты скучаешь?

— У меня сынок умер.

— Почему же ты должна скучать о нем?

— Он же мертв.

— Как и я, — сказал Черный Деготь. И это было правдой. Он умер пять лет назад.

И тут я поняла, о чем именно я тосковала, чего хотела. Это было всего лишь желанием не быть больше запертой в Земных Домах. Мне бы совершенно не требовалось то входить туда, то выходить, если бы я могла видеть тех, кто это делает постоянно. Вот как Черный Деготь. И он тоже посмеялся немножко, как те мыши.

Он больше ничего не говорил, но просто наблюдал за мной из темного уголка. Когда я закончила свою работу, он исчез. Когда я уходила из хранилища, то заметила, что там, на одной из балок живет сова; она спала.

Я пошла домой, то есть к Молоку. За ужином я рассказала ей о Черном Дегте и о мышах.

Она внимательно слушала и вдруг начала тихонько плакать. После удара она очень ослабела, и ее яростный нрав порой оборачивался слезами. Она сказала:

— Ты всегда была впереди меня, всегда шла впереди!

Я никогда прежде не понимала, что она мне просто завидует. И сейчас очень опечалилась, узнав об этом, но все же мне хотелось смеяться над тем, как бессмысленно мы тратим порой свои чувства.

— Кто-то же должен отворять двери! — сказала я. И показала ей на людей, что входили в комнату, это были люди, похожие на тех, каких я обычно видела в раннем детстве. Я понимала, что они мне родня, но не знала, кто они такие. Я спросила Молоко: — Кто они?

Сперва она была ошарашена моим вопросом да еще и видеть как следует не могла, она все время жаловалась на это. Но потом те люди стали что-то говорить ей, а она — им отвечать. Порой они говорили на нашем языке, а порой я совсем не понимала их речи; но Молоко отвечала им с охотой.

Когда Молоко устала, они тихонько ушли прочь, и я помогла ей улечься в постель. Когда она уже совсем начала засыпать, я увидела, как вошел маленький ребенок и лег с нею рядом. Она обняла его рукой. И каждую ночь после этого, до самой зимы, когда Молоко умерла, этот ребенок приходил к ней и спал в ее постели.

Как-то я заговорила с ней об этом, спросив: «Это твоя дочка?» И Молоко посмотрела на меня своим единственным зрячим глазом, как прежде яростно — точно хлыстом ударила, — и заявила: «Не моя, а твоя!»

Так что теперь я живу в этом доме с дочерью, которую никогда не носила во чреве — это дитя моей первой любви. Здесь же живет и остальная моя семья. Иногда, подметая пол, я вижу, как клубится в солнечном луче пыль, танцует, кружится, завивается в спирали, посверкивает.

Примечания:

с. 36. ...ветулу

Игра, несколько напоминающая поло. В нее играют, сидя на спине лошади и используя специально открытую с одного

края плетеную корзинку на длинной ручке, с помощью которой мяч подхватывают и бросают; см. главу «Игры» в разделе «Приложения».

с. 37. ...севаи

Севаи значит «заключенный в оболочку». Это генетическое заболевание, поражающее двигательные нервы и главным образом симпатическую нервную систему. Очевидно, происхождением своим севаи обязано остаточным промышленным токсинам, до сих пор содержащимся в почве и воде. В некоторых регионах планеты севаи встречается довольно редко; в других — весьма часто. В Долине примерно каждый четвертый новорожденный рождался мертвым из-за севаи; точно такому же заболеванию подвержены и животные. Как говорит Дятел, чем позже болезнь проявит себя, тем более медленно и щадяще она развивается, однако всегда неизбежно ведет к утрате способности двигаться, к слепоте, параличу и смерти.

с. 50. ...ученые

Айяш означает одновременно и «учитель» и «ученик», учащийся и получивший знания, как, впрочем, и наше слово «ученый». Учеными в хейимас были как женщины, так и мужчины с религиозными или исследовательскими склонностями; они и были хранителями Дома.

с. 51. ...в обоих Мирах...

Не очень часто встречающийся образ двух Рук Мира, то есть Пяти Домов Земли и Четырех Домов Неба.

НЕСКОЛЬКО КОРОТКИХ ТЕКСТОВ ИЗ ДОЛИНЫ

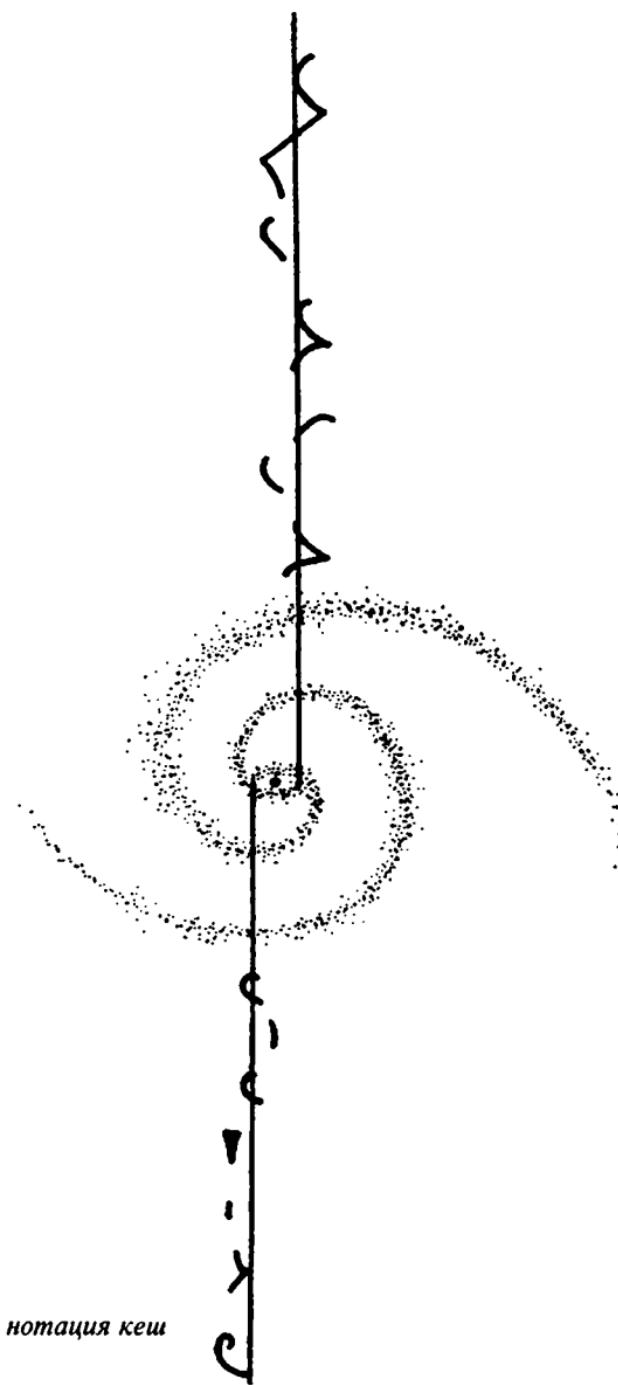
СОВА, КОЙОТ, ДУША

Из библиотеки Ваквахи

Сова летала во тьме, махая крыльями совершенно бесшумно. Тогда не существовало никаких звуков. И сова сказала себе: «Ху-гу, ху-гу». Совы слышит себя — возникает звук, свидетельствующий о существовании совы и о времени, ибо он звучит четыре раза.

Звук расходится кругами в темном воздухе над океаном тьмы, вырвавшись из клюва совы. Подобно частичкам ила, сломанным травинкам и крыльшкам насекомых на поверхности водоема, вещи тоже начинают существовать, двигаться кругами от центра к внешнему краю. У самого клюва совы звук громок, и там вещи движутся быстрее и более уверенно, их очертания более определенны. Чем шире расходятся круги, тем медленнее движутся вещи, очертания их расплываются, они цепляются друг за друга, сплетаются, ломаются... Но сова взлетает все выше и летит все дальше, прислушиваясь, занимаясь охотой. Один — это еще не все, как и единожды — это еще не всегда. Совы — это не все, а всего лишь сова.

Койотиха шла во тьме очень печальная и одинокая. Во тьме нечего было поесть, ничего нельзя было уви-

Музыкальная нотация кеш

деть, даже пути видно не было. Она села во тьме и завыла: «Яу, яу, яу, яу, яу». Койотиха слышит себя; и благодаря этому смерть начинает существовать в пространстве и во времени, ибо крик Койотихи звучит пять раз.

Смерть сияет. Она окружена сиянием. Благодаря Смерти сияние разливается на поверхности воды, в воздухе, само бытие наполнено сиянием. Ближе к сердцу Койотихи сияние сильнее, и там растет все сильное, теплое, способное гореть. Чем дальше от сердца Койотихи, чем шире этот круг, чем вещи ближе к его краям, тем больше среди них обгорелых, слабых, бесформенных, холодных. Койотиха идет дальше и дальше, охотясь на живых, поедая мертвых. Койотиха — это еще не жизнь и не смерть, а всего лишь самка койота.

Душа, поющая и святыня, движется все дальше и дальше к краю круга, туда, где холод и тьма. Душа, молчаливая и холодная, входит в круг и стремится туда, где другая душа поет и светится у огня. Сова летает бесшумно; Койотиха ходит во тьме; душа слушает, затаившись.

ЛИЧНОСТЬ И ДУША

Подарено хейимас Змеевика Старым Кроликом из Телины

Во время Танца Травы поют такую песню: «Вселенная есть, и все, что здесь есть, есть внутри этого дома домов».

Ну что ж, в таком случае Вселенная — это живое существо, верно? Мы ведь обращаемся к камню как к человеку: «Хейя!»; радостно кричим встающему солнцу: «Хейя, Священное! Здравствуй!» И мы выкрикиваем, словно обращаясь к живому существу, в полном одиночестве в диком kraю: «Благослови меня, как я благословляю тебя, и помоги мне в слабости моей!» Кого же мы приветствуем? Кого благословляем? Кто помогает нам?

А может, во всех этих вещах живет одно существо, одна душа, которую мы приветствуем в камне и в солн-

це, которой доверяем во всем и просим ее благословения и помощи? Может быть, единство Вселенной проявляется именно в этой единой душе, и единство каждого существа со многими другими — знак или символ этой единой души? Может быть, и так. Люди, которые говорят, что это так и есть, называют эту душу обратной стороной своей души, обратной стороной всего вечно-го, божеством. Мыслящие более лениво, возможно, скажут, что внутри скалы живет дух, а внутри солнца — некое свирепое, яростное существо, но эти же люди утверждают что и Бог во Вселенной живет, как человек в своем доме или койот в диком краю, он сам построил его и поддерживает в нем порядок. Эти люди верующие. И вовсе они не лениво мыслят.

Однако же кое-кто из людей больше склонен думать, а не верить слепо. Им все интересно, и они спрашивают, кто же он, тот, кого мы приветствуем, благословляем, кого просим о благословении? Сама ли это скала, или солнце само по себе, или же все остальные вещи? Может, и так. В конце концов, мы все живем в таком доме, который сам себя создал и сам наводит в себе порядок. Почему же душа должна чего-то бояться в своем собственном доме? Чужих здесь нет. Стены этого дома — жизнь, двери его — смерть; и мы, трудясь, входим и выходим из него.

По-моему, это друг друга мы приветствуем, благословляем и помогаем. И это друг друга мы поедаем. Мы одновременно и сборщики, и то, что собирают. Мы строим и разрушаем; мы создаем и уничтожаем и сами бываем уничтожены; мы рождаем человека и убиваем людей, мы берем кого-то за руку и тут же эту руку выпускаем. Люди, способные думать, и другие животные, растения, камни и звезды, все мыслящие существа или те, за которых мыслит кто-то другой, думая о них, те, которые способны видеть сами или те, которых видят другие, те, которые содержат что-то или сами содержатся в чем-то — все мы обитатели Девяти Домов Бытия, танцующие один и тот же танец. Это моим голосом говорит Голубая Скала, и слово, что произнес я, стало ее именем. Это моим голосом говорит Вселенная, и

слово, которое она произносит, когда я слушаю ее, — это я сам. Да славится Бытие. И я не знаю, к чему она, эта слепая вера.

И я думаю так: испуганный, я буду верить в чью-либо помошь; ослабев, я буду благословлять того, кто сильнее; страдая, я постараюсь выжить. Я думаю, что следует идти именно этим путем: попросив о помощи, я умолкну и стану слушать. Я никому не стану прислуживать, но не стану и запирать ни одну из своих дверей. И я думаю, что, следуя этому, проживу в Долине так хорошо, как сумею, и умру здесь, тоже как сумею, войдя в открытую дверь.

СПИСОК ВЕЩЕЙ, КОТОРЫЕ БУДУТ НУЖНЫ ЧЕРЕЗ ЧЕТЫРЕ ДНЯ, СЧИТАЯ ОТ СЕГОДНЯШНЕГО

Запись сделана на клочке грубой бумаги, найденном возле хейимас Унмалина, неподалеку от одного из пастбищ

1. Что-нибудь остроконечное, но округлой формы, типа стручков.
2. Несколько осколков неглазурованной посуды из красной глины.
3. Тонкая медная проволока, накрученная на деревянную палочку.
4. Искусственные или естественные предметы цилиндрической формы, любые, какие найдутся, но по крайней мере с одним широким концом и не имеющие сквозного отверстия.
5. Какая-нибудь записка или пометки чернилами на плотной бумаге.
6. Маленькие диски, способные отражать свет.
7. Семена чия или мертвые муравьи.
8. Молодой осел.
9. Дождь.

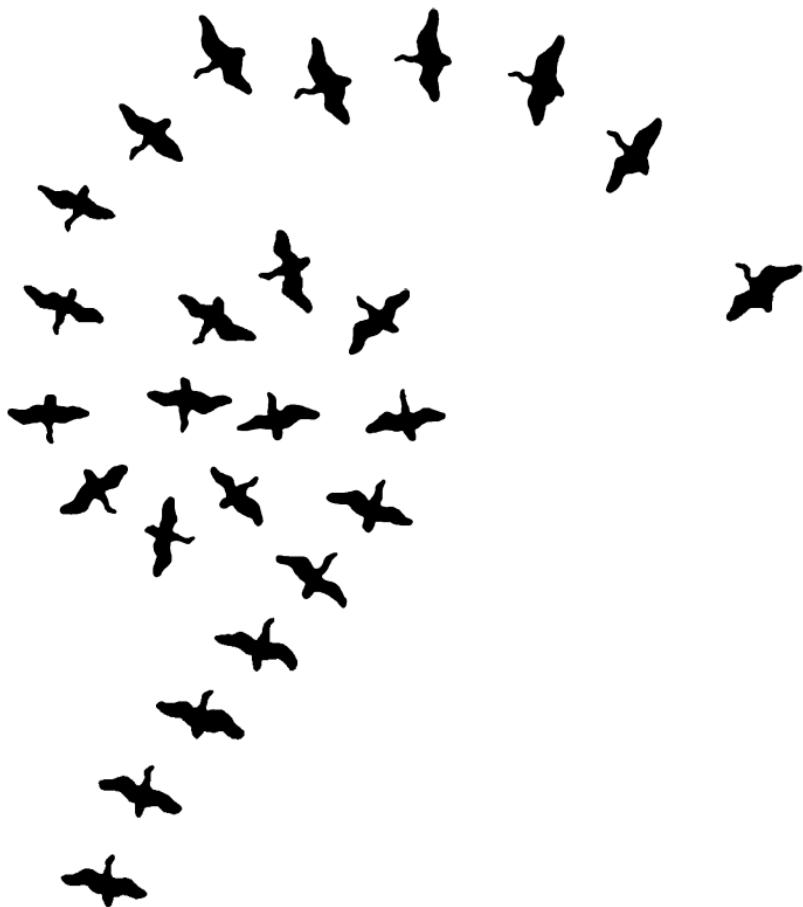
ВОРОНЫ, ГУСИ, КАМНИ

Некоторые замечания, сделанные в разговоре со мной одним старым человеком из Дома Змеевика, жителем Кастохи по имени Грецкий Орех из дома На Том Конце Моста, и записанные с его разрешения

Уже по одной только вороньей походке можно догадаться, что они связаны с такими вещами, какие всем нам знать необходимо. Но они вовсе не желают рассказывать об этом.

Ну а походка гусей приводит вас к мысли, что уж эти-то не знают ровным счетом ничего, верно? Но когда вы видите гусей в полете или же слышите, как они переговариваются на воде, собравшись в большие стаи, хотя они и в полете тоже непрерывно переговариваются — они вообще говорят почти так же много, как люди, и знают гораздо больше людей о дикой стороне этих гор — так вот, когда вы видите их в полете, видите, как они пишут в небесах какие-то слова, то просто мечтаете научиться читать то, что они там пишут!

Не все камни одинаково чувствительны. Большая часть базальтов, например, ко всему равнодушны. Базальты ни к чему не прислушиваются. Они, возможно, все еще думают о том огне, что пылал в темноте. Камень-змеевик, напротив, чрезвычайно восприимчив и чувствителен. Он происхождением своим обязан как воде, так и огню, он двигался вверх, всплывая меж других пород камней, чтобы выбраться на поверхность, на воздух, и он всегда на грани надлома, разрушения, обращения в прах. Змеевик всегда слушает и говорит. А вот кремень — камень странный. Он всегда накрепко заперт. Песчаник — это камень для наших рук, они друг друга отлично понимают. У нас здесь, в Долине, известняков нет; лишь Искатели порой приносят отдельные куски известняка. Насколько я сумел понять по этим кускам, известняк — камень смертный и обладающий разумом; это камень, созданный из наших жизней. Говорят, что в тех местах, где земля в основном состоит из известняковых пород, реки текут как бы сквозь нее в подземных

пещерах и не выходят на свет. Любопытное, должно быть, зрелище. Я бы хотел повидать такие пещеры. Гранит с Гор Света — это некое содружество камней, очень красивых и сильных. Когда в нем есть вкрапления слюды, то слюдяные блестки сверкают, как солнечный свет на поверхности моря, и это совершенно замечательное зрелище! Обсидиан — это, конечно же, стекло, того же происхождения, что и пемза и застывшая лава, которой много в окрестностях Ама Кулкун. Они все имеют свойства стекла — режущие края, текучесть, — и все они задерживают свет. Это опасные камни.

В общем, камни живут не так и не с такой скоростью, как мы. Однако можно найти себе камень — большой валун или маленький агат в ручейке — и смотреть на него внимательно, касаясь его ладонями или держа в руках, прислушиваться к нему или даже немножко с ним разговаривать или напевать, что-то ему объясня员 или, наоборот, сидя неподвижно и молча, и тогда тебе до какой-то степени, возможно, удастся проникнуть в душу этого камня, и камень тоже отчасти проникнет в твою душу, если, разумеется, ты ее для него раскроешь. Камни по большей части живут долго. Они существовали за много тысячелетий до того, как мы нагнали их на этом пути, и будут жить очень долго после нас. Некоторые из них очень стары, это внуки тех камней, которые впоследствии стали Землей и Солнцем. Даже если бы мы ничего больше не могли узнать у них, одного этого уже было бы достаточно — их долгого, долгого века. Но в камнях заключено гораздо больше — огромные запасы знаний и то, что можно понять только с помощью камней. Они помогут людям, которые с удовольствием работают с ними, внимательно изучают их и относятся к ним разумно, с должным уважением и осторожностью.

ДУША ЧЕРНОГО ЖУКА

Из библиотеки Общества Черного Кирпича в Синшане

Существуют души, о которых слышало большинство людей и о которых суеверные люди непременно порасскажут вам столько, что совсем заговорят; но чем более достоверные сведения хочет разум получить о душах, тем труднее человеку разумному вообще говорить о них. Очень трудно познать душу; она сама знает, что можно дать узнать о себе. Образы — это способ познания души. Слова — это образы образов. У самой глубокой из душ, например, такой образ: она пахнет подземным царством и похожа на жука, на крота или на черного червя. Иногда ее называют еще душой черного жука, или черным шнурком, или душой смерти. Это не тень и не образ тела — как и само тело, живое или

мертвое, отнюдь не является образом души. Душа черного жука ест экскременты, а испражняется пицей. Когда остальные души бодрствуют вместе с телом, эта душа обычно спит и пробуждается, когда они ложатся спать; они расходятся, даже не взглянув друг на друга. Когда умирает плоть, оживает душа-смерть. Эта та часть существа, которая все забывает. Именно она совершаet ошибки, порождает несчастные случаи и множество снов. Говорят, она живет в фундаменте всех Девяти Домов. Она нежно принимает свое тело после его смерти и уносит во тьму. Когда дождь падает на оставшуюся после кремации золу, душа-смерть может даже подняться наверх и подышать воздухом. Она слепа и невероятно богата. Если вы спуститесь туда, где она обитает, то получите многочисленные дары. Проблема только в том, как все это унести с собой. Если говоришь с глубинной душой, то лучше всего закрыть глаза; а когда от нее уходишь, не оглядывайся назад! Когда дождь падает на

погребальный костер, души смерти выползают на поверхность, поднимаются в воздух, и воздух темнеет от множества этих душ. Обычно они поднимаются на поверхность в самом начале сезона дождей, когда ночи становятся все длиннее, а в воздухе вечно висит дымная пелена. Как раз в это время строится Дом Воссоединения. Члены Общества Черного Кирпича надевают воротник или даже куртку из кротового меха, когда они поют свои песни, или учат умирать, или предаются видениям. Черный шнурок может быть повязан вокруг локтя танцовщика из этого Общества, или обхватывать ему грудь или голову. Черный Жук может показать им путь к познанию. Но путей познания этой души не существует. Эта душа самая сокровенная и спрятана глубже всех. Человек умирает, чтобы ее достигнуть.

ХВАЛА ДУБАМ

Наставление из хейимас Змеевика в Синшане

Пять дубов — Круглоголовый с длинными желудями, что растет на выходящих к морю склонах гор, Морщинистая Кора из нашей рощицы, покрытый серой корой Дуб по имени Длинная Чаша, Великий Горный Дуб, Дубильный Дуб, который цветет, как конский каштан, хотя желуди у него самые обычные, — все они сохраняют листву в дождливый сезон.

Четыре дуба — Синий Листок, которому требуется сухая земля у корней, Тонковолокнистый с холмов, Красный Листок с черной корой, что растет высоко в горах, и Долинный с толстенным стволом, тенистый, воспетый поэтами и растущий близ водоемов и на залипых солнцем холмах, — все они свои листья в дождливый сезон теряют.

Таковы девять благородных и прекрасных дубов — полные жизни, благоуханные в мужском и женском цветении, дающие приют множеству птиц и зверьков, а также полчищам насекомых, отбрасывающие густую тень, обеспечивающие пищей другие народы, величайшие богачи, которые заслуживают самой высокой похвалы.

СЛОВА/ПТИЦЫ

Текст взят в Обществе Земляничного Дерева

То, что годится для слов, может оказаться непригодным для вещей, и то, что два высказывания, если они противоречат друг другу, не могут быть оба верны, вовсе не значит, что противоположностей не существует. Слово — это не вещь; у слов и вещей разные пути и разные жизни. Верно то, что город создается из камня, глины и дерева; однако верно и то, что город создается из людей. Эти выражения отнюдь не отрицают друг друга. Верно, что пролетающая своим путем птица может уронить перо, как верно и то, что порыв ветерка может вырвать это перо у нее из крыла; верно и то, что я, обнаружив это перо у себя на пути, решу, что упало оно специально для меня. Слова, сказанные здесь о пере, частично противоречат друг другу. Верно, что все сущее должно оставаться таким же, каким было создано, и что Ничто — это лишь игра иллюзий над бездной пустоты. Верно, что существует Все и существует Ничто. Эти слова полностью отрицают друг друга. Мир нашей жизни — это сплетение нитей, благодаря которому они держатся вместе и в то же время отдельно друг от друга. Этот мир — как мост, перекинутый над глубоким каньоном, над рекой, текущей в глубине его, в пропасти, а слова — это птицы, что перелетают над этой пропастью туда и обратно. Они не могут быть одновременно на обоих берегах. Однако могут перелететь на противоположный берег и вернуться обратно. Человеку требуется целая жизнь, чтобы перейти по этому мосту на другую сторону. А эти птицы летают туда-сюда прямо над пропастью, с одного берега на другой, весело щебечут и поют песни.

НО ЗДЕШНИМ КОШКАМ ЭТО БЕЗРАЗЛИЧНО

*Несколько изречений, мудрых поговорок и
мелких камешков из Долины*

Ты зачем так старательно в доме прибираешь?
Да говорят, землетрясение будет.

Если бы на свете всего было хотя бы по одному, тут
бы свету и конец пришел.

Чрезмерная рассудительность — это нищета.

Когда я боюсь, то прислушиваюсь к тому, как мол-
чит, затаившись, полевая мышь.

Когда я не боюсь ничего, то прислушиваюсь, как
молчит, затаившись, кот, что охотится на мышей.

Если ты не будешь учить машины и лошадей тому,
чего ты от них хочешь, они сами начнут учить тебя
делать то, что хотят они.

Идти туда, куда уже ходил: Прирост. Идти назад: Опас-
ность. Лучше обойти кругом.

Множество, Разнообразие, Количество, Изобилие.

Редкостность, Чистота, Качество, Воздержанность.

Ничто не может сделать воду лучше, чем она есть.

Больше, чем требуется, — это жизнь.

Долина — это Дом Земли и Путь По Левой Руке Вселенной. Великая Гора — это Стержень хэйийя-иф. Чтобы пойти Путем Правой Руки, нужно подняться на Гору, потом с нее попасть в Дом Неба, и тогда, оглянувшись назад, можно увидеть Долину такой, какой ее видят мертвые.

Быть прямодушным — значит не быть памятливым. Памятливый способен удерживать в памяти множество самых различных вещей, понимая их связь между собой и их соотношение.

Завоевывать — значит проявлять неосторожность. Осторожность позволяет человеку наилучшим образом соотнести его устремления и поступки и не навредить при этом ни собственным намерениям, ни другим существам.

Только брат — значит лишать себя радости. Радость — принимать такие дары, которые не получишь ни от чересчур памятливого, ни от слишком осторожного.

О да, это великий охотник: одна стрела в колчане, одна мысль в голове.

Возможно, где-то кошки и бывают зеленого цвета, но здешним кошкам это безразлично.

Все горы мира — в одном маленьком камешке.

Обладание — это обязанность, сохранение в наличии — обузя.

«Похожий» и «иной» — слова-зародыши, из них выплываются мысли.

«Лучше» и «хуже» — слова-паразиты, после них от яйца остается одна скорлупа.

О заботе можно спросить только заботливо, о радости — радостно.

Прочти, что гусеницы написали на листке земляничного дерева, и пройди сторонкой.

ПАНДОРА БЕСЕДУЕТ С АРХИВИСТКОЙ ИЗ
БИБЛИОТЕКИ ОБЩЕСТВА ЗЕМЛЯНИЧНОГО
ДЕРЕВА В ВАКВАХЕ

ПАНДОРА:

Племянница, это поистине прекрасная библиотека!

АРХИВИСТКА:

В городе, расположенном у Истоков Великой Реки, и должна быть прекрасная библиотека.

ПАНДОРА:

Хотя скорее это похоже на кабинет редких книг.

АРХИВИСТКА:

Да, это старые и очень ветхие книги. Вот, например, этот свиток — что за четкая каллиграфия! А какая бумага! Изо льна. Она даже ни чуточки не потемнела. А вот бумага из молочая. Тоже отличной текстуры.

ПАНДОРА:

Сколько же лет этому свитку?

АРХИВИСТКА:

О, наверное, лет четыреста, а может, пятьсот.

ПАНДОРА:

Все равно что для нас Библия Гутенберга. Так, значит, у вас здесь немало старинных свитков и книг?

АРХИВИСТКА:

Ну, здесь их больше, чем где бы то ни было еще. Старинные вещи ведь очень уязвимы, верно? Так что люди приносят их сюда. Кое-что, конечно, просто хлам.

ПАНДОРА:

Как ты решаешь, что выбросить, а что сохранить? Эта библиотека на самом деле не так уж и велика, если учесть, сколько создается письменной продукции у вас, в Долине...

АРХИВИСТКА:

О да, пишут и пишут без конца!

ПАНДОРА:

И еще приносят свои «шедевры» в качестве даров в хейимас...

АРХИВИСТКА:

Все дары священны.

ПАНДОРА:

Но тогда библиотеки должны были бы стать просто гигантскими, если не выбрасывать ни книг, ни прочих подношений. Как же вы решаете, что сохранить, а что уничтожить?

АРХИВИСТКА:

Это очень сложный вопрос. Обычно это делается произвольно, часто неправильно и не по справедливости, и очень возбуждает людей. Мы производим чистку библиотек хейимас каждые несколько лет. Здесь, в библиотеке Общества Земляничного Дерева в Ваквахе мы делаем это каждый год, между Танцами Травы и Солнца. Это тайная церемония. Участие в ней принимают только члены Общества. Выглядит как оргия. Этакий безумный всплеск любви к чистоте собственного жилища — инстинкт гнезда, кампания по сбору, вывернутая наизнанку, перевернутая с ног на голову. Уничтожение запасов.

ПАНДОРА:

И вы уничтожаете ценные книги?

АРХИВИСТКА:

О да! Кому хочется быть похороненным под их грудой?

ПАНДОРА:

Но вы ведь можете хранить важные документы и наиболее ценные литературные произведения в электронной памяти, в ПОИ, где они совсем не займут места...

АРХИВИСТКА:

Так и поступают в Столице Разума. Их интересуют копии буквально всего на свете. Кое-что мы им отдаем. И вообще, что значит «не займут места»? Разве «место» — это всего лишь часть пространства?

ПАНДОРА:

Но нечто неуловимое... информация...

АРХИВИСТКА:

Уловимое или нет, но ты либо оставляешь вещь себе, либо отдаешь ее. Мы полагаем, что безопаснее ее отдать.

ПАНДОРА:

Но ведь не в этом суть хранения информации и ее выдачи! Тот или иной материал хранится для всех, кому бы он ни понадобился. Информация передается дальше и дальше — это основополагающий акт развития человеческой культуры!

АРХИВИСТКА:

«Хранение приумножает, дарение ведет к процветанию». Хотя любое дарение в чем-то несправедливо; возможно, для него требуется более дисциплинированный разум. Люди из Союза Дуба, обладающие этим свойством, историки, ученые, писатели, рассказчики, часто приходят сюда, они постоянно присутствуют здесь, вон вроде тех четверых, что бродят среди книг, что-то копируют, пишут какие-то рефераты. Книги, которые не читает никто, уходят быстро; книги, которые люди читают, тоже уходят, но только позже. Однако все они уходят обязательно. Книги смертны. Они тоже умирают. Книга — это деяние; она занимает место во времени, а не только в пространстве. Это не просто информация, но связь времен, зависимость.

ПАНДОРА:

Разговоры на эту тему вечно ведутся в Утопии. Мне удалось растормошить тебя, и теперь ты отвечаешь интересно, красноречиво и почти убедительно. Но можно бы и лучше!

АРХИВИСТКА:

Ах, тетушка, я право не знаю. А что, если бы вопросы задавала я? Что, если бы я спросила тебя, как ты относишься к моему несколько странному употреблению слова «безопаснее»? И насколько опасным тебе представляется бесконечное приумножение и хранение информации, как это делается в вашем обществе?

ПАНДОРА:

Ну, я...

АРХИВИСТКА:

Кстати, кто у вас контролирует хранение информации и ее выдачу? До какой степени материалы, хранящиеся в памяти, доступны каждому, желающему их получить, и до какой степени эта информация доступна тем, кто точно знает, что «она там есть», обладает необходимым уровнем образования, чтобы ею воспользоваться, и возможностями для получения такого образования? Как велико число грамотных людей в вашем обществе? Сколько из них разбираются в компьютерах? Сколько достаточно компетентны, чтобы пользоваться электронными библиотеками и банками памяти? Как велик тот объем информации, который доступен обычным людям, не принадлежащим ни к правительенным, ни к военным, ни к ученым кругам, и даже не слишком богатым? Что значит «информация классифицирована»? Что именно в этой области покупается за деньги? В государстве, даже демократическом, при любой иерархии власти не станет ли хранение информации еще одним, дополнительным источником могущества для тех, кто и так уже облечен властью, еще одним поршнем в гигантской государственной машине?

ПАНДОРА:

Племянница, да ты, черт побери, настоящая луддитка!

АРХИВИСТКА:

Нет, ничего подобного. Машины мне очень нравятся. Стиральная машина — мой старый друг. Печатный станок, что стоит здесь, — пожалуй, даже больше чем друг. Знаешь, когда в прошлом году умер Источник, я напечатала на этом станке его поэму, целых тридцать копий, чтобы люди взяли домой или подарили хейимас. Это вот последняя копия.

ПАНДОРА:

Это хорошо. Но ты сплутовала! Твой вопрос был скорее риторическим.

АРХИВИСТКА:

Видишь ли, если культура того или иного общества имеет как устную, так и письменную литературную традицию, то люди в нем обычно хорошо владеют риторикой. Но мой вопрос отнюдь не был простой уловкой. Как же вы все-таки добиваетесь того, что информация не превращается в собственность и оружие властей предержащих?

ПАНДОРА:

Благодаря отсутствию цензуры. Благодаря наличию публичных библиотек. Обучая людей читать. И пользоваться компьютерами, и копаться в банках памяти. И еще у нас есть пресса, радио, телевидение, которые не полностью зависят от правительства или рекламы. Не знаю, что еще. Если честно, становится все труднее.

АРХИВИСТКА:

Я вовсе не хотела огорчить тебя, тетушка!

ПАНДОРА:

Я никогда не была такой, как эти чересчур разумные и самоуверенные жители Утопии. Они всегда и здоровее, и разумнее, и логичнее, и правильнее, и добре, и упорнее, и мудрее, чем я, моя семья и все мои друзья. Люди, у которых на все есть ответ, чрезвычайно скучны, племянница! Скучны, скучны, скучны.

АРХИВИСТКА:

Но у меня вовсе нет ответов на все вопросы, и это совсем не Утопия, тетя!

ПАНДОРА:

Черта с два, именно она и есть!

АРХИВИСТКА:

Это просто мечта, явившаяся людям в плохие времена, заветная мечта тех людей, что ездят на снеговых санях, создают ядерное оружие, а директорами тюрем сажают пожилых домашних хозяек. Это критика той цивилизации, которая возможна только для людей, этой цивилизацией созданных; утверждение, претендующее на то, чтобы служить отрицанием; стакан молока для души, изъязвленной кис-

лотным дождем; пацифистские призывы Жакерии и каннибальский танец дикарей в забытых Богом кущах Дальнего Запада.

ПАНДОРА:

Как ты можешь так говорить!

АРХИВИСТКА:

Но это правда.

ПАНДОРА:

Давай-ка лучше спой хейю, как и подобает настоящему дикарию.

АРХИВИСТКА:

Хорошо, если и ты споешь со мною вместе.

ПАНДОРА:

Я не умею петь ваши хейи.

АРХИВИСТКА:

Я с радостью научу тебя, тетушка.

ПАНДОРА:

Что ж, племянница, учи.

ПАНДОРА И АРХИВИСТКА ПОЮТ:

Хейя, хейя, хей,
хейя, хейя.
Хейя, хей, хейя,
хейя, хейя.
Хей, хейя, хейя,
хейя, хейя.
Хейя, хейя, хей,
хейя, хейя.

(Эта хейя поется четыре раза. Ее можно повторять четыре раза, или пять, или девять — или столько раз, сколько вам захочется. А можно и не петь вообще.)

ОПАСНЫЕ ЛЮДИ

По поводу данного романа

В Долине был наиболее распространен роман бытовой, а не героический и не любовный; такие произведения повествовали о повседневной жизни обычных людей в реально существовавших селениях, которые порой находились совсем рядом с тем местом, где проживали сами читатели. Те элементы романов, которые мы можем охарактеризовать как фантастические или сверхъестественные, вовсе не казались таковыми ни авторам, ни читателям; по правде сказать, наиболее часто высказываемой в адрес подобных романов претензией была их чрезмерная реалистичность, правдоподобность, недостаток воображения — короче говоря, «они никогда не выходили за пределы Пяти Земных Домов».

Такой роман обычно содержал некие вполне конкретные фактические данные, основанные на реальных и хорошо известных событиях прошлого, или же по крайней мере использовал подлинные имена реальных людей, живших несколько поколений назад. Как почти во всей художественной литературе и драме кеш, действие романов разворачивалось в реально существующем (или существовавшем) городе и доме. Изобретение, например, некоего десятого города Долины, никогда не существовавшего дома или чего-то подобного воспринималось как неумелое использование художественного воображения, как нечто, прямо противоречащее реальной действительности, а не расширяющее ее границы.

Довольно большой по объему роман «Опасные люди», написанный Словоплетом из Телины, был, разумеется, особенно популярен именно в этом городе, где, собственно, и происходит действие, однако он также был широко известен по всей Долине и распространялся в рукописном виде, причем количество копий достигало ста и более. Оценки благодарных читателей, а также

критиков всегда были неизменно высоки. Это прекрасный образец романного творчества. Для своей книги я выбрали и перевела его вторую главу, которая, в некотором отношении, является примером принципа, по которому построен и весь роман: речь идет о встрече двух людей, об их взаимозависимости, или об их разрыве друг с другом; а затем судьба одного из них прослеживается до его встречи с другим персонажем, и так далее (подобно тому как повторяется рисунок хейдля-иф). Однако в столь изощренном и мудром произведении, как «Опасные люди», подобная структура воспроизводится отнюдь не механически, хотя ее присутствие и ощущается постоянно. Самым необычным элементом книги является использование Словоплетом различных двусмысленностей, намеков, экивоков и лжесвидетельств — для создания и поддержания ореола таинственности вокруг того, куда же «в действительности» исчезла жена Камедана, с кем и почему.

Обычно я даю имена собственные в переводе; мне кажется это правильным, ибо имена у жителей Долины всегда были значимыми и их значения находили и находят самый живой отклик в восприятии людей. Перевод, однако, может порой придать повествованию фальшивый налет фамильярности, а с другой стороны — вызвать ощущение совершенно ненужной отстраненности. Например, имя Камедан значит «заходить в камыши» или «он заходит в заросли камыши или тростника» — это слишком длинно и чересчур необычно для нашего уха; если уж его переводить, то просто необходимо было бы сократить его до «Камыша» или «Тростника». Итак, при переводе этого единственного отрывка я оставила все имена собственные в их исходной форме, что, быть может, позволит читателю взглянуть по-новому на тех людей и предметы, которые эти имена носили. Между прочим, имя Словоплет на языке кеш звучит как Аравна.

ОПАСНЫЕ ЛЮДИ

Глава вторая

Сухой сезон был в самом разгаре, стояла жара, и смолка цвела вовсю, готовая через месяц созреть. Однажды ночью, незадолго до полнолуния, малыш из дома Шамши вдруг заговорил в темноте и попросил:

— Мама, убери этот свет! Пожалуйста, мамочка, убери этот свет!

Камедан, не вставая, на четвереньках перебрался через комнату и прижал мальчика к груди, приговаривая:

— Твоя мама скоро вернется, Анютин Глазки. А сейчас спи, пожалуйста.

Он спел ребенку колыбельную, но уснуть тот не мог; он все смотрел на луну за окном, а потом расплакался и закрыл лицо ладонями. Камедан еще крепче прижал его к себе и почувствовал, как он дрожит. Когда рассвело, мальчик метался в жару, очень ослабел и соображал плохо.

Камедан тогда сказал Шамше:

— По-моему, надо отнести его к Целителям.

— А зачем? — откликнулась Шамша. — Не суетись без толку. Вот он высится как следует, мой внучок, и лихорадку у него как рукой снимет.

Камедан никогда не умел спорить с ней и, оставив сынишку спящим, отправился в ткацкие мастерские. В то утро они возились с мощным ткацким станком, натягивая десятифутовую основу для парусины, и он работал увлеченно, на какое-то время совсем забыв о ребенке; но как только с основой было покончено, сразу бросился домой.

У городского Стержня он встретил Модону с луком за плечами, который направлялся на охотничью сторону горы стрелять оленей, и поздоровался:

— А вот и ты, человек из Общества Охотников, здравствуй!

— А вот и ты, Мельник, — ответил ему Модона и продолжал свой путь, но Камедан сказал ему:

— Послушай, моя жена, Уэтт, вроде бы тоже где-то там, на дикой стороне горы. Я все думаю, может, она заблудилась? Пожалуйста, стреляй поосторожней! — Он знал, что по слухам Модона попадает в упавший с дерева листок на лету. — И еще одно: не мог бы ты громко окликать ее по имени в тех местах, где не будешь выслеживать оленя? Мне все время кажется, что она там разбилась или поранилась и не в состоянии сама добраться домой.

— А я слышал, один человек, что в Унмалин ходил, рассказывал, будто Уэтт там видели, — сказал охотник. — Да они, конечно же, ошиблись.

— Я тоже думаю, что они, наверно, ошиблись, — сказал Камедан. — Может, они просто видели кого-то похожего на Уэтт.

— А есть ли такие женщины, что похожи на Уэтт? — спросил охотник.

Камедан растерялся. Потом сказал:

— Я должен идти домой, сынок у меня заболел.

И поспешил дальше, а Модона тоже пошел своим путем, пряча улыбку.

Клейкая смолка

Малыш лежал в жару, и Камедан очень расстроился. И хотя Шамша сказала ему, что тревожиться не стоит, да и другие обитатели дома говорили то же самое, Камедан все время оставался возле больного. Ближе к ночи температура у мальчика упала, он начал разговаривать, улыбаться и даже немного поел, а потом спокойно уснул. Ночью же — а это как раз была ночь, предшествующая полнолунию, — когда луна заглянула в северо-западное окошко, малыш громко воскликнул:

— Ах, мамочка! Иди ко мне, иди скорей!

Камедан, спавший с ним рядом, проснулся и коснулся его лба рукой. Мальчик был горячий, как головешка. Камедан намочил в воде несколько лоскутов и обернулся ими голову и грудь малыша, а также его запястья, а потом осторожно напоил его холодной водой, в которой была растворена вытяжка из ивой коры. Жар несколько спал, и к рассвету ребенок наконец смог уснуть. Утром, когда все встали, он крепко спал, и Шамша сказала:

— Прошлой ночью, конечно же, был кризис. Теперь ему нужен только покой. Ты ступай себе, ты здесь не нужен.

Камедан отправился в мастерские, но никак не мог сосредоточиться, и все валилось у него из рук.

В тот день ему помогал Сахелм. Обычно он внимательно наблюдал за действиями Камедана и старался во всем подражать ему, учясь его мастерству; но в этот день он видел, что Камедан сам без конца ошибается, а один раз даже вынужден был вмешаться и сказать: «По-моему, это не совсем правильно», чтобы Камедан не сломал станок и не запутал нитки на бобине. Камедан выключил электричество, сел на пол и, свесив голову до полу, закрыл лицо руками.

Сахелм тоже сел на пол с ним рядом скрестив ноги.

Солнце было в зените. Луна находилась как раз на противоположном конце небесной оси.

В мастерской было душно и жарко, а пыль, которая вечно плясала в воздухе, когда работали ткацкие станки, сейчас висела неподвижно.

— Пять дней назад, — проговорил вдруг Камедан, — моя жена Уэтт покинула хейимас Обсидиана. В хейимас мне сказали, что, по ее словам, она собиралась поднять-

ся на Ключ-Гору. В Обществе Крови женщины подтвердили, что она собиралась встретиться с какими-то танцовщиками на поляне, на самой вершине Ключ-Горы, однако туда не пришла. Ее мать утверждает, что Уэтт отправилась в Кастроху и собиралась несколько дней провести там в доме своей тетки, жены тещиного брата. Сестра Уэтт говорит, что та, возможно, пошла в Нижнюю Долину, как часто бывало до ее замужества; она тогда пешком, одна, доходила до морского побережья и обратно. Модона говорит, что люди видели ее в Унмалине.

Сахелм молча слушал.

— Наш малыш, — продолжал Камедан, — просыпается весь в жару, когда в окошко заглядывает луна, и зовет мать, а его бабка говорит, что ничего тут особенного нет. Я же просто не знаю, что делать. Не знаю, где искать Уэтт. И не хочу оставлять мальчика. Но я должен что-то сделать — и ничего сделать не могу! Спасибо, что хоть ты выслушал меня, Сахелм.

Камедан встал и снова включил ткацкий станок. Сахелм тоже встал, и они стали работать вместе. Нитка все время рвалась, бобина цеплялась, и Сахелм сказал:

— Плохой, видно, сегодня день для нас, ткачей.

Но Камедан продолжал работать, пока станок окончательно не вышел из строя. Только тогда он остановил его и сказал Сахелму:

— Оставь меня одного; я попытаюсь распутать попавшие в станок нитки. Может, у меня хоть это получится.

— Позволь лучше мне сделать это, — предложил Сахелм. — А твой малыш, должно быть, очень рад будет поскорей увидеть тебя.

Но Камедан ни за что не хотел уходить, и Сахелм решил, что лучше к нему не приставать. Он вышел из мастерской и направился к Лунному Ручью, на поле, где выращивались съедобные и лекарственные травы. Он еще утром видел там Дьюи, и она была по-прежнему там — сидела под дубом Нехага и ела свежие листья салата. Остановившись в тени огромного дуба, Сахелм сказал:

— А вот и ты, доктор! Здравствуй.

— А это, значит, ты, человек из Четвертого Дома? Ну здравствуй, присаживайся, — откликнулась она.

Он сел с нею рядом. Она выжала сок лимона на листья салата и подала ему. Когда они покончили с салатом, Дьюи сорвала в саду апельсин, и они вместе его съели. Потом они спустились к Лунному Ручью, вымыли руки и вернулись в тень большого дуба Нехаги. Весь день до того Дьюи поливала, полола, подрезала пасынки и собирала созревшие растения, и воздух наполнялся ароматами трав там, где она проходила, и там, где стояли корзины, полные срезанных пасынков и стеблей, прикрытые сеткой, и там, где она разложила на льняной скатерке розмарин, кошачью мяту, лимонник и руту, чтобы высушить их на солнце. Коты все крутились поблизости, мечтая добраться до кошачьей мяты, особенно когда, нагретая солнцем, она начала благоухать совершенно нестерпимо для кошачьего обоняния. Дьюи дала каждому коту по одному стебельку, но если кто-то из них потом приходил и просил еще, она швыряла в него камешками, отгоняя подальше. Одна старая серая кошка возвращалась особенно упорно; она была такая толстая, что ударов мелкими камешками даже не замечала, и такая жадная, что ничто ее не пугало.

— Ты чего это забрел сюда и откуда? Устал ведь не бось? — спросила Дьюи у Сахелма.

— Я прямо из ткацкой мастерской пришел, мы там с Камеданом весь день работали, — ответил юноша.

— Это ведь муж Уэтт? — спросила Дьюи. — Так она еще не вернулась?

— А откуда она должна вернуться?

— Кто-то говорил, что она отправилась к Источникам Реки.

— Интересно, она сама сказала этим людям, что идет туда?

— Этого они мне не говорили.

— Ну а кто-нибудь из них видел, как она туда направлялась?

— Да и об этом они мне как-то не докладывали, — ответила Дьюи и рассмеялась.

— Ну так вот, — сказал Сахелм. — На самом деле получается, что она отправилась одновременно в пять со-

вершенно различных мест! Люди говорили Камедану, что она, во-первых, пошла на Ключ-Гору к Источникам, во-вторых — на встречу с танцорами, в-третьих — в Кастоху, в-четвертых — в Унмалин и, наконец, — на берег Океана. Он все пытается понять, где она. Похоже, ему она вообще ничего не сказала о том, что куда-то собирается уходить, а просто исчезла.

Дьюи бросила в толстую кошку желудем — та теперь подбиралась к кошачьей мяте с юго-восточной стороны. Кошка отошла метров на десять, села к ним спиной и принялась вылизывать задние лапы. Дьюи наблюдала за кошкой. Потом сказала:

— Очень какая-то странная эта твоя история! А может, все эти люди просто врут?

— Не знаю. Камедан говорит, что его маленький сынишка просыпается и плачет по ночам, а бабушка ребенка утверждает, что беспокоиться тут не о чем.

— Что ж, очень возможно, она и права, — сказала Дьюи, чьи мысли были заняты мятою и кошкой, горячим солнцем и тенью дуба, Сахелмом и ею самой, Дьюи, среди всего этого.

К этому времени Дьюи уже около сорока лет прожила в Третьем Доме. Она была маленького роста, полногрудая, с тяжелыми бедрами и гладкими изящными руками и ступнями; она обладала, быть может, несколько излишне медлительными и спокойными манерами, весьма скрытным характером и при этом проницательным, отлично тренированным умом. Когда она вступала в Общество, то называла себя Ходящей Во Сне. Дьюи была матерью теперь уже совсем взрослой дочери, однако замуж за отца этой девушки, мужчину из Дома Обсидиана, так и не вышла. Как и ни за кого другого. Они с дочкой жили в доме сестры Дьюи, который назывался Сохранившийся при Землетрясении, но гораздо чаще ее можно было найти где-нибудь на свежем воздухе или же в Обществе Целителей.

— У тебя дар, Сахелм, — сказала она.

— У меня тяжкое бремя, — возразил он.

— Так отнеси его Докторам, а не Мельникам, — сказала она.

Сахелм показал пальцем: теперь старая толстая кошка медленно подбиралась к кошачьей мяте с юго-западной стороны. Дьюи бросила в нее куском коры, но та все равно успела ухватить несколько стебельков. Дьюи встала, отогнала кошку к самому ручью, вернулась, вся запыхавшаяся, и снова села рядом с Сахелмом в тени дуба.

— Как может один человек отправиться сразу в пять мест? — спросил он.

— Один человек может отправиться только в одно место, а четверо при этом могут соврать.

— А зачем им врать?

— Может, просто из вредности.

— А что, Камедан сделал что-нибудь такое, чтобы ему вредить?

— Никогда он ничего такого не делал, насколько я знаю. Но, кажется, ты упоминал Модону? Так он действительно знает, куда именно пошла Уэтт?

— По-моему, Камедан упоминал его.

— Учти, кроме вредности, еще существует лень — куда проще объяснить, чем поинтересоваться. А помимо вредности и лени, есть еще тщеславие — люди не могут допустить, что не знают, куда она пошла, вот и говорят с уверенностью: она отправилась на Ключ-Гору, она ушла в Вакваху, она улетела на Луну! Ох, не знаю я, куда она пошла, зато знаю кое-какие причины, по которым ничего не знающие люди непременно будут утверждать, что уж они-то знают все.

— А почему же она сама ему ничего не сказала, когда собиралась уходить?

— Вот этого не знаю. А ты хорошо знаком с Уэтт?

— Нет. Я работаю с Камеданом.

— Она такая же красивая, как и он. Когда они поженились, люди называли их Авар и Булекве. Когда они танцевали во время Свадебной Ночи, то были похожи на Людей Радуги. Все смотрели и удивлялись.

Она показала пальцем: старая толстая кошка кралась вдоль участка, по самой его кромке прямехонько к кошачьей мяте. Сахелм бросил в кошку желудь и попал ей в пушистое брюхо; кошка высоко подпрыгнула и бросилась прочь вдоль ручья. Сахелм засмеялся, и Дьюи тоже.

На ветвях дуба, где-то высоко затрещала сойка, ей откликнулась белочка. Пчелы в зарослях лаванды гудели так, словно там все время что-то кипело и бежало на плиту.

— Лучше бы ты не говорила, что она улетела на Луну, — проговорил Сахелм.

— Мне и самой жаль, что я глупость сболтнула. Не подумала, вот с языка и сорвалось пустое слово.

— Мальчик тоже из Дома Обсидиана, — сказал Сахелм.

Не зная о том, что сын Уэтт болен, Дьюи не поняла, почему Сахелм сказал эти странные слова. Она уже устала от бесконечного разговора об Уэтт, ей хотелось спать после того, как она насытилась салатом, и после всего этого длинного жаркого дня. Она попросила:

— Пожалуйста, последи немножко за котами, а? Если тебе, конечно, пока что делать нечего. А я вздремну.

На самом деле она не заснула и время от времени посматривала на Сахелма из-под ресниц и упавших на лицо прядей волос. Он сидел неподвижно, скрестив ноги, положив руки на колени, с совершенно прямой спиной. Он был значительно моложе Дьюи, но сейчас, сидя вот так неподвижно, юнцом не выглядел. Когда он о чем-то рассказывал, то всегда казался мальчишкой; когда застывал в неподвижности — стариком, старым камнем.

Подремав немного и чувствуя себя отдохнувшей, Дьюи сказала:

— Хорошо ты сидеть умеешь.

— Меня этому хорошо научили — сидеть, смотреть и слушать, — ответил он. — Когда я подростком учился в хейимас Желтого Кирпича в Кастохе, мой учитель говорил мне, что нужно сидеть достаточно неподвижно и достаточно долго, чтобы увидеть каждое движение и услышать каждый звук во всех шести направлениях, а самому стать седьмым.

— И что же ты увидел? — спросила она. — Что услышал?

— Вот здесь, сейчас? Все и ничего. Разум мой был неспокоен. Он не желал сидеть неподвижно. Он все время бегал туда-сюда, как белка вон там, в ветвях дуба.

Дьюи рассмеялась. И подобрала с травы утиное пе-
рышко, скорее даже пушинку, легкую, как дыхание. Она
сказала:

— Твой ум — белка; а Уэтт — потерянный белкой же-
лудь.

— Ты права, — сказал Сахелм. — Я думал о ней.

Дьюи дунула на перышко, и оно, взлетев в воздух, плавно опустилось на сущащиеся травы. Потом она за-
метила:

— Становится прохладно.

Встала и пошла проверять, насколько подсохли тра-
вы, собирая их в широкие плоские корзины, похожие
на подносы, или связывая в пучки, чтобы потом подве-
сить и досушить. Она сложила плоские корзины одну на
другую стопкой, и Сахелм помог ей отнести их в кладо-
вую, которой пользовались фармацевты из Общества
Целителей. Кладовая находилась неподалеку от северо-
западной городской площади и была похожа на землян-
ку — наполовину вкопанная в землю, с каменными сте-
нами и крышей из кедровых бревен. Все дальнее поме-
щение в ней было занято травами, сущащимися и уже
высушеными. Дьюи, войдя в кладовую, запела песню
и, развешивая и раскладывая новые травы, допела ее до
конца, почти прошептав про себя последние слова.

Стоя в дверях, Сахелм сказал:

— Ну и пахнет здесь. Прямо голову потерять можно.

— Прежде чем разум научился видеть, он познал за-
пах и вкус, а также прикосновение. — откликнулась
Дьюи. — Даже слух — тоже своего рода прикосновение
к предмету, только очень легкое. Очень часто в этом
Доме человек должен закрыть глаза, чтобы научиться
видеть.

— Зрение — это дар солнца, — сказал молодой чело-
век.

— И луны тоже, — сказала целительница.

Она дала ему пучок сладкого розмарина, чтобы но-
сить в волосах, и, протягивая траву, сказала:

— Именно то, чего ты боишься, тебе и нужно, по-
моему. Мне не хотелось бы отдавать тебя Мельникам,
человек из Кастохи!

Сахелм взял веточку розмарина и понюхал ее, но ничего не сказал.

Дьюи вышла из кладовой и направилась к себе, в дом Сохранившийся при Землетрясении.

Сахелм пошел к себе, в дом Между Садами, самый последний в среднем ряду городских домов, где он жил с тех пор, как Кайликуша отослала его прочь. Семья из Дома Желтого Кирпича отдала ему свободную комнату с балконом. В тот вечер была его очередь готовить ужин для всех, и, после того как они поели и убрали со стола, он снова вышел на улицу и направился к дому Шамши. Солнце село у него за спиной, полная луна поднималась прямо перед ним над северо-восточной грядой. Он немного постоял в саду, когда увидел восходящую луну между двумя домами. Он стоял неподвижно, не сводя глаз с луны, а та поднималась все выше и сияла все ярче своим белым светом на темно-синем небе.

В это время какие-то нездешние люди как раз входили в Телину вдоль юго-восточной Руки — три ослика, три женщины, четверо мужчин. У людей были заплечные мешки, а шляпы низко надвинуты на лоб. Один из мужчин тихонько отбивал ритм на маленьком барабане, висевшем у него на шее. Кто-то из соседнего дома поздравился с незнакомцами с балкона второго этажа: «Эй, люди Долины, вот и вы, здравствуйте!» На балконах других домов тоже стали появляться люди, чтобы посмотреть, откуда это так много чужеземцев сразу пришло в их город. Путешественники остановились, и мужчина с маленьким барабаном ногтями выбил последнюю, очень четкую и чистую, мелодию из Песни Дождя и громко воскликнул:

— Эй, жители Телины, значит, вы здесь живете счастливо и красиво! Здравствуйте! Мы пришли к вам — как двуногие, так и четвероногие, всего вместе двадцать шесть ног у нас, и ноги эти еле волочатся от усталости, но мы все равно готовы танцевать на цыпочках от радости, говорить по-человечьи и кричать по-ослиному, петь и играть на своих флейтах и барабанах, больших и маленьких, потому что мы идем от одного города к другому туда, куда нам нужно, а прияя туда, мы, когда нам

нужно, останавливаемся там, устраиваемся, раскрашиваем свои лица, переодеваемся и изменяем для вас мир!

Кто-то спросил с балкона:

— А какую пьесу вы играете?

Барабанщик ответил:

— Сыграем такую, какая вам по душе!

Люди начали выкрикивать названия пьес, которые хотели бы посмотреть. Барабанщик на каждое предложение отвечал:

— Да, эту мы сыграем, да-да, и эту мы тоже сыграем. — Он был готов сыграть их все хоть на следующий день прямо на центральной городской площади.

Какая-то женщина крикнула из окошка:

— Это тот самый город, который вам нужен, артисты, и время тоже подходящее!

Барабанщик засмеялся и махнул рукой одной из пришедших с ним женщин, которая стояла отдельно от остальных, вся залитая лунным светом, там, где лунные лучи, пронизывая воздух, скользили по земле между садовыми деревьями и между домами. Барабанщик сыграл пять аккордов и еще пять, и актеры запели Мелодию Продолжения, и та женщина, высоко воздев руки, исполнила танец из спектакля «Тоббе», изображая духа пропавшей жены. Танцуя, она то и дело вскрикивала слабым тонким голосом, а потом шагнула во тьму — исчезла в густой тени, отбрасываемой домом, — и всем показалось, что она исчезла по-настоящему. Барабанщик сменил ритм; флейтистка взяла свою флейту и начала танцевать танец с притопываниями; и так, перекликаясь и играя пьесу на ходу, актеры двинулись дальше, по направлению к городской площади, но теперь видны были только девять теней из десяти.

Та женщина, что танцевала первой, прошла дальше в тени вдоль стен неосвещенных домов, пока не добралась до дома Шамши, стоявшего среди огромных олеандров, покрытых белыми цветами. Там, залитый белым светом, застыл мужчина, не сводивший глаз с луны. Женщина заметила его еще раньше — он неподвижно стоял спиной к актерам, которые пели и играли на музыкальных инструментах, и к ней, танцевавшей танец призрака.

Она довольно долго, скрываясь в тени олеандров, смотрела на него, а он по-прежнему не сводил глаз с луны. Потом она прошла, прячась в тени, к Виноградникам Шепташ, и села там в укромном местечке, под виноградными лозами. Оттуда она продолжала наблюдать за неподвижным человеком. Когда луна в небе поднялась еще выше, женщина прошла по кромке виноградника до угла абрикосового сада, что находился за Домом Благополучия, и некоторое время постояла, прячась в тени его террас и балконов, следя за незнакомцем. Он по-прежнему не шевелился, и она скользнула прочь, не замеченная никем, пробираясь обратно к городской площади, где остальная часть ее труппы уже располагалась на ночлег.

Сахелм продолжал стоять неподвижно, теперь его голова была откинута назад, лицо поднято, глаза внимательно глядели на луну. Для него каждое движение собственных век было подобно медленному раскату барабанной дроби. И ничего больше не замечал он вокруг, только свет луны да грохот тьмы.

Значительно позже, когда уже были погашены огни в домах, а луна висела над кромкой юго-западных гор, к нему подошел Камедан и окликнул его по имени: «Сахелм! Сахелм! Сахелм!» Когда он в четвертый раз произнес имя «Сахелм!», мечтатель шевельнулся, вскрикнул, содрогнулся и упал на четвереньки. Камедан помог ему встать, приговаривая:

— Пойди к Целителям, Сахелм, пожалуйста, ради меня.

— Я ее видел, — сказал Сахелм.

— Пожалуйста, ступай к Целителям, — уговаривал его Камедан. — Я боюсь брать мальчика с собой, боюсь и

оставить его дома одного. Остальные там все с ума, видно, посходили и не желают ничего предпринять!

Глядя на Камедана в упор, Сахемл повторил:

— Я видел Уэтт. Я видел твою жену. Она стояла возле твоего дома. У северо-восточных окон.

Камедан сказал лишь:

— Мой мальчик умирает, — и выпустил руки Сахемла. Тот не смог устоять на ногах и снова упал на колени. Камедан повернулся и бегом бросился назад к своему дому.

Он влетел в комнату, подхватил ребенка, завернул его в одеяло и понес к дверям. Шамша бросилась за ним, накинув одеяло на плечи, седая, с растрепанными волосами, падавшими ей на глаза:

— Ты что, спятил? С ребенком же все в порядке! Что это ты делаешь? Куда ты его несешь? — Потом она влетела в комнату к Фефинум и Таи, громко крича: — Муж вашей сестры сошел с ума, остановите же его!

Но Камедан уже выбежал из дома и устремился к хейимас Змеевика, к Целителям.

Там не было никого, кроме Дьюи, которая в полночь спать не могла. Она читала при свете лампы.

Камедан сказал перед дверью нужные слова и вошел, неся на руках ребенка.

— Этот мальчик из Первого Дома, по-моему, очень болен, — проговорил он, обращаясь к Дьюи.

Дьюи встала, приговаривая, как это делают все врачи в подобных случаях:

— Ну-ну-ну, посмотрим-ка, что у нас тут такое?

Она не торопилась и была спокойна. Показала на тростниковую лежанку, и Камедан положил мальчика туда.

— Он у тебя задыхается? Весь горит? Похоже, лихорадка, да? — спрашивала она и, пока Камедан отвечал на ее вопросы, наблюдала за мальчиком, который почти совсем проснулся, очень испугался и тихонько хныкал. Камедан же спешил выговориться:

— Прошлую ночь и за ночь до этого он горел как в огне. Днем жар у него спадает, но стоит луне взойти, он снова и снова зовет мать. Но никто в доме не обращает

на это внимания, все твердят мне, что с ним все в порядке.

Дьюи сказала:

— Отойди-ка вон туда, на свет. — Она пыталась заставить Камедана хоть ненадолго оторваться от ребенка, но несчастный отец ни за что не хотел оставить его хотя бы на миг. Тогда она велела ему: — Говори, пожалуйста, спокойнее и тише. Один маленький человечек очень хочет спать, а еще он немножко напуган. Как давно он живет в Лунном Доме?

— Три зимы, — отвечал Камедан. — Его имя Торип, но у него есть прозвище, мать зовет его Аниотины Глазки.

— Ну что ж, хорошо, — сказала Дьюи. — Да, такой мальчик с золотистой кожей и хорошенъким маленьким ротиком, действительно похож на цветочек. Так, ну сейчас-то у нашего цветочка никакого жара нет, или почти никакого. Дурные сны ему снятся, верно? Плачет по ночам и просыпается, верно? Так было? — Она говорила неторопливо и спокойно, и Камедан отвечал ей почти таким же тоном:

— Да, он плачет, даже когда я беру его на руки, и становится ужасно горячим.

Целительница сказала тогда:

— Видишь, здесь очень тихо, и свет здесь спокойный, и человек здесь засыпает очень легко... Пусть он теперь поспит; иди-ка сюда. — На этот раз Камедан последовал за ней охотно. Они остановились на другом конце комнаты, возле лампы, и Дьюи сказала: — Ну а теперь вот что: я ничего как следует не поняла; пожалуйста, расскажи мне снова, что у него не в порядке.

Камедан заплакал и сказал:

— Она не приходит. Он зовет, но она не слышит и не приходит. Она ушла навсегда.

Мыслями Дьюи все еще была в той книге, которую читала до прихода Камедана, а потом все ее внимание целиком переключилось на ребенка, так что лишь когда он заплакал и сказал эти слова, она наконец вспомнила, о чем ей рассказывал днем в тени дуба Сахелм.

Камедан продолжал, на этот раз громче:

— Бабушка ребенка говорит, что все в порядке, не о чем беспокоиться — но как это: мать исчезла, ребенок болен и не о чем беспокоиться!

— Тише, — сказала Дьюи. — Пожалуйста, говори тише: дай ему поспать. А теперь вот что: действительно никуда не годится таскать малыша туда-сюда. Пусть он всю ночь проспит здесь, и ты, разумеется, тоже будешь с ним. Если поможет лекарство, дадим лекарство. Если нужно будет «вынесение приговора», мы сделаем и это, хотя, может быть, консилиум будет нужен даже для вас обоих; и вообще, утро вечера мудренее, так что все, что нам с утра покажется разумным и правильным — особенно после того, как мы все обсудим и осмотрим ребенка, — то мы и станем делать. А сейчас и для тебя тоже самое лучшее — лечь и постараться заснуть, так мне кажется. Сама я во время полнолуния спать не могу и посижу вон там, на пороге. Если малыш заплачет, если ему что-нибудь привидится или он нечаянно проснется, то я буду на месте; я все равно не усну и буду внимательно слушать и все услышу. — Говоря так, она уже расстягивала на полу возле кущетки матрас, а потом прибавила еще: — А теперь, брат мой из Дома Змеевика, пожалуйста, ложись. Ты устал не меньше, чем твой сынок. Если тебе захочется поговорить еще, ты проснешься и увидишь, что я сижу у порога; ты можешь даже не вставать и разговаривать со мной, а я буду тебе отвечать. Наконец-то наступает ночная прохлада, самое лучшее время для сна. Тебе там удобно?

Камедан поблагодарил ее и некоторое время лежал молча.

Дьюи спела себе под нос старинную песню, как бы убаюкивая его. Голосом своим она владела отлично; она пела все тише и тише, пока песня не стала звучать почти как легкое дыхание, а потом замерла совсем. Через некоторое время Дьюи слегка пошевелилась, чтобы Камедан понял, что песнь окончена, если он все еще не уснул и ему хочется поговорить.

— Я не понимаю этих людей из дома матери моего сына! — сказал Камедан. Он уже привык к манере Дьюи вести себя и даже в темноте понял, что она его слушает, а потому продолжал: — Когда Мельник женится и вхо-

дит в такую семью, чья жизнь и работа связаны только с Пятым Земными Домами, да еще если они люди консервативные, суеверные и уважающие старые порядки, то это, знаешь ли, совсем нелегко. Нелегко для всех. Я это понимал, я понимал, каково им приходится. Именно поэтому я и вступил в Цех Ткачей, когда женился. От природы-то у меня склонность к технике, вот ведь в чем дело. Нельзя же совсем не обращать внимания на собственные задатки, верно? Надо только постараться использовать их на благо себе и другим, чтобы они не мешали тебе жить с другими людьми, с твоей семьей. Когда я увидел, как жители Телины ходят в Кастоху за парусиной, потому что никто здесь никогда не пользовался ткацкими станками, чтобы ткать парусину или хотя бы широкий холст, я подумал: вот это как раз для меня, такую работу они должны понять и одобрить, а заодно и я смогу применить здесь свои способности и свои умения, которые получил в Обществе Мельников. Я уже четыре года член Цеха Ткачей. Кто еще, кроме меня, в Телине делает широкоосновные полотна? Пrostыни, парусину, широкий холст? С тех пор как Хоуне покинул мастерские, всю подобную работу делаю я. Теперь вот еще у меня есть ученики — Сахелм и Азоле-Вероу, и у них уже хорошо получается. Я их учитель, они уважают меня. Но ни одно из моих достоинств ничуть не ценится в семье моей жены. Им совершенно не интересно, какую работу я делаю сейчас, для них я все равно «Мельник». Они не только меня не уважают, они мне не доверяют! Они до сих пор жалеют, что она не вышла замуж за кого-нибудь другого. Этот ребенок — он, с их точки зрения, ребенок Мельника. К тому же он всего лишь мальчик. Он им совершенно безразличен. Пять дней, целых пять дней миновало с тех пор, как она ушла, не сказав ни слова, а им хоть бы хны, только и делают, что бубнят: не волнуйся, чего это ты так расстраиваешься, да она всегда бывала хаживала на побережье одна! Они делают из меня дурака — таким они хотели бы меня видеть. Встает луна, и мой сынок снова начинает плакать и звать мать, а они все повторяют: да что ты, все в порядке! Ложись и спи, дурак!

Голос его невольно зазвучал громче, и ребенок щебельнулся во сне. Камедан умолк.

Через некоторое время Дьюи тихонько попросила:

— Расскажи мне, как это случилось, что Уэтт ушла.

— Я вернулся домой после работы, — начал Камедан, — мы возились с генератором на Восточных Полях. Меня специально туда позвали на небольшой совет; ты ведь знаешь, там кое-что нужно сделать, и люди из Общества Мельников должны были посоветоваться и решить, как быть. На это ушел целый день. Ну вот, вернулся я домой, а Таи как раз готовил обед. Больше никого дома не было, и я спросил: «А где Уэтт и Анютины Глазки?» Таи ответил: «Твой сын с моей женой и дочерью, а Уэтт ушла в горы, к Источникам». Вскоре из садов вернулась Фефинум с обоими малышами. Откуда-то пришла и бабушка. Потом появился дед. Мы вместе поели, и я решил подняться немного по склону Горы навстречу Уэтт, чтобы вместе с ней вернуться домой. Но она так домой и не пришла. Ни в ту ночь, ни потом.

— А скажи-ка мне, Камедан, что ты сам обо всем этом думаешь? — спросила Целительница.

— Я думаю, что она ушла не одна. С кем-то еще. И, по-моему, не собиралась оставаться с этими людьми надолго. Я не слышал о том, что кто-то пропал. Или что кто-то откуда-то не вернулся. Возможно, она где-нибудь совсем недалеко. Она вполне могла просто забрести на ту сторону Горы и заблудиться в лесу. Или осталась в чьей-то летней хижине из тех, что повыше, в горах. А может быть, она ненадолго отошла с той поляны на вершине, где они танцевали, просто чтобы побывать одной, и упала в трещину или поранилась. С людьми ведь всякое случается, они могут ногой в ловушку попасть, и упасть неудачно, и лодыжку сломать в этих ущельях. Там ведь совсем дикие места, на южной стороне Горы, да и на юго-восточной тоже. Там и троп-то нормальных нет, так, охотничьи тропинки, там заблудиться ничего не стоит. Там если разок неправильно свернешь, сразу заплутаешь. Со мной такое один раз случилось. Так я в итоге вышел к Чукулмасу, хотя считал, что весь день иду на юго-запад! Я просто своим глазам поверить не мог — решил, что каким-то образом

забрел в совсем чужой город в Долине Ошо. Ну а когда увидел Башню Чукулмаса, то очень удивился и думаю: а она-то как здесь оказалась? Никак я этого понять не мог. Потом выяснилось, что ходил я по кругу. Вполне возможно, что с Уэтт получилось как раз наоборот: она думала, что поворачивает назад, а пошла совсем в другую сторону и сейчас, возможно, уже где-то далеко за пределами Долины, среди людей Ошо, и совсем не представляет, как ей попасть домой. Или же — и вот это-то беспокоит меня больше всего — с ней случилось какое-то несчастье, может, сломала руку или ногу и никто не слышит ее криков о помощи, и она будет лежать в ущелье, пока не приползет гремучая змея. У меня просто все мысли путаются, когда я об этих гремучих змеях думаю.

Камедан умолк. Дьюи тоже некоторое время молчала. Потом сказала:

— Так, может, стоит подняться на Ключ-Гору и громко позвать ее? Или, может быть, у вас есть собака, которая хорошо знает Уэтт и сумеет ее отыскать по следу?

— Ее мать, сестра и все остальные родственники говорят, что это было бы глупо; все они считают, что Уэтт пошла в нижнюю часть Долины, к устью Великой Реки На, или наверх к Источникам. Фефинум уверена, что Уэтт отправилась вниз по течению. Она часто делала это и раньше. Возможно, сейчас она уже возвращается домой. Я понимаю, это глупо с моей стороны — так беспокоиться. Но мальчик все просыпается по ночам, все плачет и зовет ее.

Дьюи не ответила. Некоторое время спустя она принялась еле слышно напевать благословляющую песню Дома Змеевика:

Где трава растет, иди смело, ступай легко.
Где трава растет, иди смело.

Камедан знал эту песню. Он не стал петь вместе с Дьюи, но просто слушал. Она пела очень-очень тихо, и голос ее звучал все слабее, пока песня не превратилась в почти неслышное дыхание. После этого они больше не разговаривали, и Камедан уснул.

Утром мальчик проснулся рано и некоторое время изумленно озирался вокруг. Знакомым здесь был только

отец, спавший рядом с лежанкой. Анютины Глазки никогда еще не спал на большой лежанке с ножками, и ему было чуточку страшновато: казалось, что можно выпасть из такой высокой постели, но и этот страх был ему почему-то приятен. Некоторое время он лежал тихо, а потом слез с лежанки, перешагнул через ноги отца и направился к двери, чтобы выглянуть наружу. На пороге, свернувшись в клубок, спала незнакомая женщина, так что он пошел в другую сторону, во внутреннюю комнату. Там он увидел множество прекрасных стеклянных кувшинов, разноцветных бутылочек и коробочек различной формы, множество керамических сосудов и плошек, и еще несколько машинок с ручками, которые можно было повернуть. Он повернул все ручки, до каких смог дотянуться, а потом снял с полки сперва один кувшинчик из цветного стекла, потом второй, пока вокруг него на полу не оказалось более чем достаточно разноцветной посуды. Тогда он начал расставлять их по росту. В некоторых что-то было, и оно гремело, если кувшин потрясти. Он потряс все кувшины по очереди. Потом открыл один, чтобы посмотреть, что там внутри, и увидел серый грубого помола порошок, который он принял за песок. В другом был тоже песок, только гораздо более мелкий и белый. В синем стеклянном кувшинчике была какая-то черная вода. В красном — коричневый мед; мед прилип к его пальцам, и он облизал их. Мед на вкус был почему-то горьковатый, точно сырье желуди, но мальчик был голоден и продолжал облизывать пальцы. Он как раз открывал следующий сосуд, когда заметил, что та женщина стоит в дверях и смотрит на него. Тогда он сразу прекратил свои исследования и застыл, окруженный разноцветными кувшинами и бутылочками. Черная вода, что была в одном из них, вытекла на пол и впиталась, потому что пол был земляной. Увидев это, он почувствовал, что ему нестерпимо хочется писать, но не решился даже сдвинуться с места.

— Так-так-так, — сказала Дьюи. — Значит, ты, Анютины Глазки, с утра пораньше за работу принялся! — Она вошла в аптеку, и мальчик сел на пол, съежившись, чтобы казаться незаметнее.

— Это вот что такое? — спросила Дьюи и подняла с пола красный кувшинчик. Потом посмотрела на малыша, взяла его ручонку и понюхала. — У, какая липкая! Ну, Анютины Глазки, теперь тебе запора не миновать, — заявила она ему. — Вот когда ты станешь Целителем, тогда, пожалуйста, приходи и пользуйся всеми этими вещами. А пока ты до врача еще не дорос, лучше ничего здесь не трогай. Давай-ка выйдем на улицу.

Мальчик громко расплакался в ответ. Он все-таки не выдержал и описался.

— О Источник Желтой Реки! — воскликнула Дьюи. — Давай-ка побыстрее выходи отсюда! — Но он ни за что не хотел вставать, так что ей пришлось подхватить его на руки и вытащить на крыльце.

Проснувшийся Камедан вышел к ним. Мальчик стоял смирно, а Дьюи обмывала ему попку и ножки.

— С ним все в порядке? — спросил Камедан.

— Он весьма заинтересовался профессией врача, — сказала Дьюи. Мальчик захныкал — стал проситься к отцу на ручки. Дьюи подняла его и отдала Камедану; мальчик оказался между ними в лучах восходящего солнца, объединяя их, словно стержень. Он крепко обнимал отца за шею и ни за что не желал смотреть на Дьюи, потому что ему было стыдно.

— Послушай-ка, братец, — сказала Дьюи Камедану, — вместо того чтобы сегодня с утра отправляться в мастерские, пойди-ка лучше куда-нибудь вместе с малышом, поработайте вместе немножко, только в полдень пострайся увести его в тень и непременно позаботься, чтобы там, куда ты пойдешь, воды для питья было в достатке. Так ты сможешь сам убедиться, болен твой мальчик или здоров. По-моему, ему просто давно хотелось побывать с тобой, ведь матери-то дома нет. Ты можешь вернуться сюда к исходу дня с ним вместе, и тогда мы обсудим, нужны ли ему целительные песни или «вынесение приговора», а заодно поговорим и о других вещах. Поговорим, посмотрим. Хорошо?

Камедан поблагодарил ее и ушел, неся сынишку на плечах.

Прибравшись в аптеке, Дьюи отправилась домой, чтобы вымыться и позавтракать. А потом прямиком пошла

к дому, где жил Камедан. Ей хотелось поговорить с родной Уэтт. По дороге ей встретился Сахелм, который сказал:

— Я ночью видел Уэтт.
— Ты ее видел? Где же?
— У дома.
— Так сейчас она дома?
— Этого я не знаю.
— Кто еще видел ее?
— Не знаю.
— Уэтт-видение, или же Уэтт во плоти?
— Не знаю.
— Кому ты об этом говорил еще?
— Никому, только тебе.
— Ты сумасшедший, Сахелм, — заявила Целительница.
— Что же ты тут ночью делал? Луной любовался?
— Я видел Уэтт, — снова сказал Сахелм, но Целительница только рассердилась и отрезала:

— Все видели Уэтт! И все в разных местах! Если она здесь, то должна быть у себя в доме, а не около него. А остальное — просто бред сумасшедших. Я иду сейчас в дом ее матери, чтобы поговорить с женщинами. Пойдем со мной вместе, если хочешь.

Сахелм ничего не ответил, и Дьюи продолжила свой путь по огородам. Он смотрел, как она пробирается сквозь заросли олеандра к дому Шамши. Кто-то на верхнем балконе дома вытряхивал одеяла и развешивал их на перилах для проветривания. День уже наливался жарой. На огородах повсюду виднелись желтые цветы кабачков и помидоров, а цветы баклажанов были просто прекрасны. Сахелм со вчерашнего дня, когда его угостили листьями салата с лимоном, ничего больше не ел, и голова у него слегка кружилась. Вдруг он почувствовал, что находится одновременно как бы в двух различных местах: один «он» стоял среди цветущих кабачков, а другой — находился на склоне неведомого холма и беседовал с какой-то женщиной, одетой в белое. И женщина эта сказала ему:

— Я Уэтт.
— Нет, ты не Уэтт.
— А кто же я тогда?

— Этого я не знаю.

Женщина засмеялась, закружилась, закрутилась волчком. И голова у Сахелма тоже пошла кругом. А потом он снова весь очутился в одном месте — почему-то стоял на четвереньках между кустами помидоров. Какая-то женщина стояла с ним рядом и что-то ему говорила. Он сказал:

— Так, значит, ты Уэтт!

— Ты это о чём? — спросила его женщина. — Ты идти-то можешь? Давай-ка уходи поскорей с солнца. Может, ты слишком долго постился? — Она помогла ему подняться, а потом, поддерживая за плечи, отвела в тень, под навес, где были сложены сетки для сушки трав и фруктов — здесь начинались виноградники Педодукса. Она легонько подтолкнула его, чтобы он сел. — Ну что, не лучше тебе? — спросила она. — Я помидоры собирать пошла, вижу, ты там с кем-то разговариваешь; а потом ты упал. С кем это ты там разговаривал, а?

— А ты кого-нибудь видела? — спросил он.

— Не знаю. Кусты такие густые, что мне плохо видно было. Вроде бы там какая-то женщина была.

— А в чём она была, просто в белом платье или из некрашеного полотна?

— Не знаю. Я здешних людей вообще плохо знаю, — сказала женщина. Она была стройная, сильная, молодая, с очень длинными волосами, заплетенными в косы, и в свободной белой рубахе, перепоясанной тканым разноцветным поясом; в руках у нее была корзинка.

— Да, я постился, — сказал Сахелм, — чтобы войти в транс. Наверно, мне надо теперь пойти домой и отдохнуть немного.

— Сперва съешь что-нибудь, — сказала ему молодая женщина. Она отошла в сторонку и сорвала несколько слив и желтых грушевидных помидоров. Она принесла все это Сахелму и проследила, чтобы он поел. Ел он очень медленно.

— Ух, какие сочные, — сказал он.

— Ты очень ослаб, — сказала она. — Тебе нужно поесть как следует, так что съешь все — это плоды твоих садов, поданные тебе чужестранкой. — Когда Сахелм

покончил с едой, женщина спросила: — А в каком доме ты живешь?

— В доме Меж Садов, — ответил он. — А ты живешь в доме Шамши, вон там. Вместе с Камеданом.

— Больше нет, — сказала она. — Ну а теперь давай-ка вставай. Покаже мне, где стоит твой дом, что расположено между садами, и я тебя туда провожу. — Она проводила его к дому, поднялась по лестнице на второй этаж, вошла в ту комнату, где он жил, расстелила ему постель и велела: — А теперь ложись. — И как только он повернулся, чтобы лечь, она тут же ушла.

Выйдя из дома, женщина увидела какого-то мужчину, который спускался в Телину между Холмами Телори по тропинке вдоль ручья, и шел он с охотничьей стороны, неся на плече убитого оленя. Она поздоровалась с ним.

— Хейя, гость, идущий из Правой Руки, к тебе мое слово и моя благодарность! Здравствуй же, Охотник из Телины!

— Здравствуй, Танцовщица из Ваквахи! — откликнулся он.

Она некоторое время шла с ним рядом.

— Очень красивый он, этот олень из Дома Синей Глины, что отдал себя тебе. Ты своими песнями, должно быть, хорошо убеждать умеешь. Расскажи-ка мне, как у тебя охота прошла.

Модона рассмеялся:

— Я вижу, ты понимаешь, что в охоте главное — рассказать о ней. Ну так вот, поднялся я на Ключ-Гору засветло и заночевал в одной охотничьей хижине, которую хорошо знаю, очень укромное местечко. На следующий день я выследил оленей. Я заметил, какая оленуха ходит с двумя самцами, какая — с одним, а какая — с самцом и годовалым теленком. Я видел, где они встречаются и собираются и как ведут себя олени-самцы, когда остаются одни. Я выбрал вот этого остророгого олешка и решил ему спеть и уже начал петь про себя, но в сумерках он сам явился ко мне и умер от моей стрелы. Я спал рядом со смертью, и в утренних сумерках ко мне подошел койот, который тоже пел. Теперь я несу этого мертвого оленя в хейимас; им там нужны олени копыта

для Танца Воды; а шкура пойдет Дубильщикам, а мясо — старым женщинам из моего дома, чтобы они его навялили впрок; а рога... Может, тебе нужны эти рога для твоего танца?

— Нет, рога мне не нужны. Отдай их своей жене!
— Такого существа на белом свете нет, — заявил Модона.

Запах крови, мяса и шерсти убитого животного был острым и сладким. Голова оленя покачивалась совсем близко от плеча танцовщицы, в такт шагам Модоны. Семена травы и засохшие стебельки прилипли к открытому оленему глазу. Заметив это, танцовщица мигнула и протерла свои глаза. Потом сказала:

- Откуда ты узнал, что я из Ваквахи?
- Я уже видел, как ты танцуешь.
- Но только не в Телине!
- Может, и не здесь.
- Может, в Чукулмасе?
- Может быть.

Она засмеялась и сказала:

— А может быть, в Кастохе? А может быть, в Ваквахе? А может быть, в Абаба-бадаба-не? Ну, так или иначе, а сегодня вечером ты сможешь увидеть, как я буду

танцевать в Телине. Какие все-таки странные мужчины у вас здесь!

— Что же они такого сделали, что заставили тебя так думать про них?

— Один из них видит, что я танцую, когда я вовсе не танцую, другой не видит, что я танцую, когда я исполняю танец.

— Что же это за мужчина такой? Камедан?

— Нет, — ответила она. — Камедан живет вон там, — и она показала на дом Шамши, — хотя тот странный мужчина утверждает, что это я живу там. А сам он живет вон там, — и она показала вдоль руки города в сторону дома Меж Садов, — и у него бывают странные видения среди помидорных кустов.

Модона промолчал. Он все продолжал искоса рассматривать на нее поверх мертвого оленя, стараясь не поворачивать при этом головы в ее сторону. Они подошли к огородам, и Изитут остановилась со словами:

— Я пришла сюда, чтобы нарвать помидоров для нашей труппы.

— Если твоим актерам еще и мясо понадобится, то пожалуйста, вот оно. Вы здесь, наверно, несколько дней пробудете? Тушу сперва ведь непременно нужно подвесить.

— Но ведь это мясо нужно старым женщинам из твоего дома, они собирались вялить его.

— Я дам им, сколько нужно.

— Вот настоящий охотник! Всегда все раздает! — сказала танцовщица, смеясь и показывая свои зубки. — Мы пробудем здесь по крайней мере четыре или пять дней.

— Если вам нужно мясо на все это время, я могу подстрелить еще олененка на жарево. Сколько вас всего?

— Девять и еще я, — сказала Изитут. — Этого оленя вполне достаточно; мы и так будем переполнены мясом и преисполнены благодарности. Скажи, что нам сыграть на пиру, который ты для нас устроил?

— Сыграйте «Тоббе», если можно, — сказал Модона.

— Мы сыграем «Тоббе» на четвертый день.

Она рвала помидоры, желтые грушевидные и маленькие красные, и складывала в корзинку. День был жар-

кий и солнечный, наполненный разнообразными ароматами, цикады пронзительно орали вокруг, не умолкая ни на минуту. Мухи слетались на кровь, застывшую на шкуре мертвого оленя.

— Тот человек, которого ты встретила здесь, — сказал Модона, — тот мечтатель, которому все что-то мерещится, пришел сюда из Кастохи. Он все время немножко притворяется сумасшедшим. Но на самом деле он не входит в Четыре Дома, а всего лишь бродит возле них, смотрит и что-то бормочет, кого-то обвиняет, что-то свое придумывает.

— Лунатик какой-то, — сказала Изитут.

— А из какого ты Дома, женщина из Вакваки?

— Из Дома Луны, мужчина из Телины.

— А я из того же Дома, что и этот олень, — сказал Модона, приподнимая голову животного так, чтобы казалось, что он смотрит перед собой. Язык оленя распух и торчал из почернелых губ. Танцовщица отшатнулась и двинулась прочь, срывая помидоры с высоких, остро пахнущих кустов.

— А что вы будете играть сегодня вечером? — спросил охотник.

Изитут ответила ему из-за кустов:

— Я это узнаю, когда вернусь к своим и принесу им помидоры. — И она двинулась дальше, продолжая рвать плоды.

Модона пошел на площадь для танцев. Возле своей хейимас он остановился, положил мертвого оленя на землю и отрезал своим большим охотниччьим ножом все четыре копыта. Потом обчистил их, вытер об траву, связал веревкой и привязал к бамбуковой палке, а палку воткнул в землю возле юго-западного угла хейимас, чтобы копыта просохли на солнце. Потом спустился в хейимас — умыться и поговорить. Но когда он снова поднялся по лестнице на крышу, вылез наружу и спустился с западной стороны, то туши оленя не обнаружил. Он изумленно огляделся, но ее там не было.

Он обошел всю хейимас кругом, потом всю площадь для танцев, торопливо и жадно ища глазами хотя бы следы. Несколько человек подошли к нему и поздоровались, и он спросил:

— Тут у меня мертвый олень лежал, да вот только куда-то подевался. Вы не знаете куда?

Они засмеялись.

— Учтите, тут двуногий койот бродит, — сказал тогда Модона. — А если увидите остророгого оленя, что сам ходит без копыт, дайте мне знать! — И бегом бросился мимо Стержня на городскую площадь. Труппа актеров из Вакваки в полном составе сидела кружком в тени галереи и угощалась хлебом, овечьим сыром и желтыми и красными помидорами, запивая все это сухим бетебес. Изитут тоже была с ними, ела и пила. Она сказала:

— А, вот и ты, мужчина из Дома Синей Глины! Здравствуй! А где же твой братец?

— Вот это и мне бы знать хотелось, — промолвил он. И осмотрел палатки и галерею. За галереей в воздухе висела целая туча мух, и Модона глянул, что там, но это оказались всего лишь останки мертвой собаки, над которыми мухи и устроили свое пиршество. Никакого оленя видно не было. Модона снова подошел к актерам и сказал им: — Хорошо, что вы и к нам заглянули, жители Долины! Я рад вашему приходу! Не видел ли кто из вас случайно мертвого оленя? Он тут мимо не проходил? — Модона старался говорить как ни в чем не бывало, однако выглядел рассерженным, да и руки выдавали его гнев. Актеры смеяться не стали. Один из мужчин вежливо ответил:

— Нет, мы ничего такого не видели.

— Это был мой вам подарок. Если увидите этого оленя, забирайте его себе, он ваш, — сказал охотник. И посмотрел на Изитут. Она спокойно ела и даже не взглянула на него. Он повернулся и пошел назад, на площадь для танцев.

На сей раз он заметил на земле кое-какие следы у юго-западной стены хейимас Синей Глины. Он очень внимательно все осмотрел и увидел, что чуть дальше примята и поломана сухая трава, а след тянется прочь от хейимас. Он пошел по следу и на самом берегу Реки, точнее, под берегом, увидел что-то белое. Модона подошел ближе, глядя в оба. Белое существо шевельнулось. Потом встало во весь рост и повернулось к охотнику

лицом. У его ног лежал мертвый олень, которого оно ело. Потом существо показало зубы и громко закричало.

И тут Модона увидел женщину в белых одеждах. Но потом в голове у него что-то перевернулось, и перед ним оказалась большая белая собака.

Он наклонился, подобрал с земли несколько камней и что было силы стал швырять ими в собаку, крича:

— Уходи! Оставь оленя в покое!

Когда камень угодил собаке в голову, она пронзительно взвизгнула и побежала прочь, бросив оленя. Бежала она вдоль ручья, к домам.

Мать этой собаки была хечи, а отец — дуи, так что собака выросла необыкновенно крупной и сильной, мех у нее был густой и белый, без единого пятнышка, а глаза — синими. Она с детства очень привязалась к Уэтт, когда-то они играли и повсюду ходили вместе, и когда Уэтт уходила куда-нибудь из города, то всегда брала собаку с собой. Она звала ее Лунной Собакой. Выйдя замуж за Камедана, Уэтт уже гораздо реже звала собаку на прогулку или просила что-нибудь посторожить, а остальных людей собака за хозяев не признавала и ни за что не желала ни с кем дружить, даже в собачьей стае держалась особняком. Теперь Лунная Собака сильно постарела и утратила остроту слуха; с недавних пор она стала худеть. Голод и придал ей сил утащить мертвого оленя от хейимас и сволочь его вниз на берег Реки. Она почти полностью объела одну ляжку, когда ее настиг Модона. Обезумев от боли, ибо камень рассек ей морду от глаза до уха, собака бросилась к дому, где жила Уэтт.

Шамша и все, кто был в доме, услышали ее царпанье и подвыбанье под дверью, которая специально была закрыта, чтобы и в полдень в доме сохранилась прохлада. Фефинум, услышав, как воет и плачет собака, воскликнула испуганно:

— Она вернулась! Она пришла обратно! — И забилась, съежившись, в самый дальний угол комнаты.

Шамша вскочила и громко заявила:

— Да это просто дети играют на крыльце, и чего ты боишься — стыд какой! Здесь у нас никогда тихо не бывает, — пояснила она Дьюи и загородила своим телом перепуганную дочь.

Дьюи посмотрела на них, подошла к двери и приотворила ее чуть-чуть, чтобы посмотреть, кто там просится в дом.

— Это всего лишь белая собака там плачет, — сказала она. — По-моему, Уэтт раньше часто брала ее с собой.

Подошла посмотреть и Шамша.

— Да, но только это было уже давно, — сказала она. — Дай-ка я ее прогоню. Она, должно быть, спятила — чего это она вдруг сюда явилась да еще в дом влезть старается. Старая совсем, из ума выжила. Уходи, уходи, убирайся, тебе говорят! — Шамша взяла метлу и замахнулась ею на Лунную Собаку, но Дьюи остановила ее и попросила:

— Пожалуйста, погоди-ка минутку, не гони ее. Мне кажется, эта собака поранилась и просит о помощи.

Она вышла на улицу и внимательно осмотрела голову Лунной Собаки, заметив у нее кровь на белой шерсти повыше глаза. Лунная Собака сперва попятилась и зарычала, но потом поняла, что Целительница совсем ее не боится, успокоилась и стояла неподвижно. Когда руки Дьюи коснулись ее, собака почувствовала исходившую от них добрую силу и вовсе не возражала, когда Дьюи принялась обследовать ее рану.

— До чего же ты красивая, старая собака! — сказала ей Дьюи. — Хотя для собаки окрас у тебя довольно необычный, такой бы скорее овце подошел; к тому же ты явно не предавалась обжорству в последнее время, насколько можно судить по твоим торчащим ребрам. Ну, что же с тобой случилось? Налетела на ветку? Нет, пожалуй, больше похоже, что в тебя кто-то камнем запустил, а ты увернуться не успела. Ничего, это не очень больно, старая собака. Шамша, дай мне, пожалуйста, немного воды и чистую тряпочку, чтобы ей ранку промыть.

Старуха принесла тазик с водой и несколько лоскутов, ворча при этом:

— Совсем она бесполезная, собака эта, и возиться с ней ни к чему.

Дьюи стала промывать рану. Лунная Собака не сопротивлялась, стояла спокойно и терпеливо, только

задние ноги у нее чуть-чуть дрожали. Когда Дьюи закончила свою работу, собака несколько раз вильнула хвостом.

— А теперь, пожалуйста, ложись, — сказала ей Целительница.

Лунная Собака посмотрела ей в глаза и легла, положив голову на вытянутые передние лапы.

Дьюи почесала ей за ухом. Шамша ушла в дом, а на порог выглянула Фефинум. Дьюи сказала:

— У нее, возможно, легкое сотрясение мозга. Удар был сильный.

— А она нормальной-то будет? — крикнула из дома Шамша.

— Наверное, — ответила Дьюи. — Скорее всего у нее уже через денек все пройдет, если дать ей хорошенько выспаться где-нибудь в тихом уголке и не тревожить ее. Сон — удивительное лекарство. Я сама не очень-то много спала, к сожалению, прошлой ночью! — Она отнесла в дом тазик и тряпки. Фефинум сидела к ней спиной за кухонным столом и резала огурцы, собираясь их мариновать. Дьюи сказала: — Это ведь та самая собака, что всегда ходила вместе с Уэтт, верно? Как Уэтт ее называла?

— Не помню, — сказала Шамша.

Фефинум, не поворачивая головы, проговорила:

— Моя сестра называла ее Лунная Собака.

— Похоже, она специально пришла сюда, чтобы отыскать Уэтт или же помочь нам найти ее, — сказала Дьюи.

— Она глухая, слепая и совсем выжила из ума, — сказала Шамша. — Она бы не смогла учゅять и мертвого оленя, даже если бы об него споткнулась. И вообще, я что-то не понимаю, что ты там такое говоришь? Зачем мою дочку искать-то? Любой, кто хочет с ней повидаться, может сходить в Вакваху, и для того, чтобы дойти туда, собака вовсе не нужна.

Пока женщины переговаривались между собой, Камедан с сынишкой поднялись по ступеням крыльца и остановились на веранде, услышав женские голоса через раскрытую настежь дверь. Камедан только глянул на белую собаку и сразу же, не говоря ни слова, вошел в

дом. Мальчик же остался снаружи и некоторое время внимательно смотрел на Лунную Собаку. Та лежала, положив голову на передние лапы, и тоже смотрела на него. Ее хвост тихонько мел доски веранды. Анютины Глазки шепотом сказали ей:

— Лунная Собака, ты знаешь, где она?

Лунная Собака нервно зевнула, показав все свои желтые зубы, и, лязгнув ими, захлопнула пасть. Потом посмотрела на мальчика.

— Ну тогда пошли, — сказал Анютины Глазки. Он подумал было, что надо бы сказать отцу, что он уходит искать свою маму, но все взрослые в этот момент разговаривали где-то внутри дома, а ему не хотелось оказаться сейчас там, среди них. Он был, правда, не прочь снова повидать ту женщину-Целительницу, только ему было стыдно, что он тогда написал на пол. Он так и не вошел в дом, а стал спускаться по ступеням крыльца, оглядываясь через плечо на Лунную Собаку.

Лунная Собака встала, слегка поскуливая, потому что ей одновременно хотелось поступить так, как вёлела Дьюи, и сделать то, о чем ее просил Анютины Глазки. Она снова нервно зевнула, а потом, опустив голову и хвост, пошатываясь, последовала за мальчиком. На нижней ступеньке он остановился и стал ждать, чтобы собака пошла вперед и показала ему дорогу. Она тоже немного подождала, чтобы как следует разобраться, чего именно он от нее хочет, а потом направилась прямо к Реке. Анютины Глазки вполне поспевал за ней и шел рядом. Когда собака остановилась, он погладил ее по спине и сказал:

— Ну что, пошли дальше, собачка? — И они пошли дальше. Вскоре город остался позади, а они все шли и шли на северо-запад по заросшему ивняком речному бережку, по самой кромке воды, вверх по течению Великой Реки На.

Примечания:

с. 108. ...*Ни в ту ночь, ни потом.*

Рассказ Камедана в некоторых деталях отличается от событий того вечера, когда исчезла Уэтт, рассказанных автором романа в первой главе.

с. 112. ...*Уэтт-видение, или же Уэтт во плоти?*

Небесный вариант имени и земной: Уэттез — Уэтт.

с. 119. ...*Мать этой собаки была хечи, а отец — дуй.*

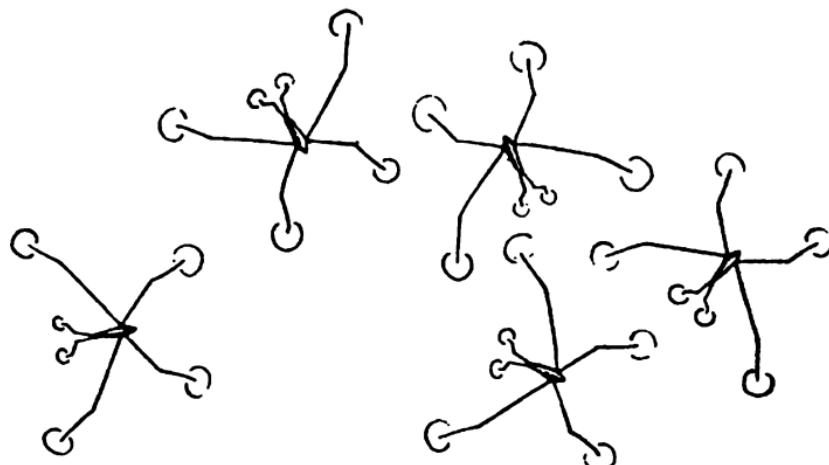
Породы собак; см. главу «Некоторые другие народы Долины» в Приложении.

ПАНДОРА, КРОТКО ОБРАЩАЯСЬ К БЛАГОСКЛОНННОМУ ЧИТАТЕЛЮ

Когда я возьму вас с собой в Долину в конце сезона дождей, вы увидите слева и справа голубые холмы, радугу над ними, а под радугой виноградники. И вы, возможно, скажете:

«Вот оно где, то самое!». Но я отвечу: «Нет, чуть дальше». И я надеюсь, мы пройдем еще немножко, и вы увидите крыши домов в небольших городках, и склоны холмов, желтые от дикого овса, и канюка, высоко парящего в небе, и женщину, поющую

на берегу заводи, у ручья, и, возможно, вы скажете: «Давай остановимся здесь, это оно!» Но я попрошу: «Нет, пройдем еще чуть дальше». И мы пойдем дальше, и вы услышите перепелов, кричащих у истоков Великой Реки, а оглянувшись, увидите, как струится среди диких холмов эта Река, огибая их, извиваясь и поблескивая на равнине, и вы скажете: «Разве это не твоя Долина?» И тогда я смогу ответить только одно: «Напейтесь воды из этого источника и немного отдохните здесь: у нас впереди еще долгий путь, и я не могу пойти по нему без вас».

ГОВОРЯЩИЙ КАМЕНЬ

Часть 3

Я сперва считала Дом Цайя в Южном Городе очень богатым, великолепным, но куда ему было до Дома Тертеров! В семьях Кондоров ничего отдавать другим не полагается, поэтому убранство их домов поражает порой своей роскошью и изобилием самых различных вещей; а поскольку слуги и рабы, обслуживающие эти дома и хозяйства, живут там же, то и людей в этих поместьях великое множество и отношения между ними очень сложны. Дом Тертеров представлял собой как бы целую деревню, кочевое племя, осевшее в одном месте. Я хоть и редко выходила за стены, окружавшие сад, но воспринимала Дом Тертеров как чрезвычайно процветающий и богатый. Таким он и оказался, однако с некоторых пор я поняла, что Дайяо оценивают богатство и процветание несколько иначе, чем Кеш: они гордятся теми вещами, которые у них скопились.

Чем ближе родство Истинного Кондора с Великим Кондором, тем выше его могущество и общественное положение и тем больше бывает при этом богатство его дома. Тертеры по мужской линии восходили к двоюродному брату самого Великого Кондора. Тертер Гебе в юные годы был выбран Великим себе в приятели и компании и оставался его советником в течение многих

лет, и сейчас он все еще был в чести у сына Великого Кондора, который должен был стать следующим Великим. Однако старый Кондор все больше боялся утратить власть, видя, как взрослеет его сын, и в конце концов пошел против него, а стало быть, и против Тертера Гебе, и зеркало славы Тертеров замутилось.

Насколько я могла понять из разговоров дочерей Кондора — а некоторые из них были весьма строптивыми и осведомленными особами, хоть и сидели, взаперти за высокими стенами, — с тех пор как Кондоры поселились в Саи, они поставили себе целью славить Единственного путем умножения собственного богатства и власти, захватывая чужие земли и жизни, заставляя другие народы служить им. В течение трех поколений их армии насаждали такую политику среди народов Страны Вулканов. Однако этот край был довольно малолюден, да и тамошних жителей не всегда удавалось застingнуть врасплох. Койоты и дикие лошади, люди и гремучие змеи — никто из обитателей этой страны не желал становиться рабом. На скудной земле здесь произрастали лишь жалкие кустарники, сорные травы да шалфей, так что теперешний Великий Кондор приказал своим войскам отправиться на юг и на запад, пока не найдут богатые, плодородные земли, за которые бы стоило «биться и выиграть». Мой отец, Тертер Абхао, и был одним из предводителей тех армий, что были посланы на розыски подобных земель. Он продвинулся далее других на юго-запад, первым добрался до Чистого Озера и до Долины Реки На. Его армия по пути не чинила никаких разрушений и не воевала с местными жителями, а просто шла все дальше и дальше, как это делают торговцы или народ Свиней, ненадолго останавливаясь то там, то тут, иногда прося помочь продуктами, иногда крадя их, выясняя все о наличии дорог и полезных ископаемых. В итоге они прошли Долину насквозь и на какое-то время задержались в ней. Из своего первого похода в Долину, во время которого он и женился на моей матери, отец вернулся в Саи и заявил: «Долина Реки На — самое прекрасное место, какое я когда-либо видел». Его отец, Тертер Гебе, пошел к Великому Кондору и сказал: «Наши армии должны отправиться на юг и на запад и

расчистить путь следующим за ними солдатам, тьонам и женщинам, которые будут строить новую Столицу в этой Долине во славу Единственного».

Сперва Великий Кондор следовал этому плану, воюя с народами, жившими к юго-западу от Страны Черной Лавы; но поскольку жители Страны Вулканов предполагали отступать и скрываться, но не вступать в бой, а еще потому, что каждый из военачальников постоянно восхвалял его и льстиво утверждал, что он, Зеркало Единственного, дескать, способен совершить все что угодно, он верил во всемогущество своих армий, готовых повиноваться любому его приказанию. И, веря в это, он послал одну из армий на северо-запад, в Страну Шести Рек, чтобы подчинить себе прибрежные города, а другую — вниз по течению Темной Реки, чтобы собрать дань с живущих там народов, а потом еще одну, под командованием моего отца, отправил далеко на юго-запад, чтобы они попытались завоевать Долину и вернулись с богатой добычей тамошнего вина по дорогам, которые должны были построить для этого обращенные в рабство местные жители. А еще они должны были построить большой мост через Болотную Реку и еще один — через Темную Реку. Когда мне это рассказали, я сразу вспомнила, как мой отец пытался построить мост через речку в Синшане.

Тертер Гебе и Тертер Абхао оба пытались объяснить Великому Кондору, что невозможно решить все задачи сразу, как невозможно «биться и выиграть» все эти обширные земли и покорить столько разных народов; они убеждали его, что к такой цели следует продвигаться значительно медленнее, взяв за исходную точку какой-либо свой приграничный город, но Великий Кондор воспринял подобный совет как оскорбительный для воплощенного в нем Единственного и не внял ему. Когда же сын его стал с ним спорить, вступившись за обоих Тертеров, Великий решил, что вот подходящий повод и пришла пора дать выход своему гневу и ревности. Он велел запереть собственного сына в дальних комнатах Дворца, и там сын Великого жил с тех пор уже долгие годы. Так рассказывали мне женщины. Кое-кто из них, правда, считал, что сын Великого был отравлен и давно

умер, другие полагали, что он еще жив, но ему постоянно дают малыми дозами яд, который настолько ослабил его разум, что он превратился в злобное и тупое животное. Тертер Задьяя Беле даже слышать подобных разговоров не желала и болтунов наказывала. С ее точки зрения, Великий Кондор не мог совершить подобной несправедливости, как не мог и сын Великого хоть в чем-то стать неполноценным. Однако она отлично понимала, что та семья, в которую она некогда вошла, теперь пребывает в немилости.

Когда мой отец во второй раз покинул Долину, то рассчитывал вернуться туда примерно через год с очень большой армией, состоящей как из Истинных Кондоров, так из простых солдат, чтобы основать в Долине новую Столицу. Однако Великий Кондор передумал и отоспал его на юг — завоевывать Долину — с отрядом в сто сорок человек.

Гора Синшан

К этому времени жители всех земель между Столицей Кондора и Долиной Реки На были готовы воевать за свои владения с солдатами Кондора. Моему отцу тогда потребовалось шесть лет, чтобы снова попасть в нашу Долину. Когда наконец он вышел к Чистому Озеру и путь этот его стараниями стал относительно безопасным, то на этом пути полегли почти сто человек из его отряда. Многие погибли в бою, кое-кто позорно бежал. Мой отец тогда в одиночку пошел в Синшан, осознав, что скорее всего этот город он никогда больше не увидит. Он понимал, что непременно должен вернуться в

Саи и доказать Великому Кондору, что, следуя его приказу, выиграл крайне мало, зато потерял очень много. Те, кто принимает на себя власть, обязаны принимать на себя и вину, и мой отец был готов к этому.

Сперва все складывалось не так уж плохо, лучше, чем того опасались отец и другие члены его семьи. Великий Кондор, разумеется, результатами похода был недоволен, однако дурные вести понемногу уже просачивались во Дворец и раньше — через посланников и благодаря Обмену Информацией (только одному Великому во всей Столице было дано право пользоваться системой компьютерной связи, и происходило это всегда во Дворце). Между тем советники Великого Кондора строили новые планы и старательно вкладывали их в голову своему престарелому повелителю, и он гораздо больше интересовался этими планами, чем поражениями находившейся в походе армии.

Я не понимаю, почему сами военачальники позволяли ему, никогда не покидавшему Дворца, воплощать все эти идеи в жизнь и губить столько людей, но именно так и обстояли дела.

Все планы по-прежнему были направлены на ведение войны, но теперь, вместо обычных ружей, армии должны были быть оснащены куда более разрушительным, поистине ужасным оружием. Я много слышала об этих планах, когда уже вышла замуж и жила у мужа.

Ну а теперь пора рассказать и о том, как я вышла замуж.

Живя в Доме Тертеров, я вскоре заболела. Кожа у меня стала нездорово бледной, я не могла спать по ночам, зато днем вечно была сонной, мерзла и тряслась от озноба. Если бы я была дома, в Синшане, я бы непременно провела четыре-пять ночей в своей хейимас, спела бы там целительные хеи, как следует выспалась или попросила бы кого-нибудь из Целителей зайти к нам и дать мне какое-нибудь лекарство. Да если бы я была дома, я бы вообще не заболела. В Саи я плохо себя чувствовала прежде всего потому, что постоянно сидела взаперти. Если отец приходил ко мне, я всегда просила его вывести меня погулять. Он делал это дважды:

приводил мою дорогую гнедую кобылку, а сам садился верхом на своего мерина, и мы на целый день уезжали в заснеженные дикие места, заваленные черными обломками лавы. Во время второй прогулки отец повел меня куда-то вниз, в одну из выжженных лавой пещер — длинную трубу, по которой лава текла, как река, выжигая нутро скалы, теперь холодное и черное, точно сам страх. Зимние ветры со свистом мели по этим пустынным землям, и все же они были красивы, и, даже когда от холода у меня выступали на глазах слезы, все-таки лучше было быть на таком ветру, чем в душных комнатах Дома Тертеров. Даже в чужой черной пустыне я была ближе к Долине, чем за закрытыми дверями отцовского дома. Там, за этими дверями, я сама всегда оставалась чужой.

Когда я болела, дочери Кондора стали ко мне добрее, и Тертер Задьяя Беле даже выделила мне с помощью занавесей отдельный уголок, где мы с Эзирью могли укрыться ото всех. Там мы разговаривали, пряли или шили, там я могла рассказывать Эзирью о родном доме и уноситься туда душой. Я поведала ей о Копье, а она мне — об одном молодом человеке, который отправился в качестве конюха вместе с армией в Страну Шести Рек. Мы часто говорили о своих возлюбленных и о том, удастся ли нам снова их увидеть, думали вслух, какими они были и какими могли бы стать.

Моя затянувшаяся болезнь беспокоила отца, но его беспокоило и многое другое. Я понимала: он жалеет, что взял меня с собой в свою страну, в Столицу Кондора. Мое появление здесь сослужило ему дурную службу. Другие Истинные Кондоры говорили, метя в него: «Мужчины порой, бывает, совокупляются с животными, да только щенков своих домой не притаскивают и всякую грязь тоже в дом не ташат». А Тертер Задьяя прямо заявила мне, что, пока я буду жить в Доме Тертеров, отцу никогда уже не вернуть своей былой славы.

— Тогда отошлите меня назад, — сказала я. — Отпустите меня в Долину. Я дорогу знаю!

— Не болтай глупостей, — сказала она.

— Ну так чего же вы от меня хотите? Чтобы я умерла? — рассердилась я.

— Ничего я от тебя не хочу, — прошипела Тертер Задъяяя. — И лучше бы ты помолчала. Дай Тертеру Абхао жить спокойно. Ты, девчонка, тревожишь его своими капризами и всякими глупостями. Он великий воин!

Я уже не раз слышала эту песню, но она продолжала:

— Теперь ты человек, а не животное. И если будешь вести себя как человек, для тебя можно будет подыскать приличного мужа.

— Мужа! — потрясенная, воскликнула я. — Но я же еще девственница!

— Рада это слышать, — сухо сказала она.

Я страшно смущалась и пробормотала:

— Но для чего же девственнице муж?

Тут уже потрясена была она.

— Замолчи сейчас же! — крикнула она. — Дрянь! — И вышла из комнаты, и не разговаривала со мной снова в течение целого месяца, и даже не смотрела на меня.

Примерно в то время когда в Долине празднуют Танец Вселенной, отца моего послали в Страну Шести Рек, чтобы помочь тамошней измученной армии вернуться домой, в Сай, через населенные враждебными народами земли. Это было опасное путешествие, мне нечего

было и надеяться поехать с ним вместе. Прошли весна и лето, а он все не возвращался.

Один за другим миновали все Великие Танцы — но только здесь никто их не танцевал.

Я попыталась спеть Песню Двух Перепелок и еще кое-какие песни, но голос мой звучал отчего-то фальшиво — слишком он был одинок в этой чужой стране. Когда настало время Танца Воды, я вспомнила о кувшине из синей глины в нашей хейимас и о том роднике, что впадал в Ручей Синшан под азалиями и душистыми кустарниками, а над ними, выше по склону росли карликовые сосны, темные ели и красные земляничные деревья. Я попыталась спеть некоторые Песни Воды, при надлежавшие моему Дому — спеть в этой сухой стране. Я вспомнила о той слепой женщине, теперь уж, наверно, умершей, о Старой Пещере, которая все это предвидела. И чуть с ума не сошла от тоски. Я вытащила перо большого кондора, которое хранила в своей заветной корзинке, положила его на черепичную крышку электронагревателя в нашей комнате и подожгла. Оно отвратительно завоняло и скрючилось. И там, где оно только что было, я увидела мужчину в военных доспехах Кондора, который лежал ничком в узком ущелье среди сущняка и колючего чертополоха, рот и глаза его были открыты и неподвижны, как у мертвого: это был мой отец. Я стала плакать и кричать, ухая, как сова, и никак не могла остановиться.

Ко мне привели доктора, мужчину, который дал мне какого-то зелья, чтобы я успокоилась и уснула. Когда на следующий день я проснулась, вся разбитая и со смущенной душой, врач пришел снова, пощупал мне пульс и осмотрел меня. Он вел себя как-то странно: отчасти уважительно, потому что я все-таки была дочерью Кондора, а отчасти насмешливо и презрительно, потому что я была женщиной; ну а когда он обнаружил, что у меня менструация, то стал очень раздражительным и едва сдерживал отвращение, словно я была больна какой-то отвратительной заразной болезнью. Мне стало ужасно не по себе, особенно когда он меня касался, однако я старалась вести себя спокойно. Я была настолько напугана тем, что открылось мне в Четырех Домах, что

хотела только одного — лежать спокойно и никого не видеть. Я подумала, что стоит, наверное, рассказать о том видении Тертер Задьяе, чтобы она передала это моему деду, так что я попросила позвать ее. Она пришла и встала на противоположном конце комнаты в дверях. Доктор тоже остался послушать.

— Внутренним оком я случайно увидела дурную вещь, — сказала я. Тетка молчала. И я вынуждена была продолжать: — Я видела Тертера Абхао мертвым. Он лежал ничком там, в горах... — Тетка по-прежнему молчала. Тогда доктор обратился к ней:

— Эта девушка чересчур нервная, хотя у нее обычное женское недомогание. Впрочем, такие вещи отлично лечатся с помощью молодого мужа! — И он улыбнулся. Но Тертер Задьяя удалилась, так и не сказав ни слова.

Однако еще до конца месяца я узнала от кого-то из дочерей Кондора, что Тертер Задьяя готовит мою свадьбу с каким-то Истинным Кондором из Дома Ретфороков. Та женщина очень хвалила этого молодого человека, уверяя меня, что он красивый и добрый. «Он никогда не будет бить свою жену», — сказала она упомянуто. Она хотела, чтобы я обрадовалась такому известию. Но другая женщина, из более злобных, сказала: «Это каким же идиотом нужно быть, чтобы жениться на нечистой? Неужели только ради того, чтобы стать поближе к Великому Кондору?» Она намекала, что этот человек женится на мне только для того, чтобы породниться с Тертерами. И тут вступила Эзирью и разъяснила мне все насчет этого молодого человека по имени Ретфорок Дайят. Он, младший из четырех братьев, не был ни солдатом, ни Воином Единственного, а потому особого положения в обществе не занимал, однако само семейство Ретфорок считалось богатым. Дайяту было тридцать пять лет — Дайяо всегда большое значение придавали возрасту людей, потому что у них была особая числовая система определения счастливых и несчастливых дней, которую они начинали вести с детства, — и у него уже было пятеро детей от другой жены. Я же должна была стать той, кого они называли «жена-куколка». После того как первая жена уже успевала родить достаточно много детей, мужчины Кондора часто брали себе вторую

жену, «куколку», хорошеньюку и молоденькую. Такая «куколка» не обязана была приносить в семью мужа ни денег, ни добра в качестве приданого, как это делала его первая жена, и от нее вовсе не ждали никаких детей — самое большое, одного-двух. Я решила, что мне повезло. С тех пор как Задъяя заговорила о замужестве, я все время боялась. Жены Кондоров обязаны были все время рожать детей, буквально одного за другим, поскольку считалось, что именно для этого Единственный и создал женщин; у одной из них в Доме Тертеров было семеро детей и старшему всего десять лет, и за это бесконечное вынашивание и вскармливание ее восхваляли мужчины и ей завидовали женщины. Если бы они умели рожать сразу по нескольку детенышней, как химпи, то именно так бы и делали. По-моему, это тоже было связано с образом жизни Дайяо, вечно ведущих с кем-нибудь войну. В конце концов, ведь и химпи тоже размножаются так быстро потому, что большая часть их гибнет в молодости.

Ну что ж, раз я должна была стать чьей-то женой, то даже хорошо, что для меня выбрали роль «жены-куколки»; к тому же я уже видела своего отца мертвым и не представляла, как убежать из Сай, а потому решила, что в данной ситуации лучше всего действительно выйти замуж. Не имея здесь матери, а теперь потеряв и отца, я лишилась даже той небольшой власти в Доме Тертеров, какой обладала. Но, может быть, выйдя замуж за Кондора, я все-таки обрету кое-какую власть в Доме Ретфороков? Нет, видно, я тогда совсем еще была глупа. Прожив целый год с людьми, которые ставили животных и женщин на одну ступень и одинаково презирали их, которые не считали женщин за людей, я тоже начала думать и действовать, как они. И сама уже не считала то, что делаю, заслуживающим уважения или хотя бы внимания.

Итак, меня выдали замуж как дочь Кондора, обрядив в белоснежные одежды: у Дайяо знак того, что невеста — девственница. Наряд мой был прекрасен, да и свадьба была довольно веселой. Она продолжалась целый день, играли музыканты, все танцевали, выступали акробаты, и было полно вкусного угощения и питья. Я пила медо-

вое бренди и здорово опьянала. Я была пьяна, когда вместе с мужем отправилась в Дом Ретфороков, и еще непротрезвела, когда мы легли в постель. В спальне мы с ним провели тогда пять полных дней и ночей. Мои страхи, тоска, стыд и гнев — все прорвалось внезапно во взрыве оглушающей страсти. Я ни за что не отпускала его от себя, я наполняла и осушала его, точно кувшин с вином. Я от него научилась всяким любовным штучкам, а потом ему же преподавала его уроки, только в сорока различных вариациях. Он с ума сходил по мне и не мог разлучиться со мной даже на день в течение всего этого года. Раз уж у меня в жизни было так мало счастья, я хотела получить хотя бы удовольствие и получала его так часто, как только могла.

Первая жена моего мужа, Ретфорок Съясип Беле, сперва побаивалась меня, ну и ревновала, конечно, но только потому, что ей объяснили: я животное, опасное и лишенное разума, вроде дикой собаки. Больше всего она боялась, что я причиню зло ее детям. Она вовсе не была такой уж глупой, всего лишь чрезвычайно невежественной. Она никогда нигде не бывала, знала только женскую половину в двух домах Саи — у отца и у мужа — и рожала детей через лето с тех пор, как ей исполнилось семнадцать. Когда она обнаружила, что я не кусаюсь, не ем детей и даже умею говорить на ее родном языке, то стала меня привечать и следила, чтобы к нам обеим, ко мне и Эзирью, все остальные женщины в доме относились хорошо. Она была разговорчивой смешливой женщиной, не слишком склонной к раздумьям, но восприимчивой и живой. Она сообщила мне, что рада моему появлению, ибо теперь Дайяту есть с кем заниматься любовью, потому что она устала от его постоянных требований, да и во время беременности и кормления ребенка любовные игры были ей неприятны. Однако она предупредила меня:

— Когда я захочу родить следующего, тебе придется отослать Дайяту в мою спальню, по крайней мере на одну ночь!

— Еще одного ребенка! — воскликнула я, не веря собственным ушам.

— Эти-то все девочки, только один мальчик, — пояснила она.

— Ну и что? — удивилась я. — А ты не хотела бы забеременеть от человека, который тебе действительно нравится? — Эти мои слова повергли ее в недоумение, и она долго и непонимающе смотрела на меня, а потом рассмеялась и сказала:

— Айяту, да ты, оказывается, действительно дрянь! А кроме того, если уж честно, в этом доме мне ни один мужчина не нравится. По-моему, из здешних мужчин мы с тобой получили лучшего. — Я с ней согласилась. Наш муж и правда грубостью отнюдь не отличался; напротив, он был весьма добродушен и довольно привлекателен внешне.

— Но только не вздумай даже намекать ему, что ты можешь хотя бы просто думать о каких-то других мужчинах, — предупредила она меня. — Он на этот счет очень чувствительный. — И она поведала мне, что женщина, изменившая мужу с другим мужчиной, непременно будет убита семьей мужа. Я в это не поверила. Конечно, люди убивают друг друга из ревности или от гнева, а порой и в пылу страсти, это я знала, но Съясип имела в виду нечто иное. Она сказала: — Нет-нет, если ты это сделаешь, тебя непременно убьют на глазах у всех, чтобы смыть позор с Дома. Ты теперь принадлежишь Дайяту, разве ты этого не понимаешь? Ты принадлежишь ему, и я принадлежу ему — таков порядок вещей.

Я вспомнила, как мой отец говорил на площади Синшана: «Но она же принадлежит мне!» Теперь у меня открылись оба глаза, и я поняла весь смысл его слов.

Ранней весной мой муж сказал:

— Айяту, с запада получены хорошие вести: Тертер Абхао одержал победу и возвращается со своей армией в Саи.

— Мой отец мертв, — тупо сказала я.

Ретфорок Дайят только рассмеялся в ответ и сказал:

— Да он сейчас здесь, во Дворце!

Но и этому я не поверила, пока не увидела отца собственными глазами, когда он пришел в Дом Ретфороков повидаться со мной. Он очень исхудал и выглядел страш-

но усталым, но был вполне жив, а вовсе не лежал со сломанной спиной, ничком, в узком ущелье, в диком краю. И все же, когда я увидела его перед собой живым, я как бы одновременно увидела его и там — словно совместились изображения на стеклянных пластинах.

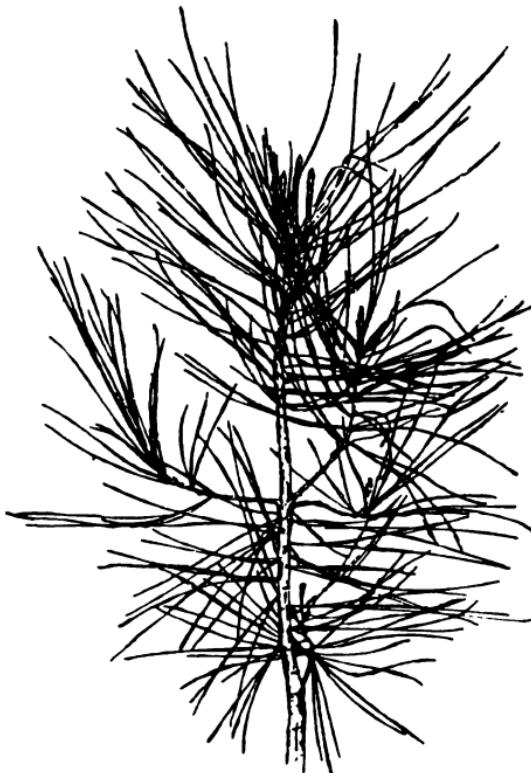
Мы разговаривали с удовольствием и были очень нежны друг с другом. Отец сказал:

— Я рад, что ты вышла замуж, Айяту. Как тебе живется здесь, в этом доме? Неплохо?

— Да, все хорошо, и Дайят добр ко мне, — ответила я. — А нельзя ли мне съездить домой, в Долину?

Он посмотрел на меня, отвернулся и покачал головой.

— Если бы ты смог проводить меня хотя бы до Южного Города, то оттуда я сумела бы добраться и одна. Я весь тот путь очень хорошо помню и знаю все его приметы, — сказала я.

Он размышлял несколько секунд, а потом сказал:

— Послушай, Айяту, поскольку ты сама выбрала жизнь здесь, то теперь твое решение переменить нельзя. Если ты сбежишь от мужа, то обречешь меня на вечный позор и презрение. Теперь ты принадлежишь Дому Ретфороков. Вот и оставайся лучше с ними. Здесь ты достаточно далеко от нашей семьи, а у нас сейчас дела далеко не блестящи. Постарайся как-то прижиться здесь и выброси из головы мысли о Долине!

— У меня в голове вполне хватает места всему, — возразила я. — В ней умещается и Долина, и ваша Столица, и я до сих пор не знаю, сколько еще туда может влезть. Но один лишь ты можешь вашу Столицу сделать для меня родным домом.

— Нет, — сказал он, — по-моему, это сделать можешь только ты сама.

Это было справедливо. И я продолжала жить в качестве «жены-куколки» у Дайята. Вскоре я узнала, что осторожные слова моего отца при нашем свидании — правда: он уже был в немилости и любой позорный проступок способен был бросить на него такую тень, что в дальнейшем это могло стать опасным для его жизни. Единственное, что я могла для него сделать, — это вести себя тихо и терпеливо, поскольку Великий Кондор и его советники хотели обвинить отца в том, что война в Стране Шести Рек проиграна.

Мои слова о том, что немилость правителя может повлечь за собой опасность для жизни человека, звучат, разумеется, странно; позор и стыд уже сами по себе достаточно плохи у нас в Долине, но здесь, где даже родственные отношения напоминают сражение, они были просто смертоносны. Наказание в таких случаях следовало жестокое. Я уже говорила, что онтик могли ослепить за то, что она осмелилась читать или писать; женщину за прелюбодеяние могли убить; я сама, правда, этого не видела, но каждый день собственными ушами слышала о разных жестокостях, когда до полусмерти избивали детей или рабов, сажали под замок непокорных онтик или тьонов, а потом — и я об этом еще расскажу — стало куда хуже. Даже просто жить стало страшно в условиях вечно ведущейся с кем-то войны.

Дайяо, похоже, никогда ничего не обсуждали все вместе, не устраивали жарких споров, не порицали и не хвалили друг друга прилюдно, намереваясь осуществить тот или иной план. Все делалось согласно раз и навсегда установленному закону, или же поступал приказ от Великого, и если что-то получалось не так, то вроде бы оказывалось, что не приказ тому виною, а только те, кто этот приказ исполнял. Ну а вина обычно влекла за собой и наказание. Я каждый день училась быть все более и более осторожной. Училась вне зависимости от того, хотела я этого или нет. Училась быть воином. Там, где жизнь превращена в постоянное сражение, человеку ничего другого не остается — только драться.

Ретфороки от немилости Великого не страдали; на против, они стали чуть ли не фаворитами Великого Кондора. Глава нашего семейства, Ретфорок Ареман, и его младший брат, мой муж Дайят, часто ходили во Дворец. Мой муж, который любил поговорить не меньше, чем заниматься любовью, рассказывал мне обо всем, что он там делал, видел и слышал. Мне нравилось его слушать, это было действительно интересно, хотя порою и казалось весьма странным, а то и страшным, словно история о привидениях. Он рассказывал мне, что случилось с сыном Великого Кондора: когда тот попытался бежать из своей тюрьмы во Дворце, где так долго томился, его предали те, кто, казалось бы, обещал служить ему верой и правдой; его поймали и в наказание за неповинование Закону Единственного он был убит. То, как именно он был убит, Дайят рассказывал особенно подробно. Ни один смертный не смеет поднять руку на Сына Великого, так что его связали и стали пропускать сквозь него ток высокого напряжения, пока не остановилось сердце; таким образом, считалось, что убило его электричество, что, опять же, полностью соответствовало Закону Единственного. Все его жены, содержанки, дети и рабы были также убиты. Я спросила:

— Но кто же теперь станет следующим Великим Кондором? — и Дайят поведал мне, что у того есть еще один сын, пока совсем маленький и пока что живой.

Он также рассказывал мне о том оружии, которое готовятся создать Дайяо. Теперь уже армии, покидающие

Саи, отправлялись не захватывать чужие земли, а привозить медь, свинец и другие металлы из тех мест, жители которых занимаются их добычей и имеют какие-то их запасы; по сути дела, они превратили в своих рабов жителей Сенха, которые работают в шахтах, добывая железную руду — этот город расположен там, где Облачная Река впадает в Темную Реку, — и отобрали у них все запасы руды, которой жители Сенха торговали с Синшаном и другими городами. Необходимые инструкции по использованию руды и созданию Великого Оружия были получены, насколько я догадываюсь, благодаря Обмену Информацией. Надо сказать, что Дайяо были весьма искусными мастерами в том, что касалось обработки металлов и изготовления различных механизмов; кроме того, среди них, видимо, были отличные инженеры, способные с полным пониманием разобраться в полученных инструкциях. Не уверена, правда, что они понимали, как использовать этот источник информации для общего блага, поскольку ни один из них, за исключением Великого Кондора и самых высокопоставленных его Воинов, не имел доступа к Обмену Информацией, а ограниченные знания, как известно, — это знания извращенные. Однако я и сама неважно во всем этом разбираюсь, а потому не могу, наверное, быть до конца уверенной в справедливости собственных суждений. В общем, так или иначе, сбор нужной информации и материалов для создания Великого Оружия и само его изготовление заняли четыре года.

За это время я дважды была беременна. Первую беременность я прервала сама, потому что мой муж изнасиловал меня, когда я отказалась заняться с ним любовью, а никаких предохраняющих от беременности средств у меня не было. Любая Дочь Кондора оставила бы все так как есть и родила бы ребенка, которого зачала после такого насилия над собой, но я мириться с этим не стала. Оказалось нетрудно добить нужное средство у тьонов, которые устраивали прерывание беременности куда чаще, чем рожали, и в этом мне помогла Эзирью. Через два года, когда мне исполнился уже двадцать один год, я сама захотела ребенка. Эзирью и Съясип

были мне хорошими подругами, но я все равно ужасно скучала, потому что дома совершенно нечем было заняться, разве что без конца прядь, шить и болтать, вечно находясь взаперти и вечно на людях; я просто мечтала побыть одна, а потому — вечно ощущала себя одинокой. Я все время думала, что мой ребенок непременно должен походить на детей Долины, ведь он будет частью меня, а я — часть Долины; и только Долина может стать нашим родным и дорогим домом. Возможно, та часть моей души, что была подобна тую натянутой струне между Столицей Кондора и Синшаном все это время, несколько расслабится и вернет мне покой, когда ребенок согласится войти в мое чрево. Так что я перестала пользоваться противозачаточными средствами, и через три месяца мы с Дайятом открыли нашему ребенку двери в этот мир. Потребовалось так много времени, потому что ни он, ни я уже не могли жить свободно, да и питались не так хорошо, как прежде, и хотя Дайят все еще очень любил поболтать со мной, у него уже порой не хватало сил для частых занятий любовью. Быть фаворитом Великого Кондора было столь же нелегко, как и оказаться у него в немилости. А все богатство Саи теперь уходило на достижение одной-единственной цели, поставленной Великим Кондором, — создание Великого Оружия. Все было принесено этому в жертву. Эти Дайяо были поистине героическим народом.

Первое Великое Оружие представляло собой нечто вроде домика из железных пластин, поставленного на колеса, которые вращались внутри неких лент, сделанных

из соединенных между собой металлических звеньев, благодаря которым «железный домик» мог взбираться на любую крутизну, ползя по склону, словно гусеница, и колеса при этом ни за что не цеплялись и не вязли в земле. В движение их приводил мощный мотор, помещенный внутри «домика». Машина эта была такая мощная, что выворачивала с корнями деревья и сносила дома, если они попадались у нее на пути, а еще на ней были укреплены мощные пушки, способные стрелять большими снарядами и огненными бомбами. В общем, новая машина была громадная и удивительная, и когда она двигалась, то словно гром гремел. Новое оружие продемонстрировали жителям Столицы за городскими стенами. Я тоже пришла, укутавшись в шарф, вместе со всеми женщинами из Дома Ретфороков. Мы видели, как легко машина разрушает стену из кирпича, с грохотом и содроганием пробираясь по обломкам, огромная и слепая, с толстой мордой и торчащей словно пенис пушкой. Трое Кондоров вылезли из ее нутра, точно три муhi из кукурузного початка — такими они рядом с ней казались маленькими и мягкотелыми. Машина дали имя: Разрушитель. Она предназначалась для того, чтобы двигаться впереди армии, прокладывая дорогу, которую Кондоры назвали Путь Разрушений. Я вернулась в свой уголок в Доме Ретфороков и прилегла на красные ковры, представляя себе, как этот Разрушитель пробивается в Синшане сквозь ряды старых дубов, зовущихся Гаирга, как он выворачивает их с корнями, проезжает по ним и вламывается прямо в стену дома Высокое Крыльце, сокрушает его, а потом наезжает на крышу хейимас Синей Глины, и крыша проваливается под его тяжестью. Я представила себе его металлические гусеницы, набитые крошками кирпича, крушащие амбары с зерном и скотом, вдавливающие животных и детей в грязь, пережевывающие их кости, как мельничные жернова пережевывают зерно. Я долго не могла выбросить из головы эти мысли, даже после того как Разрушитель провалился в какую-то подземную пещеру в нескольких милях к югу от Столицы и сам себя уничтожил — раздавил собственным чудовищным весом, скользя по вы-

жженной лавой каменной трубе. И потом мне часто виделось во сне, как он ожил в этой подземной трубе, в этой пещере, и вновь движется, проламываясь сквозь толщу земли, сокрушая тьму.

Тогда Великий Кондор задумал создать машины, названные Птенчиками. Это были летающие машины, этакие кондоры с искусственным мотором. Дайя не использовали воздушных шаров, однако умели делать легкие планеры и отлично управляли ими в полете, ссыпаясь с утесов над черными полями застывшей лавы в жаркие летние месяцы, словно настоящие кондоры или канюки. Полеты на планерах считались чуть ли не священным видом спорта, занятием очень достойным и весьма популярным среди молодых Воинов Кондора. Так что идея постройки летательного аппарата с двигателем вызвала особенно много шума. Дайят, однако, не разделял всеобщих восторгов. Братья Ретфороки уже достаточно много средств, сил и души вложили в создание Разрушителя, и, когда тот обрел свой печальный конец, они сразу утратили все расположение Великого и уже не ходили ежедневно во Дворец, хотя наказаны не были. Дайят был раздражен и мрачен и фыркал при упоминании о планах создания Птенчиков и о тех, кто этим занимался. Для Птенчиков требовалось значительно меньше металла, чем для Разрушителя, зато значительно больше топлива, что и являлось, по мнению Дайята, самым опасным их недостатком. Великий Кондор отправил одну из армий буквально на край света, чтобы закупить или выменять нужное количество горючего; на путь туда и обратно им потребовался почти целый год, однако добытого топлива хватило бы только на несколько дней для одного-единственного Птенчика. Люди Кондора стали тогда изготавливать горючее из спирта, который добывали из зерна и даже из навоза, и два Птенчика, в каждом из которых могли находиться одновременно два человека, начали перелеты до Кулкун Эраиан и обратно. Первый день их полета превратился в Сай в настоящий праздник. Снова все мы, женщины, вышли из домов, укутанные в шарфы, и даже онтик веселились и танцевали, когда над ними пронеслись на своих неподвижных черных крыльях могучие Птенчики.

В тот день я видела самого Великого Кондора. Он вышел на балкон Дворца, чтобы посмотреть на этот полет. Считалось, что женщинам нельзя смотреть на Великого, ибо они могут осквернить его своим нечистым взором, но мне было все равно, оскверню я его или нет; я заботилась лишь о том, как бы кто не заметил, что я украдкой смотрю на него. Он был весь в золоте и в черном с золотом шлеме Кондоров с опущенной маской-клювом, так что я видела, вообще-то, не самого человека, а только его блестящую оболочку — почти ни кусочка живой плоти. Видимо, для Великого Кондора внешность — первое дело.

Мой ребенок в тот день еще жил во мне, однако явно подумывал о том, чтобы перебраться во Второй Дом, то есть в мой Дом Синей Глины. Прошло еще несколько дней, и он окончательно решил, что пора ему родиться на свет; так я стала матерью маленькой дочки, крепенькой и сложенной удивительно пропорционально. Когда я впервые увидела ее «розовый цветок» и поняла, что это девочка, то мысленно произнесла благодарственную хейю, ибо если бы она решила родиться мальчиком, то мальчик непременно «принадлежал» бы моему мужу и стал бы Кондором. Но поскольку она решила родиться девочкой, то никому особенно нужна не была, кроме меня, Эзирью и Съясип. Ее фамильное имя было Ретфорок, и служитель их Единственного назвал ее Данарью, что значит Женщина, Дарованная Единственному. Имя звучало приятно, и я звала ее так в присутствии мужа и остальных родственников, но, когда мы с ней оставались одни, я называла ее одним из тех имен,

какие обычно дают некоторым перепелкам в Синшане: Экверкве, Бдительная Перепелка. Так называют одну птичку из стаи, которая всегда сидит на ветке и внимательно смотрит вокруг, пока остальные спокойно пасутся на земле в сезон дождей, до наступления брачного периода. Глазки у моей малышки были ясные, словно у перепелки-наблюдательницы, и она была вся такая кругленькая, пухленькая, а на макушке — небольшой хохолок: настоящая перепелочка.

Что же касается нас, взрослых, то мы ни полнотой, ни пухлостью как раз не отличались. Продовольствия в Саи в те годы было очень мало и еда была скучной. Единственный некогда повелел Великому Кондору построить Столицу на залитой лавой равнине, чтобы обезопасить ее от врагов, однако в этой черной пустыне почти ничего не росло, и жители города вынуждены были доставлять пищу издалека. А поскольку они упорно продолжали плодиться и рожать как можно больше детей, им приходилось уходить в поисках пропитания все дальше и дальше, к тому же многие из тьонов и онтиков, которые раньше выращивали зерно и овощи, или разводили скот, или охотились, были теперь заняты на великих стройках и делали Оружие, а также снабжали это оружие горючим. Зерно, которое должны были бы съесть люди и животные, теперь пожирали машины. Воины Единственного стройными колоннами проходили по улицам Саи в священных процессиях и пели:

Наша пища — победа,
А битва — вино,
С Единственным все нам на свете дано!
Единственный все завоюет!
А смерти не существует!

Но я-то держала в своих руках крохотное смертное существо, я кормила ее грудью, давая ей пищу — иначе новорожденная просто умерла бы. Ну а она, моя Бдительная Перепелка, в свою очередь, давала пищу моей душе — своей жизнью, своими нуждами поддерживала меня. Даже если Единственный — это не просто слово, то что иное, кроме пищи, способно поддержать его плоть?

Жертвоприношения, которые совершали Дайяо, должны были принести им благополучие и покой, когда их Птенчики отправятся на войну. Беда только в том, что все люди, жившие где-либо по соседству со страной Кондора, давно уже перекочевали в другие места или же, если и остались, готовы были воевать, но не платить дань ни продуктами, ни рабами, ни чем-либо еще. Это стало ясно уже всем и, по мере того как жизнь в Саи становилась все труднее, тот давешний план Тертеров — передвинуть Столицу к югу, в более благодатные и цветущие районы, — снова начал широко обсуждаться. Бес-покойный дух кочевников Дайяо все еще был жив в них, и образ их жизни по большей части был куда лучше приспособлен к условиям кочевья, а не оседлости. Женщины в семье Ретфорок вовсю вели разговоры о том, чтобы отправиться под крылом Великого Кондора к югу, где, конечно же, будет полно еды, много травы и деревьев, где много скота и всяких интересных вещей, и, надо сказать, мужчины слушали их с любопытством, хотя вроде бы на болтовню женщин, считавшуюся глупым пустословием, им не следовало обращать внимания. Но поскольку у Дайяо не принято было обсуждать что-либо публично, на каком-нибудь собрании или совете, как это обычно делают все нормальные люди, то и не находилось способа уладить все разногласия и прийти к общему решению. Так что в итоге бродившие в воздухе идеи стали мнениями, согласно которым люди со временем разделились на разные, враждебные друг другу группировки.

Кондоры Ретфорок все же оказались среди тех, кто требовал, чтобы Столица осталась на прежнем месте, там, куда указал Палец Света, а по огненному следу Птенчиков пусть идут только солдаты, когда начнется война. И хотя женщины у нас в доме продолжали лелеять мечту о более подходящем месте для жития, они тоже боялись переселения, потому что большая их часть всю свою жизнь провела за стенами города, в домах, на женской половине. Они так же мало знали о других городах и народах, как и я в детстве, когда впервые ходила с бабушкой в Кастоху. Даже Воины Кондора были весьма невежественны в том, что касалось жизни

других народов, особенно их обычаев и образа мыслей, хотя порой по нескольку лет жили среди чужеземцев. В Обществе Искателей говорили, что торговля и познание мира идут рука об руку, как и невежество с войной. А еще, по-моему, раз Дайяо считали, что все на свете принадлежит Единственному, то и решали все просто: не так, так эдак. Они и представить себе не могли, что решений может оказаться более двух.

Экверкве еще не исполнилось и года, когда начались волнения среди захваченных в рабство людей, которых заставляли работать в полях, на шахтах и в мастерских; к тому же некоторые тьоны тоже начали вольничать, воровать и даже уходили в леса или на восток, где жили вместе с зайцами в зарослях полыни. На одной из шахт в горах, недалеко от Круглого Озера, несколько мужчин-онтик убили охранников и сбежали далеко в Серебряные Горы. Я узнала об этом потому, что Великий Кондор приказал убить десятерых онтик из числа жителей Столицы, чтобы отплатить за смерть десяти солдат Кондора, убитых на шахте. Это было бы справедливо, если бы все Кондоры были по одну сторону, а все не-Кондоры — по другую: либо так, либо этак. Десять мужчин привязали к столбам напротив Дворца Великого в самом конце широкой красивой центральной улицы. Воины Единственного громко помолились Единственному, и солдаты Кондора подняли ружья, прицелились и расстреляли этих онтик в упор. Связанных. Этого я сама не видела, но мне об этом тут же рассказали. Это называлось Экзекуцией; она осуществлялась согласно Закону Единственного. Когда я об этом услышала, то в моей душе будто что-то оборвалось. Я увидела залитую солнечным светом центральную площадь в Кастохе, но не мать свою я увидела там: я увидела черных стервятников, которые, опустив головы, рвали клювами собственные животы, вытаскивали внутренности и пожирали их. Я бросилась в комнату к Экверкве, взяла ее на руки, и мы долгое время сидели с ней на полу в уголке, пока кошмарное видение не растаяло у меня перед глазами и не прошла вызванная им дурнота. Но с этого дня у меня уже не осталось ни желания, ни терпения быть Женщиной Кондора и следовать законам Единственного.

Я окончательно поняла, что живу среди людей, которые идут по ложному пути. И мне хотелось одного: чтобы моя дочь, прежде всего, ну и я сама, конечно, оказались от них подальше — где угодно, только в другом месте.

Прошло довольно много времени, прежде чем я смогла воплотить свои мечты в жизнь, ибо Саи все больше и больше походил на гигантский муравейник, который ведет войну с другим таким же муравейником: город был заперт и полон отчаяния. Когда Великий Кондор послал своих Птенчиков, чтобы они сбросили зажигательные бомбы на леса и деревни народа Зиаун, живущего к юго-западу от Кулкун Эраиан, то некоторые соседние народы присоединились к народу Зиаун, чтобы вести ответную войну. Они строили совместные планы, встречались и обсуждали их, а также передавали друг другу секретные сведения через Пункты Обмена. Они, разумеется, не могли причинить никакого вреда Птенчикам, когда те находились в полете, даже если все одновременно стреляли из ружей, и не могли пробраться на поле, с которого Птенчики взлетали и куда возвращались, ибо оно охранялось целой армией солдат Кондора; однако кто-то из них в одиночку, возможно мужчина или женщина из числа беглых онтиков, которые отлично знали, что и где расположено и как следует вести себя с Кондорами, ночью пробрался на склад и поджег цистерны с хранившимся в них топливом. Цистерны взорвались. Этот человек выбраться не успел и сгорел заживо, но Птенчики остались без горючего. Пока создавался новый запас топлива, Великий Кондор приказал молодым воинам на планерах облететь деревни народа Зиаун и обстрелять их, однако планеры сбить было очень легко, так что ни один из них назад не вернулся. Что же касается урожая этого года, то осенью не только зерно, но и картофель, турнепс и прочие корнеплоды были превращены в топливо для Птенчиков; амбары Столицы были буквально выпотрощены; в ход пошли даже семена диких трав. Все песни были только о том, как славно умереть во имя Единственного. Мужчины Дайяо должны были стремиться перебить всех врагов до одного, а женщины — восхвалять их за это.

Однажды ранней осенью, когда Экверкве шел третий годик, у меня появилась возможность пойти в гости в Дом Тертеров вместе с еще одной женщиной из Дома Ретфороков, у которой там тоже были родственники. Мы много раз просили на это разрешение, и наконец нам его дали и велели нескольким рабам-мужчинам сопровождать нас. Экверкве сама шла за руку со мной от Дома Ретфороков до Дома Тертеров по столичной улице, с обеих сторон окруженной слепыми стенами домов. Единственный раз в жизни она проделала этот путь.

Тертер Гебе умер год назад, и теперь главой семейства стал мой отец, однако он давно уже жил взаперти, как женщины Дайяо, словно желая быть позабытым Великим Кондором и Воинами Единственного, которые теперь каждый день производили Экзекуции тех, кого называли врагами Великого Кондора — словно вырывали свои собственные внутренности.

Тертер Абхао не видел своей внучки целых два года.

Отец сидел в той самой комнате, куда несколько лет назад водили меня, чтобы познакомиться с Тертером Гебе. Он выглядел сильно постаревшим, был очень бледен, совершенно облысел и сильно горбился, словно сгибался под непосильной ношой. Сердце у меня сжалось, когда я увидела его таким: я не ожидала, что он так ослабеет. Впрочем, и все остальные в этом доме выглядели плохо. Отец казался совсем больным, однако, взглянув на Экверкве, улыбнулся в точности так, как когда-то в Долине улыбался мне. Во всяком случае, так мне показалось.

— Так, значит, это и есть Данарью Белела, — проговорил он, когда девочка подошла к нему. Она его совершенно не боялась; ей вообще нравились все мужчины, как это часто бывает с маленькими девочками.

— Да, — сказала я, — для народа Дайяо она, конечно, Данарью, но у нее есть и свое собственное имя: Экверкве. Так у нас называют ту перепелку, которая громко выкрикивает свое имя «Экверкве!», заметив опасность, и тогда вся стая спасается бегством и прячется или улетает.

Он посмотрел на меня как-то очень внимательно, но моя дочка пошлепала его по руке, чтобы привлечь к себе внимание, и сказала:

- Это меня зовут Экверкве.
- Очень хорошее имя, — одобрил он. — Ну а ты, Айяту, как поживаешь?
- Скучаю, — сказала я. — Здесь совсем нечего читать. — Я нарочно использовала глагол языка кеш — «читать».
- Он снова некоторое время молча смотрел на меня.
- Сова, — сказал он тоже на кеш и снова улыбнулся. — У тебя еды-то хватает? Ты очень худая.
- Для живота вполне хватает, но голодает мой ум, — ответила я. — Отец, мы с тобой когда-то проделали путешествие только в одну сторону.

Он кивнул, но еле заметно. Какое-то время он наблюдал за малышкой, что-то изредка говорил другим людям, бывшим в той же комнате, Кондорам и дочерям Кондора из его семьи и Дома Ретфороков. Но через некоторое время он наклонился и сказал мне, но так, чтобы никто больше не слышал:

— Когда они будут вспоминать обо мне, то, возможно, вспомнят и о тебе...

В его глазах я видела площадь перед Дворцом, столбы с привязанными людьми и лужи крови на каменных плитах.

— И прежде всего нам нужно спасти девочку! — договорил он.

Сердце мое так и подскочило; я выдохнула:

— Так ты пойдешь?..

Он покачал головой и шепнул:

— Погоди.

Вскоре, когда люди из Дома Ретфороков собрались уходить, отец заявил:

— Этую ночь Айяту Беле проведет здесь; я так давно не видел своей внучки!

Женщины Ретфорок в замешательстве зашептались; старшая из них сказала:

— О, могущественный Кондор, муж этой женщины, Кондор Ретфорок Дайят, возможно, будет этим весьма недоволен, ибо он не давал своей жене разрешения ночевать здесь.

Другая поддержала ее:

— Ведь это же не внук, а всего лишь внучка!

Ну а третья, самая вредная ханжа, намекнула:

— Могущественный Кондор Тертер Абхао мог бы тоже оказать честь Дому Ретфороков, если бы когда-нибудь сам посетил его.

Никогда не смогли бы мужчины превратить женщин в рабынь, сделать их полностью от себя зависящими, если бы сами женщины этого не захотели. Я всегда не-навидела мужчин Дайяо за то, что они вечно повелевали своими женами; еще более ненавистны мне были их женщины за то, что подчинялись этим приказам и охотно их выполняли. Я вся вспыхнула, точно больше уже не в состоянии была удерживать накопленный за эти долгие годы гнев; но тут, к счастью, вмешался мой отец — поистине великий и хитроумный военачальник:

— Ну хорошо, но ведь могущественный Кондор Ретфорок Дайят не станет так уж сердиться на свою жену, если она задержится здесь всего на несколько часов? Я сам отшлю ее домой сегодня же вечером, после обеда.

С этим они спорить не могли и удалились, оставив меня у отца, и Эзирью осталась со мной вместе. Стоило им уйти, как отец быстро послал одного слугу туда, другого сюда и велел нам приготовиться к бегству. У него было очень мало времени, и он мог дать нам в сопровождение только двух человек из своего дома, но сам поехать с нами или хотя бы послать с нами своих солдат, как он надеялся, уже был не в состоянии. Я сказала:

— Но они же пошлют за нами погоню?

— И он ответил:

— Ранним утром я тоже уеду из дома — отправлюсь с патрульным отрядом, и они, конечно, погонятся за мной, предполагая, что я взял тебя с собой, как и в тот раз, когда впервые привез тебя сюда.

Мы переоделись в одежду тьюнов и стоя попрощались в вестибюле Дома Тертеров. Я спросила отца:

— А ты когда-нибудь приедешь ко мне?

Он прижал к себе внучку, которую все время держал на руках. Она была сонная и уютно устроилась у него на плече, головкой прижавшись к шее. Он чуть отвернулся, склонившись щекой к головке ребенка, так что я даже не сразу поняла, с ней он говорит или со мной.

— Скажи своей матери, чтобы больше не ждала — не ждала меня, — проговорил он. Потом погладил Экверкве по волосам своей огромной ручищей и бережно передал ее мне.

— Но тебя ведь накажут... тебя ведь... — Я не могла выговорить это слово — столбы, веревки, кровь стояли перед глазами.

— Нет, нет, — сказал он. — Ты убежала, когда не входила больше в мою семью и жила в другом доме. Да и меня утром здесь уже не будет, так что наказывать будет некого. Мне дан приказ пройти с патрульным отрядом в западном направлении от Белой Горы; мы просто выйдем чуть раньше, вот и все. Ничего там, в горах, со мной не случится.

И тут до меня дошло, что он утром отправится в то самое ущелье, где тогда привиделся мне лежащим ничком. Но подобные знания невозможно высказать вслух, и ничего нельзя сделать, чтобы предотвратить неизбежное; так что я поцеловала его, и он на мгновение крепко прижал меня и девочку к себе, а потом мы ушли, оставив его в том доме.

Мы выбрались на улицу через заднюю калитку в сгущавшихся ранних сумерках.

Один из наших сопровождающих был мне знаком: он был в отряде отца, когда я приехала вместе с ними из Долины; это был умелый мрачноватый человек по име-

ни Арда. Второго я не знала, имя его было Дорабадда, и он служил под началом моего отца во время похода в Страну Шести Рек. Они обладали той верностью своему хозяину, что так высоко ценилась Дайяо; они были похожи на пастушьих собак, надежных, всегда готовых действовать и безрассудно смелых; они подчинялись только приказам хозяина и его тайным желаниям, во всем ориентируясь лишь на него одного.

Ворота города всегда тщательно охранялись, и те, кто входил и выходил из него, подвергались порой настояющему допросу, но у нас никаких осложнений не возникло. Дорабадда сказал, что Эзирю и я — служанки одного из высокопоставленных лиц во Дворце, но теперь нас отсылают обратно в деревню: «обе уже никуда не годятся, обе беременны». Последовало множество шуток на тему Воинов Единственного, которые по Закону должны были бы оставаться девственниками в течение всей жизни и которых простые солдаты ненавидели и боялись. Дорабадда болтал с охранниками легко и свободно и вывел нас из Столицы без малейших подозрений и задержки. И вот мы оказались за пределами Саи. Огни города, оставшегося позади, сверкали и переливались среди черной равнины в вечерних сумерках, и это было дивное зрелище. Всю ночь, пока мы медленно пересекали залитую лавой равнину, Столица светилась у нас за спиной. Мы передавали спящую Экверкве друг другу; но порой она ненадолго просыпалась и внимательно вглядывалась во тьму: наша перепелочка стерегла стаю. Ей прежде редко доводилось видеть звезды.

Едва забрезжил рассвет, мы свернули с большой дороги и пошли по самому краю равнины, а с наступлением дня укрылись в какой-то пещере и весь день проспали там. А еще мы разговаривали в пути, и я узнала многое такое, о чем понятия не имела, живя в Доме Ретфороков. Арда сказал, что мы непременно должны держаться подальше от деревень и ферм тьонов, потому что те, весьма вероятно, нападут на нас, чтобы ограбить или убить мужчин и изнасиловать женщин. Я сказала:

— Но вы же Кондоры! Вы можете приказывать тьонам!

— Когда-то это действительно было так, — ответил он.

Вот я и выяснила, что за пределами городских стен все приказы Великого и подчинение им кончаются и начинается беззаконие и беспорядок. Мы шли через земли Дайяо по ночам, прячась, стараясь держаться подальше от человеческого жилья.

Потом началось то, что Дайяо называют «попасть из мясорубки в котел с кипящим супом», а мы — «из огня да в полымя»: покинув владения Великого Кондора, мы оказались на территории тех народов, что стали жертвами и врагами Дайяо.

Когда мы добрались наконец до Темной Реки, Арда сказал, что теперь мы можем идти и днем, и я предложила:

— В таком случае вам, Арда и Дорабадда, следует вернуться домой. Ступайте и скажите Тертеру Абхао, что с его дочерью все в порядке и вы расстались с ней уже на пути к дому.

— Но он приказал нам доставить тебя в Долину, — возразил Арда.

— Послушай, — сказала я, — вы стали мне добрыми друзьями, но если вы останетесь со мной до конца, то причините мне только зло. В вашем присутствии я, и Эзирью, и Экверкве — люди Кондора. Без вас — мы все-го лишь две слабые женщины с маленьkim ребенком, которые, разумеется, ни с кем не воюют.

Но эти воины, желая непременно выполнить данный им приказ, возвращаться отказались. Я же решительно отказывалась продолжать путь с ними вместе. Я не хотела, чтобы их из-за нас убили, как не хотела, чтобы убили нас из-за того, что мы идем с людьми Кондора. Поскольку я не хотела даже покидать лагерь, который мы разбили на берегу Темной Реки, пришлось обсуждать все сначала, и мы проговорили несколько часов. Для этих мужчин оказалось чрезвычайно трудно как не послушаться своего командира, то есть моего отца, так и послушаться меня, женщины; однако они прекрасно понимали, что я права: путешествовать с ними нам было куда опаснее, чем без них. Наконец они решили, по предложению Дорабадды, следовать за нами примерно на расстоянии часа ходьбы и делать вид, будто они за нами гонятся. Это было хорошее разрешение нашего

споря во всем, за исключением одного: они по-прежнему подвергались серьезной опасности. Но они упорно уверяли нас, что на это обращать внимание в данном случае не стоит; так что мы обняли их и оставили в лагере у реки, и втроем — Эзирью, Экверкве и я — пошли дальше на север по берегу Темной Реки к высоким холмам.

Вскоре мы попали в страну, жители которой называют себя Феннен. Теперь мы вели себя совершенно иначе, чем в начале пути: мы шли только днем и по самым открытым местам, а если подходили близко к какому-нибудь жилью, то нарочно шумели и громко разговаривали, чтобы люди непременно услышали нас и увидели. Мы объяснялись в этой стране в основном с помощью жестов и еще немножко на языке ТОК, которому я обучилась еще в Синшане; Экверкве болтала куда лучше нас обеих, поскольку малыши всюду говорят примерно на одном и том же языке и все их понимают. К концу четвертого дня после того как мы расстались с Ардой и Дорабаддой, нас приютила на ночь одна семья, жившая в деревянном доме близ Больших Ручьев. Вместе с ними мы поужинали подслащенным молоком и кашей из желудевой муки, и нас уложили в теплые и мягкие постели. Я спала крепко и сладко — впервые по-настоящему спала с тех пор, как мы начали свое путешествие, однако, проснувшись утром, услышала, как обитатели этого дома что-то обсуждают за окном, и по их интонациям догадалась: случилось что-то дурное. Используя жесты и язык ТОК, я выяснила, что произошло. Из засады им удалось убить одного из наших друзей; заслышив, как те говорят на дайяо, они сразу стали стрелять. В одного попали с первого выстрела, и он был мертв, а второму удалось бежать. Не знаю, кого из них, Арду или Дорабадду, они убили, как не знаю и того, добрался ли второй до Сай невредимым. С тех пор как я покинула Столицу Великого Кондора, до меня оттуда не долетало ни словечка, ни весточки.

Я расплакалась от горя и чувства собственной вины, и Эзирью все пыталась успокоить меня, опасаясь, что эти Феннен догадаются, откуда мы сами. Эзирью ни на один час во время нашего путешествия не оставлял страх.

Но старшая женщина в том семействе, что приютило нас, увидев мои слезы, тоже заплакала и объяснила мне с помощью всяких знаков и отдельных слов, что слишком много кругом войны, слишком много убийств, что молодые мужчины в ее доме сошли с ума и не расстаются с ружьями ни днем ни ночью.

Мы продвигались вперед очень медленно, потому что ножки у моей Экверкве были еще очень коротенькие. Хотя уже наступила осень, но мне казалось, что день ото дня делается все светлее.

В лощине, у слияния Темной Реки и великой Болотной Реки, среди холмов под местным названием Локлатсо (так они и помечены на наших картах, хранящихся в хейимас), мы встретили несколько человек, которые шли на северо-восток. Увидев одного из них еще издали на склоне холма, я решила, что он мне снится или же это призрак, существо из Четырех Небесных Домов: я узнала его лицо. Это был отчим моих троюродных брата и сестры из Мадидину по имени Вечный Меняльщик, который позже взял себе имя Червь, вступив в Общество Воителей. Этого человека я знала с детства. Спутники его были мне незнакомы, хотя, судя по их сложению и одежде, они тоже пришли из Долины — невысокие, довольно полные, с короткими руками и ногами; и лица у них были круглыми, как у всех жителей Долины, и волосы были заплетены, как принято в Обществе Воителей, в косы. Вдруг один из них обратился к своим спутникам на моем родном языке, на том самом кеш, на котором в течение семи лет я разговаривала лишь во сне с собственной душой.

— Вон там какие-то женщины идут! — сказал он.

И тогда я пошла им навстречу и тоже крикнула:

— Вечный Меняльщик! Так, значит, это все-таки ты, муж моей родной тетки! Как дела у вас в Мадидину? — Мне уже было все равно, духи они или настоящие люди, члены Общества Воителей или друзья — они были из Долины, из моего дома, и я бросилась к ним и обняла того, кто носил теперь имя Червь. Он был так изумлен, что, хоть и был Воителем, позволил мне, женщине, обнимать его, а потом, глядываясь мне в лицо, изумленно спросил:

— Северная Сова? Неужели это ты?

— О нет! — воскликнула я. — Нет, теперь уже нет — я Женщина, Возвращающаяся Домой!

Вот оно и пришло ко мне само — мое среднее имя, имя взрослых лет моей жизни.

В ту ночь мы разбили лагерь вместе с мужчинами из Долины в ивой роще на холмах Локлатсо и проговорили до поздней ночи. Я просила их рассказать мне все, что они могут вспомнить о Синшане и о Долине, а они спрашивали меня обо всем, что мне было известно насчет людей Кондора, ибо сами они направлялись в Сай. Рабская часть моей души, к которой я уже успела привыкнуть, еще оказывала на меня большое влияние, и мысли у меня были как у рабыни, так что уже через несколько минут я начала врать им. Я боялась, что они могут заставить нас пойти с ними в качестве проводников и переводчиков. Они уже один раз попросили меня об этом, еще в самом начале, и я отказалась, и это было совершенно нормально, но потом они снова попросили меня, и еще раз, и тогда уж я постаралась их запугать как следует — я никогда прежде не огорчала и не пугала так никого из мужчин Долины. Сперва я просто рассказала им то, что знала: пути, ведущие к Столице Кондора, стали куда более опасными и будут становиться все опаснее для каждого чужака, а сам народ Дайяо переживает сейчас времена великой смуты, насилия и голода.

Червь слушал меня с отрешенным лицом настоящего Воителя, с тем самым выражением, которое всегда озабочивало меня: он как бы обладал неким высшим знанием, которое мне было недоступно. Потом он сказал:

— У людей Кондора есть страшное оружие. Летающие машины и зажигательные бомбы. У них в руках великая сила, они самые могущественные в этой части света.

— Это верно, — подтвердила я. — Но они, между прочим, еще и убивают друг друга и голодают!

Один из незнакомцев, родом из Телины, имени его я не помню, сказал Червю презрительно:

— Это же какая-то женщина, беженка! Что она понимает! — И пожал плечами.

А юноша в некрашеных одеждах, сын этого человека, спросил меня:

— А ты видела полет Великого и Единственного Кондора?

— Есть там человек, которого называют Великий Кондор, — ответила я, — но только он не летает. Он даже и не ходит! И никогда не покидает того Дворца, в котором живет.

Я не совсем поняла, что имел в виду этот юноша: то ли он спрашивал о Великом Кондоре, то ли хотел поговорить о Птенчиках. Впрочем, неважно. Они не желали слушать меня, хотя я могла бы рассказать им многое, да и я не желала знать, зачем они направляются в Саи. Но я заметила, что Червь, несмотря на весь свой высокомерный вид, начал проявлять явное беспокойство, и совсем перестала говорить, какой Дайяо дурной народ и как он уничтожает сам себя. Я стала вести себя так, как ведут себя в присутствии мужчин женщины Дайяо — улыбаясь, соглашаясь со всем, делая вид, что меня, в общем, интересует только собственное благополучие и маленькая дочь. Мысль о том, чтобы вернуться хотя бы на один шаг назад, заставляла меня лгать без зазрения совести. Так что, когда Червь спросил, есть ли какие-нибудь войска Кондора на дороге, идущей вдоль Темной Реки, я ответила:

— Не знаю. По-моему, мы каких-то солдат там видели, но я не знаю названий тех мест. А может, мы их видели, когда проходили сосновым лесом? Или мимо вулканов? Впрочем, возможно, это вовсе и не были солдаты Кондора, может, кто-то из местных. Понимаешь, мы ведь на эту дорогу выбрались по чистой случайности; мы тут целый месяц скитались, ели кореня и ягоды, потому-то мы и худые такие. Я даже и сказать толком не могу, в каких местах мы побывали! — И дальше я продолжала в том же духе, чтобы они не вздумали брать меня с собой в качестве проводника.

Когда же они спросили, кто такая Эзирью, я снова солгала не моргнув глазом. Эзирью все время по мере возможности старалась не попадаться им на глаза; она была просто в ужасе от присутствия этих незнакомых мужчин. Я сказала:

— Она ушла от своего мужа и вынуждена была убежать из дома. Как и я. — А потом прибавила: — Вы ведь знаете, люди Кондора беглых жен убивают. А если обнаружат их в обществе мужчин, то и этих мужчин убивают тоже.

Это была моя самая лучшая выдумка, потому что так дела обстояли и вправду. Это-то все и решило. Наутро Воители из Долины двинулись своей дорогой к Столице Кондора, предоставив нам продолжать путь на юго-запад. Когда мы расставались, я сказала им:

— Идите осторожно и будьте очень внимательны, люди Долины! — А юноше из моего Дома я сказала: — Братец, когда будешь в пустыне, вспомни о бегущих ручьях. И в темном доме вспомни о священном сосуде из синей глины. — Эти слова, которые когда-то сказала мне Старая Пещера, были единственным, что я могла ему дать. Может, они и пригодились ему когда-нибудь, как уже пригодились мне.

Я не знаю, что стало с этими людьми после того, как мы с ними расстались на холмах Локлатсо.

После Локлатсо мы шли уже по таким местам, которые не слишком подверглись вредному влиянию Столицы Кондора. Когда, много лет назад, я проезжала здесь с отцом и его солдатами, мы вынуждены были держаться подальше от человеческого жилья и скрывались, как кой-оты. На этот раз я путешествовала, как человек. В каждом городе и в каждой деревушке, куда бы мы ни приходили, с нами непременно затевали беседу. Я все-таки очень плохо знала ТОК, а многие здешние жители знали только свой собственный язык, однако мы научились с помощью знаков и жестов объяснять все самое необходимое, ну а гостеприимство ведь само в Реке плавает, как у нас говорится. Не все из этих людей были так уж щедры душой, однако ни один из них не прогнал нас голодными. Детишки в деревнях радовались встрече с новой подружкой, только поначалу были чересчур

застенчивы и прятались. Но Экверкве, которой каждый день приходилось встречаться с незнакомыми людьми и которая охотно играла с любыми детьми, стала у нас очень умной и храброй и тут же отправлялась их разыскивать. Дети что-то кричали на самых различных языках, и она тоже кричала в ответ — на дайяо, на кеш, на феннен, на клатвиш — и они учили песенки друг друга, слов которых не понимали. Как сильно отличалось путешествие в ее обществе от путешествия на север в обществе моего отца! Только Эзирью находила его трудным. Она ведь уходила все дальше и дальше от родного дома, а не приближалась к нему, и она боялась мужчин: не остерегалась, разумом признавая различия, но просто боялась, как боится заблудившаяся собака, которая ждет, что ее ударят. Женщине Дайяо вне стен дома ее отца или мужа все мужчины представляются опасными, потому что для мужчин Дайяо все женщины, не находящиеся под защитой других мужчин, — потенциальные жертвы; они и называют их не «женщины» и не «люди», а «подстилки». Эзирью и о себе думала именно так и была уверена, что насилия ей не избежать; она просто не способна была доверять всем тем незнакомцам, у которых мы останавливались. Она всегда держалась рядом со мной, за моей спиной, и я прозвала ее Женщина-Тень. Часто я думала о том, что идти ей со мной не следовало и что я поступила неправильно, приведя ее с собой в Долину; однако она бы просто не отпустила меня тогда; в тот вечер, когда мы так спешно покидали Дом Тертеров, она сказала мне, что скорее умрет, чем останется жить в Саи без меня и Экверкве. И ее дружба была для меня большим утешением и подмогой во время нашего путешествия. Хотя ее страх порой заражал и меня и сильно действовал мне на нервы, но он же и придавал мне храбрости, когда я, например, должна была успокаивать ее и говорить: «Видишь, бояться нечего, эти люди никакого зла нам не причинят!» — и первой шла им навстречу.

Для маленьких ножек нашей перепелочки десять миль в день были очень большим переходом. Мы добрались до перевоза близ Икула, где лодки перетягивали на тот берег с помощью каната, и перебрались через Болотную

Реку вместе с несколькими жителями побережья Амарант, которые везли домой золото из высокогорных рудников. Потом мы втроем отправились на запад через болота, потом свернули южнее, вдоль череды холмов, добрались до места под названием Утуд, где начинается дорога в Чирьян, и пошли по этой дороге через холмы. То были дикие края. На этой дороге мы не встретили ни одной живой души. Всю ночь, правда, нам на склонах высоких холмов пели койоты — песни Безумной Старухи и песни Высокой Луны; в траве было полно мышей; олени и горные козы в кустарнике бросались при виде нас врассыпную или же весь день наблюдали за нами, скрываясь в зарослях. Неумолчно ворковали горлинки, а по вечерам в воздухе становилось темно от гигантских стай голубей и других птиц; в полдень мы всегда видели над собой выписывающего круги краснокрылого ястrebа. По пути я собирала разные перья и сохранила их; то были перья девяти разных птиц. Пока мы шли по этим местам, выпал первый дождь. Я шла и пела песнь, подаренную мне дождем и найденными мною перьями. Словалились сами собой:

Мир нельзя познать до конца,
можно только идти вперед,
вперед и вперед, без конца,
по спирали хейийя — вперед,
И вот уже ты высока:
пред тобою склоняются травы.

Когда я вернулась в родную Долину, я принесла с собой эту песню и перья девяти разных птиц из дикого края, где пролегает путь койота; а из тех семи лет, которые я прожила в Столице Человека, я принесла то, что у меня осталось: мою женскую сущность и мою дочь Экверкве; а еще я привела свою подругу Тень.

Мы сперва спустились вдоль Ручья Буда в Глубокую долину, потом вдоль Ручья Хана-иф к Реке На, напевая все время священные песни. Мы были очень голодны, поскольку питались только семенами трав и тем немногим, что находили на этих холмах; а мне не хотелось терять время на собирательство, это слишком кропотливая и медленная работа, даже если того, что ты

собираешь, вокруг тебя много; я все время торопила своих спутниц. Мы прошли вдоль излучины Реки, мимо Большого Гейзера и Купален и оказались в Кастохе.

Там мы сразу отправились в хейимас Синей Глины. И я сказала тамошним людям:

— Меня зовут Женщина, Возвращающаяся Домой. Я из Синшана, из Дома Синей Глины. Это моя дочь Экверкве; она родилась в Столице Великого Кондора; она тоже из этого Дома. Это моя подруга Эзирью из Столицы Великого Кондора; она не принадлежит ни одному Дому, но она самый близкий нам человек.

И люди в хейимас приветливо приняли нас.

Пока мы оставались там, я рассказала о тех людях, которых мы встретили в Локлатсо, и мне сообщили, что некоторое время назад состоялось собрание всех жителей Долины, где решался вопрос об Обществе Воителей, и с тех пор это Общество перестало существовать. А ведь Червь и его спутники ничего мне тогда об этом не сказали!

Ученые люди из хейимас Синей Глины в Кастохе очень советовали мне непременно подняться в Вакваху и передать в Библиотеку и на Пункт Обмена Информацией все, что я знаю о действиях и намерениях народа Дайяо. Я сказала, что обязательно сделаю это в самое ближайшее время, но сперва мне хотелось бы сходить в мой родной город.

Девять городов на реке (I)

Карта-амulet, подаренная редактору Проходящим Насквозь
из Дома Змеевика в Чукулмасе

И вот мы пошли вдоль юго-западного берега Реки по Старой Прямой Дороге в прекрасную Телину. Там мы переночевали в хейимас и на рассвете двинулись дальше. Шел сильный частый дождь, хороший дождь. Мы с трудом могли разглядеть далекие холмы на той стороне Долины, тонувшие в серой пелене, а справа от нас высились уже совсем знакомые отроги Ключ-Горы, Горы Свиньи и Горы Синшан, сквозь туман и потоки дождя казавшейся огромной.

Иду туда, иду туда,
Иду туда, куда путь мой,
Там и умру — в Долине.
И они туда, и они туда,
Следом за мной и за рекой
Дождевые тучи — в Долину.

Мы свернули на тропу Амиу, ведущую через поля Синшана, прошли мимо Голубой Скалы и дальних по скотин, перебрались через Ручей Хечу по бревенчатому мостику для скота. Под дождем ручей весело журчал. Я видела скалы, тропинки, деревья, поля, амбары, ограды, калитки, ступеньки для того, чтобы перелезать через изгородь, рощи — знакомые моему сердцу места! Я говорила им приветственные слова и называла их имена Экверкве и Тени. Мы подошли к мосту через Ручей Синшан и остановились под большой ольхой близ дубовой рощи на склоне холма. Я сказала Экверкве:

— Вон там, видишь, на тропе у калитки загона? Там теперь всегда для нас будет стоять твой дедушка и мой отец, Тертер Абхао. Туда он пришел однажды ко мне пешком. Туда он потом приехал за мной на своем огромном коне и привел кобылку для меня. Проходя здесь, мы всегда будем с тобой вспоминать его, сколько бы дней ни пришло на смену сегодняшнему.

— Вон он там! — сказала, внимательно глядя вперед, Экверкве. Моя дочь видела то, что видела я в своих воспоминаниях. Тень не видела ничего.

Мы прошли по мосту и оказались в городе. Он ведь всего четыре шага в длину, этот мост.

Когда мы повернули направо вдоль Ручья Каменного Ущелья, мимо прошли какие-то дети: я их не знала. Это

было странно! Я вся похолодела с ног до головы. Но Экверкве, которая приучилась здороваться со всеми не-знакомыми людьми, выпустила мою руку, посмотрела на детей и поздоровалась с ними своим тоненьким голоском и на их родном языке. Она сказала:

— А вот и вы, дети Долины! Здравствуйте!

Двое тут же убежали и спрятались за кузню. Двое оказались смелее и остались, рассматривая нас, незнакомок. Одна из девочек начала было — еще более тоненьким голоском, чем у Экверкве:

— А вот и вы... — но не знала, как назвать нас.

— Из какого же вы дома, дети Долины? — спросила я, и мальчик лет восьми или девяти мотнул головой в сторону дома Чимбам. И тут я поняла, что это, должно быть, сын Рыжей, родившийся за год до того, как я покинула Синшан, и я сказала: — Возможно, ты один из моих братьев по Дому. А не из семейства ли ты Рыжей? — Он кивнул в знак согласия. Я спросила: — А скажи-ка мне, пожалуйста, братец, живет ли еще кто-нибудь из семейства Синей Глины в доме Высокое Крыльцо?

Он снова утвердительно кивнул, но все еще слишком стеснялся, чтобы ответить вслух. Так что мы пошли дальше, и во мне вдруг заговорил новый страх. Как же это я не подумала раньше, что и в Синшане тоже прошло целых семь лет?

Я ведь так и не спросила тогда ни Червя, ни людей в хейимас в Кастохе и Телине ничего о своей семье, потому что мне и в голову не приходило, что в ней могли произойти какие-то перемены.

Мы остановились у нижней ступеньки северо-восточной лестницы, что вела сразу на балкон второго этажа нашего дома. Я посмотрела на своих спутниц: на маленькую, насквозь промокшую перепелку в лохмотьях, но с сияющим лицом, и на худую, ясноглазую Тень, которая стояла, кутаясь, как и я, в черный плащ. Мой отец дал нам эти плащи в ночь нашего бегства; они были точно такие же, как у людей Кондора. Цвета застывшей лавы, цвета Кондора, цвета той ночи, когда мы покидали Его Столицу. Я сняла свой плащ, свернула его и перекинула через руку, прежде чем ступить на первую

ступень лестницы, ведущей в мой дом. Ноги сами вспоминали расстояния между ступеньками. Руки узнавали мокрые от дождя перила. Всей душой впитывала я этот знакомый запах промокшего от дождя дерева. Глаза мои узнали дверную раму и дверь из дуба, как всегда чуть приоткрытую, чтобы дать залететь внутрь пропитанному дождем ветру. Медведь ушел передо мной. Койот пришел со мной вместе. Я сказала:

— В этом доме я родилась и теперь вернулась сюда. Можно ли мне войти?

Довольно долго я слышала лишь свое собственное дыхание. Потом моя мать, Зяблик, подошла к двери и широко распахнула ее, глядя на нас испуганными глазами. Она стала еще меньше ростом и выглядела как-то странно. Одежда у нее была, прямо скажем, грязноватой.

— Ну вот и ты, моя мать! — сказала я ей. — Здравствуй! Смотри, а это Экверкве, которая сделала меня своей матерью, а тебя — своей бабушкой!

— Бесстрашная умерла, — сказала мать. — Она умерла. Теперь уже много лет с тех пор миновало.

В дом она нас впустила, но меня не касалась и отшатнулась, когда я хотела до нее дотронуться. Какое-то время, по-моему, она никак не могла разобраться, кто же такая Экверкве, не могла понять, что теперь она сама бабушка, потому что, когда я еще раз произнесла это слово, она снова заговорила о Бесстрашной. Она не смотрела на Тень и ничего не спрашивала о ней, как если бы вообще ее не видела.

Моя бабушка умерла через два года после того, как я покинула Синшан. После ее смерти дед возвратился назад в Чумо и тоже вскоре умер. Так мне рассказали люди. Зяблик в течение пяти лет жила в доме одна. Поскольку Союз Ягнят тоже прекратил свои собрания и действия, она теперь сторонилась людей, не ходила в нашу хейимас, не танцевала во время праздников. Летом она больше не селилась в нашей хижине, а уходила значительно выше в горы и там жила в полном одиночестве. Старинная подруга моей бабушки, Ракушка, и мой побочный дед Девять Целых сильно беспокоились о ней, однако она не желала ни с кем жить вместе: ни с людьми,

Гора Души

ми, ни с овцами, принадлежавшими нашей семье, ни даже со старыми плодовыми деревьями, оливами с серой листвой. Ее душа очерствела, и чувства будто засохли и отвалились сами собой. В том-то и заключается опасность движения назад по пути жизни, как это сделала моя мать, снова взяв свое детское имя. Она не пошла вперед по спирали, а просто замкнула первый и единственный круг. Она была похожа на хворостинку, выпавшую из костра и потухшую под дождем. Она одновременно и противилась тому, чтобы мы жили с нею вместе, и не возражала против того, что мы там живем; ей все, в общем-то, было в этой жизни безразлично. Она просто не позволяла ничему в ней более изменяться. И я в душе дала ей ее последнее имя: Пепел. Но никогда не произносила его вслух до того дня, когда все ее имена были преданы огню в Ночь Оплакивания Усопших во время Танца Вселенной — в тот год, когда она умерла.

Многие жители Синшана были искренне рады моему возвращению. Моя старинная подруга Сверчок, которая теперь звалась Излучина Реки, а когда-то играла со мной в игру Шикашан, бросилась мне навстречу со всех ног и даже заплакала от радости, а позже она сложила замечательную песню о моем путешествии и возвращении домой и подарила ее мне. Гранат, который раньше носил имя Утренний Жаворонок и тоже когда-то играл с нами вместе, женился на женщине из Унмалина, но часто приходил в Синшан поболтать со мной. Постаревший Дада, который так и не обрел разума, все время дарил мне перышки разных птиц и повторял, как он рад, что я наконец вернулась; он часто поджидал

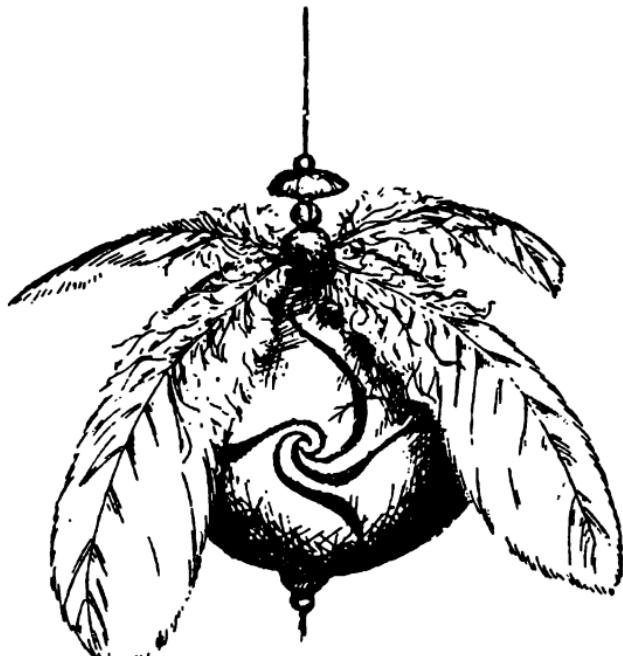
меня возле хейимас с опущенной головой и куриным перышком в руках, которое и протягивал мне неловко, но, когда я брала перышко и заговаривала с ним, он всегда только улыбался, еще ниже опускал голову и бочком, бочком старался уйти. Некоторые старые собаки тоже еще помнили меня и приветствовали как друга. Что же касается людей, то среди них были, конечно, и такие, кто боялся заразы и ни за что не хотел даже близко подходить ко мне; они сторонились и Тени, и даже маленькой Экверкве. Некоторые особенно суеверные люди дули в нашу сторону, когда мы проходили мимо, чтобы случайно не вдохнуть тот воздух, который мы выдыхали. Они были уверены, что у них головы станут задом наперед, если они заразятся от нас Болезнью Человека. Синшан ведь действительно — очень маленький город. А в маленьких городках всегда полно всяких старинных верований, как летучих мышей в пещере. Но были и в этом маленьком городке люди с благородной и щедрой душой, которые могли и хотели помочь мне и понять меня, и теперь я сама тоже вполне готова была принять любой их совет, отбросив страх и ложную гордость, мучившие меня в ранней юности.

Мой отец был «человеком, не имевшим Дома», и отец моей дочери — тоже, так что только через свою бабушку, мою мать, Экверкве могла считаться жительницей Долины и дочерью Дома Синей Глины. Однако об этом в хейимас не было сказано ни слова, и дети ни разу не дразнили мою дочь получеловеком или полукровкой. Я думаю, действительно со временем из Долины исчезла некая болезнь, поразившая ее тогда, когда там подолгу жили люди Великого Кондора. Некоторые, впрочем, так и остались искалеченными, как моя мать, например; однако и они больше уже не были больны.

Эзирью не пожелала сохранить свое прежнее имя, а приняла имя Тень, и мне довольно долго казалось, что она и правда хочет стать тенью, то есть как бы одновременно существовать и не существовать. Она была все время страшно напряжена, не верила ни в себя, ни в других людей. Она не умела даже просто погладить кошку, а овцы казались ей сперва не менее страшными, чем дикие собаки; ей потребовалось очень много времени,

чтобы выучить наш язык, и она совершенно терялась от наших обычаев и традиций. «Я здесь чужая! Я ведь не-здесьняя! Мне в ваш мир, где вы так счастливы, видно, ход заказан!» — говорила она мне, когда все праздновали Танец Солнца, а вокруг городской площади и площади для танцев деревья чудесным образом расцвели зимой цветами из перышек и раковин, позолоченных желудей и вырезанных из дерева птичек. «Зачем дети залезли на деревья и привязывают к веткам деревянные цветы? Зачем люди в белых одеждах подходят ночью к нашим окнам и пугают Экверкве? Почему ты не ешь это мясо? Как же Сойка и Одинокий Олень могут пожениться, если оба они мужчины? Я никогда ничего здесь не пойму!»

Однако она уже начинала кое в чем разбираться и довольно быстро осваивалась; и хотя многие еще не совсем доверяли ей, как и она им, большинство жителей Синшана успели полюбить мою подругу за ее добродушие, искренность и щедрость, а кое-кто даже особенно чтил ее именно потому, что она была женщиной народа Дайяо. Такие люди говорили:

— Это первая и единственная женщина из племени Кондоров, что сама пришла к нам; она сама по себе — великий дар.

Прожив примерно год в доме Высокое Крыльцо, Тень однажды заявила мне:

— Жить в Синшане легко. И быть здесь легко. В Саи было тяжело; там все тяжело — даже просто быть. А здесь — легко!

— Работать здесь тяжело, — возразила я. Мы с ней как раз сажали хлопок на поле Амхечу. — Ты, не бось, никогда так тяжело не работала в Саи. А я там вообще ничего не делала, разве что занималась этим проклятым шитьем.

— Нет, я не об этих трудностях говорю, — попыталась она объяснить мне. — Животные ведь живут легко? Они же не создают себе сами лишних трудностей в жизни? Вот и здесь люди живут — как животные.

— Как онтик, — сказала я.

— Да. Пусть онтик. Здесь даже мужчины живут легко, как животные. Здесь все принадлежат всем. У Дайяо мужчина принадлежит только себе самому. И считает, что все остальное тоже принадлежит ему — женщины, животные, разные вещи и даже сама Вселенная.

— У нас это называется «жить вне мира», — сказала я.

— Там очень тяжело жить! — продолжала она. — Тяжело — и мужчинам, и всем остальным.

— Ну а что ты думаешь о мужчинах Долины? — спросила я.

— Они мягкие, — сказала она.

— Как это «мягкие»? Как заливное из угря? — с улыбкой спросила я. — Или мягкие, как поступь пумы?

— Не знаю, — сказала она. — Они странные. Я никогда не пойму ваших мужчин!

Но это оказалось впоследствии не совсем так.

Все те годы, что я прожила в Саи — до замужества и после, — порой мне все же вспоминался мой троюродный брат Копье, но не с болью и гневом, как когда я покидала Долину, а с каким-то ноющим чувством, которое было мне отчасти даже желанно и приятно, потому что не походило ни на одно из тех чувств, которые я испытывала в Саи. И хотя Копье сам отвернулся тогда

от меня, все же и в детстве, и в юности нас с ним всегда тянуло друг к другу, ибо это сердца наши выбрали друг друга, и, несмотря на то что он был от меня далеко и я не могла тогда даже надеяться когда-либо увидеть его вновь, он по-прежнему был как бы частью моего существа, частью Долины, он всегда был у меня в сердце — друг души моей. Иногда, особенно в последние месяцы беременности, я подумывала о смерти, как это часто бывает у женщин, занятых только мыслями о предстоящих родах; и когда я думала о своей собственной смерти, о том, что могу умереть в этом чужом краю, далеко от Долины, и лечь в эту бесплодную каменистую землю, меня охватывало такое безнадежное отчаяние и слабость, что сердце и сейчас сжимается, как тогда, стоит мне вспомнить об этом. В такие плохие дни мне иногда помогали мысли о высокогорных лугах, о трепещущих тенях метелок овса на скалах и еще, конечно, воспоминания о том, как Копье сидел тогда на берегу Малого Ручья Конского Каштана и разглядывал колючку у себя в пятке, а потом сказал: «А, это ты, Северная Сова! Может, тебе эту проклятую колючку разглядеть удастся?» Вот какие мысли поистине вдыхали в меня тогда жизнь.

Сестра Копья, которая в детстве звалась Пеликаном, а теперь получила имя Лилия, жила в их прежнем доме в Мадидину, выйдя замуж за человека из Дома Обсидиана, но сам Копье, когда Общество Воителей прекратило существовать, перебрался в Чукулмас. В год, когда я вернулась домой, под конец сухого сезона он снова переселился в Мадидину, в дом своей сестры. Мы с ним впервые встретились, когда он пришел в Синшан на Танец Воды.

В тот год и я участвовала в Танце Воды. Я исполняла Танец Оленьих Копыт, когда увидела Копье в окружении людей из Дома Синей Глины; Экверкве с Тенью тоже были там. Закончив танец, я подошла к ним. Копье поздоровался со мной и сказал:

— Какое хорошее у тебя теперь имя — Женщина, Возвращающаяся Домой. Неужели тебе снова придется кудато уходить отсюда, чтобы его оправдать?

— Нет, — сказала я, — я учусь оправдывать свое имя, живя на одном месте.

Я видела, что ему очень хочется спросить меня о том, чего я так и не сказала ему тогда, осенним вечером в винограднике, много лет тому назад: о том, что в душе моей я дала ему новое имя. Он так и не спросил меня об этом, ну и я ему называть это имя не стала.

После Танца Воды он стал часто бывать в Синшане. Он был членом Цеха Виноделов, славился как ловкий виноторговец и работал на винокурнях обоих городов.

Несколько лет он прожил с какой-то женщиной в Чукулмасе, однако они так и не поженились. В Мадидину он жил один, в доме своей замужней сестры. Когда я начала вновь часто видеть его в Синшане, то вскоре поняла, что он пытается придумать, как ему превратить нашу старую дружбу во что-нибудь новое. Это меня тронуло, потому что я была благодарна ему за то чувство, воспоминания о котором так помогли мне в чужой стране, где я тогда боялась умереть; а еще его внимание мне попросту льстило. Гордость моя была когда-то сильно уязвлена тем, что он от меня отвернулся, и старая рана еще не совсем зажила. Однако теперь он не был мне особенно нужен — ни как друг, ни, тем более, как любовник. Он был красивым стройным мужчиной, но я все еще чувствовала в нем Воителя. Он был слишком похож на мужчин Дайяо. Нет, не на моего отца, ибо тот, хоть и был Истинным Кондором и солдатом всю свою жизнь, но по характеру и складу ума вовсе воякой не был. Копье куда больше походил на моего мужа Дайята, который ни разу и не участвовал ни в одном бою, однако всю свою жизнь превратил в войну, в непрерывную цепь побед или поражений. Большая часть мужчин, состоявших некогда в Обществе Воителей и оставшихся в Долине, приняли новые имена, однако Копье свое прежнее имя сохранил. И теперь, глядя на него, я замечала, как беспокойны и тоскливы порой его глаза; нет, он не смотрел на мир ясным взором пумы. Я придумала для него тогда неправильное имя; имя Копье подходило ему куда больше.

Окончательно убедившись, что он интересует меня разве что как старый приятель и родственник, я уже

спокойно принимала его у нас в доме, да и Тень всегда была рада его видеть. Это меня немножко беспокоило. Умная, своенравная, обладавшая сильной волей Эзирью, часто в Саи получавшая нагоняй из-за своего непослушания или дерзкого поведения по отношению к «старшим», здесь была нежной и мягкой, настоящей Тенью, вечно нерешительной, с вечно потупленным взором. Именно такое поведение и нравилось моему братцу. Может быть, он пытался заставить меня ревновать, но не только: ему явно нравилось разговаривать с Тенью. Тот, кто всю свою жизнь превращает в войну, первым делом, по-моему, бросается в бой с человеком другого пола, стремясь подчинить его, одержать победу. Тень была слишком умна и слишком великодушна, чтобы желать подчинить себе Копье или кого бы то ни было, и, кроме того, знания и воспитание, которые она получила среди Дайяо, уже подготовили ее к участи побежденного, «любящего противника». Мне не нравился тот важный, напыщенный вид, который Копье напускал на себя в ее присутствии. Однако она со времени своего появления в Синшане становилась все сильнее; и в ее глазах теперь было куда больше от взгляда пумы, чем в его. Я подумала, что если так будет продолжаться, то Синшан сумеет навсегда убить в ней рабыню-онтик, никогда даже и не узнав, что она ею была.

Если Эзирью, став Тенью, оказалась совсем другим человеком, то и Айяту начала превращаться в другую женщину, в Женщину, Возвращающуюся Домой. Однако, как я и сказала Копью, мне еще требовалось научиться быть ею. И на это ушло немало времени.

В Саи я просто места себе не находила, мечтая о какой-нибудь работе. В Синшане я такую работу нашла сразу. Страшно много нужно было сделать по дому. Моя мать совершенно запустила и сам дом, и сад, и огород; наш ткацкий станок покрылся пылью; она отдала всех наших овечек в городское стадо. Удовольствие что-то делать, что-то создавать умерло в ней вместе со всеми остальными огнями ее души.

Возможно, помня, что любовь сделала с жизнью моих родителей, я сторонилась любого мужчины, который мог зажечь подобную страсть и во мне. Я еще только

начинала учиться видеть и вовсе не желала, чтобы меня ослепили. Ведь мои родители никогда друг друга по-настоящему не видели. Для Абхао Ившка из Синшана всегда была лишь мечтой, сном, а жизнь, наступавшая после этого сна, была везде, но только не с ней. Для Ившки Кондор Абхао был целым миром — все остальное не имело смысла, только он один. Так что они не отдали свою великую страсть и верность никому более; они даже по-настоящему и друг другу ее не отдали — она досталась тем людям, которых на самом деле даже и на земле-то не было: женщине-мечте, мужчине-богу. И все это было растрячено зря: ни один не получил от другого столь великого дара. Моя мать словно выбыла из жизни после всего этого, попусту израсходовав свою страсть и любовь. И теперь ничего не осталось ни от ее великой любви, ни от нее самой. Она была пуста, холодна и бедна душой.

Тогда я решила стать богатой. Если моя мать не может согреть свое тело и душу, то хоть я, по крайней мере, постараюсь сделать это. Уже в тот первый год, что я провела дома, я успела соткать праздничный плащ для танцев и подарить его нашей хейимас. Я соткала его на станке Бесстрашной, который до той поры стоял никому не нужный в нашей дальней комнате. Я ткала и присматривала на серебряный полумесяц подаренного мне бабушкой браслета, который туда-сюда мелькал на моей руке над рамой станка.

Ракушка присматривала за нашими овечками во время окота, а после стрижки отдавала их шерсть в хранилище; семье все еще принадлежало пять овец: два валуха и три ярочки. Когда я шла в овчарню, то всегда брала Экверкве с собой. Она была готова учиться всему и у всех, в том числе и у любых животных, которых видела на пастбищах и на окрестных холмах. В Столице Кондора она не видела никого, кроме людей, так что учить ее приходилось многому. Во время нашего путешествия в Долину она все время шла пешком, и ее окружали живые обитатели Небесных Домов; она «попробовала молока Койотихи», и теперь, в Долине, ей хотелось быть с овцами и коровами в хлеву, и на пасарне со щенками; как все остальные дети, она готова была возиться с

ними целый день. Сады и лес, где собирали, например, ягоды, нравились ей куда меньше; работа там движется медленно, а результат не так-то скоро увидишь, разве что во время сбора яблок или других фруктов. Искусству собирательства обучаются постепенно, и понимание его пользы приходит не сразу.

В хозяйстве у Девяти Целых всегда держали химпи, и он дал нам четырех детенышней из одного выводка. Я подновила старую клетку под верандой и научила Экверкве ухаживать за химпи. Она чуть не удушила их сперва по недомыслию от излишнего рвения, а потом как-то забыла дать им воды, так что зверьки чуть не умерли от жажды. Экверкве горько плакала, мучимая угрызениями совести, и кое-чему все-таки научилась; а еще она научилась отлично свистеть, подражая химпи. У кошки, что жила на первом этаже, родились котята, и парочка пестреньких котят перекочевала в наши комнаты. Однажды возле наших плодовых деревьев я нашла козленка-подростка, хромого и окровавленного; дикие собаки убили его мать и сильно покусали самого малыша. Я как сумела подлечила козочку, принеся ее домой, а потом некоторое время держала в загоне, пока она совсем не поправилась. Поскольку козочка была приблудной, то стала принадлежать нашему семейству, и вскоре у нас уже было пять коз, очень хорошеных, рыжевато-коричневых с черными пятнами и длинной шерстью, из которой получалась превосходная пряжа.

Я всегда больше всего любила заниматься гончарным ремеслом, но теперь, когда в хозяйстве были овцы, козы и хороший ткацкий станок, похоже, следовало больше времени уделить прядению шерсти и ткачеству; так я и поступила. Я взяла то, что мне было предложено, ибо сама хотела давать. Трудности с ткачеством были в одном: я не любила сидеть дома. Тех семи лет, проведенных за запертыми дверями и окнами, с меня было вполне достаточно. Так что в течение всего сухого сезона, от Танца Луны до Танца Травы, я вытаскивала станок на балкон, где очень приятно было работать.

Тень, которую в Саи воспитали как «горничную», не умела даже готовить. Они с Экверкве вместе учились этому мастерству. Моя мать уже привыкла к обществу

Тени; она крайне редко с ней говорила, однако, похоже, полюбила ее и охотно работала с нею вместе. Тень также училась работать в саду вместе с моей матерью и Ракушкой. Через некоторое время она даже начала заглядывать вместе с другими женщинами в Общество Крови и слушать там наставления, а еще она стала посещать нашу хейимас Синей Глины; и на третий год ее жизни в Синшане, во время Танца Воды ее приняли в Дом Синей Глины как мою сестру, живущую в моей семье; да я и считала ее своей сестрой, поскольку, с тех пор как мы с ней еще девочками познакомились в Доме Тертеров, я с ее стороны видела одну лишь любовь и преданность. Позже она вступила в Общество Сажальщиков. Однажды, когда мы с ней расчищали участок земли у нас в саду от старых тяжелых черных кирпичей, а глина так и липла к лопате огромными комьями, так что одной приходилось сперва глубоко поддеть кирпич и некоторое время держать его на лопате, пока вторая другой лопатой счищала с него землю, так вот, пока мы в поте лица занимались этой тяжелой работой под мелким холодным дождиком, она сказала мне:

— Мой отец был тьюоном и продал меня в Дом Тертеров, когда мне было всего пять лет, чтобы меня там выучили на горничную и я никогда не возилась бы с землей. А теперь ты только посмотри на меня! — Она попыталась поднять ногу, но та так глубоко увязла в мокрой земле, что только башмак зачавкал. — Да я просто влипла в эту землю! — сказала она и стряхнула тяжеленный кирпич, лежавший у нее на лопате, а потом передала лопату мне, и мы продолжали копать. Мы не часто разговаривали с ней о Столице Кондора. Даже ей, по-моему, те годы казались похожими на лихорадочную, беспокойную ночь, которая длинна, темна и полна разных черных мыслей и немых страданий; такую ночь не станешь лишний раз вспоминать при солнечном свете.

Я забыла рассказать еще о том, что в тот год, когда я вернулась домой, после Танца Солнца, я, оставив дома Экверкве, Тень и Зяблика, одна отправилась в Кастроху и Вакваху, чтобы рассказать там историю своей жизни с народом Дайяо и ответить на вопросы, которые могут задать мне ученые люди, — о самих Дайяо, об их ору-

жии и военных планах. В те годы они получали довольно много информации по сети Обмена; я узнала, например, что Птенчики снова летают и сожгли уже несколько городов на юго-западе от Кулкун Эраиан, однако не замечено никакого продвижения армий Кондора за пределы их собственной страны. Как раз в эти дни через Пункт Обмена Информацией из Страны Шести Рек пришло известие о том, что, по свидетельству очевидцев, один из Птенчиков прямо в воздухе загорелся и упал, весь объятым пламенем; ученые из Ваквахи запросили подтверждение этих сведений, и такое подтверждение было ими получено от Столицы Разума. Множество людей теперь пользовалось сетью Обмена Информацией, от Северной Горы до побережья Внутреннего Моря и дальше, вплоть до Озера-Кратера и даже еще севернее, так что обо всем, что происходило в Столице Кондора, тут же становилось известно, и, как мне сказали, никого уже невозможно было застать врасплох и никто не оставался без помощи, если просил о ней. Я слушала их и отвечала на вопросы, стараясь рассказывать как можно подробнее, однако мне самой в те времена ничего не хотелось узнавать о Дайяо; мне тогда хотелось одного: чтобы все связанное с ними в моей жизни, осталось далеко позади; а потому я при первой же возможности вернулась домой.

Я снова пришла в Вакваху вместе с Экверкве, когда моей дочери исполнилось уже девять лет, но на Пункт Обмена Информацией мы заходить не стали, а отправились на высокогорные Источники, туда, где берет начало Река На, и там танцевали на празднике Воды — ведь именно там в лучах солнца начинает сверкать вода, дающая жизнь нашей Долине.

Когда я уже года два или три прожила дома и хозяйство мое понемногу наладилось, а потому мне уже не нужно было трудиться от зари до зари не покладая рук, у меня появилось время подумать и о других вещах. Я стала более внимательно слушать то, о чем говорили в хейимас, и чаще беседовать с моим побочным дедом и с Ракушкой; они оба были умные, отзывчивые и великолюдственные люди. Они всегда ко мне хорошо относились и обо мне заботились. Теперь, когда они уже сильно

постарели, пришло время мне заботиться о них и наконец принять у них то, что они предлагали мне когда-то. Я была счастлива, давая без счета, ибо дом наш теперь был полон, а Ракушка и дед от души хвалили меня за созданное мной благополучие; но я-то знала, что понастоящему благополучной они меня не считают, потому что я по-прежнему плохо разбиралась в истории, поэзии и прочих умных вещах. У меня, например, не было никаких своих песен, кроме одной целительной ваквы, которую еще в детстве я получила в подарок от того старика с Большого Гейзера, и еще песня Дождя и Перьев, которую я получила в дар от Небесных Домов, возвращаясь домой по горной дороге. Девять Целых сказал мне:

— Если хочешь, я подарю тебе Круг Оленя, внучка.

Это был великий дар, и я довольно долго раздумывала, прежде чем приняла его, не веря в собственные возможности. Я ответила деду:

— Слишком много пару, чтобы его можно было впустить в такой маленький котелок!

Но он возразил:

— Котелок-то пустой, так что пару в нем поместится достаточно.

И мы с ним весь дождливый сезон встречались ранними утрами в хейимас, чтобы разучивать там Круг Олена, пока я не выучила его весь. Это по-прежнему самое большое мое сокровище.

После этого я принялась читать архивы в библиотеке Общества Земляничного Дерева, а потом отправилась в библиотеку этого Общества в Телину и в хейимас Синей Глины в Вакваху, где продолжала много читать и слушать умных людей. Я не так уж много могла дать сама, однако мне там было дано очень многое.

Когда Копье и Тень поженились, то у нас в двух комнатах оказалось как бы две отдельные семьи, что было уже явно слишком. Кроме того, мне было не слишком приятно жить под одной крышей с Копьем, которого я когда-то, пусть даже очень давно, так сильно желала. Я не могла полностью доверять ни ему, ни себе самой. И хотя я пела для них Свадебную Песню — пела от всей души! — все же старые чувства всегда могут неожиданно воскреснуть и поглотить тебя целиком, подобно тем пещерам, которые выжигает раскаленная лава. А у меня самой не было в постели ни одного мужчины с тех пор, как я покинула черные, залитые лавой равнины страны Кондора.

В ту весну я впервые танцевала Танец Луны.

На лето Зяблик, Экверкве и я перебрались в нашу летнюю хижину, а Тень и Копье поселились на другом конце Долины неподалеку от Сухих Водопадов. После Танца Воды мы все снова собрались вместе в доме Высокое Крыльцо, и я решила сходить в Телину. Экверкве напросилась со мной. Мы ненадолго останавливались в доме моей тетки, жены моего сводного дяди, по имени Виноградная Лоза, которая была больна севави и постепенно слепла; она любила поговорить о былых счастливых днях. Дочерей у нее не было, так что дом ее теперь стал очень тихим, а ведь когда-то в нем было столько шума и детской возни. Ей нравилось рассказывать Экверкве, как я в детстве называла этот дом «гой» и как

она тогда просила меня оставаться жить с ней в этой «горе». Теперь же она все повторяла:

— Ну вот, не только Сова, но и Перепелка пришли пожить в моей горе!

И тогда Экверкве, хотя все знала прекрасно, обязательно спрашивала:

— А кто такая эта Сова? — В общем, они с огромным удовольствием болтали и болтали, словно два ручейка в дождливый сезон.

В Телине я каждый день ходила в библиотеку Общества Земляничного Дерева и читала все подряд по истории нашего края. Один мужчина из Дома Змеевика, родом из Чумо, тоже каждый день приходил туда, и мы с ним иногда беседовали. Он впервые в своей жизни покинул Чумо — он немного прихрамывал, упал в детстве, и ему пешком путешествовать было трудно. Он даже не задумывался ни о каких путешествиях, пока не прожил на свете сорок лет. К этому времени он уже долго и очень успешно лечил людей в Обществе Целителей; у него был настоящий дар, причем дар настолько большой, что целительство порой истощало собственные его силы. Он вылечил так много людей и приобрел так много пожизненных должников в Чумо, что совершенно измучился, пытаясь как-то разобраться с ними, и пришел в Телину, чтобы немного отдохнуть. Он ходил в хейимас к Целителям только петь. Вообще это был тихий и застенчивый человек, однако рассказывать умел очень интересно. Каждый раз после беседы с ним мне хотелось поговорить еще.

Однажды он сказал:

— Знаешь, Женщина, Возвращающаяся Домой, если бы мы могли разделить с тобой одну постель, я непременно оказался бы в ней; вот только не знаю, где эту постель приготовить.

— У меня в Синшане есть широкая постель, — ответила я, — в доме Высокое Крыльцо.

— В твой дом я предпочел бы прийти как твой муж. А тебе, может быть, вовсе не хочется снова иметь мужа или — такого мужа, как я?

Я уверена действительно не была, а потому ответила:

— Что ж, я поговорю с Виноградной Лозой. Она в юности жила в Чумо. Может быть, ей даже приятно будет на некоторое время поселить в своем доме мужчину из родного города.

Итак, он переселился в дом к Виноградной Лозе и прожил там с нами вместе до Танца Солнца. Мы вместе праздновали Двадцать Один День. Экверкве теперь спала в одной комнате с Виноградной Лозой, а я — с Ольхой. Чувствовала я примерно вот что: если я и хотела мужа, то Ольха был мужем вполне хорошим; однако, быть может, лучше было бы мне все-таки замуж не выходить. Мои мать и бабушка не слишком удачливы были в браке, да и у меня тоже был один муж, которого я покинула без единого слова сожаления и никогда больше о нем не вспоминала. С Ольхой я, правда, уживалась отлично, к тому же, женившись на мне, он мог бы оставить измучивших его должников в Чумо, что было бы только справедливо, и начать все заново в Обществе Целителей в Синшане. Это был хороший повод, чтобы нам пожениться. Но я все еще продолжала раздумывать. Ведь я по-прежнему оставалась дочерью Кондора и женою Кондора — довольно невежественной, не слишком умной и развитой, еще только превращающейся в настоящего человека. Я была, можно сказать, сырьем, и мне требовалась хорошая обработка. Хотя мне уже исполнилось целых двадцать шесть лет, по-настоящему из них я жила только девятнадцать — в Долине. В девятнадцать выходить замуж слишком рано. Я поведала эти свои мысли Ольхе. Он слушал очень внимательно, не переспрашивая и не перебивая. Именно это качество в нем мне особенно нравилось — удивительная способность внимательно и молча слушать других. Это был особый дар; и его манера вести себя меня восхищала.

Через несколько дней после этого разговора он сказал:

— Отшли меня назад в Чумо.

— Это же не дом моей матери, — возразила я. — Я не имею права отослать тебя.

— А я не могу оставить тебя, хотя мне следует это сделать, — сказал он. — Я только отнимаю у тебя силы.

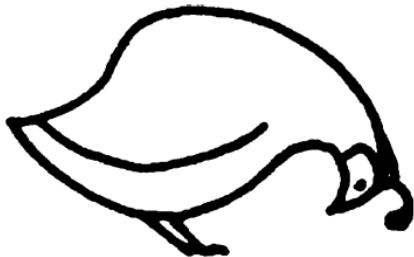
А то, что я должен давать тебе, ты брать не хочешь или тебе это не нужно.

На самом деле он хотел сказать, что нуждается во мне сам. Он говорил очень страстно и в то же время очень сдержанно, с удивительным самообладанием. И слова его были чистой правдой. Я не хотела, чтобы он нуждался во мне. Но помимо этого была и еще одна правда. Однажды водомерка сделала мне подарок, которого я и не хотела, и не понимала, однако все же приняла; и, вполне возможно, именно он-то и составлял до сих пор основу моего благополучия.

И я сказала Ольхе:

— Похоже, мужья на нашей половине дома Высокое Крыльцо надолго в своих семьях не задерживаются; один все время возвращался назад в Чумо, а другой — вообще в чужие края. Тебе тоже нет необходимости жить со мной слишком долго. Ты можешь вернуться в Чумо всегда, как только тебе этого захочется. Так что поживи с нами хотя бы недолго.

Итак, мы отправились в Синшан на праздник Вселенной, но в танцах Свадебной Ночи участия не принимали. Экверкве еще на месяц осталась с Виноградной Лозой, а Тень и Копье перешли жить в дом Сливовых Деревьев, где пустовала комната на втором этаже с тех пор, как внук Ракушки женился и перебрался к жене в дом На Холме. Другая семья, что жила в нашем доме на первом этаже, освободила для нас одну из маленьких северных комнат, так что мы с Ольхой спали там. В Синшане наша жизнь пошла даже лучше, чем в Телине. Он никогда больше не заговаривал о женитьбе и ни разу не напомнил о тех словах, что сказал мне когда-то: что в мой дом хотел бы войти моим мужем. Я помнила об этом; но все еще раздумывала. «Я ни за что не попадусь на ту же удочку, на которую попались мои родители, — думала я. — Я не позволю его страсти поглотить всю мою жизнь. Я сама должна прежде стать настоящим человеком. И тогда если под Луной или при солнечном свете явится такой мужчина, которого я полюблю всей душой, я возьму его в мужья, если захочу». Так оно ишло. Только вот что-то не встречался мне такой человек, который нравился бы мне больше, чем Ольха.

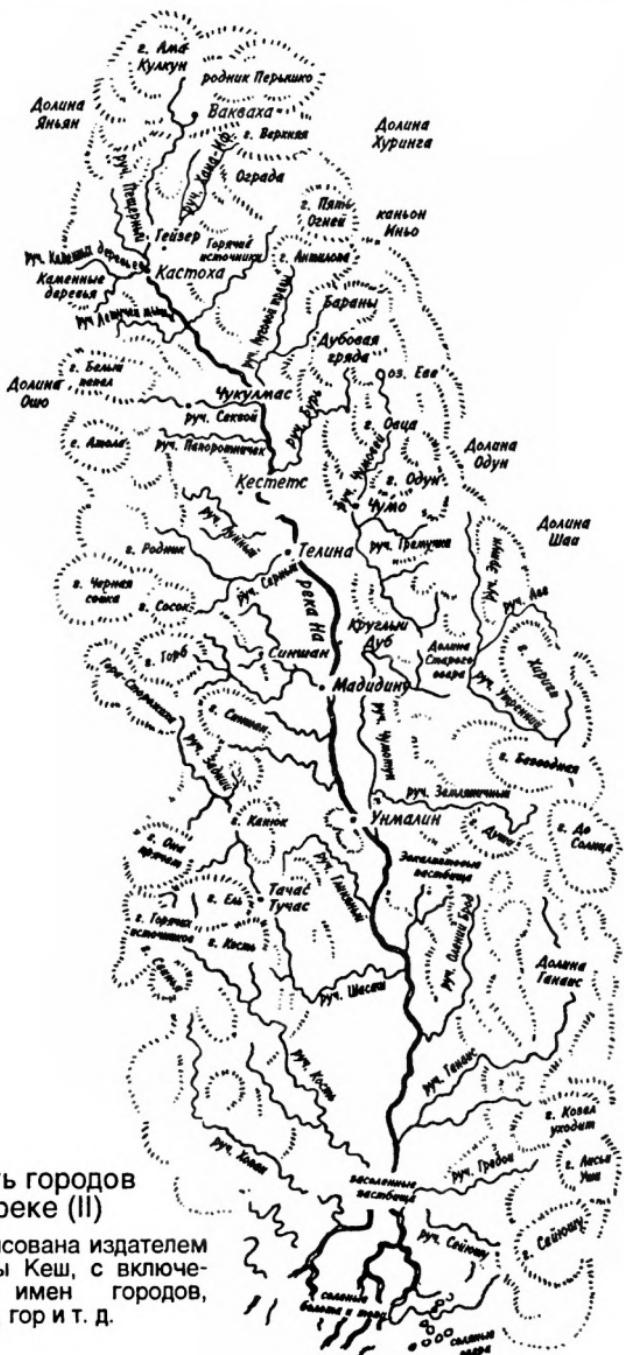

В Обществе Целителей Синшана он вел себя очень осмотрительно, и я многому научилась, наблюдая за его сдержанно-бережными манерами. Он понимал, что кое-кто из не слишком умных людей среди Целителей вполне может ревниво отнестись к его врачебному искусству, и осторожно избегал какого бы то ни было соперничества. А еще ему не хотелось из-за своего дара снова нагромождать пожизненные долги, как это было с ним в Чумо; так что те люди, которым ему разрешалось оказывать медицинскую помощь, были больны либо раком, либо севай, то есть были не только неизлечимы, но и даже самое малое облегчение дать им было очень сложно. Как-то раз под его опекой оказалось сразу трое таких людей, и он постоянно посещал их всех, пел для них целительные песни и заботился о них как мог. И вот однажды кто-то из его зависников злобно сказал: «Этот тип из Чумо кружит возле умирающих, как канюк какой-то!» Он услышал это и страшно смутился. Он ни за что не хотел сказать мне, в чем дело, но я видела, что с ним что-то не так, и расспросила одну Целительницу, по имени Смеющаяся, и она мне рассказала. Я невероятно рассердилась, мне было очень за него обидно, однако ему я себя не выдала, рассмеялась и пошутила:

— Все мне в мужья почему-то кондоры да канюки попадаются!

Я назвала его мужем. Он прекрасно слышал это, но не сказал мне ни слова.

Он просто замечательно ладил с Экверкве, да и Зяблик чувствовала себя в его обществе совсем неплохо. Порой вечерами он пел тихонько, почти неслышно, какую-нибудь из длинных целительных песен, и, когда моя мать слушала его, лицо ее становилось нежным,

Девять городов на реке (II)

Перерисована издателем
с карты Кеш, с включе-
нием имен городов,
ручьев, гор и т. д.

задумчивым и спокойным. И хотя из-за своей хромоты Ольха никогда не ходил с отарами на Гору Овцы, он все-таки оставался уроженцем Чумо, и овцы ему доверяли; а та коза, которую я когда-то израненной нашла на склоне Горы Синшан, всегда мчалась к нему со всех ног, стоило ей его увидеть. Поскольку и он, и коза, оба хромали, зрелище было забавное, особенно когда они, подпрыгивая, шли степенно впереди, а все козы Синшана тащились за ними следом.

Когда умер Девять Целых, я стала исполнительницей Круга Олена в нашей хейимас, а за этим последовали и другие обязанности. Я чувствовала себя уже совсем уверенно, и порой мне даже хотелось, как то делала моя мать, провести лето в одиночестве где-нибудь высоко в горах, подальше от людей. Но этого я не делала, хотя всегда поднималась в Дом Койота сразу после Летних танцев или перед Танцем Травы.

Иногда кто-нибудь из жителей Чумо проходил через наш город, и эти люди всегда останавливались у Ольхи в нашем доме. Один из них оказался его «должником», которому он в возрасте шести лет удалил воспаленный аппендикс, и теперь Ольха был несомненно ответствен за сохранение этой жизни. Тот мальчик стал уже почти взрослым, и его мать чуть не каждое лето приходила с ним вместе навестить спасителя своего сына. И всегда говорила Ольхе:

— Когда же ты назад-то вернешься? Такой-то и такой-то очень в тебе нуждаются, а такой-то все просил меня узнать, когда ты собираешься назад, в Чумо?

Все это были те люди, которых Ольха когда-то лечил. Он очень любил своего побочного сына, которого прозвал Вырезанная Кишка, умного веселого мальчика, но мать его вызывала у Ольхи неприязнь, пробуждая чувство стыда и неловкости. Я прекрасно видела, что после встреч с ними он начинает думать о своей прежней жизни. И вот однажды, когда они, в очередной раз погостив у нас, ушли, он сказал мне:

— По-моему, я должен вернуться в Чумо.

Я тоже времени даром не теряла, и ответ ему был у меня готов:

— Ольха, те люди, которых ты когда-то лечил в Чумо, теперь сами заботятся друг о друге. А здесь сейчас есть люди, которым ты действительно очень нужен. Как, например, без тебя умрет тот старик из Северо-Западного дома? И долго ли проживет без твоей помощи одна хорошо знакомая тебе женщина из дома Высокое Крыльцо?

И он остался в Синшане, и люди из Дома Синей Глины в том же году спели для нас Свадебную Песню на вторую ночь Танца Вселенной. А потом Ольха вступил в Общество Черного Кирпича и стал учиться их мастерству. Дважды он даже ездил в Вакваху. Когда заболела моя мать, он очень о ней заботился, а когда ей пришла пора умирать, он прошел с ней вместе по Пути На Запад столько, сколько было допустимо. Я тоже пошла с ними вместе, следя за Ольхой словно та хромая коза, а потом моя мать пошла дальше одна, а мы с ним вместе вернулись домой. В наш дом.

Вот и вся история моей жизни. Здесь, пожалуй, можно поставить точку. Все, что я могла принести в Долину извне, я принесла; все, что я сумела вспомнить, записала; ну а все остальное было мной прожито и еще будет пережито снова. Я прожила здесь, в этом доме, пока не стала Говорящим Камнем, а мой муж — Камнем Слушающим; а моя перепелочка — Сияющей; и здесь, в этом доме Желудь и Луна сделали меня бабушкой, которая сидит теперь за ткацким станком.

Примечания:

с. 178. ...Я была счастлива, давая без счета...

с. 179. ...мне там было дано очень многое.

«Пребывать в благополучии, давать, дарить» на языке кеш обозначается словом *амбад*; «учиться» — словом *андабад*, а «дар» в значении «талант» или «способности» — словом *бадаб*. Говорящий Камень пытается использовать некоторую не переводимую игру слов, чтобы показать, что и полученное ею образование кое-что значит.

ПОСЛАНИЯ, ОТПРАВЛЕННЫЕ ЧЕРЕЗ СЕТЬ ОБМЕНА ИНФОРМАЦИЕЙ ОТНОСИТЕЛЬНО ВЕЛИКОГО КОНДОРА

Большая часть информации, поступавшей на Пункт Обмена Информацией в Ваквахе, оставалась в памяти компьютера в течение двадцати четырех часов, а потом автоматически стиралась, ибо обладала, как правило, сиюминутной значимостью — то были сообщения от партнеров по торговле и обмену, информация о графике движения поездов, объявления о различных празднествах, на которые приглашались жители других районов и стран, сводки погоды, предупреждения о возможных наводнениях, пожарах, землетрясениях, извержениях вулканов или об отдаленных природных явлениях, которые могли оказать влияние на местные условия. Иногда в этот перечень попадали и сообщения о деятельности людей, особенно если она затрагивала интересы жителей более чем одного региона; тогда включался принтер и данная информация печаталась для дальнейшего распространения и, возможно, для дальнейшего хранения в архивах.

Приведенные ниже документы носят как раз такой характер. Они хранились в архиве Общества Земляничного Дерева в Ваквахе. (Разумеется, вся подобная информация, как и все прочие данные, поступавшие в компьютерную сеть от людей или из Столицы Разума, хранилась в главном Банке Памяти, однако извлечь ее оттуда было довольно сложно.)

ДОКУМЕНТ 1

(Информация относительно народа Кондора; собрана и передана Шор'ки Ти' из народа Реквит, проживающего на Долгом Лугу, Окруженном Ивами)

Собирающийся ежегодно совет земледельцев Реквита решил, что необходимо отправить послание во все Пункты Обмена Информацией, находящиеся к западу от Гор Света, а также — вдоль всех рек, впадающих во Внутреннее Море и в Океан к югу от устья реки Ссу Нноо. Подготовить послание было поручено мне, поскольку я предложил эту идею первым. Народ Реквит считает исключительно важным пресечь деятельность народа Кондора, который стал в наши дни главным расадником войн и смуты.

Получить краткую справку об этом народе можно в Центральном Банке Памяти, используя коды 1306611 /3116 /6 /16 и 1306611 /3116 /6 /6442. Вот сокращенное изложение содержащейся в ней информации. Они называют себя Дайяо или Народ Единственного. По языку родственны народам, проживающим в районе Великих Озер, и, возможно, были высланы из этого района на запад много лет назад. Вели кочевой образ жизни в прериях и пустынях к северу от Оморнского Моря. При мерно сто двенадцать лет назад начали постепенно переходить к оседлому образу жизни. Власть захватил тогда человек по имени Каспиода. Дайяо следовали за ним на запад до берегов Темной Реки. Каспиода умер недалеко от Сухих Озер. Его власть перешла к сыну, и тот возглавил свой народ, однако был убит двоюродным братом по имени Астиода, который назвал себя Великим Кондором. Он отвел своих подданных обратно в заливные лавой равнины, заявив, что некий «палец света» указал ему то место, где Дайяо следует основать поселение и осесть. Там они построили город. Они называют его Столицей Кондора. Стали цивилизованным народом, весьма агрессивным и склонным к войнам и разрушительству.

Причинили много зла и причинят его еще немало, если им не помешать. Требуется совет.

ДОКУМЕНТ 2

(Ответ на послание Шор'ки Ти' от ученых Дома Змеевика из Долины Великой Реки На)

Ваша просьба весьма своевременна. Мы обсудили все это и пришли к выводу, что сами были чрезмерно доверчивы и самоуверенны, тогда как давно уже пора было принять должные меры. Люди Кондора, одни мужчины, без женщин, неоднократно в течение семнадцати лет посещали нашу Долину, приходя всегда с севера. Мы делили с ними пищу и кров, когда они нас об этом просили, но никогда не работали с ними вместе, не выдавали за них замуж наших женщин и не танцевали с ними священных танцев. Но их болезнь тем не менее распространилась и в нашем обществе. Были созданы

культы. Когда большая группа людей Кондора полгода прожила в Нижней Долине, среди тамошних жителей внезапно проявилось множество разногласий, распространялись нелепые суеверия и сильно ослабело доверие друг к другу. Если будет совершенно необходимо начать с ними настоящую войну, то мы, конечно же, примем в ней участие. Но если было бы возможно установить просто некий карантин, то подобный выход представляется нам более удачным. Просим все народы, живущие к северо-востоку от нас и в непосредственной близости от Лавовых Полей, а также все Пункты Обмена Информацией, сообщать о любых агрессивных действиях со стороны народа Кондора.

ДОКУМЕНТ 3

(Послание народа Вават из Тахетса по поводу народа Кондора)

В течение двух поколений мы вели войну с этимальным народом...

[Далее следует поток различных сообщений и требований, поступивших от двадцати двух различных народов этого региона. Многие из них носят обвинительный или даже панический характер; самым горьким представляется послание из Вемеве Mag, деревни, расположенной к юго-востоку от Северной Горы]

Два года назад они убили одиннадцать человек и увезли с собой восемь наших женщин и всех лошадей. Они приходят каждую зиму и отнимают у нас почти все продукты. Если вы попытаетесь воевать с ними, то лучше сперва обзаведитесь ружьями и пулями, ибо у них все это есть.

Совет, данный жителями Белого Взгорья, находящегося далеко на восточном побережье Внутреннего Моря, носил в высшей степени «этический» характер и был принят пострадавшими не слишком хорошо, ибо им посоветовали: «Не воюйте с этими больными людьми, а лечите их простым примером терпения и человеколюбия», на что Реквит ответили кратко: «А вы поживите здесь, на севере, и попробуйте «полечить» их сами».

Однако война так и не разразилась. Если Столица Кондора и предпринимала попытки расширить свои территории, двинув войска в юго-западном направлении, то это было встречено единодушным сопротивлением всех без исключения жителей региона. Но мечты Дайяо о создании собственной империи были уничтожены в первую очередь ими же самими.

Причины этого крушения могут показаться не совсем понятными, поскольку народ Кондора имел доступ ко всем ресурсам Банка Памяти через систему Обмена Информацией. Кондоры теоретически могли подслушать все споры и перехватить все планы враждебных им народов, пользуясь Обменом, ибо вся информация передавалась совершенно открыто. Невозможно было как-либо ограничить доступ к ней; любое кодированное послание всегда сопровождалось пояснениями по расшифровке кода. Напрашивается единственно возможный вывод: крайне ограниченным было использование системы Обмена Информацией самими Кондорами: лишь некая каста избранных имела доступ к компьютерам, и они, по всей вероятности, занимались главным образом поисками информации о необходимых им материальных ресурсах и технологиях, не прислушиваясь особенно к местным сообщениям, среди которых струился бесконечный поток жалоб, советов и угроз со всех концов света. Народ Кондора, видимо, в то время был чрезвычайно самоизолирован; их способ коммуникации с другими народами сводился исключительно к агрессии, подавлению, эксплуатации и насильтственной культурной ассимиляции. В этом отношении они находились явно в невыгодном положении среди интровертных, однако вполне склонных к сотрудничеству народов, живущих на границе с их страной.

И снова возникает вопрос: почему им не удалась попытка создать мощное, не имеющее себе равных оружие, почему эта попытка оказалась столь бездарной, тогда как в их распоряжении были хранящиеся в Банке Памяти инструкции по производству любого оружия, какое только можно себе вообразить — от греческого огня до пулеметов и водородных бомб?

Велико, разумеется, искушение ответить просто: Столица Разума давным-давно пришла к выводу, что подобные игрушки отнюдь не хороши для человечества, а потому сделала инструкции по их изготовлению недоступными для людей... Или же, возможно, предоставила по запросу Кондоров искаженные инструкции, обеспечив, таким образом, производство неэффективного оружия... Однако Столица Разума не несет ответственности ни за какие действия потомков своих создателей. Если люди овладеют атомным оружием и взорвут собственную

планету, значит, так тому и быть; расположенные далеко в космосе Станции Обмена Информацией уцелеют и в этом случае, и каждая из них сохранит свою память и будет способна воссоздать работу всех остальных участков сети, и даже большей части Вселенной — хотя, если человечество само себя уничтожит, у компьютера может возникнуть некоторая проблема: будет ли осмысленным воспроизвести это человечество снова. А значит, отнюдь не Столица Разума помешала народу Кондора добиться успеха с помощью танков и аэропланов. Безусловно, получив соответствующий запрос, компьютер обеспечил бы Кондоров всей информацией по тем вопросам, которые мы отнесли бы к стоимости и эффективности всех этих танков, аэропланов, ракет или любого другого сложного оружия, и продемонстрировал бы всю безнадежность подобного проекта в отсутствие всемирной технологической системы и экосистемы Эры Индустриального Развития, да еще на планете, почти полностью исчерпавшей запасы всех своих энергетических ресурсов и прочих материалов, на которых и базировалась Эра Индустриального Развития. Все это было заменено кажущейся эфемерной и архисложной технологией Столицы Разума, с одной стороны, которой не требовалось тяжелое машиностроение, и даже космические корабли и станции служили ей лишь паутиной нервных окончаний, а с другой стороны — гибкой системой не слишком определенных взаимодействий в сети гуманоидных культур, которые при своем невысоком уровне развития, огромном количестве и бесконечном разнообразии производили различные ценности и обменивались ими более или менее активно, но не стремились централизовывать свою промышленность, не вывозили свои товары на кораблях в слишком далекие страны, не строили слишком хороших дорог и не были заинтересованы в предприятиях, требующих героических жертв, по крайней мере, в материальном плане. Создать, скажем, электрическую батарею с мощностью, равной удару молнии, было не таким уж простым делом, однако при соответствующей необходимости это оказалось возможным: технология Долины была полностью адекватна нуждам ее населения. Сконструировать же танк или бомбардировщик было так трудно и настолько бессмысленно, что об этом просто и речи быть не могло в рамках экономики Долины. Ведь стоимость создания, производства, управления и обеспечения горючим подобных машин даже в самый пик Эры Индустриального Развития была чудовищна, именно это навечно истощило планету, заставив большую часть ее населения жить в рабстве и нищете. Возможно, вопрос о неудачной попытке Кондоров

создать империю с помощью сверхмощного оружия состоит не в том, почему они потерпели крах, но в том, зачем они вообще пытались это сделать. Однако на этот вопрос жители Долины дать ответ не способны.

И снова можем мы спросить: поскольку Кондоры все-таки получили доступ к железной руде, меди, цинку и золоту в районах близ Внутреннего Моря и не стеснялись брать то, что им было нужно, силой, то почему же они не воспользовались своим превосходством и, обладая столь драгоценными металлами, стали строить анахроничные танки и бомбардировщики, а не создавать хороший арсенал стрелкового оружия, пушек, гранат и тому подобного — ведь тогда они были бы непобедимы для своих практически беззащитных и скучно вооруженных соседей? А одержав над ними победу, Дайяо действительно могли стать творцами истории!

На это, я думаю, ответ у жителей Долины мог бы найтись, хотя бы в следующих изречениях: «Большой народ чаще всего погибает от своей же болезни» или «Разрушение обречено на саморазрушение». Этот ответ, однако, основан на противоположной нашей точке зрения: то, что мы называем силой, могуществом, в нем названо болезнью, а то, что мы считаем успехом, — смертью.

Возможно, генетические изменения, наследие Эры Индустриального Развития у всей человеческой расы, которые я воспринимаю как катастрофические — низкая рождаемость, низкая продолжительность жизни, высокий уровень врожденных уродств — тоже имеют свою оборотную сторону? Возможно ли, чтобы естественный отбор с течением времени оказал воздействие не только на физические и интеллектуальные, но и на социальные качества? Быть может, люди Долины Реки На, Реквит, Феннен, люди с Побережья Амарант и с Хлопковых Островов, с Облачной Реки и с Темной Реки, с Болотной Реки и из Гор Света на самом деле более здоровы, чем я это себе представляю — здоровее, чем я способна понять и представить,

пока вынуждена смотреть на них извне, из-за пределов их мира? Позволяя машинам вершить прогресс, позволяя технологиям развиваться в рамках их собственных возможностей и выбирая из этих технологий (как нам может показаться, избыточно осторожно и даже с какой-то неприязнью и очевидной склонностью к самоограничению) отдельные, хотя и полностью адекватные самим людям дополнительные элементы культуры, как могли они, предпочитая не двигаться «вперед» или же двигаться «не только вперед», на самом деле преуспеть в своей жизни, в истории человечества, как энергичные, свободные и милосердные?

О собрании, посвященном Обществу Воителей

Представлено в архив Общества Земляничного Дерева в Ваквахе, а также в Центр Обмена Информацией жителем Телины по имени Медведь из Дома Красного Кирпича, членом Общества Целителей

Текст печатного сообщения, разосланного во все города Долины:

«На 201-й день, в Лощине Тополей состоится собрание на тему: Общество Воителей.

(Подписи) Верный из Кастохи;
Разборчивый и Секвойя из Телины;
Серая Лошадь из Чукулмаса».

Речь Верного из Дома Змеевика:

— Члены Общества Воителей и Союза Ягнят вряд ли согласятся с тем, что я сейчас скажу. Возможно, они станут отрицать мои утверждения, и это послужит началом споров и раздоров. Именно потому, что большая часть жителей Долины терпеть не может споров и разногласий, мы и не сказали вовремя того, что я собираюсь сказать сейчас; следует признать, что в данном случае мы проявили малодушие и беспечность. Однако настало время поговорить об этом вслух. Итак, начнем:

Народ Кондора, то есть те из них люди, что явились сюда, к нам, безусловно больны. Их головы повернуты задом наперед. Мы

позволили больным столь страшной болезнью войти в наш дом. Этого делать, конечно, не следовало, и мы никогда более так не поступим. Однако послушайте меня внимательно! Члены нашего Общества Воителей и кое-кто из Союза Ягнят заразились от людей Кондора. Возможно, они захотят излечиться. Если же нет, если они хотят оставаться разносчиками этой болезни, то пусть отправляются туда, откуда эта болезнь была к нам принесена, откуда явились эти люди — на Лавовые Поля к северу от Темной Реки — и остаются там. Вот, собственно, и все, что я хотел сказать; так думают и другие люди, которые также пришли сюда сегодня; от их имени я и говорю сейчас.

Фрагменты выступлений других людей:

— Итак, четыре человека намерены закрыть доступ в Долину?

— Четыре человека намерены открыть дискуссию!

— Кто же болен? Больны те, кто считает, что нужно изгнать людей из их собственных домов, из их родных городов, из Долины! Это безусловно речи безумцев!

— Да, так кто же болен? Больны те, кто боится сражаться!

— Такова природа этой болезни: человек сам не понимает, что он болен. Такое непонимание и есть болезнь.

— Но данный аргумент вроде бы противоречит сам себе! Если непонимание того, что ты болен, и есть болезнь, то откуда же узнать, что ты не болен?

— Ах, это вы скажете ему! Если он болен — вы назовете его Воителем и станете окуривать табачным дымом и дадите ему какое-нибудь отвратительное болезненное имя — Несчастье, Вонючка или Понос!

— Послушайте, ваши речи глупы! Ваш гнев не имеет смысла. Вы не можете сказать, какова природа болезни, пока не выздоровеете сами. Именно слабость всегда называет себя силой, когда сила зовет себя слабостью; слава называет себя подлостью, а миротворец — воителем. Уверяю вас: лишь истинный воитель способен восстановить мир.

— Никто мира между людьми не создает. Он просто существует. Кем, интересно, вы считаете себя, чтобы устанавливать мир? Горами? Людьми Радуги? Священным Койотом?

— Успокойтесь же, люди. Я хочу, чтобы вы послушали и услышали меня. Нет, мне вовсе не стыдно быть Воителем. Вам хотелось бы, чтобы я этого стыдился, но это невозможно. Именно в Обществе Воителей я обрел силу и знания, необходимые мне, и я охотно разделяю их с вами, если вы мне это позволите.

— И я тоже не стыжусь быть Воином! Я этим горжусь! Вы же, люди, сами больны, вы умираете и не понимаете этого. Вы едите и пьете, танцуете и спите, но вы умираете, вас больше ничто не ждет в жизни, ваша жизнь похожа на жизнь муравьев или блох, или оводов, ваша жизнь — ничто, она не имеет цели, она все повторяется, и повторяется, и повторяется, но никуда не приводит! Но мы же не насекомые, мы люди! Мы служим более высоким целям.

— Что? Каким таким целям? Чьим целям? Вы только послушайте его! Вот это речи Большого Человека! Вот это как раз то, что изрекают уста, когда голова повернута задом наперед! «Я служу, я готов есть дермо», — вот что говорит Большой Человек. «Я самый лучший на свете, я буду жить вечно, а все остальное в этом мире — дермо!»

— Слушайте, если вы, такие мудрые люди, решили, что мы больны, почему же вы не позвали нас в хейимас к Целителям?

— Вы же отлично знаете, что никого нельзя вылечить из-под палки!

— Нужно непременно танцевать, чтобы стать танцором. И непременно воевать, чтобы стать Воителем!

— С кем воевать? С вашими матерями?

— Не Общество Воителей, между прочим, согласилось пропустить в Долину людей Кондора, и не мы разрешили им оставаться здесь сколько угодно и снова возвращаться сюда! Когда они возвращались, то именно мы, а не вы были готовы выгнать их отсюда. Почему же мы стали Воителями? Потому что они затеяли войну! Вы позволили им приходить и уходить, когда им заблагорассудится, а теперь говорите о какой-то болезни, позоря нас, своих же сородичей. Но вы ведь не послушали нас! Мы все время твердили, что изгоним их отсюда и будем держать их на расстоянии. Ну а теперь и вы утверждаете, что хотите сделать то же самое.

— Да, я считаю, что это необходимо; однако я говорю не как Воитель.

— Интересно, как же теперь вы намерены встретить войска Великого Кондора? Неужели песнями и танцами?

— Нельзя потушить пожар с помощью спичек, о, мой храбрый Воитель.

— Сильного можно одолеть только силой, Спикер!

— Что ж, Воитель, если ты так хочешь войны, то сперва должен будешь драться с нами, со своим собственным народом, с обитателями наших полей и амбаров, и с диким лесным зверьем, и с каждым деревом в наших садах, и с каждой виноградной лозой в наших виноградниках, и с каждой былинкой, и с каждым камнем, и с каждой крупинкой земли в Долине Великой Реки. Это будет твоей первой битвой. Ты позволил себе заболеть Болезнью Человека, и

хочешь, чтобы мы тоже заболели ею; однако именно тебе придется выбирать: будешь ли ты убит, исцелен или изгнан отсюда.

«Так отвечал этому Воителю Верный, и многие люди поддержали его, говоря: «Слушайте! Это скалы говорят его голосом, и Земля, и Река. И это его устами говорят Пума и Медведь. Слушайте!»»

Дальнейшее развитие событий

После слов Верного на некоторое время все выступления прекратились, потому что стали прибывать еще люди, желавшие принять участие в собрании.

К вечеру дискуссия разгорелась с новой силой. Люди снова выходили вперед и хвалили или обвиняли Общество Воителей, а также комментировали выступления других. Собрание продолжалось целых четыре дня, люди то приходили, то уходили; некоторые приносили с собой пищу и делили ее с теми, кто остановился в гостевых комнатах хейимас. Много было сказано о человеческой душе и разуме, о болезни и о священном долге. То, что всегда держалось втайне Обществом Воителей и Союзом Ягнят, было полностью обнародовано членами этих обществ и стало доступным всем; теперь это вовсе не казалось таким уж таинственным. Послушав выступления Воителей, многие сказали, что разум у них действительно поражен болезнью. Некоторые же из Воителей сами прилюдно объявили о своем выходе из Общества. Их речи были необычайно страстными. Спутница, спикер хейимас Змеевика из Ваквахи, сказала, что лучше бы не отрекаться при всех от того, что прежде делал втайне, а если хочешь с чем-то покончить, то следует просто перестать это делать и как можно скорее забыть об этом. Так что волнение среди присутствующих постепенно улеглось, и многие начали собираться в группы и танцевать долгие танцы под рокот барабанов, поскольку людей собралось ужасно много, а погода была прекрасной, и все были чрезвычайно возбуждены, да к тому же на собрании присутствовали некоторые из лучших барабанщиков. Но тем не менее осталось еще около сотни мужчин и женщин, которые никак не желали отступить от пути Воителей и высказывались в его защиту. Мужчина по имени Череп, житель Телины, выступил от их имени и сказал следующие слова:

Речь Черепа:

— Вы утверждаете, что мы больны, больны смертельно, что мы умираем. Вы боитесь заразиться нашей болезнью. Что ж, возможно и так. Но вот что я вам скажу: наша болезнь заключена в самой

человеческой природе. Быть человеком — значит быть больным. Пума здорова, ястреб здоров, дуб здоров, они живут и умирают в сознании своей непорочности, и им не требуется ничьей заботы. Однако у нас забота о собственной непорочности отняла осторожность; и у нас больше нет разума, как и у непорочных животных. И хотя все, что мы делаем, мы делаем осторожно и обдуманно, все же мы не здоровы, в нас нет цельности, и в поступках наших не хватает здравости. Отрицать это — безрассудно и беспечно! Вы утверждаете, что люди ничем не отличаются от животных и от растений. Вы называете себя землей и камнями. Вы не желаете признавать того, что являетесь изгоями в этом земном братстве, как не желаете признавать и того, что для души человека нет Дома на земле. Вы притворяетесь, возводите целые здания из собственных мечтаний и воображения, однако жить в них нельзя. Они не пригодны для жилья. И за ваши заблуждения, за вашу ложь, за ваши попытки такого самоутешения вы будете наказаны. День этого наказания станет днем войны. Лишь в войне обретете вы искупление; лишь воин-победитель способен познать истину, и, познав ее, он будет жить вечно. Ибо именно в «болезни» этой — наше здоровье, в войне — наш мир, и для нас, людей, существует только один, один-единственный Дом — Тот, Что Превыше Всех На Свете, вне которого нет ни здоровья, ни мира, ни жизни, ничего!

Развитие событий после речи Черепа

На речь Черепа никто прямо отвечать не стал. Кое-кто плакал, некоторые были сильно напуганы, другие, напротив, страшно разгневались, услышав, как кто-то повторяет сказанные Черепом слова. Обстановка была настолько накалена, что Верный, а также Спутница и Обсидиан из Унмалина и некоторые другие из тех, кто вел собрание, предпочли промолчать и не выступать с ответной речью, чтобы не вызвать вспышки насилия. Только одна женщина — Кровавый Клоун из Чумо — начала вдруг петь:

Без Единственного не было ничего,
Ничего, только женщины и койоты...

Обсидиан из Унмалина велела ей немедленно замолчать, и певица умолкла, однако песню подхватили другие и допели ее до конца. Тогда Спутница обратилась к Черепу и другим Воителям и сказала, что, по ее мнению, собрание чересчур затянулось, и пригласила Воителей в самом ближайшем будущем прийти в Вакваху и продолжить там переговоры и поиски наилучшего решения. Воители отказались, заявив, что намерены обсуждать важные для

себя вопросы друг с другом, а не с чужими. На что Верный заметил, что пусть, мол, поступают как им угодно.

Кое-кто из Общества Земляничного Дерева считал, что Верный и Спутница недостаточно осторожны; а также что люди, которые отказываются от переговоров и вообще соглашаются разговаривать только с теми, кто им поддакивает, могут убираться из Долины и отправляться на переговоры с народом Кондора, который их поймет куда лучше. Между этой группой людей и Верным завязалась словесная перепалка, а Воители, кивая и улыбаясь, наблюдали за их горячим спором, но не вмешивались.

Далее следует лишь самый конец этого спора, всего несколько реплик.

Мужчина по имени Крик Коршуна из Синшана сказал:

— Если они не хотят вести с нами переговоры, то должны сами уйти отсюда, а если не уйдут, то их отсюда прогонят! — И он грозно поднял свой посох из земляничного дерева — принадлежность спикера хейимас.

Верный гневно возразил ему:

— Если прогонишь их, то и сам уходи с ними — пусть изгоняющий будет вместе с изгнанными, а избивающий — вместе с избитыми! — Сказав так, он решительно двинулся к Крику Коршуна.

Тут вмешалась Спутница:

— Это болезнь говорит вашими устами!

Все слышали ее слова. Крик Коршуна отшвырнул в сторону свой посох. Некоторое время все пристыженно молчали. Потом Крик Коршуна тихо проговорил:

— Они все равно уже ушли от нас.

И Спутница подтвердила:

— Да, я думаю, что теперь они уже в пути.

Верный огорченно сказал:

— Я плохо говорил! Теперь мне лучше немного помолчать. —

И пошел к Реке, чтобы умыться и побывать в одиночестве. Осталь-

ные тоже потихоньку стали расходиться; некоторые спустились к Реке, другие отправились домой, по своим городам, оставив Воителей стоять там, где только что было полно людей — на поляне среди тополей.

На следующий день Воители тоже разошлись по домам.

Так в нашей Долине перестало существовать Общество Воителей. И больше никогда там не возрождалось.

Зачем я все это написал, спросите вы? А вот зачем.

Некоторые из бывших членов Общества Воителей после того собрания отправились вверх по течению Темной Реки в страну Кондора, чтобы жить там вместе с народом Дайяо. Двадцать четыре человека ушли в тот год, и еще несколько человек — на следующий, не помню точно, сколько их было. Но не ушла ни одна женщина. В Синшане в то время жила женщина, которая побывала в стране Кондора со своим отцом, уроженцем тех мест и Истинным Кондором. Через несколько лет она вернулась и позже написала историю своей жизни, в которой рассказывала об этом народе. Не думаю, чтобы помимо ее истории что-то еще было написано о тех временах, когда люди Кондора пришли в Долину и возникло Общество Воителей. Я был еще совсем молодым, когда происходило то собрание в Лощине Тополей, но в течение всей своей жизни потом часто вспоминал о нем. Мы избегаем говорить о болезни, если чувствуем себя хорошо, боясь накликать беду, однако это, в конце концов, всего лишь дурацкая примета и ничего больше. Я долго и тщательно обдумывал то, о чем говорилось на этом собрании, и пришел к выводу, что эта Болезнь Человека похожа на мутацию вредных вирусов и бактерий: всегда где-нибудь да будет существовать какая-то их форма, или же их принесут с собой люди, которым приходится часто путешествовать с места на место, так что риск заразиться и заболеть есть всегда. То, что говорили люди, заболевшие этой болезнью, справедливо: эта болезнь связана с нашей человеческой природой, и это поистине ужасная болезнь. Так что было бы крайне неумно с нашей стороны позабыть тех Воителей и их слова, сказанные тогда на поляне, если мы не хотим, чтобы все это произошло снова.

ПОЭЗИЯ

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

Стихотворения и песни, помещенные в этом разделе, наиболее часто исполняются во время различных церемоний, или же в процессе обучения в хейимас, или во время Великих Ваква.

Песня, исполняемая во время Танца Луны

Автор: Факел из Дома Обсидиана, Унмалин. Песня была исполнена в Унмалине во время ритуального пения мужчин, которое предшествует началу самого Танца Луны

Ах, если вам захочется,
спросите, куда
ушла та девушка
с кудрявою головкой?

А я вам, если захочу,
отвечу,
что возлегла она
под лунными лучами.

Песня-Да

Песня для трех или более голосов, исполняемая женщинами перед Танцем Луны и во время него; однако же исполнение ее не является обязательной частью ритуала. Существует множество различных ее версий и импровизаций, которые исполняются под тем же названием и под ту же мелодию. Этот вариант был записан в Синшане.

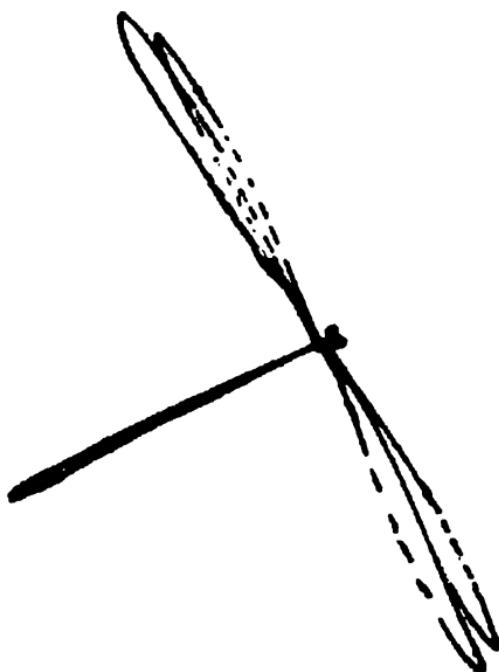
Далеко ль от губы до губы?
Достаточно, чтобы наружу выбралось слово.
Далеко ль от губы до губы?
Достаточно для ловкого мужчины.

Если слово будет «да»,
Если слово будет «да»,
Знать, согласны твои губы!
Поцелуй меня — да, да!
Полюби меня — ах, да.

*Песня, которую в Чумо поют,
строя на ручье плотину
и поворачивая его воду в сторону
резервуара для воды, которую
используют для полива*

К дрозду, к водяному дрозду
пойти она может, пойти она может.
Смолка и корни маиса тоже
хотели б, наверно, воды той напиться.
Кусты густые, побеги фасоли — смотри:
совсем умирают они от жажды.
Да и для нас хорошо бы стало,
чтоб по руслу другому вода бежала!
Пусть достигнет она водяного
дрозда, водомерки.
Пусть на крыльях дикого гуся
к облакам небесным стремится.

И пусть стрекозы личинка
с нею вместе проникнет в землю.
Мы же, люди, хотим совсем мало,
мы совсем немного просим;
нужно нам лишь воды немного,
мы вернем ее назад непременно.
Мы, кто воду твою похищает,
на земле проживем недолго.
Так смирись с нашей волей, источник,
и пройди тем путем, что тебе предлагаем,
а потом в свое прежнее русло вернешься.

Поднимаясь вверх по Реке

Песня, исполняемая по слухаю Путешествия за Солью. Члены Общества Соли, принадлежащие Дому Синей Глины, создали и обслуживали Соляные Озера — девять запруженных и закрытых шлюзами искусственных водоемов на самом востоке заболоченной равнины в устье Реки На, где процесс испарения воды и кристаллизации соли находился под контролем, и вода в соляных озерах регулярно, с циклом в пять лет, переливалась из одного озера в другое. В хейимас Синей Глины всегда «в качестве подношения» имелась как грубая соль, так и очищенная, мелкого помола. Через месяц после Танца Воды члены Общества Соли из всех девяти городов Долины совершили ритуальное путешествие вниз по реке, чтобы осуществить необходимый ремонт в системе соляных озер и шлюзов, а также чтобы собрать урожай красных креветок, живущих в этой очень соленой воде, которых Кеш сушат, превращают в порошок и используют в качестве приправы.

Возвращаясь назад, поднимаясь от устья
к истокам,
все влево и влево, к юго-западу, к синим горам;
возвращаясь назад, с побережья морского
идем мы
упорно в Долину, к юго-западу, к синим горам.

С берегов, где души детей нерожденных
песчинками стали,
бредем меж холмов, вверх по Великой Реке
поднимаясь
от соленых озер, от границы пустынного края,
бредем
среди трав сухих, вверх по Великой Реке
поднимаясь.

Внутреннее Море

*Прочитано Слюдой во время занятий в хейи-
мас Змеевика в Синшане*

Все, что скрыто теперь водою, — это города,
старые города.

На дне этого моря — сплошные дороги, дома
и улицы.

Под слоем ила во тьме, в глубине книги лежат,
кости лежат.

И души древних тоже теперь оказались там,
на дне моря,

в пучине глубокой, илом покрыты,
в домах тех старинных, во тьме городов
затонувших.

Ах, как там много душ человечьих!

Посмотри вокруг, когда будешь идти берегом
моря,

или плыть будешь в лодке по его водам
тихим
над затонувшими старыми городами —
ты сможешь увидеть души давно умерших,
точно холодное пламя в этих морских
глубинах.

Они могут принять любое обличье, стать медузой,
песчаной блохой, эти старые души умерших,
любое тело занять, какое только добудут.

Они проплывают в окна домов затонувших,
плывут по дорогам, затянутым илом, средь
вечного мрака

и поднимаются, на поверхность стремясь к свету
солнца

и страстно желая родиться.

Посмотри-ка на пену морскую, о, женщина
молодая,

посмотри, как резвятся песчаные блохи!

Может случиться, что в чрево твое попадет душа
древних,

и возродится в теле твоем, в теле нового
человека.

Но не хватает людей, чтобы всем этим душам
родиться,

вот и мечутся они, точно блохи, по берегу
моря.

Их жизни были волнами морскими, их души
пеною морскою стали.
Видишь, хлопья пены морской на песке, от воды
потемневшем?
Только что были — и тут же под солнцем
исчезли...

Народ с холмов

*Спето во Второй День Танца Вселенной в
Ваквахе для животных, принадлежащих До-
му Синей Глины*

На четырех ногах, на четырех ногах ступая,
мир обойдя кругом на четырех ногах,
идете вы как надо,
идете вы, танцуй.
Танцуете прекрасно, не замедляя шага,
ступая осторожно. Хоть вы порой опасны,
идете вы, конечно,
туда, куда вам нужно.

Песня Общества Земляничного Дерева

Чтобы спеть эту песню вместе с «матричными» словами, нужен примерно час. В некоторых песнях «матричные» слова — это просто «бессмысленные» слоги, а иногда и настоящие древние слова, не употребляемые более; в данном случае подобные слова как бы возникают из слов самой песни. Например, когда песня начинается с четырехкратного повтора «хейя, хейя», то сама мелодия сперва просто напевается «м-м-м-м-м», и это «матричное мычание» в языке кеш непосредственно переходит в соответствующий звук первого слова, «ма-инвентун», «из своих домов». Слова и музыка этой песни принадлежат Слюде из Синшана, и были нам подарены автором

Из своих домов, из своих селений
Люди Радуги к нам приходят
по темным тропам межзвездным,
по светлым, сверкающим бликам,
что на воде Луна оставила и Солнце.
Высокие, стройные, длинноногие,
гибкие, легкие, длиннорукие,
идут они следом за облачной пумой,
бок о бок идут с койотами ветра
и обгоняют дождевых медведей;
над ними ястребы безветрия кружат.
Идут они к нам тропами солнца,
и лунной дорожкой ночью,
и по путям, что звезды проложили,
по темным путям межзвездным.
Взбираются по лестницам ветра,
по широким ступеням дождевой тучи.
Они спускаются по лестницам воздушным,
по нитям дождевым блестящим,
Их и слепые увидеть могут.
Их и глухие услышать могут.
Немые все сказать им могут.
Парализованные их коснуться могут.

Здесь засыпая, мы бодрствуем с ними,
по улицам их городов мы гуляем.
Здесь умирая, живем мы их жизнью,
войдя в прекрасные их жилища.

Костяные стихи

*Записано во время занятий в хейимас Синей
Глины в Ваквахе*

Решение этой проблемы
само в себе растворится,
а проблема существовать будет,
точнее — ее скелет,
основа ее и тайна.
Впереди и вокруг — всюду тайны.
О, Ясность!

Не ломайте кости своих рук,
пытаясь извлечь эту тайну.
С земли ее подберите,
съешьте, используйте, носите,
можно даже бросить ею в койота.

Есть ли в вашем сердце кости?
Но тайна-то есть там точно.
Одежды, что внутри себя носят тело, —
вот и получился хороший клоун.

Головоломка — вся из кусочков.
Ответом вопрос дополнишь.
Однако ж свисток из грудины
играет людям ту песню,
которую знает ворона,
но петь ни за что не станет.
Воссоединение та песня зовется.

Ох, как мне страшно!
Боюсь я, боюсь!
Каждую ночь иду я, несчастный
и одинокий, в убогое это жилище.
Разве пути нет иного?
Лучше б я в юности умер внезапно,
не зная еще, что придется мне строить
основу души своей из боли и страха,
из струй дождевых и холодного ветра,
да в темноте одиноких прогулок.

Из непрозрачной скалы
родник бьет прозрачный.
Твердая черепа чаша
ясность в себе содержит.
Пей же, о путник.
Разумным будь. Пей.

Обучающие песни: свод правил для Танцев Земных и Небесных

*Такие песни исполнялись речитативом или
пелись под аккомпанемент барабана; часто
многие слова и строки повторялись по не-
сколько раз, ибо эти песни составляли часть
уроков, преподаваемых детям в хейимас. Их
содержание могло варьироваться в хейимас
разных Домов и городов; эти песни из хейи-
мас Змеевика в Мадидину*

1. Город-Земля

Кирпич и глина, синяя глина,
обсидиан и змеевик — вот
стены и полы домов
земного города.
Дожди и облака,

безветрие и ветер — вот
кровли и окошки домов
земного города.
Под досками пола, под балками кровли,
над крышами, над трубами каминов,
влево по Руке Правой,
вправо по Руке Левой,
к северу от будущего, к югу от прошлого,
раньше востока, позднее запада,
за этими стенами:
беспределное,
край дикий,
бытия горы и реки —
долина возможного.

2. Круглый город

Круглый как мячик город-Земля.
Здесь улица любая
сама с собой
встречается в итоге.
Стары его дороги,
длинны его пути,
и воды широки его.
Кит в нем плывет на запад —
возвращается с востока;
летит на север крачка —
с юга возвращается она;
дожди там выпадают,
чтоб снова из земли
подняться родниками.

Костер взлетает искрами,
чтобы упасть на землю.
Объять все это разумом
возможно и совсем нетрудно,
но если ж в путь отправимся пешком,
боюсь, что мы не доберемся вновь
к началу улицы, что нас вела сначала.
Ведь круты склоны гор,
и годы круты с нами,
и глубока вода.
И в городе-Земле
до дома путь пролег далекий.

3. Направленья

Земля, вращаясь, движется,
все движется, вращаясь, прядет,
прядет дней направленье
от утренней зари к вечерней.
То, что лежит меж севером и югом, —
ось этого ее вращенья;
то, что лежит меж западом с востоком,
есть направленье этого вращенья.
И так, от утренней зари к вечерней
вращается Земля в сиянье солнца иль во тьме
кромешной.

Луна, вращаясь, движется,
в своем движении она круги рисует,
круги рисует месячного цикла,
прядя-сплетая лунный день единой длиною
в месяц,
от утренней зари к вечерней
кружась вокруг Земли, что движется,
вращаясь и прядя дней направленье.

На небесах серп месяца тончайший — заря дня
лунного,
день лунный — полнолуние, серп убывает, и день
 тот к вечеру клонится,
а черная луна обозначает ночь лунных суток,
тьмой объяющую.
И так Луна вращается в сиянье Солнца иль во
тьме кромешной.

Земля с Луною вместе, вращаясь, движутся вокруг Солнца,
круги вокруг него рисуя, пролагая направленье года.

И чуть наклонная ось их вращенья
дает нам зиму, дарит лето,
начало и конец Великих Танцев.
Танцоры неба, дивные танцоры!

Вот Оу, ясное дитя Вселенной,
Адсевин яркая, звезда зари, звезда заката,
танцоры неба, дивные танцоры,
вон там, вдали сияет красный Кемел,
Гебайю и Удин, и прочие танцоры
небесные, во тьме полночной
еле видимые глазом, вращаются,
плетут свой танец вечный вокруг сверкающего
стержня,
вращаются — в сиянье Солнца иль во тьме кро-
мешной.

Примечание:

Это описание Солнечной системы может быть представлено на сцене младшими детьми, играющими роли Земли, Луны и пяти видимых планет и кружасшимися соответствующим образом вокруг певца-солиста, который исполняет роль Солнца.

Под следующую песню дети не танцуют; она исполняется речитативом в определенном ритме под аккомпанемент барабана. Дети учат наизусть первую ее часть; все остальное они узнают, только став достаточно взрослыми; и слова этой песни так хорошо знакомы всем и священны, что часто их вовсе не произносят, но «выговаривают языком барабана» — поскольку ритм настолько же отчетлив и хорошо знаком, как и слова.

III. Круги

Вокруг своей оси в пространстве и по кругу
Земля вращается — вот сутки;
вокруг Земли в пространстве и по кругу
Луна вращается — вот месяц;
вокруг Солнца нашего в пространстве и по кругу
Земля вращается — вот год;
вокруг своей оси в пространстве и по кругу
вращается и Солнце — вот Танцы;

и Солнце, и другие звезды в пространстве и по кругу вращаются и возвращаются к исходной точке — вот танец звезд.

В их танце — неподвижность и движенье, в нем — без измененья перемены, движение вперед, соединенное с возвратом. В их танце — созиданье и гор, и рек, и звезд — миров далеких — и их уничтоженье. Весь этот танец — круг открытый, незамкнутая часть спирали, в которой круг за кругом, круг за кругом танцуются в Долине жизнь и смерть.

Чтобы начать, сперва вернуться нужно. Чтоб семя уронить, необходимо расцвести и дать плодам созреть. Лишь познавая толщу камня, ты с родником соприкоснешься. Увидеть хочешь этот Танец? Так посмотри на звездный свет! Чтоб музыку его услышать, ты темноту попробуй слушать. Чтоб мир весь танцевал с тобою вместе, пусть все на свете воссияет! И люди пусть в Домах танцуют, и в городах — на площадях для танцев, и пусть светлы их будут лица, глаза пусть полнятся сияньем!

Просьба о посланнике

Старая песня, исполняемая под аккомпанемент барабана в домах Общества Черного Кирпича

Ах, перепелка, передай весточку родному дому!

Не могу я, не могу преступить границу мира.

Ах, курочка, передай весточку родному дому!

Я не знаю, ох, не знаю,
как попасть мне в мир иной.

Голубь, голубь, передай
весточку родному дому!

Весточку я передал
и вернулся вновь сюда.
Слово передал твое,
уронив перо свое.

Песня травы

*Песня Дома Красного Кирпича, исполняемая
во время Танца Травы в Ваквахе*

Это случается
очень тихо.
Под черными тучами
плывут холмы,
холмы меняются,

солнце движется к югу
в сером тумане,
ветер все холоднее,
но дует все тише
с запада, с юга.
О, бесконечность дождя,
бесшумно струящегося!
О, бесконечность травы,
из земли прорастающей!
Холмы меняются —
они зеленеют!
Это случается
очень тихо.

Облака, дождь и ветер

Песня, исполняемая во время Танца Травы

Из Дома Льва, с вершины горной —
слышишь: танцоры идут, спешат?
Слышишь: танцуют они на склоне
Танец Медведя, к подошве холма спускаясь?
Спускаясь прямо в нашу Долину.
Видишь: Койот следом за ними идет,
и завывает, и песню поет!

Танец муравьев

*Это поют и танцуют дети во всех городах
Долины на Третий День Танца Вселенной, в
День Меда, когда исполняется также и Танец Пчелы*

Сотня сотен комнат в этом доме,
Сотня сотен залов в этом доме,
бегают, суетятся в этом доме,
все трогают на бегу в этом доме.
Эй! Мои крошечные предки!
Выпустите меня из этого дома!
Выпустите сейчас же меня отсюда!
Эй, вы! А ну скорей выпускайте!

Дар Медведя

Записано во время занятий в Обществе Чёрного Кирпича в Ваквахе. Учебная песня

Никто не знает истинного имени медведя,
даже он сам. Лишь только те,
кто разжигать огонь умеет и плачет настоящими
слезами —
те знают его истинное имя, которое назвал им
сам Медведь.
Перепела и перистые травы, детеныш
человеческий и пума,
живут они спокойно своей жизнью,
заветных слов им говорить не нужно.
Но те, кто ведает Медведя имя,
должны те прочь уйти, одни, от всех отдельно,
через равнину, по мостам, над речками, ручьями,
по краю пропасти пробраться осторожно.
Им можно говорить и должно. Они должны
сказать
все нужные слова, ибо узнали первое то имя,
Медведя имя. Внутри его язык наш, и наша
музыка.
И мы танцуем, лишь заслышим это слово,
Ее берем мы за руку и видим
медведя темным глазом то,

что видеть более никто не в силах,
но что случится с каждым непременно.
Вот почему мы тьмы страшимся и огонь мы
разжигаем,
вот почему и плачем мы, из глаз соленые роняя
слезы,
как капли дождевые.
Все смерти, наши собственные и чужие,
им не принадлежат, они принадлежат нам — то
дар Медведя,
как и то слово темное, что подарил он нам навеки.

Свадьба

Из Общества Земляничного Дерева, Телина

Седьмого Дома женщина поутру поднялась
в сезон дождей среди зеленых трав на холме
с руками белыми, и белоснежным телом,
и с белыми кудрями.
Где над ручьем сошлись холмы в ущелье узком,
где меж дубов видны поляны, сплошь покрытые
цветами и травой зеленой, лицом к юго-востоку
она встает. Идет навстречу солнцу,
они берутся за руки — и вот свершилось чудо:
возникло соприкосновение их рук и тел.
И стала женщина та белая прозрачной,
и с солнцем рука об руку вошла в Девятый Дом.

Танец оленя

Старинная священная песня Дома Синей Глины. Подарена для перевода и включения в эту книгу Рыжей из Общества Земляничного Дерева, Синшан

Гулял олень Шестого Дома,
дождями сотворенный,
и резвые его копытца,
как струи дождевые были.

И он плясал, кружась, в Долине.
Скакал олень Седьмого Дома,

из тучи темной сотворенный,
с крутых его боков свисали,
как вата, облачные хлопья.

И он плясал, кружась, на скалах.
Бежал олень Восьмого Дома,
ветрами сотворенный,
рога его — порывы ветра,
в глазах — безветрие само.

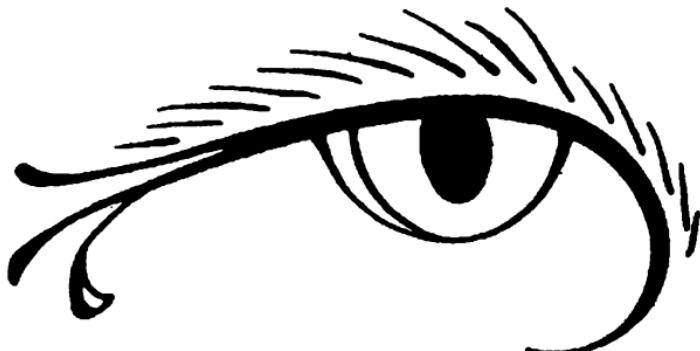
И он плясал, кружась, на горных склонах.
В круги, оставленные этим Танцем,
вдруг ястреба перо упало с неба.
И в самом центре Девяти Домов
средь полной тишины возникло Слово.

Танец пумы

*Эту песню в Синшане разучивают те, кто
готовится в одиночку пойти в горы —
свершить «путешествие души»*

Опускаю свою юго-западную лапу —
четыре округлых пальца, одна округлая пятка —
на землю под горной сосновою,
на землю под горной сосновою
на самой высокой вершине.

Опускаю свою северо-западную лапу —
четыре округлых пальца, одна округлая пятка —
на землю под лавром благородным,
на землю под лавром благородным
у подошвы горы, на равнине.

Опускаю свою северо-восточную лапу —
четыре округлых пальца, одна округлая пятка —
на землю под деревом земляничным,
на землю под деревом земляничным
на самой высокой вершине.

Опускаю свою юго-восточную лапу —
четыре округлых пальца, одна округлая пятка —
на землю под дубом огромным,
на землю под дубом огромным
у подошвы горы, на равнине.

Сама же я стою посредине,
на вершине львов горных,
на равнине львов горных.
Там тропу свою пролагаю,
пролагаю я тропу пумы.

Искатели

Песня, исполняемая во время обряда инициации в Обществе Искателей

Приносите к нам странные вещи.
Приносите к нам новые вещи.
И пусть даже старые вещи
вам попадутся в руки.
Пусть то, чего вы не знаете,
вам на глаза попадется.
Пусть ваши шаги замедлят
пески бескрайней пустыни.
Пусть камни на горных склонах
собьют подошвы ног ваших.
Пусть морщинки на ваших ладонях
вашими картами станут,
пусть определить вам помогут
пути, которыми вы пройдете.
Пусть вашим вдохом станет
запах снега в горном ущелье.
Пусть выдохом вашим станет
сверканье льда на горных вершинах.
Пусть уста ваши вымолвить смогут
любое чужое вам слово.
Пусть яств чужеземных запах
в ваши ноздри проникнет.

Пусть источник реки чужеземной
пупом земли для вас станет.
Пусть душа ваша будет как дома
в тех краях, где домов вовсе нету.
Идите же осторожно, о, наши милые дети,
идите и будьте разумны. о, наши милые дети,
идите и будьте бесстрашны, о, наши милые дети.
И, с нами ль домой вернетесь,
иль сами найдете путь свой,
всегда домой возвращайтесь!

**ОТ ЛЮДЕЙ ЗЕМНЫХ ДОМОВ
ДОЛИНЫ ТЕМ, ДРУТИМ ЛЮДЯМ,
ЧТО ЖИЛИ НА ЗЕМЛЕ ДО НИХ**

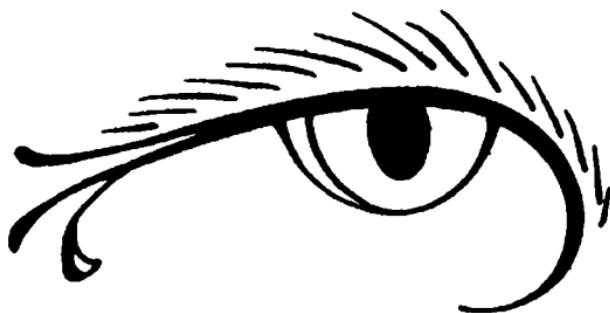
В начале начал, когда прозвучало слово,
в начале начал, когда вспыхнул костер впервые,
в начале начал, когда этот мир создавался,
в тиши безвременя мы тоже среди вас были,
молчаливые, как непроизнесенное слово,
во тьме, как костер незажженный,
без формы и без обличья, как дом
непостроенный,

мы все же среди вас были:
проданная женщина,
враг, взятый в рабство.

Мы в вашу жизнь проникали, подходя все ближе
и ближе
к этому вашему миру.

В ваши дни, когда слово написано было,
в ваши дни, когда все вокруг топливом стало,
в ваши дни, когда земля под домами скрылась,
мы тоже среди вас были.

Тихие, точно слово, которое прошептали,
неясные, как свет уголька под золою,
бесплотные, точно тайная мысль о доме,
мы все же среди вас были:
голодные,
бесправные люди,
в вашем мире, подходя все ближе и ближе
к миру, что станет нашим.
Когда же конец наступил ваш и слова все были забыты,
когда же конец наступил ваш и костры все уже
догорели,
когда же конец наступил ваш и в доме рухнули
стены,
мы все же среди вас были:
дети мы,
ваши дети,
умирали мы вашею смертью, чтоб подойти еще
ближе,
чтобы войти прямо в мир наш, чтобы на свет
родиться.
Мы песчинками были на побережье вашего моря,
камнями в очагах ваших. Нас вы не узнавали.
Мы были теми словами, которых не было в
языках ваших.
О, наши отцы и матери!
Мы всегда детьми вашими были.
С начала начал, с самого начала
и до конца: мы — ваши дети.

Хуишев	вевей	тушней	рру	гестанай
Двуногих	все	труды	это [есть]	хорошо сделанное, искусное
и		дувей		гочей
		всё		общее

Все дела человеческие — искусство
и то, что нам всем дано.

Уильям Блейк

ПРИЛОЖЕНИЯ

Как было указано в Примечании первом в начале книги, Приложения содержат довольно большой объем дополнительной информации. В соответствии с изложенным в главе «Повествовательные жанры и типы мышления», все, что описано здесь, несмотря на обилие фактического материала, можно считать вымысленным, — хотя и вполне достоверным.

Я сознательно отказалась от знаков ударения в неведомых читателю словах, поскольку они придают тексту неудобочитаемый вид, оставив их лишь в Глоссарии, где они используются для обозначения долгих звуков *и*, *о* и *у* в некоторых словах языка кеш. (Транскрипция приводится в главе «Алфавит кеш».)

ДЛИННЫЕ НАЗВАНИЯ ДОМОВ

Очень часто жилые дома во всех девяти городах Долины имеют весьма длинные названия, которые я при переводе порой несколько сокращала — просто из трусости. Я боялась, что эти длинные названия — дом Дождя, Падающего Отвесно, или дом, Стоящий Спиной К Виноградникам — могут прозвучать не то чтобы необычно, но странно и даже «примитивно». Я боялась,

что людей, живших в домах с такими названиями, не смогли бы воспринимать серьезно те, кто проживает в местах, называющихся Челси Мэнорз Эстейт, Эдалт Коммьюнити, Лома Лейк Эйкриз Ист, Плэннд Рекреэйшн Девелопмент. Хотя поговорка и гласит иначе, но все незнакомое рискует вызвать презрение.

Длина некоторых подобных названий также может создать впечатление, что «таких не бывает»; но разве может кто-нибудь в действительности сказать: «Приходите к нам в гости, мы живем в Кастохе, в доме Девяти Канюков, Что За Горой!»? На самом деле они вряд ли станут выговаривать название своего дома полностью, потому что практически любой, с кем они заговорят, обычно прекрасно знает, где они живут. В весьма редкой ситуации, когда приглашают в гости человека, чужого в этих местах, непременно будут описаны окрестности дома, его расположение и внешний вид: «Он — на юго-западной Руке города, и входные двери у него красные» — и это будет нечто вроде адреса, примерно как могли бы сказать и мы: «2116 1/2 Гарден Корт Драйв, второй поворот на Сан-Матео, северный, затем правый поворот у третьего светофора, а потом еще два квартала и все».

Так или иначе, но жители Долины не имеют ничего против длинных имен и названий. Им они нравятся. Возможно, им приятно именно то, что они не спеша могут произнести подобное имя или название. Им не стыдно, что времени у них в достатке. В их жизни совершенно отсутствует гонка, спешка, та сильнейшая потребность непременно успеть что-то сделать, которая насыщает нас энергией, гонит нас вперед и вперед, вечно вперед и все быстрее, сокращая название Сан-Франциско, придуманное его первыми, более медлительными жителями, до Фриско, а Чикаго, названный так еще более медлительным автохтонным населением, до Чи, а тот город, который назван был в честь Богоматери, весьма быстро стал всего лишь Лос-Анджелесом, однако и это показалось нам слишком длинным, так что он превратился просто в Эл Эй, но реактивные самолеты куда быстрее нас, так что мы, употребляя их язык, уже называем его Лакс, потому что хотим одного: мчаться вперед быстро, еще быстрее, во что бы то ни стало прорываться к чему-то, что-то успевать, успевать все! Покончить со всем поскорее — вот чего мы хотим. Однако люди, которые жили в Долине и давали такие нескончаемые имена своим домам, никуда не спешили.

Нам трудно понять — и еще труднее оправдать — то, что серьезный взрослый человек никуда не спешит. Никуда не спешить — это для малышей или для тех, кому уже за восемьдесят, для некоторых

лодырей и для жителей Третьего Мира. Спешка — это главное свойство делового города, сама его душа. Не существует цивилизации без спешки, без стремления вырваться вперед. Спешка может быть незаметной; она порой скрывается за вальяжной ленивой позой бездельника в баре или игривой неспешной походкой человека, прогуливающегося по коридору роскошного отеля, однако она там, внутри него, она — в сверхмощных моторах сверхзвуковых самолетов, которые переносят его из Рио или из Рима сюда, в Нью-Йорк (точнее, NY), на конференцию IGPSA по применению GEPS, а завтра уже примчат его обратно, стрелой пролетев над целым миром огромных городов, где не осталось иных глагольных времен, кроме настоящего, где на учете каждая секунда, каждая ее десятая часть, и сотая, и тысячная, и миллиардная, где данные в компьютер вводятся мгновенно, а «ля» в произведениях Моцарта звучит все выше. Для Моцарта «ля» — это четыреста сорок колебаний в секунду, значит, звучание его старенького фортепиано совершенно не совпадает со звучанием всех наших оркестров и певцов, ибо наше «ля» — это четыреста шестьдесят колебаний в секунду, потому что инструменты настроены замечательно и звук у них значительно чище, настолько чище и пронзительнее, что поднимается до воя сирены в последнем высоком аккорде. Однако, ничего не поделаешь. Нет никакой возможности повысить высоту тона у инструментов Долины, нет никакой возможности сократить названия ее социальных институтов и жилых домов до одних лишь заглавных букв, нет никакой возможности подгонять ее людей, чтобы они быстрее двигались вперед.

Подобно тому как имена собственные в языке кеш как бы сами собой стремились расширяться и потребовать больше времени на свое произнесение, так и жилища их стремились занять побольше места, сделаться более изысканными и удобными — там прибавлялся еще балкон, здесь пристраивалось крыло, и изначально очень простой план дома вполне мог с течением медлительных лет дать почки и ростки, стать более ветвистым и раскидистым, подобно старому дубу, покрытому сучками и шишковатыми наростами на толстенном и основательном стволе. Дома обычно строились по форме более или менее широкого «V», фундаментом служили наполовину закопанные в землю камни-валуны, на которых возводились два этажа — из камня, саманного кирпича или же дерева. Ванные комнаты, мастерские, кладовые и все подсобные помещения находились в полуподвальном этаже. На первом и втором этажах — они вели счет сверху, от крыши, — размещались гостиные, кухни и спальни, а также балконы или веранды. На каждом из этажей помещались четыре или пять комнат, если дом был невелик, а в больших домах — даже по двенадцать—пятнадцать ком-

нат. В таких домах могли жить как члены одного многочисленного семейства, так и несколько — до пяти! — совершенно различных семей; обычно в течение нескольких поколений в одном доме жили два-три семейства. Каждая семья имела свой отдельный вход, так что снаружи могло быть несколько крылечек и лестниц, ведущих к верхним и нижним верандам и балконам. Именно на этих верандах и балконах и протекала, по большей части, жизнь дома, за исключением холодного времени года.

У многих домов не было четко выраженного фасада или тыла: фасадом для жителей верхнего этажа могла быть тыловая часть жилища тех, кто разместился на нижнем этаже, или же боковая стена других соседей — все зависело от того, где именно находилась входная дверь. Полуподвальные служебные помещения обычно окнами выходили на северо-запад, а с юго-востока скрывались в летнюю жару в тени веранд и балконов верхних этажей, которые порой придавали дому несколько неустойчивый вид — однако же на самом деле они были спланированы и сделаны прочно, на славу; зачастую такие дома стояли веками.

Дом бывал сориентирован в соответствии с местностью и тем, откуда падает свет — то есть в зависимости от рельефа, от расположения других домов, деревьев, ручьев, от того, куда падает тень горы и где в полдень больше всего солнца. И лишь во вторую очередь расположение дома зависело от стрелки компаса; впрочем, углы его всегда указывали на север, восток, юг и запад, а, стало быть, и стены были повернуты под соответствующими углами.

Местоположение дома определялось идеальным планом самого города — фигурой «хейийя-иф». Каждый дом являлся составляющей данной фигуры, элементом ее Левой Руки, изгибающейся навстречу Правой Руке, которая охватывала пять хейимас, построенных вокруг Стержня города — Стержнем всегда был либо главный источник питьевой воды, либо глубокий колодец. Сам по себе рисунок двойной спирали соблюдался не столь уж точно (да и сам город никогда не выглядел чересчур аккуратным), ничто там не строилось по ниточке; тем не менее основная форма всегда ощущалась и в расположении жилых домов, и хейимас, и Стержня, и городских площадей. В Кастохе и Телине было несколько «Левых Рук», ибо там построить так много домов по одной-единственной кривой означало бы либо насаживать их буквально друг на друга, либо слишком сильно растягивать эту кривую, чтобы дома стояли на достаточно большом расстоянии.

Пространство, заключенное внутри создаваемой домами кривой, было засажено деревьями, иногда там еще строили различные навесы или павильоны, однако же чаще всего территория эта оставалась совершенно пустой и к тому же была весьма сильно

вытоптанной и пыльной. Здесь была «городская площадь». Подобная же площадь внутри второй кривой, составленной пятью хей-имас Правой Руки, считалась «площадью для танцев». Однако по большим праздникам танцевали, естественно, на обеих площадях.

Лишь один город из девяти не совсем соответствовал этому описанию. Тачас Тучас был (как известно) заселен «людьми не из Долины» — по большей части пришельцами из северо-западных краев. Разумеется, его «деревенская» архитектура имела явное сходство с архитектурой городов, что были расположены далеко к северу от Долины, на заросших секвойями берегах текущих на запад рек. Все дома Тачас Тучас были построены из дерева, из секвойи или кедра; в них были низкие потолки, и совершенно не использовался саманный кирпич. Дома стояли так близко друг от друга, что объединялись одним водосточным желобом, создавая некую кривоватую окружность, внутрь которой все смотрели своими фасадами. Стержнем города служил красивый водопад, образованный большим Ручьем Шасаш, а Правая Рука была построена и организована абсолютно так же, как и везде. Однако полукруг темных, высоких, островерхих домов, расположившихся под крутым склоном Костяной Горы, заросшей черно-зелеными елями, производил мрачное впечатление, чем весьма отличался от всех прочих «Левых Рук» в городах Долины. Неодобрение в адрес чрезмерной «скученности» домов в этом городе частенько высказывалось вслух за его пределами; однако же сами жители Тачас Тучас, если им порой — раз в несколько столетий, например, — приходилось перестраивать дом или строить новый, старый дом разрушали до основания и новый возводили точно на том же месте и в той же незыблемой своеобразной манере, которая, возможно, действительно отражала или воплощала их стремление к «скученности», к жизни тесным кружком, которое было проявлением характера и нравов жителей этого города.

Вакваха, находившаяся на противоположном конце Долины, также была городом исключительным; будучи здесь неким своеобразным Бенаресом, Римом или Меккой, а потому часто посещаемая жителями других городов, она была построена так, что ее Левая Рука включала, кроме жилых, пять дополнительных длинных одноэтажных гостевых домов, где за порядок и обеспечение отвечали пять хеймас; в этих гостевых домах посетители могли расположиться с удобством и прожить несколько дней или даже месяцев; а Правая Рука здесь занимала даже большее пространство, чем Левая, ибо включала не только пять очень больших хеймас, но и по крайней мере дюжину различных строений общественного и сакрального назначения; здесь же находились Архив, Консерватория и Театр. Стержнем Ваквахи служил один из

расположенных высоко на склоне Горы-Праородительницы Источников Реки На, красивый полноводный ручей, пробивающийся сквозь вулканическую породу ущелья. Город был целиком построен на склоне горы, так что сохранить исходную форму хейий-иф оказалось весьма непросто, однако крутые скалистые горы, изрезанные ущельями и окружавшие Вакваху со всех сторон, придавали определенное сугубое очарование ее облику. Выглядел город поистине величественно. Некоторые из домов были удивительно стары; построенные из камня, они держались крепко и, казалось, росли прямо из этих скал; громадные земляничные деревья затеняли их крыши и обнесенные стенами дворы, однако сами стены и дома появились здесь задолго до того, как эти деревья-великаны успели вырасти. У этих домов были старинные, длинные имена. Вот одно из них: Возведенный Там, Где Окончилась Скора. Или еще: дом, Где Была Нора Бабушки Большого Кролика. Но с другой стороны, некоторые из них, не менее старые, имели очень короткие названия; например, Ветер или Высокий. И были еще такие дома, смысл названий которых постепенно, с течением времени, оказался утрачен в связи с изменениями в языке — например, дом Ангравад или дом Уфечохе.

Несмотря на то что члены небольшого замкнутого общества могут жить и говорить неспешно, их язык, напротив, может иметь тенденцию изменяться весьма быстро; даже являясь языком письменным, он течет, как река, оставляя по пути старое написание слов и выбрасывая на отмели их старые значения. Так что названия девяти городов, будучи очень старыми, ныне непереводимы, за исключением названия *Вакваха* или, точнее, *Вакваха-на*, то есть «город, расположенный на священном Источнике, дающем начало Реке На» (однако это название может переводиться и как «танцующая Река На»). Название Чукулмас, возможно, имело некогда, в своей исходной форме, значение «дом Большого Дуба»; а инфикс *-мал* — в слове «Унмалин» означает «холм» или «вершина холма». Жители Тачас настаивали, не имея, впрочем, никаких доказательств или свидетельств, что название их города на полузыбком северном диалекте означает «Там, Где Поселился Великий Медведь». Но почему Синшан и гора над ним носят такое название, или же что именно скрывается под словом *Кастоха* и почему оно претерпело очевидные изменения, ибо исходной была форма *Хастоха*, а также почему самый старый дом в Мадидину называется Мадидину Анимун, не знает никто. Без сомнения, этиология этих названий можно было бы проследить с помощью данных, записанных в Большом Компьютере Столицы Разума, если несколько недель или месяцев поработать в Пункте Обмена Информацией. Но к чему это? Разве так уж необходимо перево-

дить каждое слово? Порой как раз непереведенное слово может послужить нам напоминанием о том, что язык — это не только значения слов, что понятность языка — это всего лишь одна из его характеристик, одна из его функций. Непереведенное слово или название, возможно, вообще не функционально. Оно просто существует. Будучи написанным, оно представляет собой ряд букв; будучи произнесенным вслух, если более или менее правильно догадаешься о его произношении, оно представляет собой набор фонем, более или менее интересную музыкальную фразу или звук, или шум — словом, нечто. Непереведенное слово похоже на камень, на кусок дерева. Его использование, его значение не является рациональным, определенным и ограниченным, однако оно конкретно, потенциально богато и бесконечно. И вообще, если уж честно, то все слова, которые мы произносим, — это непереведенные слова.

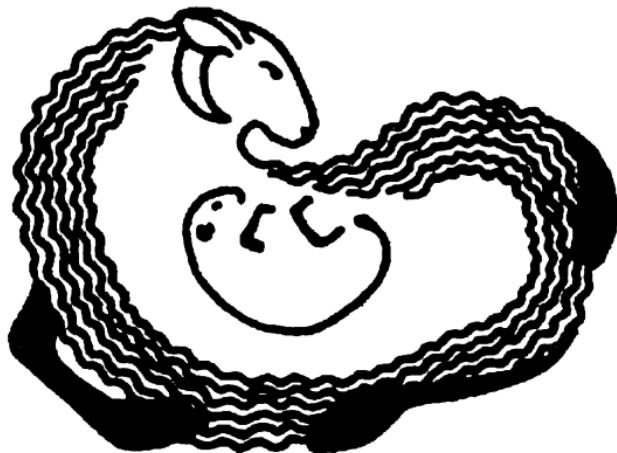
НЕКОТОРЫЕ ИЗ ПРОЧИХ НАРОДОВ ДОЛИНЫ

1. Животные Дома Обсидиана

Все домашние животные, как считалось, жили в Первом Доме, то есть в Доме Обсидиана.

ОВЦЫ

Все породы овец в Долине — результат скрещивания «чужеземных» пород, то есть тех овец, что были выменяны или украдены у соседних народов, с местной породой одун из Верхней Долины: это небольшие коренастые животные с длинной тонкой шерстью, темными ногами и темной мордочкой с двумя или четырьмя короткими рожками и прямо-таки выдающимся, «римским» носом. Ягната этой породы рождались темными, и примерно половина взрослых овец тоже имела или темную, или пятнистую шерсть. Овец держали во всех городах Долины; отдельные люди или семьи могли владеть одной или несколькими овцами, пасущимися вместе с городской отарой, забота о которой была возложена на Цех Ткачей. Города Чумо и Телина пасли свои многочисленные стада на Горе Овцы и в Долине Одун, что к северо-востоку от Чумо.

Чтобы дать возможность горным пастбищам восстановить травяной покров, а овцам — откормиться на засоленных лугах, отары эти перегоняли в середине сезона дождей к устью Реки На на богатые травами равнины, и до наступления жары, то есть до периода между Танцем Луны и Танцем Лета, они в горы не возвращались. Баранина и ягнятину считались в Долине праздничным блюдом, а овчина и самые разнообразные вязаные шерстяные вещи — основной одеждой в холодное время. Для жителей Долины овца отнюдь не была символом пассивной глупости и слепой покорности, каковым она является для нас (и правда, овцы в Долине отличались выносливостью и хитростью), но скорее воспринималась с неким любовным восхищением и даже преклонением — как существо загадочное и таинственное. Овца была знаком и символом Общества Крови и Первого Дома; овец также называли Детьми Луны.

КОЗЫ

Коз держали в качестве ручных домашних животных, а также — ради получения молока, особенно в городах Верхней Долины; в Мадидину, Синшане, Унмалине и Тачас Тучас их специально выращивали для получения мяса, кожи и шерсти. Жители городов Верхней Долины хотя и любили коз за их проказливую сообразительность, все же предпочитали не заводить их в больших количествах, полагая, что «одна коза троих проказников стоит, а три козы — тридцати». Поскольку при разведении коз ставились самые различные эстетические и практические цели, то и пород их существовало огромное множество — и совсем крошечные, и очень

тучные, и черные, и черно-золотистые «коротышки», и вислоухие, и длинношерстные, и молочные козы из Унмалина, не говоря уж о весьма драчливых, но внешне очень привлекательных горных козочках, которые часто паслись вместе с отарами овец на Горе Овцы.

КРУПНЫЙ РОГАТЫЙ СКОТ

Коровы в Долине имели в основном бурую, бежевую, пеструю, коричневую и красно-коричневую масть; они были некрупные, с неширокой грудью, со стройными ногами и прямыми рогами средней длины, круглобные, с большими округлыми глазами. В Телине для полевых работ также охотно использовали более крупных быков почти совсем белой масти. Стада крупного рогатого скота первоначально держали исключительно для получения молочных продуктов, однако же потом довольно большая часть работ по вспашке полей и перевозке тяжестей стала производиться с помощью кастрированных быков. Быков не выращивали на мясо, а если резали, то только на первом году жизни, еще телятами. Как правило, в каждом хозяйстве имелась своя корова или несколько коров, которые паслись вместе с городским стадом, забота о котором была поручена Цеху Дубильщиков. Выпас, кормление и дойка могли осуществляться как самими хозяевами животного, так и, по договоренности, членами Цеха. Те семьи, что в жаркие месяцы переселялись в летние хижины, часто брали с собой и своих коров. Коровы и рабочие быки по большей части считались членами семьи. Множество различных стихов было посвящено именно корове, и во многих стихотворениях подчеркивалось, насколько легче ужиться с нею, чем кое с кем из людей. Местные коровы отличались добродушным, веселым и кротким нравом и вполне заслужили те похвалы, которые им расточали поэты; лишь бычки имели неуравновешенный характер, а потому чаще всего являлись собственностью города или Цеха и содержались за прочной оградой на Лугу Пениса.

ЛОШАДИ, ОСЛЫ И МУЛЫ

Поскольку большая часть жителей Долины любви к путешествиям не питала, а уж если кто из них и пускался в путь, то обычно шел пешком, — особенно длинных дорог там не было, а лошадей если и держали, так не для путешествий. Лошади тоже были любимцами семьи и, надо сказать, довольно беспокойными. Скачки считались разновидностью спорта и развлечением, но в путь верхом на лошадях пускались редко и практически не использовали этих животных для перевозки тяжестей или полевых работ. В Долине

Портрет Миби

лошадей было немного, а тяжеловозов не было вовсе. Лошадей выбирали не столько за силу и покорность, сколько за «ум и красоту». Летние игры непременно включали скачки на лошадях и показательные выступления наездников, которые продолжались в разных городах Долины еще месяца два после окончания праздника. Лошади, особенно жеребцы, считались животными таинственными, сакральными, неспособными на хитрость и вообще в высшей степени достойными. Жеребец был культовым символом мужчин Дома Обсидиана, хотя разводили и воспитывали коней главным образом представители Дома Змеевика, ответственного за Танец Лета. Во время Летних игр мужчины ездили верхом на кобылах, а женщины — на жеребцах. Белые, черные или пегие жеребцы считались сакральными животными для Дома Обсидиана, однако самыми дорогими были рыжие и чалые. Кони в Долине редко вырастали выше полутора метров в холке, были они довольно хрупкими, тонкокостными, с коротким туловищем. Они хорошо проходили короткие дистанции и имели склонность к полноте. Родившихся вне плана жеребят не убивали, а отводили вниз по реке на заливные луга к западу от устья Реки На, где их выпускали на волю и они присоединялись к диким табунам. Табуны эти всегда жили на

берегах Океана и Внутреннего Моря — в Стране Лошадей. Лошади в них были в большинстве своем коренастые, низкорослые. Время от времени юноши из Общества Благородного Лавра или мужчины из Дома Обсидиана отправлялись в увлекательное и приятное священное путешествие в Страну Лошадей, чтобы поймать одно или два животных и пополнить свежей кровью небольшие табуны в Долине. Больше всего лошадей было у представителей Дома Змеевика в Чукулмасе. А в городах нижней части Долины лошадей обычно совсем не было.

Зато во всех городах имелись ослы. Как и коровы, ослы считались членами семьи. Они трудились вместе с людьми, перевозя тяжести, вспахивая поля и выполняя всю ту работу, которая и положена ослам. Инвалиды часто передвигались в специальных тележках, в которые были запряжены ослики. Ослята бегали на свободе вместе с кошками, собаками и детьми. В Долине была распространена порода типичного рабочего ослика, тонконогого, серого мышиного цвета и с черным крестом на плечах. Голоса их были поистине ужасны. Ослы-самцы, будучи известными забияками и задирами, паслись вместе с бычками на Лугу Пениса.

Мулов, как и лошадей, разводили в основном жители Чукулмаса. Маленький мул, производное кобылы и осла, или лошак, рожденный от жеребца и ослицы, использовались порой для верховой езды и для игры в ветулу, некий вариант поло; мулы работали и в упряжке, перевозя тяжести или вспахивая поля. Поезд на рельсовой дороге, например, тащили главным образом мулы. Их уважали за ум и преданность, а кроме того, это и чисто внешне были очень симпатичные животные, однако поскольку для мула требуется почти столько же места и корма, как для лошади, то в городах Долины по большей части основным и надежным помощником человека в его трудах и заботах оставался ослик.

СВИНЫ

Свиней в Долине специально не выращивали, возможно, в результате культурной дифференциации с народом Теудем, то есть Народом Свиней — шестью-семью небольшими скотоводческими племенами, обитавшими на довольно обширной территории в горных районах Долины Реки На, а также в долинах Одун и Яньян. Жители Долины охотно обменивали у Народа Свиней свои товары на свиные шкуры, однако страдали всеми теми предрассудками, которые свойственны оседлым племенам в отношении соседей-кочевников, а потому считали, что Народ Свиней недалек от истины, когда называет себя Детьми Великой Свиноматки.

СОБАКИ

Каких только собак в Долине не было! В городах для них особой работы не находилось, поэтому горожане строго следили за тем, чтобы они не спаривались как попало, поскольку щенки должны были быть либо приручены, либо уничтожены, дабы избежать разрастания стай диких и одичавших собак. Большую часть кобелей кастрировали, и основной функцией прирученной домашней собаки была охрана дома от диких собак: ирония судьбы и весьма несчастливой судьбы, но, к счастью, у собак чувство иронии разvито слабо. Дикие собаки представляли собой вполне реальную угрозу для людей и животных, как домашних, так и диких; они существовали «семейными» стаями, в которых было от двух до шести особей, а также стаями из одних только кобелей, состоявших из пятнадцати—двадцати псов, способных загнать и растерзать любое живое существо. Детей, которые отправлялись пасти скот, собирать ягоды или грибы, специально учили немедленно забираться на ближайшее дерево, как только они увидят или хотя бы услышат диких собак, и в лес дети, по возможности, уходили всегда в сопровождении, по крайней мере, одной домашней собаки, а часто — и целой свиты собак, ласково виляющих хвостами своим малолетним хозяевам и вечно что-то вынюхивающих.

Дикие собаки обычно были животными мускулистыми и довольно крупными; одомашненные — как правило, гораздо мельче, однако тоже достаточно сильные и крепкие. За чистотой породы никто не гнался, однако наиболее популярными были: *хечи* — крепкая, покрытая очень густой шерстью, немного похожая на чау-чау сторожевая собака, очень умная и серьезная, с острыми ушками и пышным хвостом, обычно красно-коричневого или рыжего окраса; *дуи* — длинноногая, с курчавой серой или черной шерстью, отличная пастушья собака с высокими стоячими ушами над умным лбом и довольно мрачным, восприимчивым нравом; а также *оу* или гончая — короткошерстная, вислоухая, очень общительная, ленивая, занятная как клоун и чрезвычайно сообразительная. Гончим собакам было разрешено собираться в стаи на охотничьей стороне горы, однако охотники все время внимательнейшим образом следили за тем, чтобы они не начали «крутить романы» с дикими псами. С гончими охотились только на оленей и некрупную дичь; а для охоты на диких собак, кабана или медведя предпочитали *хечи*. Собаки были настоящими любимцами своих хозяев, однако в дом их пускали редко; собаки слонялись между домами и находились главным образом под присмотром детей, которым вменялось в обязанность оберегать собак от опасностей, поджидавших их в городе, в то время как собаки обязаны были

оберегать детей от опасностей, грозивших им в лесу. Так что любого человека, подходившего к городу со стороны его Левой Руки, обычно встречало некое подобие площадки молодняка, где щенята и дети играли вместе совершенно свободно.

КОШКИ

Кошки, как более чистоплотные животные, пользовались в городах Долины полной свободой. Домашней кошке обычно разрешалось жить в доме на правах члена семьи и главного ловца мышей. Кошки в Долине по большей части короткошерстные, самых разнообразных окрасов и оттенков, хотя наиболее популярны черные и пестрые. Поскольку именно кошки — наилучшие союзники человека в борьбе против мышей и крыс в домах, амбарами и на полях, им было позволено размножаться совершенно свободно; если вставала проблема «перепроизводства» котят, то их разрешалось уносить на «охотничью» сторону горы, чтобы они сами устраивали там свою жизнь как могли. Поэтому леса в окрестностях городов были полны одичавших кошек, а также — совершенно диких котов (которые в два-три раза крупнее обычных), причем те и другие вечно соревновались с лисицами и койотами в борьбе за добычу — древесных крыс, бесчисленных полевок и белоногих мышей. Истории насчет гигантских диких котов — иссиня-черных или пестрых монстров, в существовании которых клянутся чем угодно, — ни разу не были подтверждены ни одним заслуживающим доверия очевидцем. Всегда это оказывался «некто не из нашего города», который «собственными глазами» видел, как такой огромный и страшный кот крался к его клеткам с курами.

МЕЛКАЯ ЖИВНОСТЬ И ПТИЦА

Кур всегда держали ради яиц, мяса и просто за компанию; в маленьких городах Долины клетки и вольеры для кур были понаставлены повсюду между домами, где есть свободное место, тогда как в больших городах все-таки старались держать птицу (вместе с ее запахом) где-нибудь подальше от дома и поближе к хозяйственным постройкам. Однако и в больших городах нет-нет да и встречалась посреди городской площади курица-несушка. Каждый город разводил свою, особенную породу кур и защищал свои права на ее разведение. В Синшане и Мадидину еще очень любили разводить химпи, маленьких, похожих на морских свинок зверьков с пестрой шкуркой; здесь их разводили на мясо, однако же во всех других местах химпи держали главным образом для забавы, что ставило Синшан и Мадидину в моральном отношении несколько ниже остальных городов Долины. Иногда еще в хозяйстве держали

пушистых одомашненных кроликов, которых кормили особыми травами, — мясо у них было более нежное, чем у диких, но любой кролик всегда считался чем-то вроде игрушки, и разведение их воспринималось как нечто несерьезное, вроде забавы для детей или дурачков. В Долине порой весьма активно занимались разведением голубей, гусей и уток, создавая большие стаи этих наполовину одомашненных птиц, а порой эта практика почему-то совсем сходила на нет; поэтому птицы эти считались то обитателями Первого Дома, как и все домашние животные, то — Второго, как все дикие и предназначенные для охоты. Однако же, поскольку ни голуби, ни гуси, ни утки так и не были окончательно приручены, а, собираясь в гигантские стаи, делили леса, поля и водные источ-

ники Долины с ее обитателями-людьми, и поскольку они не живут постоянно на земле, то их и сочли в итоге не принадлежащими ни к одному из Пяти Земных Домов, но скорее к Небу и Дикому Краю. Из-за этой путаницы и двойственного своего положения дикий гусь и сизый голубь стали излюбленным поэтическим образом души, переходящей из Дома в Дом, скитающейся между Небом и Землей, между бодрствованием и сном, между жизнью и смертью. Гигантские миграции гусей, когда Река На превращалась «в реку хлопающих крыльев и теней от этих крыльев», а также бесконечные стаи гусей, пролетавшие в небесах, стали расхожей метафорой перемен и начала новой жизни. Дикий гусь, утка и лебедь часто изображались в виде стилизованного рисунка хейий-иф, как и летящая в небесах гусиная стая; крики пролетающих гусей, громкое хлопанье их крыльев, особенно когда они летят против ветра, часто использовались в музыке.

ЛЮБИМЦЫ СЕМЬИ

Слово «комменсал» можно было бы здесь использовать для того, чтобы избежать унизительного, «хозяйского» тона, который слышится в выражениях «любимец семьи, забава, баловень», а еще потому, что оно больше соответствует слову кеш, которое употребляется в Долине по отношению к тем, кто живет вместе, одной семьей.

С точки зрения нашего общества, обладающего целой индустрией разведения и умерщвления домашних животных, все домашние или прирученные животные в Долине являлись именно «любимцами семьи», однако же справедливость нашей точки зрения весьма сомнительна. Так или иначе, но в Долине дети и взрослые именно « проживали вместе» с самыми различными зверьками, не считая полезных домашних животных: они сосуществовали с мышами, древесными крысами, дикими хомячками (которые на самом деле были настоящей чумой для зерновых полей), сверчками, жабами, лягушками, жуками-оленями и так далее. Крупных питонов и удавов в доме обычно не держали, однако их весьма почитали, охотно устраивая им специальное жилище где-нибудь под домом или под амбаром, потому что они отпугивали гремучих змей. Такое редкое животное, как енот-полоскун, приручалось очень легко и часто становилось любимым и священным обитателем хейимас Синей Глины. Детенышей крупных диких животных, на которых разрешалась охота, а также диких птиц и рыб никогда не приручали и не превращали в «любимцев семьи». Если охотник по ошибке убивал олениху с новорожденными детенышами, он убивал и детенышей, а потом проходил очистительный обряд в

Общество Охотников, чтобы снять с себя вину за это убийство. Олень может позволить убить себя и быть съеденным, но только не прирученным. Олени живут во Втором Доме Жизни вместе с людьми — а не в Первом Доме, где обитают все домашние животные. Убедить или заставить их жить в чужом Доме было бы несправедливостью или даже извращением.

ДОМ ОБСИДИАНА

По представлениям народа Кеш, домашние животные сами согласились жить и умирать вместе с людьми в Первом Доме Жизни. Тайны взаимозависимости людей и животных и их сотрудничества, а также таинство принесения жертвы были в основе всех животных ритуалов Дома Обсидиана. Подобные же ритуалы и представления были характерны и для Общества Крови. Это Общество, в которое вступают все девушки, достигшие половой зрелости, и к которому принадлежат практически все женщины, находится под покровительством Дома Обсидиана: «Все женщины живут в Первом Доме». Подобная идентификация женщин и животных проникла глубоко в сексуальные и интеллектуальные представления членов Общества Крови (и если в нашей культуре, где доминирует мужчина, подобная идентификация использовалась бы для уничижения, то у народа Кеш это воспринималось с точностью до наоборот). Ритуалы и правила поведения в Обществе Крови как бы «вздыхаются» неофитом, то есть передаются устно, а не записываются; однако многие из женских песен, посвященных Танцам Луны и Травы выросли из этих законов и правил, как и огромное множество мистических, сатирических и эротических стихотворений — к несчастью, как и большая часть подобной «метафизической» поэзии, они почти не поддаются переводу, — в которых использованы соответствующие символы и тематика: овца, молоко, кровавое жертвоприношение, оргазм как судорога смерти, бременность как возрождение и тайна согласия животных и человека.

2. Животные Дома Синей Глины

Согласно мировоззрению жителей Долины, все дикие животные — это Небесный Народ, живущий в Четырех Домах Смерти, Сна, Дикой Природы и Вечности; однако те, кто позволяет охотиться на себя, кто отвечает на песнь охотника и выходит навстречу его стреле или вступает в его ловушку, уже дали согласие

перейти во Второй из Домов Земли, в Дом Синей Глины, чтобы умереть. Они приняли смертность в знак священного жертвоприношения.

Обретая смертность, конкретный олень, например, физически, материально становился родственным всем людям и всем живым существам на земле; тогда как «оленя сущность» или Суть Олена метафизически родственна или скорее соотносима с человеческой душой и вечной вселенной Бытия. Это различие между индивидуумом и его видом является основополагающим в мышлении обитателей Долины и даже в синтаксисе их языка.

Большая часть диких животных проводит свою жизнь в Диком Краю: земляная белка, древесная крыса, барсук, кролик, дикий кот, певчие птицы, канюки, жабы, жуки, мухи и все остальные, какими бы знакомыми, любимыми или ненавистными они ни были, никогда не живут в одном Доме Жизни с человеческими существами. И отношения их между собой определяются в основном тем, кто кого ест. Те, кого мы не едим, или же те, кто ест нас, не могут быть с нами в тех же отношениях, что и те, кого едим мы.

На северо-западной стене хейимас Синей Глины нарисована фигурка оленя, на юго-западной стене — кролика, на потолке, возле люка, ведущего на крышу, у самой лестницы — перепелка. Они — хранители этого Дома.

Только на оленей, кроликов и диких свиней взрослые люди вели регулярную охоту ради добычи мяса, шерсти и шкур, а также ради контроля над их численностью. Все эти животные были весьма многочисленны в данном районе, и в отдельные годы так размножались, что приносили большой вред фермерам, садоводам и виноградарям. Свиньи были особенно свирепыми и упорными соперниками людей в сборе желудей, весьма ценного пищевого продукта. К тому же дикие свиньи весьма опасны, и потому охота на них всегда считалась справедливой.

И еще на один вид животных можно было охотиться без зазрения совести: на диких быков и коров. Такие стада порой сбегали в Долину по заросшим травой склонам западных холмов, со стороны Внутреннего Моря, и охотники дружно брались за дело — главным образом, правда, в поисках приключений и ради спортивного интереса, ибо у жителей Долины мясо диких быков особой любовью не пользовалось. Его обычно заготавливали впрок, как оленину — главным образом, вялили, нарезав длинными ломтями.

Стая диких собак представляли собой исключительную опасность как для людей, так и для домашних животных, и, когда такая стая появлялась в ближних отрогах гор, ее старательно выслеживали и истребляли. Обычно для этого высыпалась специальная группа из Общества Охотников. Но вообще одичавшие собаки

животными, на которых ведется охота, не считались. Как и медведи. Медведь, Танцовщик Дождя, Брат Смерти, считался Хранителем своего Дома, Шестого. Однако же если вдруг один какой-то медведь начинал проявлять признаки «безумия» или же считался «заблудившимся», слоняясь вблизи пастбищ и возделанных полей, рядом с жилищами людей, мешая им жить и воруя у них пищу, особенно когда они переселялись в летние хижины, тогда прилюдно сообщалось, что возникла необходимость «войти в Дом Синей Глины», начать на этого конкретного медведя охоту, убить его и съесть его мясо.

Что же касается птиц, то перепелка всегда считалась законной дичью и на нее охота была разрешена. Перепелка была излюбленным персонажем в легендах, преданиях и песнях Дома Синей Глины, но в действительности лишь малые дети порой охотились на перепелок, хотя в некоторых семьях перепелок держали в клетках, как кур, и специально откармливали, а потом забивали, или ели перепелиные яйца. Куропатка и фазан особенно ценились из-за своего оперения. Дикая утка, дикий гусь и некоторые разновидности голубей постоянно гнездились в Долине Реки На и мигрировали вдоль Реки огромными стаями, особенно в болотистых районах ее устья. На них охотились, ставили силки, а также успешно их одомашнивали (см. «Животные Дома Обсидиана»).

Пресноводная рыба в Реке На и в ручьях была мелкой и не слишком вкусной, но все же ценилась, как и всякая пища, как и речные раки, как и лягушки, и все эти животные считались обитателями Второго Дома. Морскую же рыбу чаще выменивали или покупали, а не ловили сами, ибо мало кто из жителей Долины решался отправиться за рыбой на лодке да еще по морю. Члены Общества Рыболовов из нижней части Долины иногда собирали съедобные ракушки на океанских пляжах, однако «красные приливы» Тихого Океана и остаточная не совсем понятная зараженность самих океанских вод делала употребление в пищу этих моллюсков весьма рискованным занятием.

Считалось, что рыбы относятся к мужчинам с предубеждением. Существовала даже поговорка: «Для нее я поднимаюсь на поверхность, от него я прячусь». Так что рыбная ловля в самой Великой Реке и ее притоках по большей части велась старухами с помощью лески, рыболовного крючка и ручной сетки.

Правила, касавшиеся охотничьего оружия, в Обществе Охотников были строги: ружья можно было использовать при охоте на медведей, диких собак и кабанов; в остальных случаях использовались луки и стрелы, силки, различные ловушки, а также рогатки и пращи. Охота называлась «тихим искусством».

Охота, которая велась ради добычи мяса и шкур, изначально считалась занятием детским. Всем ребятишкам и подросткам из Общества Благородного Лавра разрешалось охотиться на кроликов, опоссумов, белок, диких химпи и прочую мелкую дичь, а также на оленей, и за успехи на этом поприще их весьма хвалили. Однако им было запрещено охотиться на бурундука (разносчика бубонной чумы), и только самые старшие из подростков получали ружья и разрешение присоединиться к охоте на истребление, которую взрослые вели на диких собак или диких свиней. Когда девочки становились взрослыми и вступали в Общество Крови, они охотиться переставали совсем. Женщинам, жившим в удаленных летних хижинах, или отшельницам, которых называли «лесными жительницами», можно было порой подстрелить или поймать в ловушку кролика или оленя — пропитания ради, но то были крайне редкие исключения. Мужчина, который слишком много времени уделял охоте после выхода из Общества Благородного Лавра и достижения брачного возраста, воспринимался как человек инфантильный и неумелый. И вообще, охота считалась не совсем достойным взрослого человека занятием.

Все охотники были в ответе перед Обществом Охотников и находились под его неусыпным и строгим надзором. Если какой-то охотник — мальчишка или взрослый мужчина — не обмывал и не освежевывал как следует свою добычу, не распределял мясо по правилам, не передавал шкуру тем, кому следует, и т. д., ему неизменно читалась строгая нотация или его могли даже высмеять, поставить в крайне неловкое положение, как незнайку. Если охотник убивал чересчур много или без достаточных оснований — например, не имея особой надобности в пище, в шкуре или шерсти — ему грозила репутация «ненормального», «психованного», «сумашедшего» или «пропащего» человека, подобная той, какую приобретает опасный для людей медведь. Общество Охотников применяло серьезные меры воздействия к тем, кто преступал перечисленные этические ограничения.

В то же время, поскольку определенная доля позора из-за такого занятия, как охота, все же ложилась на каждого взрослого мужчину, охотники находили утешение, вознаграждение за свои подвиги и полное понимание только в Обществе Охотников, а также, если охотник был из Дома Синей Глины, в своей хейимас. Ибо там связь, определяемая Домом для охотника и его жертвы, не считалась позорной, но, напротив, воспринималась как священная.

Перепелка и Олень прославлялись неоднократно как в поэзии, так и в песнях и танцах, а также в скульптурных произведениях, создаваемых мастерами из Дома Синей Глины, и воспринимались людьми как гораздо более близкие существа, чем любые другие

животные; их любили даже больше домашних и прирученных животных. То были совсем иные, более интимные отношения. Животные, являвшие собой объект для охоты, служили как бы соединительным звеном между Дикой Природой и человеческой душой; и охотник — а именно в этом он был как бы чуть менее человеком, чем все остальные люди, — был вместе с тем животным, которое он убил, одновременно и виновником, и жертвой в некоем поистине таинственном действе соединения и согласия. Понимание священного как опасного, святого как проступка или греха отражено в Танце Зверей, исполняемом представителями Дома Синей Глины, а также в некоторых охотничих песнях.

Стены этого Дома
из синей глины,
глины, смешанной с водой,
глины, смешанной с кровью,
с кровью кролика,
с кровью оленя.

Бьется, бьется
этот родник,
красен, красен
этот родник.
Красен он, красен,
и бьется он, бьется.

Выпей из него,
с него начни,
Женщина этого Дома,
с него начни, о, Олениха!

Я дам тебе свою стрелу, свой нож, свой разум,
свои руки,
Ты дашь мне плоть свою, и кровь, и шкуру, и
свои копыта.
Ты жизнь моя. Я твоя смерть.
Мы вместе пьем из родника, что красен.

(Другие примеры охотничьих и рыболовных песен можно найти в главе «Как умирают в Долине».)

СИСТЕМА РОДСТВА

В Долине существовало четыре вида родства:

Обитатели одного Дома: пять больших групп, объединявших все живые существа Долины в Дома Обсидиана, Синей Глины, Змеевика, Красного Кирпича и Желтого Кирпича. Родственники по Дому обозначались словом *маан*.

Кровные родственники, носившие название *чан*.

Люди, связанные родством по браку (свойственники), *гийямоудан*.

Люди, считающие себя родственниками по собственному выбору (побратимы), *гоестун*.

Взаимосвязь всех четырех видов родства могла быть чрезвычайно сложна; однако жители Долины никуда не торопились и при желании всегда могли расставить всех своих родственников по порядку.

РОДСТВО ПО ДОМУ

В число родственников по Дому входили не только люди, но и все иные существа, обитавшие в нем: так, основными обитателями Дома Обсидиана считались домашние животные и Луна; обитателями Дома Синей Глины — те животные, на которых разрешалось охотиться, а также все источники пресной воды; обитателями Дома Змеевика — камни и большая часть диких растений; обитателями Домов Красного и Желтого Кирпичей — земля и все культурные растения. Если человек способен назвать оливу своей «пради-тельницей» или овцу — «сестрой», если он может обратиться к

полю в пол-акра величиной, распаханному под кукурузу, как к своему «брату», то его мировосприятие легче всего классифицировать как «примитивное» или «символическое». У народа Кеш, напротив, человек, не способный понять и принять подобную систему родства, считался неспособным понять природу истинного родства, пребывающим на крайне низком уровне умственного развития и страдающим суевериями и предрассудками.

Семейные группы людей в каждом из Пяти Домов строились, если пользоваться терминами антропологического жаргона, по принципу матрилинейности и экзогамности: происхождение считалось по материнской линии, а браки между представителями одного Дома были запрещены.

Мать вашей матери всегда принадлежала к тому же Дому, что и вы сами; к нему мог принадлежать и отец вашего отца; тогда как ваш отец, его мать и отец вашей матери не могли принадлежать к одному Дому с вами. Мужчина не мог иметь детей из своего Дома. Дети женщины принадлежали к одному с нею Дому, но дети мужчины — нет, как не были бы в одном Доме с ним и его внуки от родной дочери, хотя внуки от его родного сына могли оказаться с ним в одном Доме. Эти два типа родства переплетались, не столько противореча друг другу, сколько усложняя и обогащая друг друга.

КРОВНОЕ РОДСТВО

Дом, семья, *мараи* — это прежде всего мать и ее дочери, затем их мужья и дети, а также неженатые сыновья или другие родственники матери, живущие с ней в одном доме и выполняющие в большой семье функции неких экономических единиц.

Когда такая семья становилась слишком большой, одна из дочерей могла выделиться из нее вместе со своим мужем и детьми и занять совершенно отдельный дом или часть дома, создав отдельную семью; после этого отношения между двумя семьями покончились главным образом на их принадлежности к одному и тому же Дому. Однако и привязанность к кровным родственникам тоже сохранялась, а различные обязательства, связанные с кровными узами, исполнялись и воспринимались весьма серьезно. Со стороны матери это обеспечивало как бы двойную связь; со стороны отца легко могло превратиться в двойные кандалы.

Кровное родство описывалось с помощью нескольких уточняющих терминов. Вот наиболее распространенные из них:

матер: *мамоу*

отец: *бата, та, там*

бабушка: *хома*

мать матери: *ама*

мать отца: *матвама*

дедушка: *хомат*

отец матери: *мавта*

отец отца: *тавта*

дочь: *соу*

сын: *дуча*

внук или внучка: *шепин*

брать или сестра: *кош*

сестра: *кекош* (дочь моей матери или дочь обоих моих родителей)

брать: *такош* (сын моей матери или сын обоих моих родителей)

сводная сестра: *хвиккош* (дочь моего отца, но не моей матери)

сводный брат: *хвиккоша* (сын моего отца, но не моей матери)

тетя (сестра моей матери): *мади* или *амасоу*

тетя (сестра моего отца): *такекош*

дядя (брать моей матери): *матаи*

дядя (брать моего отца): *татакош*

(Для двоюродной бабушки и т. п. используется корневое слово *хо* со значением «старый», в этом случае выполняющее функции префикса к исходным словам.)

племянница (дочь моей сестры): *мадисоу*

племянница (дочь моего брата; а также дочь сестры или брата моего мужа): *кетро*

племянник (сын моей сестры): *мадиду*

племянник (сын моего брата; а также сын сестры или брата моего мужа): *кетра*

двоюродный брат или сестра (по материнской линии или по линии Дома): *мачеди*

двоюродный брат или сестра (по отцовской линии или из другого Дома): *чоуд*

Существуют и другие термины, несколько различные в Нижней и Верхней Долине, которые применяют для определения особенно сложных родственных отношений, возникающих в результате второго или третьего брака. Термины родства по Дому, не смешанного с кровным родством, образуются путем прибавления префикса *ма-* (и иногда притяжательного прилагательного) к соответствующему термину: *маривдуча* — сын моего Дома; *макекош* —

сестра по Дому, и так далее. Термины как кровного родства, так и родства по Дому постоянно используются в приветствиях и при выражении особой нежности и привязанности.

РОДСТВО ПО БРАКУ

Семьи Кеш селятся по матрилокальному принципу: считается, что будущие супруги обязаны хотя бы некоторое время прожить в доме матери невесты (что порой приводит к тому, что оттуда выселяют других родственников). Правило это не столь сурово, и довольно часто молодая пара заводит свое собственное хозяйство в другом доме или даже в другом городе, если этого требует, например, их работа. Кеш считают, что у их семей корни такие же прочные, как у деревьев и холмов, однако, по моим наблюдениям, на самом деле многие из них, став взрослыми, неоднократно переселяются из одного города в другой.

Если брак распадается, женщина может остаться в доме своей матери или вернуться туда из дома, где жила с мужем, но рассматривать это как правило ни в коем случае нельзя. Разведенnyй мужчина практически всегда отправляется обратно в семью своей матери и живет там «как сын» (*хандуча*). Дети разведенных родителей обычно остаются с матерью, но если отец выражает горячее желание оставить их при себе, а мать равнодушна, то отец может продолжать жить в доме своей тещи, растить там детей и воспитывать их.

Словами *гиймоуд* (семейный человек), *гийюдо* (жена), *гийюда* (муж) называют тех, кто публично заключил брак во время Свадебной Церемонии на ежегодном Танце Вселенной. Для тех, кто просто живет вместе, не заключая брака, используется корневое слово *хаи* со значением «сейчас», «в настоящее время», добавляемое к нужному термину: *хаиби* — букв. «дорогая(ой) в настоящее время», то есть «временный супруг»; *дучахаи* — «сын в настоящее время», то есть «временный зять», и так далее. Признается и гомосексуальный брак, при этом гомосексуальные супруги обозначаются особыми терминами — *ханаше* и *ханкеше*, то есть «живущие как мужчины» или «как женщины». Не существует никакого названия для бывших супругов, а также никаких эквивалентов нашим понятиям «холостяк» и «старая дева». Термины родства по браку, как и термины кровного родства и родства по Дому, были весьма в ходу и часто употреблялись в разговоре; обращаясь к своему свойственнику можно было назвать его «муж моей тетки» — *мадив гийюда*, или «жена моего брата» — *такошиб гийюдо*, или просто *гиймоудан*, то есть «свойственник».

РОДСТВО ПО ВЫБОРУ

Двое людей порой решаются взять на себя обязанности и привилегии родства, считающегося более близким, чем даже родство по Дому или по крови. Наиболее распространенным примером этого является усыновление или удочерение: осиротевший ребенок сразу становился *гоестун* и всегда внутри своего Дома. Младенец, разумеется, не способен что-либо выбирать в подобном случае, однако более взрослый ребенок не только может, но и имеет на это право, и порой дети, даже не являющиеся сиротами, просят, чтобы их сделали *гоестун* в совсем другой семье (но опять же только внутри своего собственного Дома). Родственниками по выбору обычно становятся друзья одного пола, которые хотят подтвердить и закрепить этим свою дружбу, которую воспринимают как кровное родство; иногда и разнополые друзья из одного Дома предпринимают попытку стать *гоестун*, чтобы доказать свою любовь и привязанность друг к другу, но, с другой стороны, тем самым еще более усилить запрет, налагаемый на инцест. Отношение общества к подобному типу родства — самое серьезное, а нарушение налагаемых этим родством обязательств воспринимается как самое низкое предательство.

В истории, рассказанной Говорящим Камнем, тот человек, которого она называет своим «побочным» дедушкой (*амхатам*), и был как раз *магоестун* или «дедушка-дублер», вошедший в семью по собственному выбору. Таких родственников-дублеров Дом обеспечивал тем, кому их не хватало. В данном случае героине явно нужен был хоть один родственник-мужчина в семье, поскольку дяди со стороны матери у нее не было, а родственников по отцовской линии она даже не знала. Именно потому старый человек из ее Дома Синей Глины попросил возложить подобную ответственность на него.

Считались инцестом и были запрещены половые отношения со всеми перечисленными ниже лицами:

с родственниками по Дому,
со всеми свойственниками твоих кровных родственников,
с твоим *гоестун*.

Также запрещены были половые отношения между следующими кровными родственниками: родитель/ребенок; дед/внук; брат/сестра; дядя(тетя)/ племянник (племянница); двоюродный дед (бабка)/ внучатный племянник (племянница). Брак между двоюродными братьями и сестрами был разрешен только по отцовской линии, но если дядя по линии отца женился на женщине из твоего

СИСТЕМА РОДСТВА

«ПРАМАТЕРИ»

Основные родственники мужчины

БАБУШКА

дедушка

ТЕТЬ

ДЯДЯ

КУЗЕНЫ

кузены

МАТЬ

(дети матери или отца с матерью)

БРАТ

СЕСТРА

МУЖЧИНА

+
невестка

+
шурин

отец

(дети отца)

сводная
сестра

свободный
брать

племянники,
племянницы

племянники,
племянницы

дочь

сын

зять

дочь дочери

сын дочери

дочь сына

невестка

правнуки

правнуки

правнуки

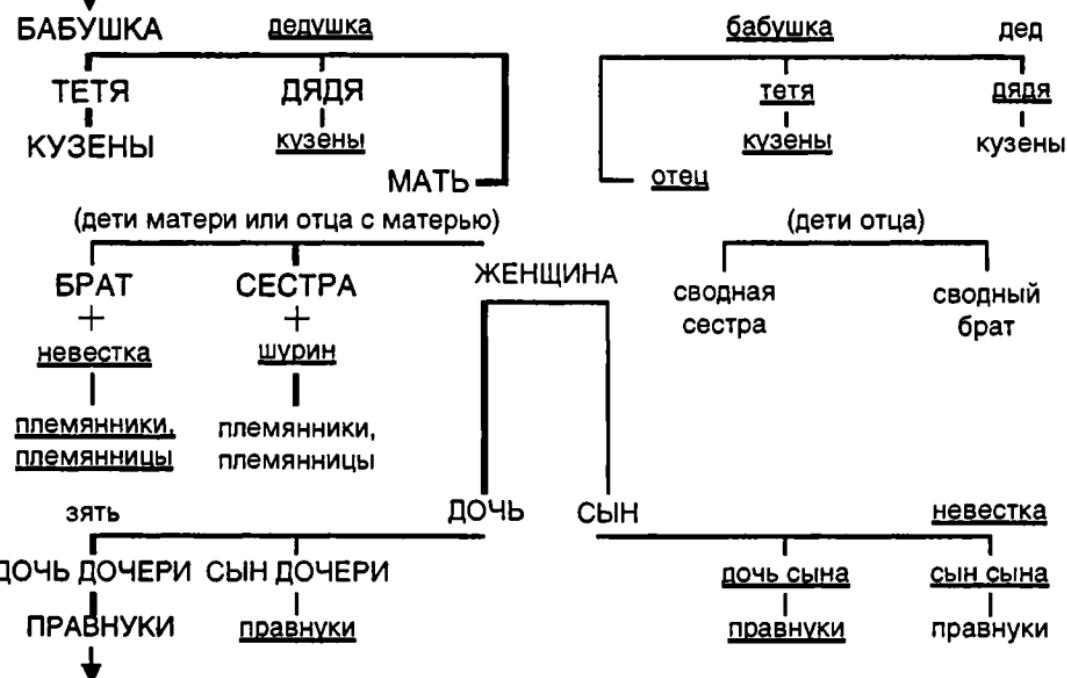
сын отца

Родня, обязательно входящая в Дом мужчины, выделена ПРОПИСНЫМИ буквами;

родня, обязательно относящаяся к другому Дому, подчеркнута.

Основные родственники женщины

«ПРАМАТЕРИ»

Родня, обязательно входящая в Дом женщины, выделена ПРОПИСНЫМИ буквами; родня, обязательно относящаяся к другому Дому, подчеркнута.

Дома, то его дети становились твоими родственниками по Дому, и брак между ними и тобой, таким образом, был недопустим. Дети твоей тетки с материнской стороны были, разумеется, из одного с тобой Дома; дети твоего дяди по матери не считались, правда, твоими родственниками по Дому, однако подобные браки обычно не заключались: «Слишком они близки к своим матерям», говорили в таких случаях. Браки между троюродными и четверо-родными братьями и сестрами запрещались, только если они были родственниками по Дому.

Кеш не приводят никаких причин или оправданий для наложения подобных запретов на перечисленные выше браки, считавшиеся инцестом, — ни религиозных, ни генетических, ни социальных, ни этических. Они просто говорят: «Таковы правила поведения настоящих людей».

ОБЩЕСТВА, СОЮЗЫ, ЦЕХИ

*Тёрн из Синшана отвечает на вопросы
Пандоры*

ПАНДОРА:

— Видимо, мне никогда не понять, что это значит, когда, как ты говоришь, какое-то Общество находится *внутри* одного из Пяти Земных Домов.

ТЁРН:

— Ну, это просто означает, что собрания членов данного Общества происходят в хейимас того или иного Дома. Например, Общество Сажальщиков всегда собирается в хейимас Красного или Желтого Кирпича. Или же, если представителям данного Общества что-то нужно, то они просят об этом тот Дом, к которому принадлежат. Например, Целители часто используют песни, принадлежащие Дому Змеевика.

ПАНДОРА:

— Значит, вовсе необязательно родиться в каком-то конкретном Доме, чтобы стать членом того или иного Общества?

ТЁРН:

— Нет. Ведь все женщины, как ты знаешь, вступают в Общество Крови, верно? И при этом совершенно не важно, в Доме Обсидиана они родились или нет. И многие мужчины тоже — даже если они и не из Дома Синей Глины, — все равно вступают в Общество Охотников. Да и практически все у нас являются членами Общества Сажальщиков. Хотя особые Танцы Сажальщиков исполняют главным образом представители Домов Красного и Желтого Кирпичей. Единственное Общество, куда принимают представителей только одного Дома, — это, по-моему, Общество Соли. Туда принимают только людей из Дома Синей Глины. И у Общества этого только одна задача — заботиться о соляных озерах в устье Реки На и каждый год совершать Путешествие за Солью, а также — помнить и исполнять свои священные песни. Ты когда-нибудь видела соляные озера? Молодые озера ярко-красного цвета из-за кишащих там креветок, а более старые — бирюзовые от заполонивших их морских водорослей, и мне, например, всегда было ужасно интересно, как это в таких цветных озерах соль получается в итоге совершенно белой.

ПАНДОРА:

— Я надеюсь, что в скором времени попаду туда. А теперь скажи, как это некоторые Общества оказались под покровительством Небесных Домов и почему у них нет никаких хейимас, где можно было бы встречаться?

ТЁРН:

— У таких Обществ тоже есть свои специальные дома для встреч, только их строят в условленных местах. Например, Общество Земляничного Дерева имеет в своем распоряжении здание Архива и Библиотеку, а дом, принадлежащий Обществу Черного Кирпича всегда стоит на охотничьей стороне горы. Этим же домом, кстати, могут пользоваться и члены Общества Искателей, и мальчики из Общества Благородного Лавра, особенно в сезон дождей. Им вообще-то полагается собираться под открытым небом на охотничьей стороне, где-нибудь на поляне; однако, когда идет дождь,

они всегда отправляются в подземный дом, построенный членами Общества Черного Кирпича.

ПАНДОРА:

— Ну а Союзы — это то же самое, что Общества?

ТЁРН:

— Хм, не совсем. Во-первых, они поменьше. И обычно их возглавляют представители того Дома, с которым они непосредственно связаны. Однако в Союзы разрешено вступать и представителям других Домов. За исключением мужских Союзов Клоунов. Кровавые Клоуны, как тебе известно — всегда женщины, причем из любого Дома, не только из Дома Обсидиана. А вот Белые Клоуны — всегда только мужчины и всегда только из Дома Обсидиана, и Зеленые Клоуны — это мужчины из Домов Красного и Желтого Кирпича.

ПАНДОРА:

— Но как же человек становится Клоуном?

ТЁРН:

— Можно научиться. Учатся тайком у тех, кто уже стал Клоуном. Иногда на это требуется очень много времени.

ПАНДОРА:

— А чем занимаются Союзы?

ТЁРН:

— Люди в Союзах поют особые песни и учатся. У каждого из Союзов свои песни, свои правила жизни, свои дары людям.

ПАНДОРА:

— Они там... учатся все вместе? (На своем английском я бы скорее спросила: «Эти Союзы являются школами?»)

ТЁРН:

— Некоторые из них учат тайным знаниям. Но вот Союз Дуба, например, весьма сильно отличается от всех остальных, в нем очень много людей, и он сотрудничает с Цехом Книжников, и с Обществом Земляничного Дерева, и с библиотеками всех хейимас. Союз Дуба действительно скорее похож на Цех, объединяющий Мастеров, чем на Союз — там учат читать, писать, переплекать книги, делать чернила, копировать тексты и печатать их — в общем, всем премуд-

ростям и умениям, которые связаны с письменным словом.

ПАНДОРА:

— Ну а Цехи, насколько тесно они связаны с Пятью Домами?

ТЁРН:

— Я даже как следует и не знаю, как оно должно быть по-настоящему. У нас, в Синшане, женщины чаще всего присоединяются к тому из Цехов, который принадлежит их Дому, а вот мужчины — необязательно. Ну а в больших городах, насколько я заметила, этого не делают и женщины. Представители того или иного Цеха обычно не проводят своих собраний в хейимас, а встречаются прямо в мастерских. Но если что-то не так, ну там, вовремя не сделана какая-то работа или она сделана плохо, тогда уж Дом берет на себя ответственность за то, чтобы все было сделано как следует. И член любого Цеха может прийти в Дом, к которому этот Цех относится, за помощью, если у него возникают какие-то сложности или неприятности. Одной из причин, по которой профессия мельника считается опасной, является то, что у Цеха Мельников нет своего Земного Дома — они находятся под покровительством Небесных Домов. Так что если Мельник совершает дурной поступок, все на него безумно злятся, и ему даже порой кров над головой получить невозможно, так у нас говорится.

СХЕМА ОБЩЕСТВ, СОЮЗОВ И ЦЕХОВ

Пять Земных Домов:

Первый ОБСИДИАНА	Второй СИНЕЙ ГЛИНЫ	Третий ЗМЕЕВИКА	Четвертый ЖЕЛТОГО КИРПИЧА	Пятый КРАСНОГО КИРПИЧА
Об-во Крови (жен) (риту- альное и обще- ственное)	Об-во Охотников (муж) Об-во Рыболовов (жен/муж) Об-во Соли (жен/муж)	Об-во Целителей (жен/муж) (медицинское и ритуальное)	Об-во Сажалышников (жен/муж) (сельскохозяйственное и ритуальное)	
Союз Кровавых Клоунов (жен) Союз Белых Клоунов (муж) Союз Ягнят (жен) (культовый)		Союз Дуба (жен/муж) (письменность, книги)	Союз Зеленых Клоунов (муж) Союз Оливы (муж)	
Цех Стеклоду- зов: оконные стекла, сосуды, инст- рументы Цех Дубиль- щиков: забой скота, кожевенное промыш. Цех Ткачей: прядение, тка- чество, окраска, вязание	Цех Гончаров: посуда, чесцница, трубы Цех Воды: колоды, орошение сточные воды, хранение воды	Цех Книжни- ков: бумага, черни- ла, переплеты, краски	Цех Дерева: плотицко дело, архи- тектура Цех Бараба- нов: музыкальные инструменты	Цех Виноделов: виноградарст- во, виноделие Цех Кузнецов: добыча руды, металлургия, детали, инструменты, проволока

Общества, принадлежащие ко всем Пяти Земным Домам:

Об-во Благородного Лавра

(мальчики-подростки: разведка, занятия атлетикой, охрана границ, охота) (ритуальное и
общественное)

Об-во Искателей

(муж/жен) (исследования и торговля за пределами Долины)

Четыре Небесных Дома:

Шестой ДОЖДЯ	Седьмой ОБЛАКА	Восьмой ВЕТРА	Девятый ВОЗДУХА
-----------------	-------------------	------------------	--------------------

Об-во Черного Кирпича (жен/муж)
(Подземный дом вне города. Похоронный и погребальный ритуалы.)
Об-во Земляничного Дерева (жен/муж) (архивы, записи, история)

		Союз Шиповника (культовый)	Союз Крота (культовый)
Танцоры Внутреннего Солнца (муж/жен)			

Цех Мельников:

ветряные мельницы, водяные мельницы, турбины, источники электроэнергии, моторы, солнечные батареи, освещение, отопление, холодильные установки

ЧТО НОСЯТ В ДОЛИНЕ

Дома младенцев обычно заворачивают в пеленку или любой кусок мягкой ткани; на улице — в сухой сезон — они лежат голышом. Вообще же малыши носят одежду только для защиты от обжигающих лучей полдневного солнца или, наоборот, от холода. То же, что они носят только «для красоты», можно назвать одеждой весьма условно: порой это что-нибудь, вырезанное или выкроенное из старой одежды, старого постельного белья или просто из чего попало.

Дети постарше — в годы «чистой воды» и «пускания ростков» — обычно надевают нечто, прикрывающее срамные места, вроде килта или коротенькой юбки. Как раз тогда они и начинают мечтать о «взрослой» одежде; но если они надевают ее чересчур рано, то их высмеивают сверстники, осуждают дома и в хейимас.

Достигнув половой зрелости, юноша или девушка проходит в своей хейимас особую церемонию, дома же устраивается настоящий праздник; он или она получает набор новой, совершенно иной одежды. Юноши с этих пор носят тяжелый килт до колен из белой телячьей кожи, или из белого хлопка, или из темной шерсти, и белую хлопчатобумажную рубашку (крой ее напоминает панджабскую «курту», иногда с воротником-стойкой и манжетами на рукавах). В холодное время они могут также надевать чулки и сандалии, а там, где местность достаточно каменистая, — грубые кожаные башмаки. Девушки носят примерно такой же килт или же юбку в сборку чуть выше щиколотки из некрашеной кремовой, серой или темной шерсти, блузку или рубаху навыпуск из белого хлопка и чулки, а также — сандалии или башмаки, как и юноши. И те, и другие могут дополнить свой костюм довольно узкой, сшитой по фигуре курткой. Куртки и шали, а также вязаные свитеры в холодную погоду носить не возбраняется никому, и они могут быть любого фасона, но обязательно из некрашеного материала или шерсти. Для изготовления одежды людей, «живущих на побережье», никакими красителями не пользуются. Такую одежду шьют и вяжут особенно аккуратно и тщательно, из лучших материалов, причем часто ее изготавливают сами будущие хозяева, которым, безусловно, хочется, чтобы у них все было в полном порядке. Некоторая однотонность придает их одежде определенную суровую элегантность; молодые люди, «живущие на побережье», сразу видны в любой толпе.

После того как у них появляется сексуальный партнер — то есть они «ходят в глубь страны», — молодые женщины и мужчины часто продолжают носить килты и рубахи времен своего «жития на побережье», однако красят их или украшают чем-то пестрым.

Что же касается «национального костюма» жителей Долины, то описать его довольно трудно, потому что он весьма различен в зависимости от времени, места и погоды. Безусловно, там существует и понятие стиля, и понятие моды; настенные рисунки изображают людей в одеждах самого различного кроя, значительно отличающихся от тех, которые носят сейчас. Как для женщин, так и для мужчин полагается нижняя рубашка, затем надевается длинная с рукавами верхняя рубаха, которую носят как подпоясанной, так и свободной; различные килты и довольно свободные штаны также являются излюбленным видом одежды; женщины иногда еще носят сборчатые юбки. Нижнее белье нужно прежде всего для тепла. Обнаженными взрослые на улицах городов обычно не появляются, исключение составляют мужчины во время Танца Луны, однако все плавают голышом в огромных прудах и водохранилищах, а у себя дома и в уединенных летних хижинах люди старшего возраста частенько ходят голышом целыми днями. Куртки для холодной погоды обычно изготавливаются из овчины и парусины; однако, когда люди Долины работают под открытым небом в дождливый сезон, то чаще раздеваются, чем одеваются, ибо, согласно их теории, «своя кожа высыхает быстрее».

Танцевальные костюмы и костюмы для различных праздников, весьма консервативного стиля, часто поражают своей красотой. Наиболее характерной деталью праздничного, предназначенного для какой-либо церемонии костюма служит жилет-безрукавка. Спускаясь в свою хейимас, чтобы попеть со всеми вместе, или просто пообщаться, или кого-то чему-то поучить, или самому поучиться, или зачем-то еще, люди обычно надевают короткий, изящного кроя жилет без пуговиц и с красивой вышивкой. Такие жилеты специально приберегаются в семьях для подобных случаев или же хранятся в хейимас; и мужчины, танцующие Танец Луны, а также все те, кто участвует в Танцах Лета, Вина и Травы, надевают удивительно красивые жилеты, причем некоторые из них передаются из поколения в поколение в течение многих десятков лет.

Основными материалами для изготовления одежды служат шерсть, хлопок, льняное полотно и кожа.

Всю шерсть получают от разводимых в Долине овец. Высоко ценится шерсть из Чумо, которую там же и прядут.

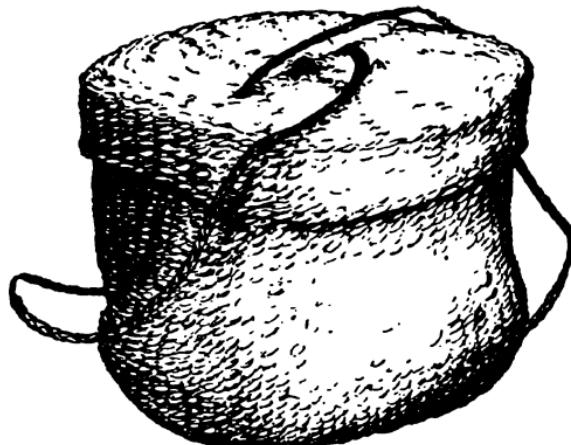
Хлопок выращивается в Долине лишь кое-где, большую часть его доставляют с южных берегов Внутреннего Моря. Каждый год поездом, по рельсовой дороге в порт Сед отправляются бочонки с вином, а там их грузят на суда и везут на обмен в страну Хлопка (см. главу «Сбора с народом Хлопка»).

Лен выращивают как в самой Долине, так и на северных склонах Горы-Прародительницы, в районе Чистого Озера. Лен служит

также продуктом обмена — как и вино, оливки, оливковое масло, лимоны и изделия из стекла, которые перевозят по рельсовой дороге или в обычных повозках и выночных тюках.

Кожи все местного производства; в ход идут шкуры коров, лошадей, овец, коз, оленей и даже кроликов, кротов, химп и прочих мелких зверьков. Выделяются и шкурки некоторых птиц — из них шьются одежды для особо торжественных церемоний; платья из перьев, а также жилеты и плащи из них представляют собой драгоценные произведения искусства и обычно преподносятся в дар хейимас. Технология обработки кож находится на очень высоком уровне, и самые разнообразные кожи используются для пошива одежды, обуви и прочих нужд.

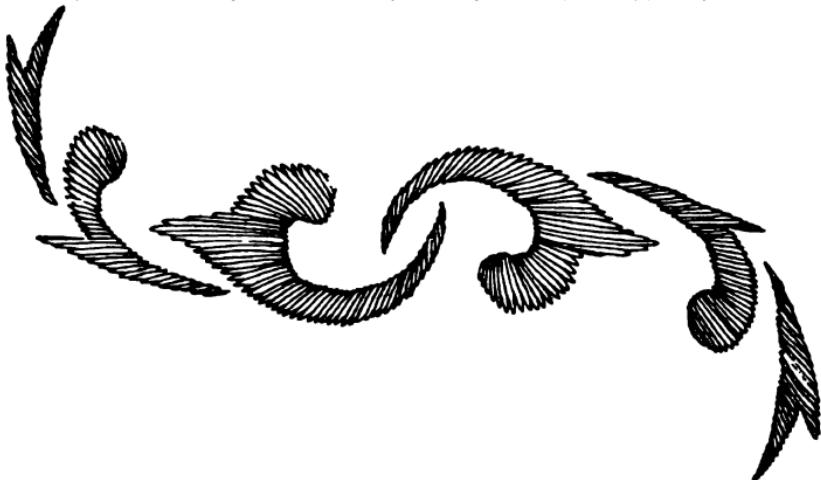
Естественные волокна обрабатываются в местных мастерских под управлением Мастеров из Цеха Ткачей. Любой человек может принести в мастерскую шерсть от принадлежащих его семье овец или какое-то количество выращенного на своем поле льна или хлопка, чтобы все это там очистить, прочесать и покрасить; он может заниматься этим сам или объединиться с кем-то, или же сдать шерсть, лен или хлопок прямо в Цех Ткачей, чтобы они сделали все, что нужно. Прядут по большей части на механических станках в специальных мастерских, а крупные куски ткани или очень широкие полотна — на особо мощных машинах изготавливают профессиональные ткачи. Однако самую тонкую материю, предназначенную для торжественных случаев, ткут дома, на ручном ткацком станке, а нити для нее прядут с помощью веретена. Шерсть — самый распространенный материал для праздничных и ритуальных изделий; в Чумо и Чукулмасе из шерсти ткут дивные ковры. Из шерсти вяжут все члены семьи — как женщины, так и

мужчины — чулки, шали и прочие вещи. Грубая полушерстяная ткань (смесь шерсти со льном) — излюбленный материал для юбок, килтов и штанов. Смесь хлопка со льном тоже часто используется — для изготовления летней одежды, как тканой, так и вязаной. Наилучшим материалом для повседневной одежды считается хлопок, и технология его обработки очень высока, даже изысканна; из хлопка делают все — от массивных холстов до мягких вязаных носильных вещей и тонких как паутина газовых тканей, которые «пропускают даже лунный свет».

Цех Дубильщиков осуществляет надзор за мясниками, а также в его ведении находятся все этапы обработки кож и производство кожаных изделий — выскабливание и дубление, изготовление упряжи и башмаков, украшений и предметов мебели, пошив кожаной одежды и т. д., а Цех Ткачей осуществляет подготовку и производство тканей из естественных волокон, включая их очистку, расчесывание, окраску и прядение нитей, затем — само изготовление тканей, включая ткачество и машинную вязку, а также пошив некоторых готовых изделий, производство простыней, одеял, ковров и так далее. В Долине все это всегда заготавливается в достаточном количестве и бережно складируется. Являясь важными элементами экономики каждого города и Долины в целом, оба эти Цеха работают в тесном взаимодействии.

Дубильни всегда размещены от города на некотором расстоянии, так же как и бойни, а в мастерские Цеха Ткачей поставляется готовая кожа, и ее превращают в обувь и одежду. Дубильщики и Ткачи, а также Портные — это, как правило, солидные, зажиточ-

ные, уважаемые люди, которые в течение многих поколений живут в одних и тех же домах и считают себя (не без самодовольства) истинными столпами общества.

ЧТО ОНИ ЕДЯТ

В языке кеш не существует слова «голод».

В рамках нашей культуры охота и собираательство считаются чем-то вспомогательным, несопоставимым с земледелием; когда люди выучиваются пасти скот и возделывать землю, они, как правило, перестают заниматься охотой и собираательством. Народ Кеш этому правилу не подчинился.

Охота у них действительно весьма мало значит для пополнения общественных запасов пищи; по большей части охотой занимаются и саму пойманную дичь съедают дети. (Возникает вопрос, могла ли охота вообще когда-либо считаться основным источником питания человека — за исключением тех мест на земном шаре, где не было иных доступных способов получить нужное количество столь необходимых человеческому организму белков? Чертесчур активное восхваление и завышенная оценка охоты, особенно в мужской среде, тоже наложили определенный отпечаток на восприятие ее практической ценности в хозяйстве, так что «мужчина-охотник» всегда красуется в роли романтического героя, тогда как роль женщины, главной добытчицы и хранительницы очага, за счет которой и существует этот замечательный мужчина, кажется незаметной.) Как и у нас, охота у народа Кеш — это некая смесь спорта, религии, самоограничения и потакания своим слабостям. Однако на деле основной источник продуктов питания для жителей Долины — это собираательство. Они собирают дикие плоды, желуди, зелень, дикие овощи, коренья, лекарственные травы, ягоды и множество различных видов семян (сбор некоторых из них требует огромного терпения), и занимаются этим не время от времени в зависимости от собственного желания и настроения, но методически, каждый год в соответствующий сезон отправляясь к издавна принадлежащим той или иной семье деревьям, на городские луга, где созрели травы, полные семян, или же в заросли камыши и тростника. Вопрос «почему?» может, вполне естественно, быть парирован вопросом «а почему бы и нет?» Естественные запасы пищи в Долине весьма разнообразны и богаты, людям нравится ее вкус и качество; и, поскольку слишком большие семьи заводить там не принято, как не принято делать и слишком большие личные запасы продуктов, а к любому соперничеству в плане

собирательства относятся просто негативно, не возникает особой необходимости или каких-либо иных причин отказываться от собирательства и полностью переключаться на земледелие. Существенным фактором, возможно, является и общая численность Кеш в Долине, а также прирост населения — как бы их ни рассматривать: как причину или как следствие. Мысль о создании на той или иной территории большого города — прямой «противоположности» фермерским хозяйствам — даже не приходит в голову до тех пор или пока вся земля активно используется под угодья. Взрывы в природе любого вида живых существ всегда зависят от избытка продуктов питания; распаханные поля кончаются там, где начинаются улицы города. Кеш живут как бы наполовину в городе, а наполовину — среди дикой природы. У них нет улиц, и их «фермы» скорее, по нашим меркам, похожи на сады или огорода.

Содержатся эти сады и огорода, надо сказать, далеко не в лучшем виде — слишком уж много разных людей работает там, да еще и земля обрабатывается с помощью животных, а не машин, так что возделанные участки (за исключением крупных виноградников в центральной части Долины) обычно небольшие и разномастные. И очень редко имеют одного хозяина. Зато сажают и сеют на них великое множество самых разных злаков и овощей, что, в общем, довольно удивительно для народа, стремящегося сохранить свои культурные навыки «в чистоте» и сопротивляющегося всяческим заимствованиям. Например, кукурузу (маис) можно назвать их наиглавнейшей зерновой культурой, но они также собирают желуди, выращивают пшеницу, ячмень и овес, а еще выменивают у других народов рис. Рис и ячмень чаще всего используются очищенными от шелухи, но недробленными; другие зерновые культуры обрабатывают по-разному: делают крупу, муку крупного и мелкого помола, из крупы варят кашу, из муки делают тесто как

дрожжевое, так и пресное, и так далее — это дает огромное разнообразие мучных изделий и крупяных блюд, всяческих каш, различных видов хлеба и пирогов.

Итак, народ Кеш находит или выращивает для себя хлеб на сущий там, где и как ему это удобно. К приготовлению пищи и трапезам эти люди относятся с интересом, уважением и удовольствием. Кеш отнюдь не худосочный народ. Обладая некрупным скелетом, они склонны скорее к полноте, чем к худобе.

Пища — не тот предмет, который позволяет рассуждать о себе абстрактно; а потому представляется более разумным привести далее несколько рецептов наиболее популярных в Долине блюд.

«ЛИРИВ МЕТАДИ»: суккоташ с зеленой кукурузой и фасолью

Вымойте примерно две чашки мелкой красной фасоли «метади» (она очень напоминает мексиканскую) и варите до полной готовности (примерно два часа) с половинкой луковицы, тремя-четырьмя зубчиками чеснока и лавровым листом.

Слегка отварите чашки полторы чуть поджаренной кукурузы, пока она не станет мягкой, и подсушите ее (если же вы используете свежие молодые початки, то просто нарежьте их кружочками, не отваривая).

С полчаса поварите горсть сухих черных грибов, а потом оставьте их полежать в горячем отваре.

Подготовив все эти продукты, смешайте их затем:

с соком и мякотью лимона или же с консервированной мякотью тамаринда;

с одной луковицей, мелко нарезанной и поджаренной в масле вместе с мелко нарезанным чесноком и ложкой тмина;

с одним большим сладким перцем или же с одним маленьким жгучим зеленым перчиком (но только не с молотым перцем), очищенным от семян и мелко нарезанным;

с тремя-четырьмя помидорами, очищенными от кожуры и крупно нарезанными;

добавьте, в зависимости от сезона, душицу, чабер садовый и еще лимонной мякоти по вкусу;

добавьте еще сущеного красного чили, если любите, чтобы было поострее.

Чтобы соус стал более густым и вкусным, добавьте еще шарик сущеной томатной пасты (в наших условиях это примерно равно двум-трем столовым ложкам томатной пасты). Если в данный мо-

мент не сезон для свежих помидоров, то количество томатной пасты нужно удвоить или утроить.

Все это вместе нужно тушить еще примерно час.

Подавать с мелко нарезанным репчатым луком и кислым соусом или с «чатни», острой пряной приправой из зеленых помидоров, а также для аромата можно добавить свежую или сушеную зелень кoriандра.

Это блюдо, «слишком тяжелое для риса» в качестве гарнира, едят с кукурузным хлебом или с кукурузными лепешками, а можно и с лепешками тортильяс.

«ХОТУКО», «Старая несушка»: обед из риса с цыпленком

Возьмите крупную, старую, жесткую курицу и варите ее с розмарином, лавровым листом и небольшим количеством вина до готовности. (Поскольку в наших условиях добыть старую, большую и жесткую курицу сложно, то сварите маленькую, молоденькую, но тоже жесткую.) Охладите и снимите мясо с костей.

Отлейте часть бульона, чтобы сварить в нем рис; а в оставшемся — еще поварите куски куриного мяса, чтобы бульон стал по-вкуснее, и потом еще от пяти до пятнадцати минут варите в нем почти до полной готовности любые из следующих ингредиентов:

горсть очищенных от кожицы цельных миндальных ядрышек;

нарезанные кусочками сельдерей, морковь, редис, желтый или зеленый кабачок, лук и т. д.;

немного шпината, китайской капусты или другой зелени;

грибы, свежие или сушеные, целиком.

Затем добавьте нарезанное куриное мясо, порубленную петрушку и свежий кoriандр или сухой порошок кoriандра, а также мелко нарезанный зеленый лук; в зависимости от сезона можно добавить зерна тмина, кoriандра, немного красного перца, соль и лимон. Дайте блюду постоять часов двенадцать, чтобы выделились соки и ингредиенты «привыкли друг к другу».

Перед подачей на стол слегка подогрейте и подавайте со сваренным в курином бульоне рисом.

С этим блюдом хороши также любые (или все) из следующих продуктов:

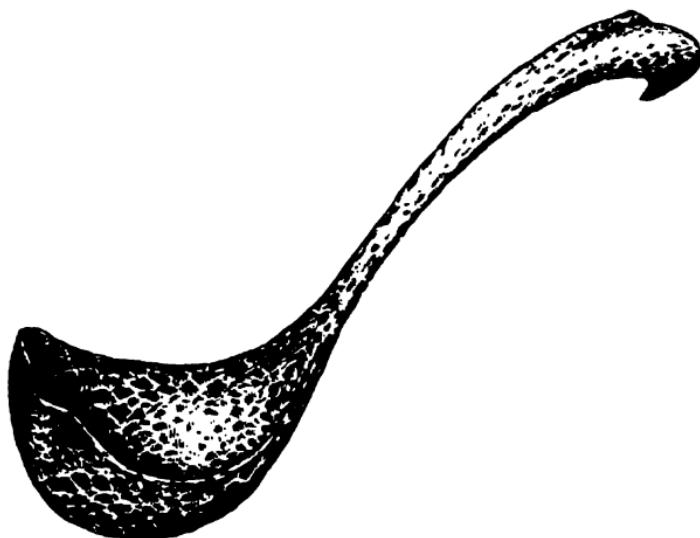
мелко нарезанные крутые яйца;

поджаренные семечки трав;

мелко нарезанная свежая зелень кoriандра;

зеленый лук;
соус из зеленых помидоров «чатни» или пикули;
«чатни» из жгучего красного перца или пикули из перца;
черносмородиновое желе;
сушеная коринка или мелко нарезанный изюм.
Все это нужно расставить в маленьких мисочках вокруг большой миски с основным блюдом.

Рис чаще всего поставляли в Долину жители долины Болотной Реки. Рис был довольно мелкий, невысокого качества и сильно слипался при варке. Гораздо больше ценился длинный рис, который народы Долины выменивали на свои лучшие вина на южных и восточных берегах Внутреннего Моря.

«ПРАГАСИВ ФАС»: летний суп

В жаркую погоду, наевшись бараньего жаркого, хорошо отведать летнего супа.

Смешайте кусок масла (примерно с яичный желток) со столовой ложкой кукурузной муки и с одним яичным желтком, все это тщательно разотрите, чтобы получилась довольно густая паста. Охладите и снова разотрите, добавив примерно чашку йогурта и две чашки холодного бараньего бульона (сваренного в основном из костей и тщательно очищенного от жира). Добавьте по вкусу

сок лимона и/или сухого белого вина. Подавайте, посыпав мелко порубленными листиками мяты.

(Для приготовления горячего супа добавьте заранее сваренный ячмень и все вместе разогрейте на медленном огне, а вместо мяты посыпьте мелко нарезанной петрушкой или кервелем.)

«ДУР М ДРЕВИ», «Красное и зеленое»: овощной обед

Очистите один большой баклажан или несколько маленьких, нарежьте ломтиками «толщиной примерно с палец». Сбрызните ломтики лимонным соком, посыпьте грубой солью и дайте им постоять, пока подготовите все остальное:

нарежьте ломтиками кабачок-цуккини среднего размера (неочищенный) и ломтики тоже сбрызните лимонным соком;

взьмите пучок петрушки и отрежьте стебельки;

мелко порубите два зубчика чеснока;

взьмите две горсти свежих грибов — любые из «благородных».

Сделайте соус из двух зубчиков чеснока, тщательно растерпых в ступке или раздавленных в прессе, примерно двух столовых ложек хорошего оливкового масла и небольшого количества красного перца — все это нужно растереть с двумя чашками йогурта до получения однородной массы.

Быстро обжарьте на сильном огне и на каком-нибудь более легком растительном масле ломтики цуккини, чтобы они зарумянились с обеих сторон; сложите их стопкой на одном конце блюда.

В совсем небольшом количестве масла быстро подрумяните баклажаны, чтобы они стали яркого, красно-коричневого оттенка, и сложите их стопкой на другом конце блюда. Поджарьте, все время помешивая, грибы с чесноком и петрушкой — жарить нужно со всем недолго, петрушка должна лишь увянуть — и выложите их на середину блюда. Сразу же подавайте на стол с картошкой, вареной «в мундире». Соус, приготовленный из йогурта, хорош как для цуккини с баклажанами, так и для картофеля, так что щедро полейте им все или, если так больше нравится, макайте еду в него.

С этим блюдом очень вкусны нарезанные ломтиками помидоры и черные оливки.

«BOBBOH», «Дубовые яйца»

Очень интересно сравнить блюда из желудей с блюдами из кукурузы и пшеничной муки. Прежде чем начинать готовить, учтите, что блюда из кукурузы и пшеницы в среднем содержат 1-2% жиров, 10% белков и 75% углеводов. Блюда из желудей в среднем содержат 21% жиров, 5% белков и 60% углеводов. Блюда из желудей некогда были весьма популярны у автохтонного населения всего этого региона Америки, однако позднее желуди были почему-то отвергнуты и позабыты новыми поселенцами, людьми другой культуры, под тем предлогом, что желудями кормят только свиней.

Кеш сажают дубы и в самих городах, и вокруг них, и считают их «плодовыми деревьями», собирая желуди повсеместно. В Долине растет очень много дубов всевозможных видов, и в обычный год желудей созревает куда больше, чем нужно людям. Кеш предпочитают желуди с больших Долинных дубов и с дубов коричневых. Сбор желудей и их очистка производятся сообща, под наблюдением кого-то из Дома Змеевика, хотя, разумеется, та семья, которая хочет сделать для себя отдельный запас, может заниматься этим и самостоятельно. После сортировки и очистки желуди мелют с помощью специальных «желудевых жерновов». Выделяющееся при этом масло используется в различных целях. Смолотая мука, разных видов помола, вымачивается путем погружения то в холодную, то в горячую воду в течение нескольких часов или даже нескольких дней, в зависимости от содержания в желудях танинов (фенольных соединений) и желаемого вкуса. Затем желудевая мука обычно слегка поджаривается или подсушивается, прежде чем отправиться в кладовую или непосредственно перед употреблени-

ем. Это делается для того, чтобы «подсластить» кушанье и придать ему привкус ореха.

Суп из желудевой муки крупного помола, густой и с самыми различными добавками, служит каждодневной пищей в зимнее время во многих семьях. Его называют «думфас», коричневый суп; он также часто является первым кушаньем, которое дают младенцу, отнимая его от груди. Более густое блюдо, вроде каши, получается при более длительной варке, и его затем употребляют как поленту или вареный рис, или пекут, и получается нечто вроде тяжелого, суховатого и очень питательного хлеба. Желудевую муку также смешивают с медом и жареными семенами трав, а также — с пшеничной мукой, и потом пекут сладкое печенье и вафли. Бу-дучи довольно маслянистой, желудевая мука хранится не очень хорошо, так что обычно та, что уже пролежала больше полугода, отдается на корм скоту.

«ТИС»: мед

Кеш очень любят сладости, и близ Унмалина есть даже поля сахарной свеклы; однако выращивание и обработка этой культуры считаются чересчур трудоемкими, так что по большей части сладости изготавливают из меда. Согласно мировоззрению Кеш, пчелы, как и дичь, — уроженцы Небесных Домов, которые согласились прийти в Дома Земные и жить в тех маленьких домиках, которые для них там построили люди. Большинство пчеловодов принадлежат Дому Красного Кирпича, и этот Дом отвечает за сбор, хранение и распределение меда. «Пчелиные города», ряды ульев, весьма многочисленны, их можно увидеть повсюду на «культурной» стороне холмов, окружающих города Долины. Ульи делают из дерева, и пчеловоды пользуются переносными рамами для сотов, которые всегда можно вынуть, не разрушая самого улья и не особенно беспокоя пчел. Особенно много меда производится в городах Верхней Долины, так что там он даже используется в качестве продукта обмена с жителями севера и востока, которые, очевидно, менее упорны в пчеловодстве.

«ФАТФАТ», «Клоун-клоун»: десертное блюдо

Очистите примерно кварту зеленого крыжовника, красной смородины или брусники, смешайте с небольшим количеством плодов самбука, земляничного дерева или дикой вишни

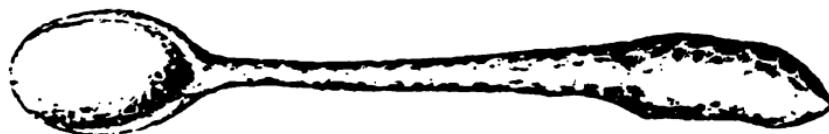
по выбору — то есть с любыми зрелыми ягодами — и осторожно перемешайте. Добавьте меда по вкусу и снова перемешайте. Добавьте, если хотите, лимонной цедры, или мелко нарезанного кумквата, или других цитрусовых. Охладите.

Пастеризуйте одну-две пинты очень густых сливок, а потом взбивайте их, пока они не остынут и не загустеют. Смешайте с фруктами.

(Пастеризованные натуральные сливки всегда очень густые, и весьма отличаются от наших, которые становятся похожи на хлопья, когда их взбиваешь; вам придется постараться раздобыть где-нибудь сливки погуще, чем мы привыкли.)

«ЛЮТЕ»: мыльный корень (амоле)

Жители Чумо жуют амоле или мыльный корень (*Chlorogalum pomeridianum*), сдабривая его капелькой меда, как лакомство. Жители остальных восьми городов используют амоле для мытья головы. Местный вариант пословицы «О вкусах не спорят» звучит примерно так: «Он моет волосы тем же, что она ест на обед».

ТРАПЕЗА И ПОВЕДЕНИЕ ЗА СТОЛОМ

Тарелки, блюда, миски, чашки, стаканы и тому подобное на столе расставляют как можно красивее и затейливее, однако стараясь использовать не слишком много посуды, потому что всю ее в конце концов приходится мыть. Для супов и прочих жидких блюд пользуются ложками из фарфора, дерева, рога и металла; другую же пищу едят руками. Не существует никаких табу или «поганых» рук; но изначально предполагается, что к столу приходят с чистыми руками. Есть можно как правой рукой, так и левой, или даже обеими сразу — но только аккуратно. Различные

виды хлебных изделий используются как «съедобные» ложки или черпачки: ими подбирают кушанья с тарелок. Мясо нарезают ломтями или кусками до подачи на стол, птицу также заранее разламывают на куски. Стол иногда накрывают скатертью, иногда же на него кладут полотняные салфетки или плетеные циновки из тростника, бамбука, камыша или просто из травы — но все это не обязательно, зато обязательно ставится миска с водой или даже две, чтобы обмывать пальцы, а в конце трапезы по рукам пускается большое полотенце.

Поскольку Кеш редко пользуются стульями, то и столы у них низкие. Люди садятся прямо на пол, вытянув ноги перед собой, подвернув их под себя, или скрестив «по-турецки»; или же рассаживаются на низенькой скамье, которая тянется вдоль двух или трех стен почти любой комнаты в доме и придвигают к себе небольшие, высотой с табуретку, столики, за которыми и едят.

Обычно бывает три трапезы в день: завтрак, состоящий часто из молока, хлеба или каши, свежих или сушеных фруктов; ленч — из остатков вчерашнего обеда или из каких-то продуктов, не требующих готовки; и обед, обычно уже после захода солнца, зимой, естественно, раньше, а летом значительно позже. Однако Кеш предпочитают, проголодавшись, есть понемногу, а не набивать себе живот большим количеством пищи, особенно перед сном. К тому же еда всегда имеется в достаточном количестве и под рукой. Поскольку в семье ни на ком конкретно не лежит обязанность готовить еду каждый день, то никому не дарована и привилегия раздавать пищу или отказывать в ней. И, наконец, последнее: у Кеш чрезмерное обжорство считается неприличным и даже постыдным, однако желание просто поесть удовлетворить можно всегда и вполне незаметно — у них вообще принято понемногу, но часто перекусывать. Как я уже говорила раньше, эти люди худосочностью не отличаются.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ НАРОДА КЕШ

Инструменты для профессиональных музыкантов или те, что используются исключительно в ритуальных целях изготавливаются Цехом Барабанов, находящемся в ведении Дома Желтого Кирпича.

ХОУМБУТА

Хоумбута, или большой рог, используется при исполнении как развлекательной, так и сакральной музыки. Особен-но тщательно выбирают древесину — то земляничное дерево, из которого будет изготовлено семи футовое коническое «тело» инструмента, и каждый этап обработки деревянной заготовки, придания ей формы, нанесения резьбы и отверстий связан с основным качеством земляничного дерева: способностью аккумулировать, формировать и фокусировать звук. Мундштук, сделанный из рога оленя, должен быть «подобен лилии, впитывающей теплые солнечные лучи»; хотя в нем всего пять дюймов длины, он абсолютно пропорционален и в точности повторяет форму самого рога. Девять тонких пластинок из земляничного дерева, составляющих «тело» инструмента, плотно скреплены между собой смолой и оплетены древесными волокнами. Сам раструб, двух футов длиной, сделан из сплава золота и серебра (электрума) и присоединяется к деревянному «телу» с помощью смолы и древесных волокон.

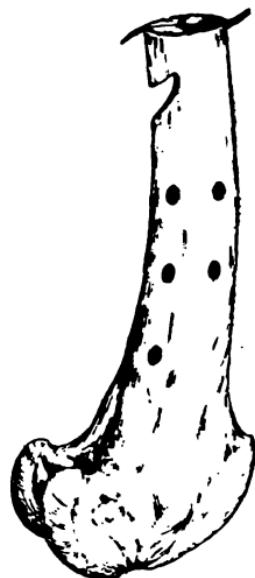
ДОУБУРЕ БИНГА

Это название, буквально означающее «много вибраций», особого инструмента, состоящего из девяти бронзовых плошек, хранящихся в ящичке, который в открытом виде служит для них подставкой. Музыкант раскладывает эти плошки по форме хейийя-иф: пять слева и четыре справа. Плошки имеют различ-ный диаметр — от четырех до одиннадцати дюймов — и их музы-

кальные тона составляют обычную октаву Кеш, в которой девять звуков. Чистота тона зависит от того, из чего сделан молоточек — из твердого дерева, из мягкого или же обернут тканью — а также, отчасти, от того, куда наносится удар и от его силы. На этом инструменте редко играют соло, обычно он используется для фонового потока звуков, который один музыкант описал как «отблеск солнечных лучей на бегущей воде, стремящейся вперед и все же поворачивающей назад...»

ЙОЙИДЕ

Этот однострунный инструмент, фута четыре в длину, спереди похож на каплю с неровными гранями. Двухфутовый гриф его покрыт красивой резьбой, а единственная струна сплетена из конских и человеческих волос, что, как считают, придает йойиде исключительно нежное звучание.

ВЕОСАИ МЕДОУД ТЕЙАХИ

Каждый ребенок народа Кеш может сделать себе какую-нибудь флейту, и в Долине самых различных разновидностей этого инструмента существует видимо-невидимо — с отверстиями на конце трубочки и сбоку, с язычками и без, деревянных и

ИВЫ

A ee-üe - eej хе-и - ѹя а
на - - ам на - ам

еe-вак-ва сур ѹе - хе - и - ѹя на - - ам на - ам
на - - ам на - ам

ви-су-ю ви-су-ю ви-су-ю
ом о - на - ам ви-су-ю

еe-хе-и - ѹя о-на-ам о-на-ам о-на-ам
сур ом ом ом

The musical score consists of four staves of music for two voices. The lyrics are written in Russian, with some words in the first and second staves ending in 'и' and 'я'. The music includes various note values and rests, with some notes connected by horizontal lines. The vocal parts are labeled 'на - ам' and 'на - ам' in the first two staves, and 'о - на - ам' and 'ви-су-ю' in the third. The fourth staff contains 'о-на-ам' and 'о-на-ам' with a circled 'о' and 'о-на-ам' with a circled 'о'.

ПЕСНЬ ПЕРЕПЕЛКИ

Фе - хо - чан ам на па - рад - тун ам на фе-хо-чан ам на
па - ра - дан ам на кайли-ку ге-ле ху ге-ле ху кайлику
ху кайли-ку ди - у ху кайли-ку ге-ле ди - у кайли-ку ху
па - рад - тун ам на фе - хо - чан ам на
па - рад - тун ам на фе-хо-чам ам на па - ра-дан ам на
кайли-ку ге-ле ху ге-ле ху кайли-ку ху кайли-ку ди - у
ху кайли-ку ге-ле ди - у кайли-ку ху па-рад-тун ам на

металлических, костяных и из мыльного камня. Костяная язычковая флейта — одна из самых удивительных: пяти или шести дюймов в длину, она сделана из бедренной кости олена или ягненка. Ряд отверстий начинается на ее более узком конце и спускается к широкому концу, затем снова поднимается вверх. Сделанные из камышового стебля язычки укреплены между держателями из ивового дерева. Звук исходит из проделанного в боку кости отверстия. Несильно нажимая на язычковый держатель, музыкант может извлекать из этой флейты удивительные микротональные звуки, а скользя пальцами по пяти дырочкам, издает странное подобие пронзительных, жалобных птичьих криков. Музыкант по имени Табит из Общества Земляничного Дерева в Ваквахе, демонстрируя нам возможности этого инструмента, сказал, что ему приходится прятать его от своей кошки, «которая все время пытается достать оттуда птичку».

ТОВАНДОУ

Эти девянострунные ударные цимбалы на самом деле представляют собой два инструмента в одном. Большой из них, в форме полумесяца, длиной около пяти футов, имеет пять струн; меньший — четыре струны и обернут к большему лицом. Оба укреплены на одной подставке из вишневого дерева. Тело инструмента, формой своей напоминающее каноэ, сделано из покрытого тонкой резьбой и отполированного благородного лавра. Самая длинная струна большей цимбалы, «струна-стержень», не имеет «кобылки»; «кобылки» из древесины греческого ореха на других струнах расположены по форме хейийя-иф. На товандоу часто играют во время танцев и различных представлений, его звуки означают, что в Долине какой-то праздник. Самые лучшие из этих инструментов хранятся в хейимас Желтого Кирпича в каждом из городов Долины; бродячие музыканты или актеры пользуются этими товандоу или же приносят товандоу с собой, но только меньшего размера.

БОУД

Каждый в Долине умеет играть на каком-нибудь барабане — наиболее популярны маленькие деревянные барабаны, поверхность которых иногда обтянута шкурой; они издают негромкий звук, когда на них отбивают ритм пальцами, или ладонью, или же обернутыми в сыромятную кожу палочками. Эти барабаны используются для аккомпанемента певцам или танцорам, для медитаций или просто когда человеку хочется подумать. Иногда на них играют сразу несколько человек. Кеш называют маленький барабан своим «другим сердцем».

Барабаны, на которых играют профессиональные музыканты, часто очень велики и сложны по конструкции. Вехособоуд, большой деревянный барабан, может иметь до девяти различных «голосов» и множество тонов, обозначенных на его верхней крышке. К нему прилагается также целый набор — по крайней мере, дюжины — различных пар палочек и молоточков из дерева. Это весьма мелодичный инструмент, обладающий чрезвычайной выразительностью звучания. Среди барабанов с эллипсовидной верхней крышкой наибольшее впечатление производят барабан для сакральных церемоний: по сути дела, это пара больших литавр (их диаметр достигает четырех-пяти футов), одна из поверхностей побольше, другая поменьше (примерно в соотношении четырех к пяти), которые соединены так, что при ударе вращаются вокруг центрального стержня, на котором довольно свободно подвешены футах в трех от земли. Это завораживающее зрителей вращение определяет и частоту ударов. Такие ритуальные инструменты, а некоторые из них очень стары, практически никогда не выносятся из хейимас; но даже во время «наземного» исполнения другими музыкантами произведений неформального характера слышен порой доносящийся из глубины хейимас глухой мощный рокот старинных барабанов.

ДАРБАГАТУШ

Это слово буквально переводится как «бьющий по рукам». Инструмент используется относительно редко, главным образом для того, чтобы обеспечить ритмичный аккомпанемент

певцу или танцору. Его устройство основано на особенностях коры некоторых разновидностей эвкалипта — она сходит с дерева полотнищами или полосами, которые, высыхая, сворачиваются в трубки. Выбирают от пяти до девяти таких ароматных трубочек фута в два длиной и связывают их в пучок стеблями трав, затем берут пучок в одну руку и ударяют им по открытой ладони другой руки, издавая приятный шелестящий, чуть трескучий звук. Если песню или танец исполняют возле огня — возле костра или в доме, возле очага — то, согласно обычая, потом дарбагатуш всегда сжигают.

Дарбагатуш

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ КАРТЫ

Жители Долины изображают на картах именно Долину. Им явно доставляет удовольствие воспроизводить на чертеже хорошо знакомые местности и объекты. Причем, чем лучше они их знают, тем больше любят их рисовать и наносить на карты.

Дети часто рисуют карты отдельных полей и холмов, окружающих их родной город, причем с невероятной подробностью — отмечая точкой каждый камень и палочкой каждое дерево.

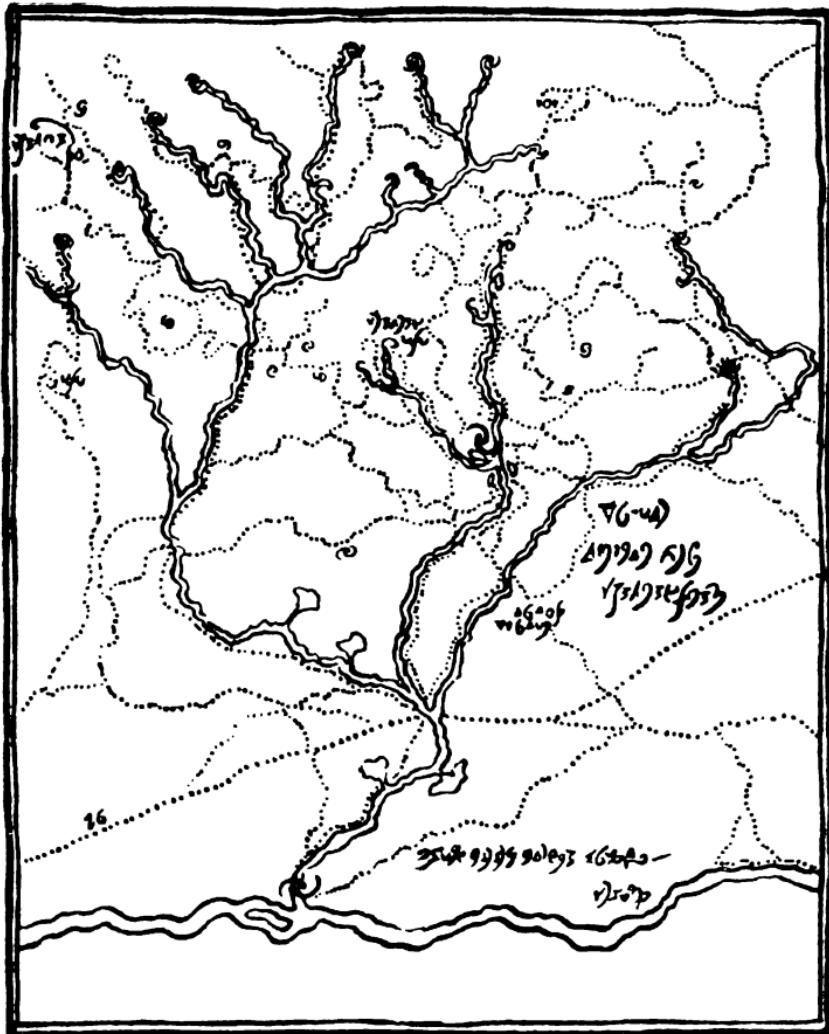
Маленькие, схематичные, не слишком точные карты Долины или ее частей берут с собой люди, отправляющиеся в путешествие вниз по Реке На, к океану, или вверх по Реке, к Ваквахе. Поскольку большая часть жителей Долины знает ее во всех деталях — от горных вершин до кротовин — в радиусе по крайней мере четырех-пяти миль от собственного дома, а длина всей Долины составляет менее тридцати миль, то такие карты служат скорее талисманами, чем пособиями.

Карты, охватывающие более крупные территории, выполнены с отменной тщательностью и учетом того, что их главная функция скорее носит эстетический или поэтический характер; тем более что достоверность и точность деталей считаются основополагающими элементами поэзии кеш.

Карты всей Долины всегда включают изображение Великой Реки На и ее притоков, а карты отдельных, внутренних ее участков в качестве оси всегда используют наиболее важную водную артерию данного города или района. Истоки такого ручья или речки всегда помещены в верхней части карты. Могут быть помечены и стороны света, определенные по компасу, однако сама карта всегда сориентирована по течению данного источника, и «низ» всегда находится внизу страницы. Подобные карты всегда обладают также неким элементом перспективы при изображении холмов и гор, однако ракурс никогда не меняется. Города и прочие созданные человеком объекты обычно помечены каким-либо символом (для городов это хеййя-иф); картографы, похоже, не любят делать на своих картах какие-либо надписи, на некоторых из них вообще нет ни одного слова, а на других — только начальные буквы или же вообще какие-то криптографические значки вместо названий городов, водных источников, гор и тому подобного. Поскольку практически все изображенное на такой карте имеет свое название, картографы, возможно из чисто практических соображений, отказываются загромождать ими свое произведение.

Общество Искателей создает и использует карты горных районов, примыкающих к Долине, а также карты местностей примерно в радиусе нескольких сотен миль от нее. Эти карты постоянно обновляются как благодаря походам исследовательских отрядов в тот или иной конкретный район, так и благодаря получаемой через ПОИ информации.

Карты всего континента, а также морей и других континентов Земли и планет Вселенной используются как учебные пособия на занятиях в Обществе Земляничного Дерева. Остальной мир не является предметом насущной заботы для большинства жителей Долины. Им довольно знать, что он существует. Так что в основном они имеют весьма смутное представление о географии Земли;

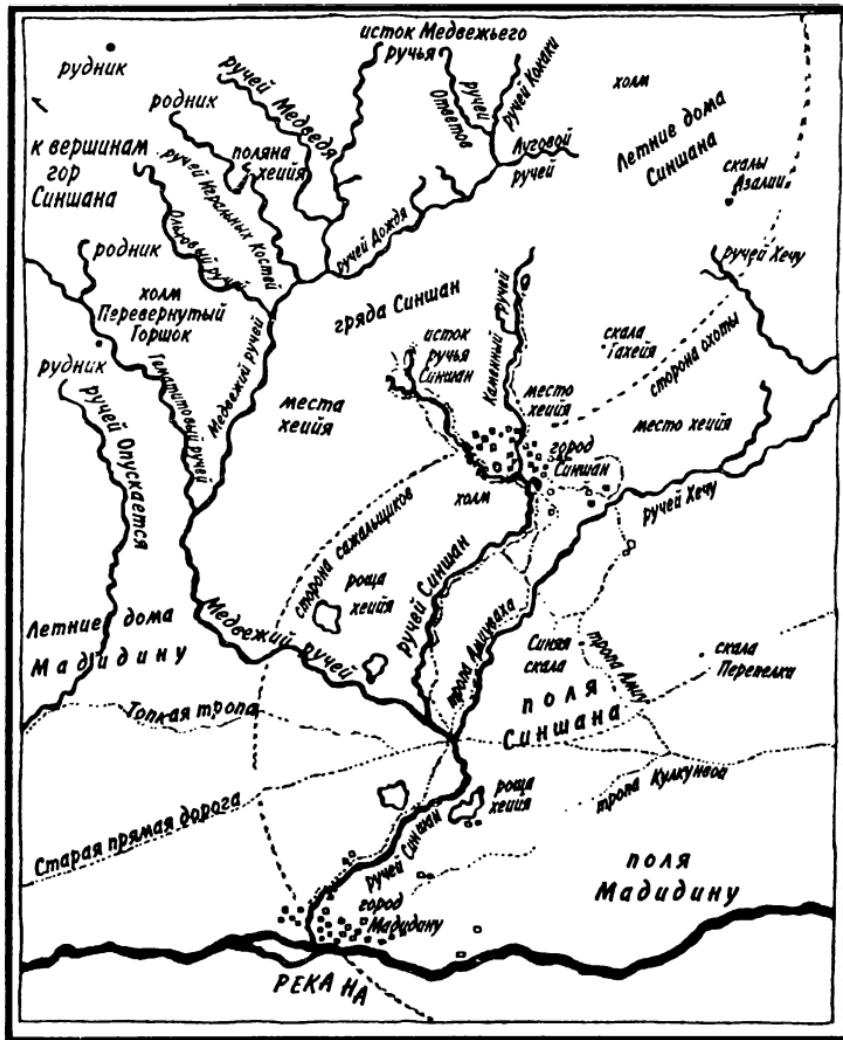

Тропы вокруг ручья Синшан

Карта бассейна ручья Синшан, подаренная издателю Маленькой Медведицей из Синшана.

На карте поименованы только гора Синшан, Синяя скала, исток ручья Синшан и некоторые другие источники и холмы.

Пометка в нижней части карты гласит: «На северо-запад пятнадцать под валуном тойон. Перед Травой». Маленькая Медведица не имеет понятия, что это может означать и говорит, что карта «давно лежит в ее доме».

Бассейн ручья Синшан

Эта карта основана на карте Синшана и Мадидину, подаренной нам Маленькой Медведицей, но более подробна.

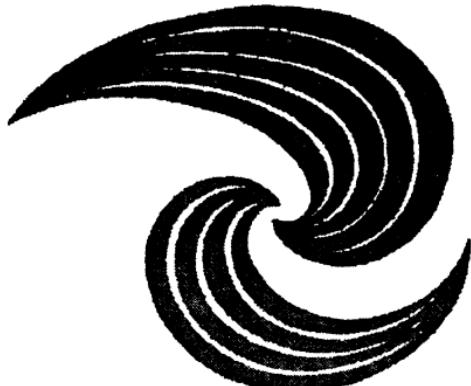
их представления о расстояниях между странами и континентами также чрезвычайно неадекватны. Для большинства из них (но не для всех), «география» ограничивается Страной Вулканов на севере и Пустынными горами на юге; Тихий океан является для них западной границей мира; а восточной — Внутреннее Море и горы Света, за которыми простирается Омурское Море и — совсем уже далеко! — Райские или Скалистые Горы. А дальше, считают они, «земли продолжаются снова до самого моря и еще дальше — ну вы же знаете... по кругу, так что потом все равно вернешься снова в Долину».

ТАНЕЦ ВСЕЛЕННОЙ

Этот Танец знаменует участие людей в созидании и разрушении, в обновлении и продолжении мира.

Когда жители Долины танцуют Танец Неба от имени всех живых существ на Земле, считается, что жители Неба в свою очередь танцуют Танец Земли. Мертвые и нерожденные танцуют на вольном ветру и в море, птицы — в воздухе, звери — в Диком Краю. («Звери танцуют не так, как мы. Нам их танцы неведомы. Они танцуют свои жизни».) Переплетающиеся спирали двух великих космических танцев — это священный образ хейдий -иф.

Танец Вселенной исполняется в «дни черной Луны», то есть в безлунные ночи после весеннего равноденствия, и продолжается трое суток до того момента, когда на закате третьего дня впервые на небе становится виден узенький серпик нарождающейся луны. За этот Танец считаются ответственными Общество Земляничного Дерева и Общество Черного Кирпича.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ТАНЦА ВСЕЛЕННОЙ

Земной Танец Вселенной начинается на рассвете, под землей, в особых подземных домах Общества Черного Кирпича, всегда находящихся за городской чертой, на «охотничьей» стороне окрестных холмов. Эти дома значительно меньше хейимас Пяти Домов, так что танцоры обычно танцуют группами, каждые несколько часов поднимаясь на поверхность, чтобы уступить место другим. Все участники Первого Дня Танца Вселенной — люди пожилые, то есть такие, «чьи дети уже имеют своих детей».

Хотя многие церемонии и называются «танцами», однако довольно долго никаких «самоценно танцев» не происходит: «танец» в подземном доме Черного Кирпича заключается в пении под руководством специально подготовленных певцов из Обществ Черного Кирпича и Земляничного Дерева. Мощные глухие раскаты большого ритуального барабана непрерывно, от зари до зари, доносятся из-под земли подобно ударам огромного сердца. Старики молча ждут своей очереди возле подземного дома, а потом, тоже молча, возвращаются к себе домой; детей специально строго предупреждают, что разговаривать с бабушками и дедушками нельзя, ибо они не ответят. Танец старых людей продолжается весь день. Они привязывают к волосам перышки птиц или же надевают шапочки из тонкой темной шерсти, на которую эти перья нашиты: такие перья не должны принадлежать домашней птице или той дичи, что была подстрелена на охоте — их все нужно найти.

Слова песен Первого Дня Танца записи не подлежат.

После заката солнца непрерывный рокот барабана смолкает, и люди начинают собираться на площади для танцев, окружённой пятью хейимас. Они приносят с собой топливо для костров — чаще всего яблоневое дерево, специально прибереженное для праздника: яблоня считается деревом, связанным со смертью.

В сумерки танцоры выходят наверх из подземного дома Черного Кирпича и устремляются на площадь для танцев. Те, кто танцует эту часть Танца, готовятся специально и заранее. Они одеты в черные, плотно облегающие тело костюмы, тугу закрепленные на запястьях и лодыжках; ноги их босы, а волосы, лицо, руки и ступни густо вымазаны белым и серым пеплом. Это члены Обществ Черного Кирпича и Земляничного Дерева и те жители города, которые попросили обучить их танцу Первого Дня. Они выходят вереницей и поют. Слова этих старинных песен часто никому не понятны, а мелодии чрезвычайно сложны и мрачны, с длительными паузами, которые усугубляют гипнотический, подавляющий эффект этого пения.

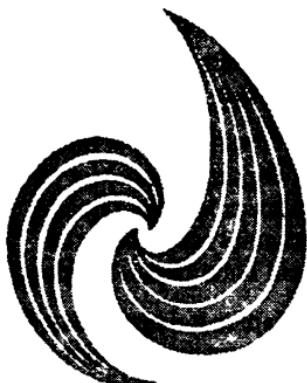
Танцоры несут незажженные факелы из яблоневого дерева, повернув их макушкой вниз. Когда все они собираются наконец на площади для танцев, с ее западной стороны появляется спикер Общества Земляничного Дерева с горящим факелом: от него все остальные участники зажигают свои факелы и, танцуя, поджигают дрова в огромном костре, заранее приготовленном посреди площади. (Если идет дождь, то над всей площадью натягивают полотняную крышу на высоких шестах; в каждой хейимас хранится подобное оборудование на случай дождя.) Костер должен гореть тоже особым образом: чтобы пламя не было слишком высоким и мощным, но достаточно жарким. Танцоры окружают костер и движутся цепочкой в несколько странных позах — колени полусогнуты, руки подняты и тоже согнуты, ладони примерно на уровне лица — и ритмично трясутся. Все остальные стоят или сидят на корточках, образовывая внешнее кольцо. Большая часть жителей города (или одной из его «рук», если это очень большой город) участвует в этой церемонии; те же, кто в прошедшем году потерял родственника или близкого друга, присутствуют там непременно.

Певцы Смерти трясутся в танце вокруг костра и все время поют, постепенно увеличивая темп и высоту тона, пока внезапно кто-то из молчавших зрителей во тьме внешнего кольца не выкрикивает громко имя какого-то человека, который умер недавно. Остальные повторяют это имя, следуя ритму Песни Смерти. Танцоры как бы «подбирают» его, и имя это повторяется снова и снова, как и все прочие имена покойного, что были произнесены вслух, повторяются до тех пор, когда Певцы Смерти внезапно останавливаются тесной группой вокруг костра, распевая свою песнь очень громко, в убыстряющемся темпе, и быстро делают согнутыми руками такие движения, словно что-то бросают или запихивают в огонь; а потом так же внезапно прекращают петь, падают на землю лицом вниз, скрючившись и дрожа всем телом. И оплакивающие делают то же самое. Затем медленно и тихо барабан снова начинает настойчиво отбивать ритм танца, мелодия которого сначала подхватывается одним голосом, затем другим, танцоры встают с земли и начинают танцевать, их пение звучит все громче, все быстрей, пока в костер не «бросят» следующее имя.

В маленьких городках Нижней Долины случаются такие годы, когда не умирает никто и нет необходимости «сжигать» чье-то имя. Однако церемония Оплакивания все равно проводится, но в ней участвуют лишь специально обученные танцоры; остальные сидят молча во внешнем кольце. Такая церемония длится самое большое часа два. В больших же городах всегда за год умирают люди, которых нужно оплакать, и там в церемонии Оплакивания участвует значительно большее число людей, она гораздо эмоциональнее и

продолжается долго. Первыми «сжигаются» обычно имена самых старых; последними — имена умерших детей и мертворожденных младенцев, которые всегда получают имя при погребении, чтобы во время церемонии Оплакивания их можно было оплакать всем вместе. По мере развития действия люди из внешнего круга постепенно присоединяются к покачивающимся танцорам, поют с ними вместе и плачут, потому что имена дорогих усопших называются снова и снова, в итоге люди начинают взывать к умершим и рыдать уже во весь голос. И теперь все раскачиваются в печальном танце, поют и плачут, потом снова погружаются в печальное молчание, и снова все вместе вздрагивают от нарастающего грохота барабана и голосов, выкрикивающих имена мертвых. Все барьеры стыдливости и сдержанности сметены, страх, отчаяние и ужас утраты теперь видимы всем, и эти обычно тихие, замкнутые люди, отдавшись боли, кричат во весь голос.

Когда же в огонь «брошено» последнее имя, ведущие танец начинают постепенно замедлять темп, меняется и характер пения — теперь иная, но тоже старинная песня рассказывает о тех местах в Четырех Небесных Домах, куда могли отправиться души умерших, и песнь постепенно перерождается в знаменитую Песнь Дождя. Дровам в костре позволяют догореть самим. Наконец Спикер говорит: «Имена произнесены». Танцоры приносят воду в священных сосудах из хейимас Синей Глины и поливают ею догорающий костер, потом вереницей, в молчании, в окутывающей их ночной темноте возвращаются в подземный дом Общества Черного Кирпича. Оплакивающие метят себе лица влажной золой от погасшего костра и отправляются по домам. Прежде чем лечь спать, они съедают традиционную трапезу, состоящую из молока, кукурузного хлеба и весенней зелени. Оставшуюся от священных костров золу танцоры разбрасывают на вспаханных полях на следующий день.

ВТОРОЙ ДЕНЬ ТАНЦА ВСЕЛЕННОЙ

Обычно люди измотаны мучительной и эмоциональной церемонией предшествующей ночи, и у них на следующий день все валится из рук практически до самого вечера. Пять хейимас — Дома Земли — отвечают за хвалебные церемонии Дня Второго. Составляются процесии из людей от семнадцати до пятидесяти—шестидесяти лет, которыми руководят совсем молодые жители города, еще «живущие на побережье». То, сколько человек присоединяется к процессии и насколько изощренно она организована, зависит, и весьма значительно, именно от этих молодых вожаков, а потому процесии каждый год отличаются одна от другой, отличаются они и от тех, что проводятся в других городах Долины. Следующее ниже описание такой церемонии представляется неким ее усредненным, «идеальным» вариантом, возможно, никогда и не имевшем места ни в одном из городов.

Люди из Первого Дома, Дома Обсидиана, должны отправиться в поля, заглянуть в амбары и в вольеры для домашней птицы с песнями, прославляющими домашних животных и птицу. Эти песни могут быть традиционными, или же их может специально сочинить к празднику какой-нибудь местный поэт или музыкант. Они могут быть также импровизацией в чистом виде или смесью традиционного и нового. Они обычно представляют собой простое описание животного и похвалы в его адрес, но не содержат никаких просьб — например, об увеличении поголовья или о чем-либо подобном. Зачастую собственно пения не так уж и много, разве что несколько традиционно исполняемых хором песен, вроде Песни Быка, принадлежащей к так называемым Песням Силы и Здоровья:

Ну и бык! Он едет верхом на корове!
Вот так бык! Он едет верхом на корове!
А корова везет на себе быка всю дорогу,
она согласна везти на себе быка всю дорогу.
Ахо ахей! Вот так упрямый бык!

А вот и баран, верхом на овце он едет!
А вот и баран, верхом на овце он едет!
И овца везет и везет барана,
она согласна везти барана!
Ахо ахей! Наш баран острогий!

Эта прогулка по амбарам и пастбищам частенько заканчивается катанием верхом на коровах, играми с пастушьими собаками, скачками на ослах или импровизированной демонстрацией выезд-

ки любимых лошадей. Дети заранее готовят для своих любимцев нарядные воротники и ошейники, сплетенные из травы и болотной мяты, да и вообще любое домашнее животное может получить ради праздника пучок или стебелек мяты, который втыкают за ошейник, или в гриву, или прямо в густую шерсть. Иногда цветами и травами убирают стойло, или же преподносят какое-нибудь лакомство в подарок — лошадям лишнюю горсть овса, домашней птице и химпи вкусные крошки и зерна.

Второй Дом, Дом Синей Глины, посыпает людей вдоль речек и ручьев на «охотничью» сторону окружающих город холмов, чтобы они спели там диким животным, на которых ведется охота. Эти старинные песни знают все, и в данном случае процессия никогда не бывает малочисленной — всегда находятся желающие «спеть оленю».

Третий Дом, Дом Змеевика, посыпает своих представителей в леса и горы, на луга и поляны, которыми пользуется вся община. Спикер этой хейимас обязан произнести длинный речитатив, перечисляя все дикие пищевые культуры, все полезные травы, семена, коренья, плоды, кору, орехи и листья, которые люди собирают для пропитания, лечения или иных целей.

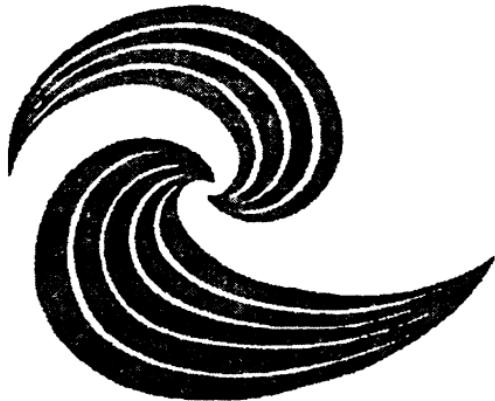
Люди из Четвертого и Пятого Домов отправляются в сады и огороды с хвалебной песней, обращенной к садовым деревьям и пахотным землям, чтобы перечислить и возблагодарить культурные растения данной местности.

К вечеру все эти группы возвращаются в город, и люди начинают готовиться к церемонии Второй Ночи: Свадебной.

Подобно церемонии Оплакивания, это общественный ритуал, узаконивающий фактический брак. Пары, которые уже начали жить вместе в течение последнего года, не называют себя мужем и женой, пока не примут участия в церемонии Свадебной Ночи. В ней может также участвовать любая супружеская пара, как бы дополнительно подкрепляя свой союз.

Сама церемония довольно проста. Все, кто хочет танцевать Брачный Танец, встречаются на площади, где певцы пяти хейимас поют хором Свадебную Песнь — старинную, довольно короткую и очень веселую песню, которую никогда и нигде более не исполняют. Если погода хорошая и музыканты настроены подходяще, то после этого еще могут состояться танцы; главный Свадебный Танец тоже очень веселый, пары танцуют его, встав в ряд и проходя по очереди под поднятыми руками других пар — когда-то и у нас так танцевали на площадях. После этого все отправляются по домам, к Свадебному Обеду, за которым традиционными считаются горячее вино и скабрезные шутки.

Два города особенно изощряются в проведении этого несложного праздника. В Чукулмас женихи сперва неспешно и церемонно обедают в своих хейимас, а потом с песнями отправляются каждый к дому своей невесты, в котором отныне должен жить, и только тогда для них исполняется Свадебная Песнь. В Ваквахе, после исполнения всей общиной Свадебной Песни, представители Домов Красного и Желтого Кирпича показывают ритуальную драму «Свадьба Авара и Булекве», сопровождаемую музыкой и танцами, а также другие романтические, эротические или мистические пьесы. Говорят даже: «Ты еще не женат по-настоящему, если свадьбуправлял не в Ваквахе», так что многие пары, рассчитывающие на долгий брак или уже празднующие много лет совместной супружеской жизни, отправляются именно в Вакваху на Второй День Танца Вселенной.

ТРЕТИЙ ДЕНЬ ТАНЦА ВСЕЛЕННОЙ

Задолго до рассвета, еще в темноте, юноши и девушки пятнадцати-шестнадцати лет будят малышей и выводят их на верхние балконы своих домов, или даже залезают с ними на крышу, или на дерево — да на любое возвышенное место, куда могут забраться. Там они танцуют на месте, но не поют, а только поддерживают ритм с помощью погремушек, сделанных из оленьих копыт, наполненных семенами. Их старшие родственники приносят своих младенцев, которые еще не умеют ходить, и учат их, придерживая за ручки, тем простым движениям, которые исполняют все остальные. Они танцуют лицом к юго-востоку и, когда встает солнце, приветствуют его хвалебной песней, слова которой произносят шепотом. Когда солнце поднимается над вершинами гор, они спускаются вниз и разбредаются по городу и по садам в поисках

перьев птиц, при этом старшие дети помогают младшим, пока у каждого не будет хотя бы по одному перу и по одному красивому камню, не важно, найденному или подаренному.

Все дети, держа камень в правой руке, а перо в левой — крест-накрест, что означает «брак» этих двух глубоко священных предметов, пера из Домов Правой Руки и камня — из Левой, — снова собираются на площади для танцев и длинной процессией направляются к Стержню города. Там они останавливаются и выбирают одного из самых маленьких детей, чтобы он возглавил процессию и громко кричал, шествуя впереди всех к городской площади: «Впустите детей!»

При этом взрослые, ожидающие у себя дома (причем до этого момента двери домов должны быть крепко заперты), отворяют двери и с приветствиями вводят в дом своих детей.

Завтрак во всех домах вместе с детьми превращается в веселый праздник; и весь остальной день тоже посвящен детям. Взрослые и дети как бы меняются ролями; и те, и другие играют с удовольствием: например, взрослый, разговаривая в этот день с ребенком, должен низко поклониться или же встать на четвереньки, иначе его могут наказать за непослушание и довольно сильно отхлестать сосновыми ветками, причем сделать это может любой ребенок, оказавшийся тому свидетелем. В городе откуда-то появляются Зеленые Клоуны, они показывают всякие фокусы и жонглируют. В городах Нижней Долины устраиваются потешные войны — битвы, где оружием служат комки грязи и желуди. «Сражения» эти могут затем перемещаться на оставленные под паром поля и даже на «охотничью» сторону близлежащих холмов и продолжаться весь день; частенько все это заканчивается синяками, подбитыми глазами и всякими менее серьезными увечьями. Особого рода марципаны из миндальных орешков, жаренных в меду, в виде раскрашенных фигурок зверей, птиц, и людей, а также в виде цветов раздают детям в каждом уважающем себя доме. Этот день часто называют еще Днем Меда, он заканчивается Танцем Пчелы и Танцем Муравья, которые исполняют самые маленькие жители города. Когда солнце опускается к самым вершинам гор, юноши и девушки снова забираются на крыши и верхние балконы домов и начинают громко кричать: хейя, хейя.

Многие люди присоединяются к ним и тоже залезают на крыши и балконы или же поднимаются на ближайший холм; некоторые подростки и даже взрослые тратят весь день, чтобы взобраться на вершину ближайшей горы. В Ваквахе, например, многие стремятся до заката достигнуть вершины Ама Кулкун. Там они ждут появления молодой луны. Облака и дождь, конечно, зачастую скрывают и солнце, и луну в это время года, однако и облака, и дождь —

жители Небесных Домов, так что само зрелище — закат или молодая луна — в данном случае не является главным, особенно если находишься так высоко. Главное — смотреть вверх, на небеса.

Когда меркнут последние краски заката и заходит юная луна, спикер Дома Обсидиана просит луну передать благословения народов Земных Домов всем Домам Неба. Его одинокий голос завершает три дня Танца Вселенной. Люди еще некоторое время стоят в сумерках, «ожиная Людей Радуги», которые могут появиться на склонах горы или в воздухе, ибо они «идут дорогами ветра»; однако с наступлением темноты все спускаются вниз и расходятся по домам, шепча приветственную песнь, когда ступают на порог родного дома.

ДЕНЬ ПОСЛЕ ТАНЦА ВСЕЛЕННОЙ

Три дня Танца Вселенной — это как бы обратный ход времени: все начинается с оплакивания умерших, затем следует брак и повседневная жизнь, а завершается все детством и младенчеством. День после Танца Вселенной — еще одно, последнее движение вспять по временной оси.

Все желающие танцевать в этот день рано утром направляются к подземным домам Общества Черного Кирпича, где три дня назад начинался праздник. Члены этого Общества ведут группу, обычно не слишком многочисленную, в определенные места, находящиеся в соседних долинах или ущельях, но обязательно близ источника воды. Эти участки — часто размером всего в несколько шагов — абсолютно ничем не примечательны; но они считаются отражением тех мест, что находятся в Четырех Небесных Домах, в Мире Правой Руки — это места, как бы обратные кладбищам, то есть

жилища нерожденных. Здесь не рожденные еще дети ждут своего часа, чтобы родиться на свет.

Расположение и значение таких мест — часть тех тайных знаний, которыми обладает Общество Черного Кирпича.

Так вот, в одном из них члены Общества поют сами и учат пришедших с ними людей песне «Сияние солнца», которая как словами, так и мелодией очень похожа на песни Ухода на Запад, что поют умирающим и усопшим. Древним припевом этой песне служит слово *хвавгепрагу*, что означает «сияние солнца»; остальной текст может исполняться частично, целиком его поют редко, так что приведенные ниже слова специально выписаны для нас Ясенем из Общества Черного Кирпича, жителем Синшана:

Хвавгепрагу, ты идешь.
Ты, конечно же, дойдешь.
Путь нетруден, недалек.
Он по городам пролег.
Приходи, когда захочешь.
Солнце светит и хохочет,
хвавгепрагу, выходи
и на солнце погляди!

Все океаны и берега морей считаются жилищем нерожденных; видимо, там и полагается им находиться. Так что, когда женщины отправляются к устью Великой Реки На, шутники всегда спрашивают: «А что ты на этот раз принесешь с собой?»

Приведенный ниже отрывок взят из учения Общества Черного Кирпича и произносится в день после Танца Вселенной.

«Пески всех побережий мира, каждая песчинка на этих побережьях и все они вместе — это жизни нерожденных, которые непременно рождаются, которые должны родиться. Волны моря, пузырьки пены морской на волнах, что разбиваются о берега морей и океанов нашего мира, каждое пятнышко, каждый проблеск солнечного света на волнах морских — все это обитатели Девяти Домов бесконечной Жизни, исчезающие, рождающиеся вновь и никогда не пребывающие в этой жизни вечно».

К этому учению имеет также самое непосредственное отношение и поэма «Внутреннее Море».

ТАНЕЦ СОЛНЦА

Два из семи ежегодных ваква хедоу, или Великих Танцев, исполняются всеми девятью Домами. Во время Танца Вселенной, танца космического обновления, приходящегося на период весеннего равноденствия, Земля и Небеса танцуют одновременно, хотя и не вместе: обитатели Земных Домов предлагают все земное для использования и благословения обитателям Домов Небесных, которые, тоже танцуя в своих заповедных местах, получают благословения и сами благословляют Землю. Церемонии Танца Вселенной классифицируются местными учеными как «сортировка» или «отбор» — то есть приведение всего в порядок, расстановка по своим местам. Во время церемоний, связанных с Танцем Солнца, приходящегося на время зимнего солнцестояния, все, что было «отделено и разобрано», снова соединяется. Все существа как Земли, так и Неба, всех планет и уровней жизни встречаются и вместе танцуют Танец Солнца. Для простых смертных это нелегко. Из всех Великих Танцев именно Танец Солнца считается самым колдовским, самым напряженным и опасным. Те, кто желает участвовать во всех его церемониях и таинствах и танцевать Танец Внутреннего Солнца, учится этому годами; например, о старом, готовящемся умирать человеке говорят: «Он готов танцевать Танец Внутреннего Солнца».

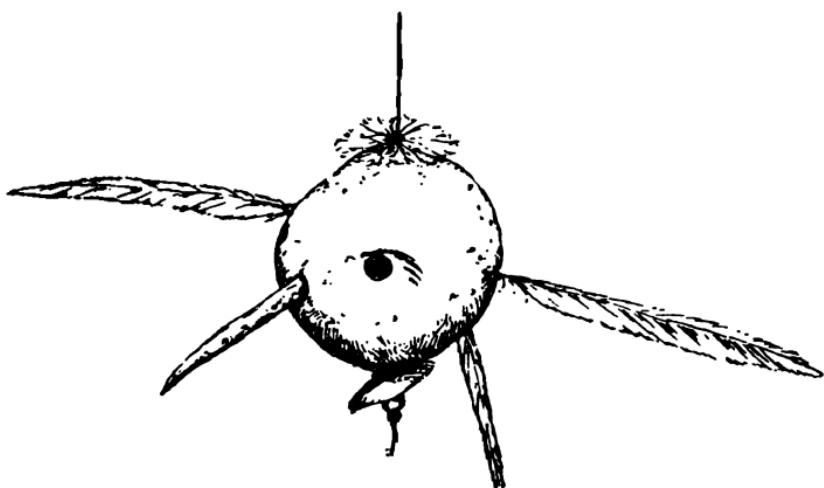
Большая часть людей участвует только в общих церемониях — в Танце Внешнего Солнца — и то, насколько активно они желают участвовать в этом, дело их личного выбора. Почти невозможно удержаться от такой вселенской попойки, как Танец Вина, и практически все участвуют, по крайней мере, в одной из Ночей Танца Вселенной, однако церемонии, связанные с Танцем Солнца, особенно привлекательны, на мой взгляд, для интровертов и мистиков, так что большая часть жителей Долины просто наблюдает их со стороны. Дети и подростки играют весьма важную роль, как активную, так и пассивную, во всем, что связано с периодом, предшествующим наступлению зимнего солнцестояния и длившимся двадцать один день.

В течение Двадцати Одного Дня младшие из детей должны отыскать в лесу подходящий молодой отросток дерева или кустарника, пересадить его в бочку или корзину и прятать до Дня Восхода, то есть до дня солнцестояния, когда они торжественно преподносят свой дар кому-то из взрослых, вызывающих их особую любовь и уважение. Дети более старшего возраста могут сделать то же самое или же посадить и вырастить в тайне дикое плодоносящее деревце (орешины, или фруктовое дерево, или чернильный дубок), которое редко встречается в местных лесах; или же они сажают в

городском саду плодовое дерево и ухаживают за ним в течение нескольких лет, а результаты своего труда представляют в День Восхода тому взрослому, который достоин подобного дара. Часто такие дарственные деревья украшаются ярко раскрашенными желудями и скорлупками орехов, дутыми стеклянными бусами и перьями птиц, которые привязывают к ветвям. Эти похожие на наши елочные игрушки «перья-слова» зачастую очень изящны и красивы — настоящие маленькие шедевры.

Дети и подростки заботятся и о том, чтобы деревья вокруг городской площади и площади для танцев тоже были украшены к празднику, хотя им частенько мешают характерные для этого времени дожди. Ученики Цеха Мельников из городов Верхней Долины натягивают на ветвях деревьев провода с лампочками и устраивают замечательное световое представление, особенно яркое и красивое в первую из Двадцати Одной Ночи. Однако с течением времени лампочки светят все слабее и постепенно гаснут. Ветки можжевельника, ели, сосны и вечнозеленых диких роз с яркими красными ягодами развешивают на балконах и в дверных проемах, а также сплетают в венки и гирлянды для украшения комнат. Специальные свечи, часто окрашенные в красный цвет и сдобренные эссенцией благородного лавра или розмарина, изготавливаются молодежью и зажигаются в течение Двадцати Одной Ночи; к последней из этих ночей они должны дрогнуть до конца.

В течение Двадцати Одного Дня во всех пяти хеймас интенсивно обучают различной священной премудрости; эти занятия связаны с желанием как можно ближе соединить Левую Руку и

Правую Руку, Землю и Небо, пока они окончательно не встретятся в определенном месте и в определенное время в Танце Солнца.

В данном случае внимание не фокусируется на материальном и конкретном — на скалах, растениях, животных, людях — как это делается во время Танца Вселенной, когда все живые существа и предметы перечисляются и прославляются. Теперь главное — это общее для всего рода и духовное, то есть тот аспект, при наличии которого все существа, даже те, что в данный момент еще живы, так или иначе становятся обитателями Небесных Домов, Домов Смерти, Сна, Дикой Природы и Вечности. Мертвые и нерожденные непременно должны быть приглашены на Танец Солнца. Люди Радуги, образы снов и видений, все дикие существа, волны моря, солнечные лучи и звезды тоже должны участвовать в этом празднике. Так что земные, смертные танцоры-люди приглашают как бы свое астральное «я», которое существовало до их рождения и будет существовать после их смерти на Земле. Не «дух» свой, то есть суть собственной индивидуальности, или, точнее, не только свой дух, ибо индивидуальность это и есть смертность, но скорее свою «душу-дыхание», ту самую, которую можно разделить с кем-то, которую можно отнять, которую можно вернуть, чтобы составить целостное существо; то свое «я», которое находится за пределами тебя самого.

Практические занятия и упражнения по подготовке танцоров Внутреннего Солнца включают обучение особой системе дыхания, подобной йогической, однако в целом это учение и техника упражнений лишь весьма отдаленно напоминает йогу. Атлетическая суровость йоги никогда не казалась жителям Долины достаточно привлекательной; здесь предпочитают скорее «нечто среднее», уббу, для чего ближайшей параллелью является теория и практика китайских даосистов.

Прямой путь, «королевская дорога», самый легкий способ осуществления связи и прочих отношений с Миром Четырех Домов — это сон или транс. Непрямое, однако вполне прочное соединение с ними, «нижняя дорога», — это интеллектуальная и физическая дисциплина: обучение знаниям Внутреннего Солнца. Письменных материалов по этим вопросам не существует; обучение всегда было устным или вообще — бессловесным, и происходило во время длительных тренировок, упомянутых выше.

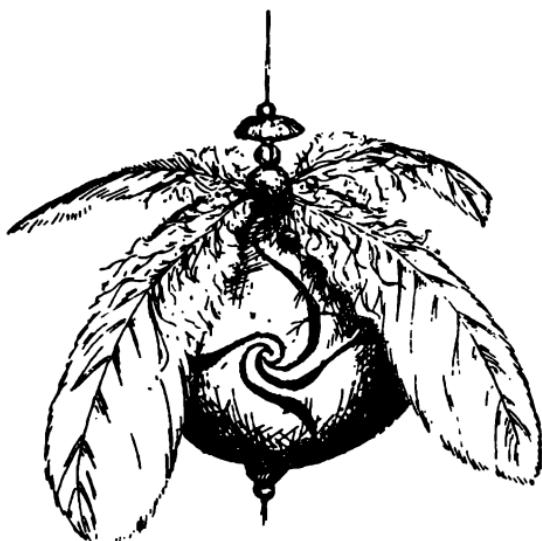
Я же могу описать далее лишь чисто внешние свои впечатления от практических занятий Танцоров Внутреннего Солнца, поскольку видела их собственными глазами и мне достаточно подробно разъясняли их значение сами участники и преподаватели.

Упражнения, связанные с Танцем Внешнего Солнца, и ритуалы Двадцати Одного Дня в общем-то являются собой все углубляющееся состояние коллективного транса, находящееся под контролем.

Средства достижения подобного состояния — это голодание, многочасовая игра на барабане, длительное пение и танцы, а также путешествия.

Путешествия «в поисках Солнца» предпринимаются группой из четырех или пяти человек, которые уходят на несколько дней или даже на весь трехнедельный период в отдаленные дикие районы, на «охотничью» сторону Ама Кулкун или еще дальше в горы, где много узких опасных ущелий и совсем нет людей. Это расширение границ за счет путешествия является как бы подтверждением неколебимости того общества, в которое ищащие возвращаются подобно тому, «как ребенок возвращается в дом матери, как душа возвращается в тело после видения». Эти походы в дикие края зимой считаются весьма опасными — не столько физически, сколько морально или, точнее, социально; а поскольку они часто предпринимаются при условии соблюдения полного молчания, когда нельзя произнести за все путешествие буквально ни одного слова, то действительно, пожалуй, психологическое напряжение должно быть довольно сильным.

Также считаются опасными «путешествия назад» — ритуалы, во время которых обычные пределы, определяющие безопасность и нормы ежедневной жизни, в значительной степени смещены.

Подобные «сдвиги» могут осуществляться только под руководством наставников и учеников Внутреннего Солнца, — однако зачастую их практиковали и соперничающие учения, например, Союза Ягнят и Общества Воителей, обладавшие собственным сводом эзотерических законов и ритуалов. При «путешествиях назад» ученики подвергаются тяжелым, порой рискованным испытаниям, требующим большого терпения и выносливости; деяний и подвигов такого рода жители Долины обычно осторожно избегают. От учеников требуется принимать различные медицинские средства — слабительное, рвотное, галлюциногены; использовать особую практику аскетизма — длительное голодание, сидение без движения и т. п.; а последователи культов Воителей и Ягнят во время своих церемоний, кроме того, еще наносили себе увечья и совершали кровавые жертвоприношения, убивая животных.

Наиболее зловещим и необычным героем церемонии Двадцати Одного Дня является Белый Клоун: ужасающая фигура, в белой маске и белом плаще, футов десяти в высоту. Белые Клоуны в одиночку или группами подкрадываются к детям в лесу или в поле и даже на улицах самого города. Неизвестно, причиняют ли они на самом деле какой-либо физический ущерб детям, однако считается, что это бесспорно, и существует множество легенд и сказок о трагической судьбе детей, повстречавшихся с Белыми Клоунами, — по-моему, это обычные «рассказы о привидениях», например: «...И наутро ребенка нашли. Он стоял, прислонившись к стволу яблони, и был холодный, как зимний дождь, и застывший как деревяшка, а глаза его все смотрели в одну точку — но только зрачки стали мертвенно-белыми».

Дети, которым приходится в такой период пасти овец, или заниматься собирательством, или ухаживать за своими «подарочными» саженцами, растущими далеко от дома, испытывают настоящий ужас перед этими незаметно и неслышно подкрадывающимися чудовищами и выходят из дома по возможности только парами или группами в течение всех этих дней.

Остальные церемонии подготовительного периода проводятся в пяти хейимас или же всеми вместе, открыто, на площади для танцев. Любой может присоединиться к игре на барабанах или к танцам, то входя в танцовщую группу, то выходя из нее; ритмы и танцы носят самый простой традиционный характер. Я бы охарактеризовала их как довольно монотонные, бесконечные и тем не менее удивительно привлекательные. Стоит присоединиться к танцовщикам или аккомпанирующим, как уйти уже трудно. Чаще всего поют так называемые долгие песни. Слов в них, по сути дела, нет, это либо «матричные» наборы звуков, либо междометия, окружающие «сердцевину», состоящую из значимых слов. Ведущий запе-

вает такую песню, и те, кто присоединяется к пению, стараются, чтобы песня длилась как можно дольше — столько, сколько будет петь сам ведущий. Такие долгие песнопения в хейимас могут порой продолжаться несколько дней подряд без передышки, и голодавшие все это время певцы доводят себя до состояния глубокого транса и полного истощения. Затем они могут отдохнуть четырех-пять дней и возобновить долгое пение.

Ниже приведен «текст» одной из таких песен, я слышала ее в хейимас Желтого Кирпича в Мадидину. Обычно подобные песни записи не подлежат, однако мне объяснили, что это просто потому, что запись их сочтена необязательной.

Хея кемейя
оу
имитими
оу-а-яя.

Наставник Танцовов Внутреннего Солнца время от времени отбивал ритм на небольшом деревянном барабане и вел основную мелодию. Каждая из четырех фраз (или слогов?) повторялась по меньшей мере в течение часа, а то и в течение нескольких часов, за исключением выражения *имитими*, которое повторялось еще чаще и всегда по девять раз кряду. Способность певцов следовать за ведущим и мгновенно менять совершенно неведомую заранее мелодию и ритм объяснялась довольно просто: двое из них, очевидно, наименее одаренные, не пели вовсе, а осуществляли едва заметный «контроль» над ведущим и еле слышно меняли звучание непрерывного о-о-о, когда менялась основная тональность, а также подсказывали остальным нужные слова или слоги или подменяли того, кому требовалось перевести дыхание; все это вместе создавало полную иллюзию непрерывного, идеально ровного звучания в течение часов одиннадцати-двенадцати, пока певцы не сдавались окончательно. Обычно долгое пение продолжается подряд почти два дня и две ночи. Когда у ведущего сдает голос, что происходит чаще всего к середине второй ночи, он, продолжая отбивать ритм на барабане, безмолвно двигает губами, шепотом произнося очередное «матричное» слово.

Долгое пение, продолжающееся более двух суток, обычно осуществляется с несколькими ведущими и затягивается уже суток на пять. Старшие из подростков и многие взрослые обычно хотя бы один раз принимают участие в таком долгом пении.

Большая часть людей также соблюдает пост и половое воздержание в течение Двадцати Одного Дня, ужесточая строгость запретов по мере приближения дня солнцеворота. Настроение в

обществе постепенно становится все более напряженным и мрачно-суровым — «натянутым», как они выражаются.

В канун дня солнцеворота все группы путешественников возвращаются домой, желательно до наступления темноты, и разбретшиеся во все стороны семьи вновь воссоединяются по возможности в доме матери. Женатые мужчины часто на Двадцать Первую Ночь возвращаются в дома своих матерей. Города выглядят так, словно находятся в осаде. На закате все двери и окна плотно закрываются. Выключаются все источники энергии, останавливаются все мельницы и станки; если это возможно, домашние животные помещаются в клетки, загоны, хлева и стойла; и, когда солнце садится, выключаются все лампы и гасятся все огни в каминках и очагах. До заката еще разрешается зажечь в доме свечу, однако согласно традиции, весьма поддерживаемой детьми и подростками, обожающими все традиционное и таинственное, ночью зажигать никакого огня нельзя. Если свеча гаснет сама собой, то потом она так и остается незажженной. Эта самая длинная ночь в году оказывается и самой темной.

В течение последнего дня, еще при свете, Танцоры Внутреннего Солнца успевают вырыть на городской площади довольно глубокую яму шириной фута в два. После заката люди, проходя мимо этой ямы под названием «Несуществование», бросают туда горстку золы из своего очага, немножко пищи, завернутой в кусочек ткани, или перышко, или прядь волос, или даже кольцо, или резное украшение, или же маленький свиток исписанной бумаги, или еще какую-нибудь вещь, представлявшую для каждого некую личную ценность. Все происходит в молчании, и песен тоже никто не поет. Люди просто проходят мимо и, как бы невзначай, совершают это маленькое личное жертвоприношение. Молчаливая процессия продолжается до полуночи, а то и позже. Затем каждый возвращается в одиночестве в свой темный дом по темным улицам или же идет в молчаливую хейимас, где посреди центрального помещения горит одна-единственная искорка огня в этой беспросветной ночи — крохотный масляный светильничек. Позже, ночью, гасят и этот свет. И в один из самых темных часов члены Общества Черного Кирпича засыпают землей яму под названием «Несуществование» и заравнивают поверхность так, чтобы и следов было не отыскать.

Ясень из Общества Черного Кирпича говорил мне: «Это вроде как память города — там, под землей, по которой мы ходим, под нашей городской площадью. Там лежат все те вещи, которые каждый год кладут туда в молчании и во тьме, забытые, несуществующие вещи. Их кладут туда, чтобы о них забыть. Они пожертвованы».

Итак, Двадцать Первая Ночь проходит во тьме и молчании.

При первых проблесках рассвета, примерно в тот час, когда начинают кричать петухи, исполняется одна-единственная песня. Четыре или пять девочек-подростков, обучавшихся Танцам Внутреннего Солнца, поднимаются на высокую крышу или на башню, если таковая имеется в городе, и там, стоя, с начала и до конца, но только один раз поют Гимн Зиме.

Тёرن рассказывала мне: «В детстве я всегда собиралась не спать и обязательно дождаться исполнения этого Гимна или по крайней мере проснуться и послушать его, но мне это никогда не удавалось. Я умоляла мать и других женщин из нашей семьи разбудить меня вовремя, но если они даже и будили меня, то Гимн успевал уже кончиться к тому моменту, когда я окончательно просыпалась и была способна хоть что-нибудь воспринимать. Но когда я стала старше и впервые услышала эту песню, мне показалось, что я знала ее, еще будучи в утробе матери».

Слов этого гимна в записи не существует.

Рано утром вновь разжигаются огни в очагах и каминах, вновь подземные хейимас освещаются разноцветными праздничными лампочками, и вот наступает час восхода — событие, которое хотя и является центральным для всего празднества, но никак формально не отмечается.

Ясень по этому поводу говорил: «Центральным моментом этой ваквы является заполнение ямы “Несуществование”. Да, именно так». При этом он держал руки ладонями друг к другу и чуть согнув

пальцы внутрь, так, чтобы ладони были примерно на расстоянии дюйма и большой палец его левой руки показывал вниз, а большой палец правой руки — вверх.

Единственным конкретным событием, отмечающим восход солнца, является исчезновение Белых Клоунов. В этот священный миг их могущество бывает сломлено, и они исчезают до следующего года, освобождая детей от страха перед своим непредсказуемым появлением. Дарственные растения преподносятся с шумным ликованием, но в каждой семье по-своему. Даже во время строгого поста заранее готовится кое-какое праздничное угощение, а уж в День Восхода стряпают действительно сытные и вкусные блюда для тех пироров, которые будут теперь продолжаться четыре дня во всех домах и хейимас.

В самих хейимас утренние Танцы Солнца начинаются почти сразу после восхода и исполняются там в течение четырех дней каждое утро (каждый четвертый год они исполняются в течение пяти дней). Поют только Танцоры Внутреннего Солнца. Некоторые танцы они исполняют в масках. Остальные танцы танцуют все, кто умеет.

Ясень говорил: «Если Танцем Солнца руководят правильно и хорошо его танцуют, то и Небесные Люди будут танцевать вместе с Земными. Вот почему никто никогда не берется за руки, исполняя утренние Танцы Солнца. Каждый оставляет между собой и соседом место для одного из обитателей Четырех Домов, чтобы и они танцевали вместе с нами. Точно так же и в песнях: после каждого маленького куплета делается пауза, чтобы его повторили другие голоса, и неважно, слышим мы их или нет; и барабаны тоже отбивают ритм, делая равномерные паузы».

Пятнадцатилетняя Рыбка Верхнего Ручья говорила мне: «Утренние Песни Солнца не такие мрачные, как песни Двадцати Одного Дня, они очень красивые, загадочные. От них на душе становится светлее, их хочется петь, а когда поешь их, то чувствуешь, что кругом поют абсолютно все — живые, и нерожденные, и мертвые, и все собираются вместе в Долине, и никто не забыт, никто не потерян, и все на свете идет как надо!»

А вот слова Тёрн: «Хоть я и знаю, что Танцорам Внутреннего Солнца требуются долгие годы, чтобы выучить и исполнить Утренние Песни, но каждый раз, когда я их слышу, мне кажется, что каждое их слово мне известно. Я их узнаю, как узнаю солнечный свет».

В полдень после Утра Восхода на целых четыре дня в города Долины приходят клоуны — но не те высокие, белые и страшные, а невероятно толстые, одетые в зеленое и без масок, но с замечательно пышными бородами и усами, которые украшены перьями,

или завиты и свисают на грудь. Бороды сделаны из белой шерсти или древесного мха. Часто впереди всех идут Солнечные Клоуны, они даже пытаются ехать верхом на козлах и всем малышам раздают разные маленькие подарки, в основном сладости. Длительному посту и воздержанию приходит конец, и для гостей в каждом доме накрываются столы. Тёрн рассказывала: «Многие ставят на столы виноградное бренди или крепкий сидр и этим запивают всю еду, так что в итоге напиваются допьяна, и часто вокруг творится много всякого безобразия, но никто не сердится и не выходит из себя, потому что дети веселятся от души и еще потому, что жители Четырех Домов все еще находятся с нами рядом. Всегда следует отставить в сторонку какую-то часть подаваемой на стол еды или специально приготовить угощение — для них — и непременно нужно расплескать первую порцию того, что ты пьешь. А в хейимас в это время еще поют длинные песни, перемежающиеся обязательными паузами».

Несспешно, в течение четырех или пяти дней после Дня Восхода Солнца разъединяются две Руки Мира. Обитатели Четырех Домов постепенно возвращаются к себе, а жители Земли приступают к каждодневным заботам. Тёрн говорила по этому поводу: «Убирая в доме или готовя еду, работая в мастерских или на полях, мы еще долго поем песни, которые нравятся Людям Радуги, ибо они уходят от нас, уходят все дальше и дальше, возвращаются в свои Дома. Мы поем эти песни и отдаем им часть своей души, своего дыхания, посыпая его им восторгом». И Ясень вторил ей: «Выдыхая, исполняя эти песни, мы как бы частью своей следуем за ними, некоторое время видим мир таким, каким видят его они — глазами Солнца, способными видеть только свет».

О ПОЕЗДЕ И РЕЛЬСОВОЙ ДОРОГЕ

Цех Мельников и Общество Искателей вместе осуществляли работы по прокладыванию рельсовой дороги, ее починке и поддержанию в исправном состоянии. Под их присмотром многие молодые люди тоже часто трудились в течение одного-двух сезонов на «Дороге», воспринимая это как некое приключение. Вожаки таких молодежных команд, а также мужчины и женщины, управлявшие мулами и быками, тащившими вереницу повозок, а также те, кто водил настоящие Поезда, снабженные двигателем, пользовались не только уважением, но и романтической славой «опасных» людей.

Рельсовая дорога, которой пользовался народ Кеш, тянулась от Честеба, что к югу от Чистого Озера, через Ама Кулкун до Кастохи,

затем вниз через Долину мимо Телины и крупных винных заводов, находившихся чуть южнее Телины, затем сворачивала на восток через северо-восточную гряду к портовому городу Сед, что на берегу Внутреннего Моря, где живет народ Амаранта; в общем ее протяженность достигала примерно восьмидесяти миль.

Это была одноколейка с небольшими платформами возле складов и винных погребов и переездами для повозок. Существовало также несколько коротких веток, соединявшихся с основной магистралью — в Кастохе и в Седе (и еще у Чистого Озера возле города Стой, где поддерживалась связь с рельсовой дорогой, ведущей на север, и тягловой буксировкой грузов на восток).

Рельсы были сделаны из дуба, основательно обработанного, чтобы дерево не пострадало от плесени, нашествий термитов и грызунов; рельсы были уложены поверх скрепленных крест-на-крест шпал из лиственницы или секвойи, покоившихся на насыпи из речного гравия. Никакого металла здесь не использовалось, рельсы были прикреплены к шпалам выточенными из дерева шпильками. Цех Дерева под эгидой Дома Желтого Кирпича отвечал за изготовление рельсов и за все церемонии, связанные с прокладкой путей и их ремонтом.

Туннелей Кеш не прокладывали; на особо крутых подъемах или в ущельях, как на Ама Кулкун или в северо-восточных горах, строились многочисленные «серпантины». Их опоры были массивными, поскольку должны были поддерживать подмостки, по которым животные втаскивали повозки наверх.

Различного типа повозки катились на сделанных из дуба колесах — по четыре колеса у каждой — и сцеплялись между собой с помощью плетеной кожи, иногда усиленной цепями. Повозки, предназначенные для перевозки особенно тяжелых или ценных грузов, имели еще и крышу и напоминали фургоны; те, в которых везли бочки с вином, были разбиты на ячейки с зажимами и специальными гнездами. Имелась также одна крытая повозка со скамьями, окошками и даже печкой — небольшое «купе» для людей, пожелавших путешествовать на поезде: если выпомните, предельная роскошь, по мнению автора «Ссоры с народом Хлопка». Остальные повозки крыши не имели и обладали более легкой конструкцией. Наиболее распространена была обычная телега с воткнутыми в гнезда шестами, на которые натягивалась парусина; груз накладывался на дно телеги. Ни одна из повозок не превышала в длину девятнадцати футов; ширина колеи (стандартная с незапамятных времен на всех дорогах Долины и соседних районов) составляла два фута девять дюймов (на языке кеш основная мера длины, обозначаемая словом *херш*). Повозки были такими узкими,

что чем-то напоминали лодки, как, собственно, и называли их сами Кеш.

В тот период, о котором повествуется в данной книге, существовали два Поезда — один принадлежал народу Кеш, а другой — народу Амаранта. Оба Поезда ходили между Кастохой и Седом. Скорее всего (это моя догадка) то были обычные паровозы, работавшие на древесном топливе, мощностью в 15—20 лошадиных сил. Поезд, принадлежавший Кеш, был создан и обслуживался членами Цеха Мельников в сотрудничестве с другими Цехами и Обществами, которые использовали его для торговли с соседними народами. Кеш называли свой паровоз Кузнециком за его остро-угольные поршни и за общее сходство с длинноногим суставчатым насекомым и еще, возможно, за то, что он начинал движение со стремительного рывка. Паровоз был построен из деревянных деталей, очень точно подогнанных, и клепаных железных листов, а трубы были склепаны молотком на деревянной оправке. Топка и бойлер в паровозе стояли на низеньких ножках, прикрепленных к полу болтами, подальше от вагонов; высокую и узкую дымовую трубу сверху прикрывала сложной формы и, по-моему, весьма ненадежная крышка, которая должна была гасить искры. Риск возникновения лесного пожара из-за попадания искр в сухую траву и низкий кустарник на горных склонах вдоль дороги был основным недостатком при использовании паровозов; в засушливые годы ими вообще не пользовались, особенно в период между Танцем Воды и началом сезона дождей. В такие месяцы, а также на коротких перегонах в пределах самой Долины, и севернее Кастохи, на пути через Гору-Праородительницу, весь транспорт тянули быки или мулы: рельсы и само полотно дороги были достаточно удобны для этих целей.

Семафоры включались в периоды особенно оживленных перевозок (то есть совершившихся чаще, чем раз в девять-десять дней). Женщины и мужчины, работавшие на рельсовой дороге, обслуживали заодно и ее сигнальную систему, а путешественники помогали пополнять запасы дров и воды. Сигнальная система Дороги была соединена с ПОИ в Ваквахе, Седе и других городах, прежде всего торговых, где составлялось расписание движения поездов, соблюдавшееся довольно четко.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ПО МЕДИЦИНСКОЙ ПРАКТИКЕ

Большую часть сведений о медицине Кеш я получила из бесед с Ясением из Дома Змеевика, членом Общества Целителей Чумо и Синшана. Он сказал, что врач делает четыре вещи — предупреждает, заботится, лечит и убивает.

Превентивная (или профилактическая) медицина включает: иммунизацию, общественную и личную гигиену, советы, касающиеся диеты, рода и места работы, а также — физических упражнений, необходимых тому или иному конкретному лицу, практические уроки по снятию различных стрессов и широкий спектр различных видов массажа, мануальной и музыкальной терапии, а также танцев.

В понятие *заботы о больном* входит лечение конкретных недугов — различных лихорадок, мышечных и невралгических болей, инфекций, а также забота о людях, страдающих от физической немощи и тяжких неизлечимых заболеваний.

Собственно *целительская практика* включает в себя: лечение переломов и вывихов, использование широкого и сложного набора фармацевтических средств, лечебную физкультуру и хирургию. У меня нет списка тех операций, которые Кеш считали осуществимыми; Ясень порой упоминал то об ампутации, то о выскабливании кюреткой, то об удалении аппендициса, то об удалении опухоли из брюшной полости, то о хирургическом лечении рака кожи, то об операции по исправлению «волчьей пасти». Анестезирующие средства чаще всего готовились из трав, эти лекарства давали больному в течение нескольких дней до операции, а также после нее, и еще обезболивание производилось с помощью особых «пик», тонких бамбуковых иголок, втыкаемых в тело больного в строго определенных местах, что — на мой непросвещенный взгляд — выглядело весьма похожим на акупунктуру. (Хотя я никогда не слышала, чтобы Кеш применяли что-либо подобное в терапевтических целях.)

Поскольку в нашей медицине нет места понятию «убить», ибо она считает себя как бы вдвойне противопоставленной смерти, мы вынуждены лишь скромно предполагать возможность такого явления, как «эвтаназия», а также еще кое-каких операций, которые любой врач Кеш считает не только обязательными, но и самыми естественными, не говоря уж о том, что они занимают значительное место в теории медицины и понятиях морали Кеш: кастрация животных, аборты у женщин (ни та, ни другая операция не считаются ни «легкой», ни предосудительной), а кроме того — убийство новорожденных уродов как у людей, так и у животных.

У Кеш не существует разделения на такие «касты», как ветеринар и «человеческий» доктор, хотя терапевты часто специализировались более узко, согласно своему умению и призванию, а также нуждам данного города. Похоже, дантистов там не было вообще, возможно потому, что у большинства представителей народа Кеш зубы были исключительно здоровыми, и в их рацион входило очень мало сахара.

ГЕДВЕАН: «ВЫНЕСЕНИЕ ПРИГОВОРА».

Это одна из наиболее характерных черт медицинской практики Кеш. Она может быть названа «исцеляющей церемонией» (однако «исцеляющей церемонией» может быть названа и сложнейшая операция на сердце). Современная высокотехнологичная медицинская практика в хорошо оборудованных клиниках скорее назовет так последнее, медицина Долины — первое; в обоих случаях привлекаются хорошо обученные профессионалы, деятельность которых отражает некий моральный аспект и определенные суждения данного общества относительно средств и конечных целей медицины. Статистические данные по сравнению результатов обоих способов исцеления, быстроты или замедленности выздоровления, а также неудачных случаев применения той или иной практики были бы весьма интересны, хотя, наверное, неуместны.

Поскольку каждое «вынесение приговора» осуществляется для каждого отдельного больного при вполне конкретных обстоятельствах и условиях течения болезни или развития стрессового состояния конкретным врачом или группой врачей, я не могу дать общего описания этой процедуры; а описание какого-нибудь конкретного случая противоречит представлениям Кеш о личной и священной тайне каждого. Поэтому я даю несколько «абстрактное» описание «вынесения приговора»: задействованы две группы людей, *годдве* или «те, кому выносят приговор», и *двеши* или «те, кто выносит приговор». *Годдве* — это, чаще всего, один человек, но могут быть и супруги, или родители с ребенком, или два кровных родственника — остаются на период *гедвеана* в четыре, пять или девять дней в своей хейимас или же в доме, принадлежащем Обществу Целителей. За *годдве* там внимательно наблюдают, им предлагается специальная диета или лечебное голодание, и они следуют четким предписаниям медиков в плане активного труда и отдыха; их тело и лицо раскрашены и буквально испещрены специальными пометками, они одеты в специальную одежду — длинную, свободно подхваченную в поясе рубаху из шерстяной материи. (Эти изделия ткачи дарят Обществу Целителей в виде

«платы», иногда предварительной, за собственное лечение и медицинское обслуживание. В противоположность тем обществам, где практикуется лечение у шаманов или психотерапевтов, для которых гонорар является существенной составляющей в отношениях между врачом и пациентом, Целители Кеш не требуют за свою работу ничего; их деятельность — это составная часть того непрерывного процесса обмена услугами и товарами, который и лежит в основе деревенской экономики Кеш. Стоимость успешного лечения у конкретного доктора может быть и такова, как ее описывает Говорящий Камень, рассказывая о пациентах своего второго мужа в Чумо и Синшане.)

Двеш, или «выносящие приговор», один из которых должен быть «поющим доктором», вырабатывают общий план лечения/ритуала, который мог включать: лекарственную терапию, использование наркотиков, погружающих в транс, гипноз, возникающий под воздействием игры на барабане и пения целебных песен, массаж, ванны, специальные физические упражнения, обучение символам и фигурам, которые рисуют в пыли или красками на бумаге или на коже, и обсуждение значения подобных символов, а также длительные беседы о том, какое значение имели песни, истории и различные события в жизни того конкретного человека, которому

Смолка

«выносится приговор»; иногда имеют место особые ритуалы, традиционные или представляющие собой интеллектуальную собственность конкретного Целителя (узнанные во сне или полученные в качестве дара от другого Целителя); также исполняются особые песни, танцы и музыкальные произведения, чаще всего под аккомпанемент барабана, пациентом и врачом вместе. *Годдве* покидает *гедвеан*, получив рекомендации для дальнейшего лечения, если это необходимо, или для дальнейшей повседневной жизни и работы, чтобы исцеляющее действие процедуры сохранилось как можно дольше.

По мнению Ясения, благотворное влияние «вынесения приговора» заключается прежде всего во внимании — в том внимании, которое уделяется конкретному пациенту, становящемуся на какой-то период как бы центром интересов всех присутствующих, избавленному от стрессов и окруженному ободряющей, спокойной, теплой атмосферой доверия, тихого барабанного боя и пения; а также в том, что и сам пациент (или пациентка) должны уделять своей жизни и мыслям достаточно внимания. Ну и, разумеется, в том несколько мистическом «внутреннем видении», которое достигается совместными усилиями всех участников «вынесения приговора». Это действительно очень хороший пример того, что Кеш подразумевают под словом *урон*, что значит «заботливость, забота о ком-то».

Многие люди подвергаются этой процедуре несколько раз в жизни, другие же лишь однажды или совсем никогда. Некоторые члены Общества Целителей выступают в роли *двеш* по чьей-то просьбе, другие — только в тех случаях, которые считают действительно серьезными; и хотя первых любят за их отзывчивость и сочувствие, уважают больше все-таки последних. Все врачи, участвующие в церемонии, до этого непременно исполняли и роль *годдве*, так что им тоже «выносили приговор» — как для тренировки, так и в порядке подлечивания.

СМЕРТЬ

Смертельно больные люди — обычно это страдающие севай, ведет или раком — остаются жить в больницах под присмотром Целителей; к ним применяется *хвагедвеан*, или «продолжительное вынесение приговора». На первое место при этом, как правило, ставится избавление от унижений, а не продолжение жизни как таковой. Если пациент просит о смерти и его семья и ближайшие друзья согласны, то этот вопрос выносится на обсуждение всего Общества Целителей. Если оно приходит к решению, что в данном случае смерть является наиболее благоприятным

исходом, то выделяются четверо Целителей; эвтаназия представляет собой сложный ритуал (как, впрочем, и аборт или убийство чудовищно уродливого новорожденного). Осуществляется она с помощью яда, который принимается оральным путем или с помощью инъекции. АбORTы представляют собой выскабливание куреткой с предварительным и последующим лечением травами. Новорожденные-уродцы (если они не умирают сами от несовместимых с жизнью уродств практически сразу после родов) умирают просто от голода: за ними присматривают, но не кормят.

В ответ на возникшие у меня несколько недоуменные вопросы по поводу этого последнего случая Ясень передал мне следующее письменное заявление:

«К существам (человеческого и животного происхождения), которых мы убиваем и которым позволяем умереть при рождении, относятся исключительно носители следующих врожденных пороков: родившиеся с двумя головами или сросшимися телами; родившиеся с *дусевай* (то есть с признаками развитой болезни севаи: слепыми, глухими и страдающими такими судорогами, которые не дают им даже сосать грудь); родившиеся с чудовищно изуродованными телами или же с полным отсутствием головного мозга, кожи или какого-либо другого жизненно важного органа. Такие существа, родившиеся только для того, чтобы умереть, получают эту возможность. Человеческие детеныши, появившиеся на свет нежизнеспособными, получают возможность умереть, окруженные заботой и лаской, а также пением песен Ухода На Запад, и матери дают им имена, чтобы они могли быть оплаканы у Погребальных Костров во время равноденствия. Животные, что обитают в Доме Обсидиана, родившись нежизнеспособными, умерщвляются благородным и гуманным способом с соблюдением необходимого ритуала, и трупы их сжигаются».

РОДЫ

Это, похоже, единственная область, где врачи разделены по половому признаку. Что касается животных, то, например, при тяжелых родах у коровы или овцы может присутствовать примерно столько же специалистов мужчин, сколько и женщин. Однако врачи-мужчины редко присутствуют при родах у женщин; и некоторые Целительницы — *штатенио*, или «посылающие» — специализируются почти исключительно на уходе за беременными и кормящими женщинами, а также — на родовспоможении. Сложные и очень красивые церемонии, посвященные беременности и родам, проводятся под руководством женщин-Целительниц из Общества Крови. Уход за беременными и обучение их тому, как надо себя вести во время родов, осуществляются самым тщательным

образом, включая целую систему различных ритуалов и церемоний. По мере приближения родов гигиена в доме соблюдается все строже. Если не удается выделить для роженицы отдельную комнату и содержать ее в абсолютной чистоте — выскоблив песком полы, покрасив заново стены, прокипятив постельное белье и так далее, — то Общество Целителей может настаивать, чтобы роды происходили у них. Мать остается в стерильно чистой, очень тихой и слабо освещенной комнате вместе с младенцем в течение девяти дней, необходимых для отдыха. Отец в это время занят подготовкой торжественной встречи жены с новорожденным и «отсортировыванием» бесконечных посетителей; вместо него этим может заниматься и другой мужчина из его Дома, если в данный момент сам отец отсутствует, или уже успел развестись, или по той или иной причине не считает себя ответственным за ребенка. Сам отец или его заместитель непременно должны помогать молодой матери в ее заботах о новорожденном и в работе по дому и не позволять ей переутомляться, пока она кормит младенца грудью, хотя на самом деле семья обычно так опекает молодую мать, что та сама начинает настаивать на возвращении ей свободы передвижения и любимой работы. Тёрн, которая проходила подготовку в качестве *штатенша* у Целителей Синшана, говорила, что тяжелые роды случаются довольно редко, однако многие беременности заканчиваются, к сожалению, преждевременными родами или рождением мертвого или серьезно изуродованного ребенка. По всей очевидности, в этом виноваты генетические нарушения. То же самое относится и к крупным животным; в гораздо меньшей степени страдают от этого более мелкие животные, которые размножаются куда быстрее и успевают за множество поколений избавиться от тяжкого генетического ущерба, явившегося результатом давнишнего отравления окружающей среды и прочих неприятностей, оказывающих влияние на изменение генетического кода любого вида живых существ.

РАЗЛИЧНЫЕ ЗАБОЛЕВАНИЯ

Список заболеваний, приведенный ниже, является далеко не полным, не очень точным и, возможно, даже во многих случаях неправильным. Я не могла соотнести признаки некоторых заболеваний с теми, которые были мне известны, хотя Ясень и пытался мне все объяснить. Мы с ним практически ни разу не были полностью уверены, что говорим об одном и том же. Вирусные и бактериологические мутации, которые к этому времени имели

место, без сомнения, изменили характер многих заболеваний. Но главной проблемой была нехватка слов и терминов. Медицинская теория и методы диагностики Кеш существенно отличаются от наших. Так, например, имея вполне ясное представление о той роли, которую бактерии и вирусы (причем последние совершенно не видны в их микроскопы) играют в качестве разносчиков и возбудителей заболеваний, Кеш не воспринимают заболевание как нечто существующее само по себе. С их точки зрения, это не то, что с человеком случилось, а то, что он делает сам. Самым близким термином, который я подобрала для перевода нашего слова «здравье» на язык кеш, было слово *оия* — «покой или благодать», или же слово *гестанаи*, что означало «жить хорошо и поступать хорошо при наличии таланта, удачи и умения». Чтобы перевести наше слово «недуг», или «болезнь», мне приходилось пользоваться отрицательной формой *пойя* — «непокой» (что в общем-то не так уж и далеко от английского слова *dis-ease*) или же словами «трудность», «тяжость» и «бремя»; а также я пользовалась словом *гепестанаи*, что означает «жить больным, делать все плохо, неудачливо, неумело». Эти понятия Кеш доказывают, что, с их точки зрения, больной человек — это не «пациент», не «потерпевший», а «агент», не просто человек, страдающий от вторжения болезни откуда-то извне, но «делающий болезнь», заболевший сам. Довольно забавно, по-моему, но подобная точка зрения замешана на меньшем чувстве вины, чем наше представление о некоем теле, ставшем жертвой зловредных сил, — и при этом подразумевается, что мы вообще не всегда делаем то, что хотели бы, надеялись или должны были бы сделать, и что жить не всегда легко. Деятельность Общества Целителей направлена отнюдь не на служение некоему идеальному или совершененному здоровью и вёчной юности или на искоренение болезней как таковых; Целители лишь пытаются убедить людей в том, что жить все не так уж трудно, не труднее, чем это и должно быть.

Общество Целителей проводит настоящие церемонии по иммунизации младенцев, которым от роду 9, 54 и 81 день, детей 2, 4, 5 и 9 лет, и взрослых — по их собственной просьбе или по необходимости. Болезни, которые врачи Кеш могут предупредить с помощью прививок или иммунизации, — это столбняк, бешенство или водобоязнь, малярия, бубонная чума — четыре заболевания, которые, как мне кажется, я могу назвать с уверенностью. Для них существует строгая система прививок, которые делают как младенцам, так и детям постарше, а также взрослым в случае необходимости. Малярия — настоящий бич огромных болот и эстуариев, и, хотя иммунизация проводится достаточно эффективно, она все же не дает полной гарантии, и Кеш никогда не стремится путе-

ществовать по заболоченным районам Долины. Впрочем, они вообще безо всякого восторга относятся к любым путешествиям. Разносчиками чумы по-прежнему являются бурундуки, на которых поэтому никогда не охотятся и шкурки этих зверьков никогда не обрабатываются. Тем не менее отдельные случаи чумы встречаются более или менее регулярно как в самой Долине Реки На, так и поблизости от нее, хотя эпидемий на памяти здешних жителей не было.

Мои вопросы относительно оспы и туберкулеза оставили Ясень в полной растерянности: он так и не смог определить эти заболевания по перечисленным мной признакам. Мы действительно, казалось бы, говорили об одном и том же, когда я перечисляла те болезни или те состояния, которые возникают в результате заражения организма герпесом: сыпь, лихорадка на губах, герпес половых органов, опоясывающий лишай... Ясень все это узнал и счел родственными заболеваниями, группирующимися под общим названием *чемхем*. Ветряная оспа считается в Долине достаточно серьезным заболеванием как у детей, так и у взрослых, и иммунизация против нее проводится в обязательном порядке и, на мой взгляд, очень эффективно.

Венерические заболевания — главным образом различные виды сифилиса и гонореи — называются «любовными ссадинами» или же «бедой чужеземцев», что вполне соответствует истине, ибо ни одна из этих болезней не имеет эндемического характера. Еще одна причина для обитателей Долины не любить путешествия. Ясень знал несколько способов лечения этих заболеваний, но никаких мер предохранения от них, кроме гигиены, ему известно не было.

Остальные, упомянутые далее болезни, мы смогли определить весьма приблизительно.

Детям делают прививки от чего-то вроде дифтерии, и еще от какой-то болезни, сопровождающейся высыпанием сыпи, явно не кори, однако, вполне возможно, какой-то разновидности скарлатины.

То, что Ясень называл «сырым легким», — это, разумеется, одна из форм пневмонии. Пенициллин или лекарство из древесных грибков, родственное ему, весьма эффективны при лечении. Я даже не пыталась разобраться в их невероятно сложной фармакологии, основанной главным образом на травах.

Инфекционный гепатит и некоторые формы инфекционной желтухи также весьма распространены; Ясень считает болезни

печени наиболее часто встречающимися и плохо поддающимися лечению. Основная тактика борьбы против них — соблюдение правил гигиены.

Кеш проявляют прямо-таки страстную заботу о воде вообще, а также о состоянии своих источников и колодцев, а потому знают брюшной тиф только по книгам и сведениям, полученным по Обмену.

Различные виды рака кожи встречаются часто; реже — другие формы рака, и все это вместе — значительно реже, чем у нас; однако и в этом случае различное восприятие и подход к онкологическим заболеваниям чуть не завели меня в дебри. Заболевания сердца, которые Кеш лечат с помощью лекарств и *гедвеана*, считаются, по-моему, болезнями пожилого возраста, если, разумеется, не связаны с врожденными пороками сердца.

Однако некоторые болезни, от которых весьма страдает народ Кеш и соседствующие с ним народы, нам пока совершенно неведомы. Это, прежде всего, *севаи и ведет*: врожденные, неизлечимые, дегенерирующие процессы, поражающие нервную систему. (Различные формы обоих заболеваний люди в Долине делят со всеми крупными домашними и дикими животными; говорят, что лоси, например, вымерли во всех прибрежных районах Внутреннего Моря из-за того, что «были больны ведет».) Насколько я смогла установить, оба заболевания отражают генетические (на уровне хромосом) уродства, вызванные долговременным отравлением местности ядовитыми веществами или радиоактивными отходами, или тем, что в изобилии осталось на Земле после военно-индустриальной эры и широко распространилось как в почве, так и в воде, и неудержимо просачивалось с грунтовыми водами из зараженных до сих пор районов. Ведет сопровождается распадом личности и слабоумием; севаи — слепотой и атрофией других органов чувств, а также нарушением мышечного контроля. Оба заболевания сопровождаются сильными болями, уродливыми изменениями тела и конечностей, оба неизлечимы и кончаются смертью. То, насколько мучительно и долго протекает такое заболевание, в каждом конкретном случае зависит, и весьма сильно, от того, что Ясень называл «серьезностью» состояния: иногда общее поражение организма приводит к смерти плода еще во чреве матери; зато более легкие формы могут вообще не проявиться до глубокой старости.

Глубокой старостью в Долине считается возраст после шестидесяти. Средняя продолжительность жизни, таким образом, пред-

ставляется достаточно низкой, не более тридцати или сорока лет. Слишком многие дети с рождения поражены севая или же иными страшными генетическими заболеваниями, что приводит к высочайшей детской смертности. Однако же, с точки зрения Кеш, человек, родившийся *оия* и живущий *гестанаи*, способен дожить и до семидесяти, а то и больше. Старость воспринимается в Долине легко и очень часто старики живут с заслуживающим особого уважения мастерством и изяществом.

Из трактата «О различных занятиях»

Из наставлений, собранных библиотекой хейимас Красного Кирпича в Синшане

Занятия внешние: грубая работа на холоде и при плохом освещении вредна для здоровья и приводит к онемению тела. Занятия охотой или войной требуют терпения, бдительности, внимательного отношения к деталям, послушания, контроля над собой, духа соперничества, опыта, не слишком богатого воображения, холодного разума. Убийство ради собственного пропитания животных и растений — занятия, требующие терпения, бдительности, внимания к деталям, присутствия разума и большой осторожности. Опасность, грозящая такому убийце, велика. Если утрачивается представление о Даре, приносимом убиваемым, то утрачивается и разум убивающего. Если же утрачивается представление о той боли, которую испытывает убиваемый, то убивающий — конченый человек. Представление о боли, которую испытывает другой, — суть человечности. Если по небрежности или по собственному желанию убийства совершаются часто и с жестокостью, это нарушение всех законов и не допустимо ни при каких обстоятельствах.

Тех, кто занимается тайным накопительством и ростовщичеством, считают трудно воспитуемыми, ненасытными и подобными раковым опухолям.

Занятия ближе к центру: занятия с неясной целью, на холоде, требующие больших усилий, убивают тело. Перемалывание зерна и приданье дереву различных форм, а также подготовка растений, корней и семян для еды, вырубка и сожжение деревьев, вяление и хранение мяса животных, птиц или рыбы, захоронение мертвых животных, принадлежащих городу, похоронный обряд и погребение мертвцев — все это занятия, требующие известного

количества дополнительных знаний, ибо они должны осуществляться разумно и в строгом соответствии с правилами.

Еще ближе к центру — такие требующие грубой силы и ясного разума занятия, как торговля и обмен. Занятия бартерной торговлей и обменом позволяют различным силам и энергиям должным образом перемещаться с одного места на другое; эти занятия очень похожи на саму жизнь. Искусство мельников, использующих энергию солнца, ветра, воды, электричества и комбинации различных энергий и вещей для того, чтобы создавать другие вещи, — все это тоже можно назвать обменом. Все эти занятия требуют бдительности и ясности ума, яркого воображения, скромности, внимательного отношения к деталям и их взаимосвязанности, силы и мужества.

Совсем близко к центру и непосредственно в центре находятся такие занятия, как зачатие, вынашивание и рождение ребенка, а также его кормление и прочие заботы о нем.

В самом центре находятся такие занятия, которые проникнуты теплом и силой, отличаются тонким разумом и ярким воображением. Это занятия, связанные со всем живым, с разнообразными и сложными проявлениями окружающего мира, с его энергией и красотой. Яркое воображение, ясный разум, тепло души, готовность к действиям, великодушие, милосердие и спокойствие требуются при занятиях садоводством, земледелием, распределением пищи, заботой о животных, лечением, заботой о больных, целительством и утешением людей. Сюда же относится поддержание порядка и чистоты в жилищах и на рабочих местах, занятия танцами и пением, изготовление прекрасных и полезных вещей и все занятия, связанные с музыкой, с актерством, с рассказыванием, с писательством и с чтением вслух или про себя.

ИГРЫ

Игрушки, которые взрослые делают для детей, главным образом вырезаны из дерева или сшиты из кожи или материи. Это чаще всего фигурки зверей и людей, разнообразная кукольная посуда и мебель, «кубики» из обрезков дерева, тщательно обработанные и отшлифованные, самой различной формы, а также мячи — из сока молочая, из овечьих мочевых пузырей, кожаные. Остальные свои игрушки дети делают сами или берут на время из дома или из мастерской. Чаще всего они играют в «рассказывание историй» или же подражают различным занятиям взрослых, включая целительное пение-гипноз и прочие виды лечения, похоронные обряды, рождение детей, семейные ссоры и так далее.

Многие игры сопровождаются пением и танцами, очень сложными порой и так искусно исполняемыми, что можно залюбоваться. Одна из них, под названием *мудул* (что значит «кролик») похожа на наши «классы»: играющие в своеобразном танце следуют друг за другом по расчерченному «пути» или «лабиринту» и в определенных местах передвигают старые или втыкают новые палочки с шариками на конце или ореховые скорлупки.

Бросание обруча, вырезанного из легкого дерева, — тоже одна из излюбленных забав. В нее играют обычно на берегу ручья или речки. Одна пара стоит на одном берегу, а другая — на противоположном. Иногда играют целыми группами и поют при этом специальные песенки. Играют и поют до тех пор, пока кто-нибудь не промахнется; тогда все нужно начинать с начала; «выиграть» в этой игре — значит допеть всю песню до конца.

В «ножички» играют с большим мастерством. Нож вообще считается самой дорогой вещью ребенка, «настоящий стальной ножичек из Телины!»

Игра *хиш* напоминает наш бадминтон; в него играют воланом с резиновой головкой и хвостом из перьев (само слово *хиш* значит «ласточка») и небольшими ракетками с длинной ручкой и струнами из кишок. Играют обычно четверо, пара на пару, по обе стороны натянутой струны или ленты. Главное в этой игре — как можно дольше продержать «ласточку» в полете. В *хиш* играют чаще всего летом, эта игра входит в число Летних игр, и взрослые, а уж тем более молодежь, часто отправляются из города в город, чтобы участвовать в соревнованиях и показать себя. Взрослые женщины и пожилые мужчины редко играют в спортивный *хиш*, но любят поиграть просто так, без правил; в сухой сезон на городской площади для игры в *хиш* обычно устраивается настоящий корт или даже два.

В «подкову» они играют так же, как и мы.

Для игры в кегли используется тяжелый деревянный шар, который катят по гладкой земляной дорожке по направлению к пяти камням, расположенным в виде буквы «V». Засчет очков ведется по весьма сложной системе, вызывающей порой длительные и весьма мрачные споры. Пожилые люди играют и в кегли, и в «подкову» даже чаще, чем дети.

Стрельба из лука, *дартс* (метание дротиков) и метание палки — это, разумеется, элементы охотничьего мастерства, но этим занимаются и просто так, ради удовольствия, а также соревнуются во время Летних игр, демонстрируя свою удачу. У большинства детей есть свой собственный лук, и они сами учатся делать к нему стрелы. Охоту детей на мелких зверьков игрой назвать трудно, хотя она и заключена в рамки исключительно строгих правил и отнюдь не является необходимой для обеспечения семьи пропитанием.

Игра в прятки особенно популярна летом, как и игра, сходная с нашей «Разлей ведро» (только для того чтобы освободить «пленников», нужно не разливать ведро, а бросить длинный бамбуковый щест, и там, где он воткнется в землю, будет новый «домик»). Обратная пряткам игра в «сардины» очень популярна среди малышей, когда в дождливый сезон они сидят дома.

В *шинни*, или полевой хоккей, играют на поле, оставленном под паром, или на гумне, используя кожаный мяч и деревянные палки. Играют сразу четыре команды, в которых от двух до пяти игроков; цель заключается в том, чтобы провести мяч через четверо ворот в определенном порядке. Существует также разновидность нашего футбола, когда мяч просто гоняют ногами, и правила в этой игре примерно те же, насколько я смогла определить. Поло, или *ветулу*, относится к той же категории игр, однако в нее играют не командами, а по отдельности, и каждый игрок верхом на коне действует сам за себя. Во всех этих играх та команда, пара или отдельный игрок, что закончат игру первыми, считаются победителями, однако сама игра не заканчивается до тех пор, пока не сыграют все. Хотя эти развлечения сопровождаются весьма сильным и порой рискованным возбуждением, в случае проявления агрессивности игра прерывается сразу и навсегда. Отличный игрок должен обладать скоростью, ловкостью и знанием приемов, а также умением работать в команде, чтобы добиться в такой игре победы; для Кеш она является метафорой общества, а не войны. Здесь дух сотрудничества преобладает над духом соревнования, что, в общем, характерно для всех игр Долины, за исключением азартных игр или розыгрышей.

В кости играют в основном дети старшего возраста и подростки, а также многие взрослые. Существует два вида игры в кости,

оба шесть-на-шесть: в *апап* или «ноль-ноль» играют парой костей, на которых пометки из пяти пятнышек сделаны на каждой стороне, за исключением одной, «пустой»; в *вотс* играют четырьмя kostями, на которых изображены шесть символов — лист, кость, глаз, рыба, лопата, рот; кости бросают, и выпадают различные комбинации, одна из которых выигрывает. Другие игры в кости — в некоторых из них используются длинные октаэдры — заимствованы у соседних народов. Ставки делаются обычно с помощью деревянных фишек или камешков; игра на вещи, представляющие настоящую материальную ценность, одобрением в обществе Кеш не пользуется, но тем не менее весьма популярна, и взрослые порой устраивают длительные сеансы игры в кости с пирожками — особенно летом, в горах, когда поблизости нет соседей, способных выразить свое неодобрение. У членов общества Кеш действительно не так уж много личных вещей, чтобы позволить себе разбазаривать домашнее добро из-за игры в кости, и повредить своей репутации этим они вполне могут. Из азартных игр Кеш мне известны только игры в кости; что же касается всех прочих, то здесь главным считается умение и ловкость, а не случайная удача. Именно поэтому Кеш не слишком одобрительно относятся к таким вещам, как пари и ставки на победителя.

Среди настольных игр самой любимой среди детей является игра в бирюльки: набор до блеска отполированных деревянных палочек (или просто соломинок, если играют в поле) подбрасывают в воздух, и они падают беспорядочной кучкой, которую нужно осторожно разобрать, причем не сдвигая с места остальных, если ты уже взялся за какую-нибудь одну; если сдвинешь — пропускаешь ход. Еще больший набор полированных палочек из оливы используется для целой группы игр — в «расшибалочку», в подбрасывание палочек и ловлю их тыльной стороной руки, в строительство разных «домиков» и т. п., и кое-кто из детей добивается поистине поразительной ловкости рук благодаря таким играм.

Деревянные таблички с надписями, вроде домино и примерно того же размера, иногда очень красиво украшенные, служат для нескольких видов игр, основной целью которых, как в наших анаграммах, является составление слов или (в более сложных разновидностях) предложений. Такие игры могут продолжаться часами, а иногда и днями. Например, ставится цель: сложить стихотворение; или игроки договариваются о быстром, «летучем», обмене «оскорблений», шуточными конечно. Подобные соревнования — без использования игровых пластинок и в виде свободных устных импровизаций — характерны для Танца Вина. Прямое соперничество и агрессивность, как и всегда у народа Кеш, направляются при подобных играх в русло словесного поединка, который приемлем

до тех пор, пока игроки держат себя в руках, и вызывает восхищение у зрителей, пока представляется им разумным.

Игра «в слова» (устная) — это нечто вроде рассказывания «историй с продолжением», когда люди, усевшись в кружок, рассказывают по принципу «а дальше было вот что», заканчивая свою часть повествования на каком-нибудь заковыристом месте, с которого и должен начинать следующий, и так без конца. Похоже, что игра в загадывание и отгадывание загадок в чистом виде в Долине не встречается.

Я не видела, чтобы играли в шахматы или во что-либо подобное на разрисованной клетками доске, не играли также и ни в какие варианты шашек и го. И карт у Кеш я тоже не видела. На досках играют в игры типа «змеи-и-лестницы» или «трик-трак», или индийской «пачизи» в упрощенном варианте — все это очень простые и распространенные главным образом среди маленьких детей игры; взрослые играют в них вместе со своими малышами. В Тачас Тучас дети ходят в хейимас Красного Кирпича, чтобы поиграть в игру под названием «Трудное путешествие в Девять Городов», во время которой путь игроков по огромной старинной, замечательно разрисованной доске полон опасностей — гремучих змей, диких собак, разъяренных Мельников, огненных шаров и шаровых молний, волшебных земляных белок и прочих препятствий — прежде чем они наконец достигают Ваквакхи...

*Три стихотворения Пандоры,
написанные по пути из Долины
в Столицу Человека*

ВЫСОКАЯ БАШНЯ

Высока, благородна та Башня,
что из глыб построена Воли
и стоит на скалах Закона:
нерушима эта обитель.
Здесь хозяин — Единственный.
Множество разных людей
жить здесь может,
но все же язычники
вечно изгоями будут
и умрут, точно звери.

И тогда мы решили:
ну что же, уходим,
и ушли от дворца Его
и от Царства в поля и луга,
где себе мы хижины строим
из глины, воды и веток.
И живем мы бок о бок
с травою, зверями и лесом.
Они служат нам пищей и кровом,
мы их восхваляем в песнях,
одинаковы смерти наши.
И пути наши очень похожи,
только свой проложили мы
волей разумной. Стал
реке он подобен быстрой,
средь скал по камням бегущей.
А в долинах, где дома свои строим,
мы подобны воде и теням.
Быстро рушатся наши жилища,
и давно уж не видим мы за спиною
священной высокой той Башни,
и стремимся все дальше и дальше
по течению реки каменистой.

НЬЮТОН НЕ СПАЛ ЗДЕСЬ

Мне все равно — возможна ль я, иль нет.
Где, собственно, мосты меж нами?
Да вот они: и радуга, и ветер,
туман и неподвижный воздух.
Должны мы непременно научиться
ступать по радуге.
(И даже Бог-ревнивец
считает это справедливым.)
Должны мы научиться летать
на крыльях ветра —
ведь связывает нас, душа моя, сестрица,
бездонная та пропасть, что легла меж нами.
Должны познать мы и тропу тумана,
что разделяет нас, о брат мой, тело —
ведь это лишь родство по Дому.
Должны мы научиться верить
воздуха прозрачным массам.

НЕ ГОВОРЯ СЛИШКОМ ЯСНО

Ни божества, ни короли и ни герои,
что рождаются раз в столетье,
здесь друг друга не сменяют.
Ни двойников, ни спеклов с нас
и ни умноженного многократно
войска дублей — иль новых образцов,
но все же на нас похожих, —
толпы, что заполняет города,
здесь нет. И нет Столиц. Простите.
Здесь нет и Никуда,
куда бы броситься могли вы.
Пути нет без конца и без предела.
Только люди. Их немного,
и они пытаются припомнить,
в памяти оставить множество вещей,
и бродят у реки спокойной,
и поют: о хейя, хейя, хейя!

«Жизнь на побережье», Энергия и Танцы

«Жизнь на побережье»

Этим термином Кеш обозначают период полового воздержания, которое непременно соблюдают все юноши и девушки. В течение долгого времени я считала этот обычай аномальным, нехарактерным для культуры Долины в целом. Эти люди, исповедующие реалистическое и нетребовательное отношение к проявлениям сексуальности вообще, избегающие излишеств как в потакании своим слабостям, так и в чрезмерном воздержании, и не настроенные слишком строго судить других, ведущих более вольный образ жизни, требуют скорее соблюдения приличий, чем законов и суровых правил, к тому же дети являются для них буквально центром Вселенной — так откуда же взялось у них столь строгое воспитание подростков, достигших половой зрелости?

Какое-то время я — почти с удовольствием — объясняла это предосудительным отношением Кеш к слишком раннему материнству и отцовству, причем в данном случае осуждение действительно было весьма суровым, не менее суровым, чем в случае рождения в одной семье более чем двоих детей, что, вне всякого сомнения, было порождено единой и вполне разумной причиной. Большие семьи, как известно, начинаются со слишком молодых родителей. Однако, какие бы разумные элементы ни лежали в основе подобного отношения, проявлялось оно всегда весьма бурно: Кеш были уверены, что раннее материнство/отцовство неразумно, нездорово и приводит к деградации. Если девушка, не достигшая семнадцати-восемнадцати лет, беременела, то ей всегда делали аборт. Если же юноша, не достигший двадцати лет, становился отцом, то односельчане своим презрительным отношением вполне могли довести его до бегства из города, жизни в изгнании или самоубийства.

И все же, почему столь строгое половое воздержание? В конце концов, из-за имевших место в далеком прошлом катастроф, нанесших населению Земли значительный генетический ущерб, частота случаев зачатия была у Кеш весьма незначительной, а частота рождений абсолютно здоровых детей — очень низкой по нашим меркам; да и контрацептивы (презервативы, спирали и «колпачки» из тонкой резины, изготавливаемой из корня молочая и других материалов, а также различные противозачаточные мази на травах, которыми жителей Долины обеспечивало Общество Целителей) были вполне эффективны, доступны и одобрены всем обществом. Мальчики и девочки в возрасте десяти лет отлично знали

назначение всех контрацептивов, а многие уже и пользовались ими — ибо сексуальные игры детей не только милостиво разрешали, но даже поощряли. И в то же время где-то после десяти дети сами постепенно прекращали сексуальные забавы, им хотелось скорее «перерости» их и стать такими же «взрослыми», как соблюдающие половое воздержание подростки. Но почему именно в тот момент, когда половое влечение с особой силой начинает проявлять себя, когда значительно возрастает половая потенция, вдруг появляется этот ненужный и тяжкий запрет, полностью изменяющий всю жизнь подростка?

Когда я в конце концов в своих рассуждениях добралась до этих «перемен в жизни», то постепенно начала осознавать естественность закона о половом воздержании для подростков в рамках всей культуры Долины.

Чтобы объяснить это, понадобится порассуждать немного о нескольких ключевых словах Кеш, которые впервые упоминались в главе «Устав Дома Змеевика».

Хейийя

Первый, непереводимый, элемент этого слова, *хей-* или *хея-*, — это «хвала/поздравление/заверение в почитании».

Вторая часть — слово *ийя* — буквально значит «дверная петля», то есть приспособление, соединяющее дверь с дверной рамой, чтобы она могла открываться и закрываться. Дополнительные значения и различные метафоры так и роятся вокруг этого образа. *Ийя* — это «стержень», центр спирали, источник движения; иначе говоря, источник перемен и в то же время средство связи. *Ийя* — это вечное начало, сам процесс возникновения энергии. Понятие «энергия» обозначается словом *иье*.

Энергия, с точки зрения Кеш, проявляет себя в трех основных формах: космической, общественной и личной.

К космосу, ко Вселенной в языке кеш обращаются достаточно вольно словом *рүүвей*, что значит «все это». Существует и более узкое, философское понятие *ем*, обозначающее протяженность-продолжительность, или понятие времени-пространства. Энергия в физическом значении этого понятия — это основная жизненная сила, способная превращаться в материю, а затем из материи — снова в энергию. Физическая энергия обозначается словом *емийе*.

Остоууд служит общим термином для таких действий, как ткачество, плетение волокон, соединение, соотнесение, и именно потому используется для таких понятий, как «общество», «общность», «община» — то есть нечто, сплетенное из взаимозависимых суще-

ствований. Энергия взаимоотношений, включающая как политику, так и экологию, обозначается словом *остоуудийе*.

И, наконец, энергия личности, конкретная индивидуальная энергия человека обозначается словом *шейе*.

Игра и переплетение этих трех форм энергии во Вселенной и составляют то, что Кеш называют «Великими Танцами».

Последняя из этих энергий, энергия конкретного индивида, разветвляется в еще один набор концептуальных понятий, которого я коснусь лишь очень кратко:

Личная энергия каждого рассматривается как состоящая из пяти основных компонентов, имеющих отношение к полу, разуму, движению, работе и игре, и в каждом из этих компонентов действуют свои центростремительные и центробежные силы.

1. *Ламайе*, сексуальная энергия. *Ламавоийе*, энергия, которая поглощается сексом (фрейдистское либидо?).

2. *Йайе*, мысль, направленная вовне. *Йяивоийе*, мысль, направленная внутрь.

3. *Даойе*, кинетическая энергия в чистом виде. *Шевдаойе*, энергия, проявляющаяся в занятиях атлетикой, в путешествиях, во всех физических умениях, трудах и деятельности. *Шевдаовойе* — это деятельность самого тела человека.

4. *Айайе*, игра, обучение, учеба. *Айявойе*, пожалуй, лучше всего переводить как «учиться без учителя».

5. *Шейе*, личная энергия, воспринимаемая как работа: основная деятельность человека, направленная на то, чтобы выжить — добыча и приготовление пищи, забота о доме, все искусства и умения, связанные с поддержанием жизни. *Шевоийе*, работа, направленная внутрь, работа над своим «я», над своей личностью (индивидуальностью), а также — энергия душевная.

Быть живым означает выбирать и использовать, сознательно или нет, хорошо или плохо любой из этих видов энергии способом, наиболее адекватным данному возрасту, состоянию здоровья, моральным представлениям и т. п. «Развертывание *ийе*» — основа всего обучения/образования в Долине, дома и в хейимас, с рождения до самой смерти.

Личная энергия, разумеется, — личное дело каждого. Индивид делает свой выбор, и этот выбор, мудрый или глупый, обдуманный или сделанный беспечно, и составляет, собственно, данную личность, то есть зависит от конкретного человека. Но никакой индивидуальный выбор невозможен, если речь идет о сверхличностных и неличностных видах энергии, о космически/социально/личностной родственности и взаимозависимости всех существ и явлений. Здесь уместно вспомнить еще одно весьма важное понятие

Кеш, *тууэйи*, которое переводится примерно как «мышление, памятливость» и может быть описано как разумное осознание существующей взаимозависимости всех энергий и существ, как некое чувство собственного места в этом конгломерате, как ощущение себя частью целого.

Ну а теперь попытаемся приложить все эти абстрактные рассуждения к реальной жизни Долины.

Младенец существует скорее в терминах физической энергии и энергии взаимоотношений (*емийе, остоуудийе*), чем как личность. По мере того как ребенок подрастает, его направленная вовне личная энергия (*шэйиे*) начинает не только вырабатываться, но и дифференцироваться, сперва в движение, игры и обучение (*шевдаойе, айайе*), в деятельность, свойственную юным, которой нельзя препятствовать; она не может быть заперта в рамки правил или, выражаясь словами Блейка, «обуздана». Более медленно развиваются и находят свое выражение энергии пола и разума (*ламайе, йяйиे*), по-прежнему в основном направленные вовне, экстравертивные. А в период «чистой воды» у девочек (девяти-девяносто лет, до наступления у них регулярных месячных) и «пускания побегов» у мальчиков (девяносто-одиннадцати лет, до наступления половой зрелости) постепенно проявляется и энергия активной личности, индивидуальность.

С наступлением половой зрелости все эти направленные вовне, центробежные, усиливающие свою мощность энергии начинают дублироваться столь же мощными энергетическими центро-стремительными потоками зрелого человеческого существа. Юноша или девушка должны научиться уравновешивать все эти силы и, таким образом, стать целостной личностью, полноценным человеком, *йевейше*. Существует немало различных способов превращения подростка в полноценную личность — ведение хозяйства, интеллектуальные упражнения, проявления милосердия — и называются они «регулированием энергий». И здесь мы снова возвращаемся к правилу полового воздержания, к тем переменам, что ожидают подростков после окончания детства.

Дети, как считается, «движутся по направлению» к половой зрелости. Девушки и юноши, достигнув ее, начинают «движение в обратную сторону». Именно к этому времени, то есть став зрелыми в половом отношении существами, они вполне сознательно, по собственному выбору как бы «приостанавливаются» на время в своем движении и развитии. Все их устремленные вовне энергии должны отныне обрести обратное направление, вернуться к центру, поработать во имя созидания их собственной индивидуальности в наиболее уязвимый и ответственный период ее становления.

В этот период перемен юная «личность» может «оказаться» где угодно — в том числе и там, где нерожденные дети ждут своего часа (этот образ Кеш одновременно и абстрактный, и вполне реалистичный, физический: процессы, происходящие в душе и мыслях юного человека и в его половых органах, тесно переплетены). Итак, они отправляются «жить на побережье», а после этого готовы вернуться «во внутренние земли», вернуться домой.

Разумеется, глубокое понимание подобной необходимости и согласие пройти этот путь по собственному желанию — вариант идеальный. На практике большая часть молодых людей соглашается на длительное половое воздержание исключительно из обыкновенного конформизма, из послушания и еще потому, что за эту «жертву» полагается ощутимое вознаграждение. Человек начинает свою «жизнь на побережье» с праздника, который устраивается у него дома, с церемонии в хейимас и с получения кучи подарков — целого нового гардероба; к юноше или девушке в некрашеных одеждах всегда относятся с уважением и особой теплотой и нежностью. В этот период их поддерживает вся сложная сеть родственных связей Кеш — родственники по крови, по Дому, по душевной привязанности, по Обществу, по Цеху, да и весь город. А вопрос о том, как долго будет тот или иной человек «жить на побережье», решает он сам. Это может длиться всего лишь около года, а может затянуться надолго, порой до двадцати с лишним лет. Единственное, чего здесь нужно избегать, это чрезмерность: слишком ранние и беспорядочные половые связи столь же вредны, сколь и чересчур упорный аскетизм.

Итак, «жить на побережье» означает жить обдуманно. Это некий поворотный момент в жизни каждого, виток спирали вокруг «стержня». С него начинается трудная работа по становлению личности, являющаяся также частью работы по установлению своего родства со всем окружающим миром, с той Вселенной, в которой родство это проявляется в течении реки, в танце, в движении галактик. *Вейий хейий* — все взаимосвязано, все свято!

Ваква

Сложное слово, переведенное мной как «регулирование энергий», *ийевква* — это технический термин из психотехнологического жаргона Кеш, из языка их хейимас.

В обычном разговоре элемент *ква* проявляется лишь в слове «ваква», самом распространенном слове и одном из самых сложных по смыслу. Оно может означать: весну, бегущую воду, паводок или бурный поток воды, а также глаголы — течь, танцевать, а также — течение танца и пребывание в танце, а также — праздник, церемонию, ритуал, а также — тайну в смысле неясного или неясного знания и понимания и тех священных путей, благодаря которым таинственные знания можно получить и открыть для себя. Как говорила моя добрая наставница по имени Слюда, «слово — это такой маленький мешочек, в который почему-то помещается ужасно много орехов».

Слово, обозначающее реальный водный источник или поток воды, обычно уточняется с помощью суффикса — *ваквана*. Город у истоков самой главной реки Долины, Великой На, называется Вакваха, что значит «руслу ручья». Это же слово в качестве обычного существительного/глагола может обозначать и направление водного потока, после того как он покидает свой источник: *вакваха* — чрезвычайно насыщенный художественный и философский образ. Это слово означает также «рисунок танца», последовательность действий во время той или иной церемонии, порядок более мелких событий в рамках одного большого явления и их направленность. Рисунок или фигура, отражающие это явление или процесс, называются *вакваха-иф*.

Ваква как тайна (тайство) может иметь две формы. *Веготенвяя ваква*, буквально «ваква, отосланная назад», означает мистификацию, оккультное действие: правила или знания, сознательно кем-то спрятанные или неоткрытые. *Гоуваква*, «темный танец», означает тайну как таковую: Неведомое, Непознаваемое. Встающее солнце Кеш приветствуют: *Хея, хея!* Но и тьму между звездами они тоже приветствуют не менее торжественно: *Хея гоуваква!*

Любовь

Существует шесть слов кеш, которые можно перевести словом «любовь». Таким образом, можно предположить, что у Кеш вообще нет слова, обозначающего любовь, а есть шесть слов для различных видов любви.

1. *Венун*: существительное и глагол со значением «хотеть», «желать», «жаждать, домогаться». («Я люблю яблоки».)
2. *Ламавенум*: существительное и глагол, обозначающие половое влечение, вожделение, страсть. («Я люблю тебя!»)
3. *Квайо-вои дад*: «сердечное расположение». Имеет значения: «нравиться», «любить», «испытывать теплые чувства к кому-либо». («Я его очень люблю» = «Он мне очень нравится».)
4. *Унне*: существительное и глагол со значением «доверие» (доверять), «дружба» (дружить и т. д.), «привязанность», «длительное теплое отношение». («Я люблю своего брата». «Я люблю ее как сестру».)
5. *Ийяквун*: существительное и глагол со значением «взаимная связь», «взаимозависимость», «сыновняя (дочерняя) или родительская любовь», «любовь к конкретному месту», «любовь к своему народу», «любовь космическая». («Я люблю тебя, мама». «Я люблю свою страну». «Бог меня любит».)
6. *Бахо*: глагол со значением «доставлять (получать) удовольствие или радость». («Мне нравится (люблю) танцевать».)

Принципиальным различием понятий 3 и 4 является продолжительность чувства: 3 — чувство кратковременное или только зарождающееся, 4 — чувство длительное или продолжающееся давно. Различие между понятиями 4 и 5 более трудно определить. *Унне* подразумевает взаимность, *иийяквун* утверждает ее; *унне* — это любовь/доброта, *иийяквун* — это страсть; *унне* — чувство рациональное, умеренное, социальное, *иийяквун* — это та любовь, что движет Солнцем и планетами.

Письменный кеш

Чтение и письмо воспринимаются как элементы человеческого общественного существования столь же фундаментальные, как и сама речь. С трех-четырех лет ребенок учится читать и писать дома и в хейимас, и среди Кеш нет ни одного неграмотного, за исключением тех, кто страдает душевными недугами или слеп. Последние часто компенсируют свою неспособность читать, фантастически развивая способность запоминать все на слух.

Кеш менее, чем мы, склонны воспринимать устную и письменную речь как один и тот же вид деятельности, лишь принимая различные формы. Все, что мы говорим вслух, может быть записано, и мы, похоже, чувствуем, что все это *непременно следует* записать, если в этом содержится хоть что-то важное: запись удостоверяет подлинность устного высказывания и даже занимает приоритетное место по отношению к нему. Мы теперь заранее читаем то, что наши ораторы еще только собираются сказать нам. Использование компьютеров тем более повышает ценность письменной формы языка: слова стремятся существовать исключительно в визуальной форме.

У Кеш существует несколько видов письменных текстов, которые не подлежат устному воспроизведению, но, поскольку у них также есть несколько весьма важных форм устной речи, которые не подлежат записи, они не идентифицируют устную и письменную речь как формы или аспекты одного и того же явления; для Кеш это два разных языка, каждый из которых может быть переведен на другой, если это полезно или допустимо.

Алфавит, которым они пользовались во время нашего пребывания у них в Долине, был создан несколько веков назад группой ученых из Общества Земляничного Дерева в Ваквахе, которых совершенно не удовлетворял прежний алфавит. То ли потому, что он был заимствован из другого языка, или же потому, что Кеш со временем привнесли в него много новых фонем, и этот, и без того чрезвычайно громоздкий, алфавит *фесу* стал практически условным. *Фесу* насчитывал 67 букв, представлявших 34 фонемы языка кеш. *Айха*, новый алфавит из 29 букв (плюс отдельные просодические значки, связанные с языками Пяти и Четырех Домов), был почти чисто фонетическим (расхождения помечены в приведенной ниже таблице). Написание букв самым суровым образом было «очищено от завитушек» и, пожалуй, стало чересчур рационализированным. Ученые и сейчас учатся читать на *фесу* — исключительно из любопытства, свойственного «любителям древностей» —

Чернильница

однако все документы, представляющие какой бы то ни было интерес, давно уже переписаны и переизданы на *айха*.

Кеш пишут с помощью пера и кисточки. Наиболее распространены стальные перья в деревянных «вставочках» (металлурги Кастохи производят сталь в достаточных количествах, чтобы ее хватило на стальные перья, швейные иглы, лезвия ножей, бритвы и некоторые другие мелкие бытовые предметы и машинные детали). В хейимас пользуются также иглами дикобраза, но не гусиными перьями, потому что сами перья уже считаются словами. Кисточка, сделанная из пучка шерсти, закрепленной в бамбуковой палочке, также весьма популярная письменная принадлежность. Большинство поэтов, например, предпочитают писать именно кисточкой, может быть потому, что она как бы вдыхает жизнь в довольно однообразные буквы алфавита *айха*.

Чернила для письма (для перьевой ручки) делаются из чернильных орешков дуба или из греческого ореха с добавлением железного купороса и индиго и разливаются в маленькие с широким донышком серые керамические горшочки очень симпатичной формы. Тушь для кисточки делают из сажи (сжигая древесную смолу или масло), смешанной с клеем и камфорой. Ей в итоге придается форма лепешечек или палочек, как и китайской туши. Печатная краска представляет собой смесь канифоли, льняного масла, дегтя, сажи и индиго.

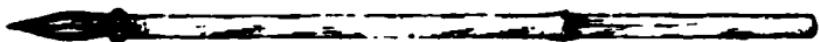
Бумагу делают самых разнообразных сортов и качества, веса и текстуры, используя смеси еловой пульпы и пульпы других деревьев, хлопок, лен, камыш, тростник, молочай и практически любые

волокнистые растения. В бумажной мастерской Цеха Книжников в Телине я видела поэму, написанную кисточкой на матовой бумаге, которую сам поэт изготовил, использовав пушистые головки одуванчиков и пух чертополоха, подвергнутые тщательному прочесыванию. Стихи его, на мой взгляд, запоминались куда меньше, чем эта удивительная бумага.

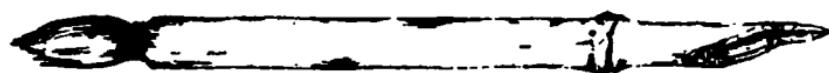
Цех Книжников и Общество Дуба обеспечивают население всех городов Долины бумагой, чернилами и прочими письменными принадлежностями и приспособлениями для книгопечатания, а также — всем необходимым для использования этих приспособлений.

Стихотворение или несколько стихотворений, например, могут быть написаны на большом листе бумаги, а коротенькие произведения чаще пишутся на свитках, приклеенных одним концом к деревянному ролику, на который потом наматываются. Книги делаются точно так же, как и у нас — скрепляются kleem и прошиваются нитками с одной стороны. Переплет обычно картонный, обтянутый телячьей кожей, шевро или же плотной тканью. Люди, которые достаточно много времени посвящают писательскому труду, обычно сами делают для себя бумагу и первые экземпляры книг. «Чистые» копии, а также печатные издания тех или иных литературных произведений — удел копиистов и печатников из Цеха Книжников. Эта работа называется *вудадду*, что значит «пройти все снова с начала до конца», а также — «толкование и представление». Это слово используется также для устного перевода, для постановки пьесы на сцене или же для воспроизведения вслух какой-либо музыкальной пьесы.

Следует отметить, что порядок букв в алфавите *айха* — это весьма последовательное продвижение от заднеязычных согласных к переднеязычным и губным, и дальше к гласным. Глайды *ou* и *ai* включены в алфавит как отдельные буквы, в то время как не менее часто встречающиеся глайды *эи* (эй) и *oi* (ой) в алфавит не включены.

Стеклянное перо

Кисть

ны, и никто не может мне объяснить почему. Символ или буква (၁), обозначающая Пять Земных Домов или Земной Язык, звучит как з, символ Четырех Домов (၂) является собой нулевую фонему; эти знаки, а также знак удвоения буквы в алфавит не включены.

Текст пишется и читается слева направо и сверху вниз, но клоуны часто пользуются «реверсивным» письмом, то есть снизу вверх и справа налево, а также переворачивают буквы «лицом» в противоположную сторону.

Заглавных букв у Кеш нет; предложения разделяются с помощью знаков препинания и пробелов. Гласные обычно пишутся крупнее, чем согласные.

Метелка

АЛФАВИТ КЕШ

АЛФАВИТ КЕШ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ АЛФАВИТ

ρ	[k]
ʃ·f	[g]
χ	[ʃ]
χ	[tʃ]
χ	[l], [ɫ]
χ	[n]
χ	[s]
χ	[d], [d̪], [ð]
χ	[t]
χ	[r̪], [r̩], [dr̪], [ð̪]
χ	[f]
χ	[v]
χ	[m]
χ	[b]
·	[p̪]
χ	[w], [ʷ]

~ · ~	[hw]
Ը	[y], [y']
Ձ	[h], иногда [x]
Յ · Յ	[ɔ]
Յ · Յ	[o]
Յ	[ow]
Յ · Յ	[u]
օ	[ə]
օ	[ɛ]
Յ · Յ	[a]
Յ	[a']
յ	[i]
ը	[i]
Յ	Знак Пяти Домов, произносится [z] (суффикс Земной Речи, который на письме обычно не используется)
Յ	Знак Четырех Домов, (не произносится)
~ · ~	Знак удвоения, ставится над буквой

Примечание относительно буквы «р»: в зависимости от контекста эта буква может произноситься как рокочущее «р», глухая пауза, звук, аналогичный звонкому английскому «th» (լ Ծ) или «др».

Пунктуация

В различных надписях, в книгах и на стенах, знаки препинания встречаются крайне редко, за исключением косой черты, отделяющей одно предложение от другого. Но в целом письменный кеш — как обычный, так и литературный — относится к правилам пунктуации очень внимательно, и правила эти довольно сложны. К ним, в частности, относятся и указания по поводу экспрессивности и темпа, т. е. такие, какими мы пользуемся лишь при записи музыкальных произведений. Основные знаки таковы:

— эквивалент точки в конце большого предложения (периода) или фразы.

— «двойной период», т. е. примерно конец абзаца.

— эквивалент нашей запятой; с помощью этого знака выделяется самостоятельное предложение внутри сложноподчиненного предложения или фразы.

— эквивалент нашей точки с запятой, выделяющий самостоятельное предложение или фразу внутри сложносочиненного предложения.

Эти четыре знака, как и у нас, исполнены семантической значимости и играют весьма существенную роль в выражении мыслей на письме. Следующие шесть знаков имеют отношение к экспрессивности, динамичности и темпу:

— эквивалент нашего тире, обозначающего паузу.

Двойной знак обозначает более длительную паузу; тройной — еще более длительную.

слово — у Кеш подчеркивание слова, как и у нас, обозначает эмфазу или ударение.

слово — знак, обратный подчеркиванию; обозначает нивелирование, приглушение тона, ровную интонацию.

— над словом обозначает *fermata*, т. е. слово произносится широко, растянуто, плавно; этот знак, вынесенный на поля, — *rallentando*: прочтите эту строку (строки) медленно.

— написанный на полях: ускорьте или возобновите нормальную скорость.

Особенности Земного и Небесного кеш

Значительная часть разговорного кеш имеет форму, которая в данной книге встречается лишь однажды, в одном из диалогов в главе из романа «Опасные люди». Согласно правилам Пяти Домов, человек, говорящий с живыми людьми или о них, а также о реально существующих на Земле местах, должен прибавлять к существительным и глаголам (или к вспомогательным глаголам) предложения звук з, если повествование ведется в одном из настоящих времен. Это делается даже в самой обыденной разговорной речи.

Форма, характерная для Четырех Домов или Небесной Речи, должна обязательно быть использована во всех разговорах, касающихся жителей Четырех Домов и тамошних мест (а также нерожденных и мертвых людей, тех, о ком думают, кого воображают, того, что снится или относится к дикой природе, и т. п.). Эта форма используется также во всех прошедших и будущих глагольных временах и со вспомогательными словами сослагательного, оптативного и условного наклонений, а также при отрицаниях, при извлечении отрывка из контекста, при цитировании «общих» мест, при произнесении вслух сакральных текстов, при риторических высказываниях, а также во всех художественных литературных произведениях, как письменных, так и устных. Существует специальная буква алфавита для фонемы з, символа Земной Речи, но, видимо, ею пользуются крайне редко. Люди, которые в реальной жизни разговаривают вполне по-земному, непременно постараются использовать Небесную Речь даже в самой реалистической истории или романе.

Итак, если в обычном разговоре кто-то скажет, например: «*Пандораз, Синшанан геховзес хаи оху*» («Пандора, ты сейчас живешь в Синшане?»), то оба имени собственных и одна глагольная форма будут произнесены в «земной манере». Но тот же самый вопрос в пьесе или любом другом литературном жанре прозвучит так: «*Пандора, Синшанан геховес хаи оху*». Отрицательной же формой, неважно, разговорной или торжественной, будет такая: «*Пандора Синшанан пегехов хаи*» («Пандора сейчас в Синшане не живет»). А прошедшее время всегда будет в Небесной форме: «*Пандора Синшанан ишньегегохов айеха*» («Пандора действительно некоторое время жила в Синшане»).

Хотя мое замечание относительно двух вариантов речи и демонстрирует, скорее то, что Кеш не отличают «фактической» (документальной) литературы от художественной (т. е. вымышленной),

как это делаем мы, однако сама точность, с которой они используют эти языковые формы, указывает на весьма отчетливое представление о том, сколь различно «действительное» и «воображенное».

Схема повествовательных жанров и примечания к ней

Основной принцип нашего мышления двоичный: вкл./выкл., твердый/мягкий, настоящий/фальшивый и т. д. Наши категории повествования следуют тому же принципу. Повествование либо основано на фактах (документальная проза), либо является вымыслом (художественная проза). Различие между ними очевидно, а более мелкие формы, такие, как «романизированная биография» или «документальный роман», которые пытаются не обращать на эти различия внимания, лишь демонстрируют неколебимость основного принципа.

В Долине подобная классификация имеет весьма относительный и весьма путанный характер. Тот тип повествования, который рассказывает о том, «что случилось на самом деле», никогда достаточно ясно не определен ни рамками жанра, ни стилем, ни иными чертами, которые отделяли бы его от истории о том, что «как будто бы случилось». В некоторых «романтических историях (сказках)» явно пересказываются реальные события; порой серьезнейшие исторические отчеты и труды описывают события, которые мы никак не можем причислить к категории действительных или возможных. Но, разумеется, есть и разница: весь вопрос в том, где ты остановишься и скажешь: «Здесь реальная действительность кончается».

Если в литературе Кеш реальный факт и вымысел недостаточно четко отделены друг от друга, то истина и ложь в ней отделены со всей определенностью. Сознательная ложь (клевета, хвастовство и т. п.) так и называются своими именами и не рассматриваются в рамках литературного творчества вовсе. Я, пожалуй, сказала бы, что наши категории в этом смысле даже менее ясны, чем у них. «Классификация» Кеш тоже имеет свой вполне определенный смысл, на который мы часто вообще не обращаем внимания, позволяя называть откровенную пропаганду публицистикой, то есть разновидностью литературы, тогда как Кеш вообще исключают пропаганду из разряда литературных произведений как откровенную ложь.

ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЕ ЖАНРЫ ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОЗА

ЖУРНАЛИСТИКА БИОГРАФИЯ ЛЕТОПИСЬ ИСТОРИЯ

ТО, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОЗА

МИФ ЛЕГЕНДА СКАЗКА ПРИТЧА РАССКАЗ РОМАН

ТО, ЧТО КАК БЫ СЛУЧИЛОСЬ

ПРОПАГАНДА

ЛОЖЬ,
ШУТКИ

ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЕ ЖАНРЫ ДОЛИНЫ

Приведенная выше схема — попытка продемонстрировать соотношения жанров и их границы в нашей литературе и литературе Кеш.

Устная и письменная литература

Некоторые тексты в Долине являются неписьменными в двойном смысле этого слова. Во-первых, они еще пока никем не записаны. Во-вторых, они никогда вообще не были написаны, поскольку это устные произведения. Тексты, принадлежащие к последней группе и включенные в эту книгу, были, таким образом, переведены дважды — с кеш на английский и с устного языка на письменный — и, если угодно, они могут быть снова переведены с письменного языка в «слова-дыхание», ваше дыхание, читатели.

Итак, у Кеш строго противопоставлены письменная и устная речь, написанное и сказанное слово: это не две версии одного и того же, но различные виды деятельности как бы на одной территории; различные языки, имеющие высокий уровень общности, но не всегда общий уровень переводимости. Кеш усматривают первостепенное различие между устным и письменным текстом именно в том, «какого качества отношения» установились между ними.

Без сомнения, кто-то может и сказать (и скорее всего скажет) то, чего никогда не напишет. (А может, и не скажет, понимая, что это будет записано на пленку.) Одиночество писателя может представляться максимальной свободой творчества, однако мгновенно завязывающиеся отношения между рассказчиком и слушателями могут эту свободу значительно расширить, увеличивая и доверие к автору. (Писатель, разумеется, может оставаться анонимным, тогда как рассказчик не может, однако анонимность или использование псевдонима, как бы отрицая авторство, отрицают также и возможность полного доверия.)

Между писателем и читателем посредником является текст. Может быть, правильнее было бы рассматривать эти отношения как некую коммуникативную связь, а не общение. Если пользоваться понятиями Кеш, связь между писателем и читателем совершается не в настоящем времени: она осуществляется именно в ненастоящем, в Домах Неба, на Небесном языке — и, таким образом, вся письменная повествовательная традиция основана на использовании Небесной Речи. Однако пересказ текста, специально подготовленный или импровизированный, перед аудиторией порождает отношения между людьми в рамках Пяти Домов, некую

мгновенно возникшую связь современников, «которые дышат вместе».

Написанное слово находится *там*, оно существует всегда, для любого человека и в любое время. Таковы его постоянные характеристики. Слово сказанное находится *здесь*, оно принадлежит тебе только в данный момент. Оно эфемерно и невоспроизводимо. (Можно, конечно, поставить под вопрос последнее определение; однако механическое воспроизведение, даже в звуковом кино, разумеется, напоминает о чем-то, но не восстанавливает саму ситуацию, время, место или тогдашних людей.)

Доверие, которое может возникнуть между писателем и читателем, вполне реально, хотя существует исключительно в пределах общего менталитета; с обеих сторон оно основано на желании оживить, спроектировать свои собственные мысли и чувства на некое единство с будущим или возможным читателем или с писателем, который, может быть, давно уже умер. Это чудесное и совершенно символическое явление — подмена лиц во времени и пространстве.

Когда исполнитель (артист) и его аудитория собираются вместе, их сотрудничество носит совершенно реальный и светский характер; оно обретает форму благодаря голосу рассказчика и реакции слушателей. Подобное сотрудничество, а в политике так часто и происходит, может быть извращено в том случае, если говорящий (исполнитель, артист) присвоит себе всю власть, подчинив себе аудиторию и эксплуатируя ее. Когда же сила подобных отношений используется правильно, когда доверие является взаимным — например, когда кто-то из родителей рассказывает сказку своему малышу, или учитель открывает сокровищницу человеческого разума перед своими учениками, или поэт читает свои стихи одновременно для слушателей и вместе с ними, от их имени тоже — вот тогда достигается истинная общность; и каждый случай такого единения поистине священен.

Однако возникнет некоторая путаница, если начать соотносить устную литературу Долины с литературой сакральной, а письменную — со светской: бинарного противопоставления сакральная/светская для них как раз в литературе и нет. Да, действительно существуют некоторые песни, драмы, наставления и другие устные тексты, связанные с большими праздниками, а также со священными местами и ситуациями; эти тексты у Кеш записи не подлежат — ни с помощью пера, ни с помощью магнитофона. Например, Свадебная Песня, исполняемая каждый год во время Танца Вселенной, известная каждому взрослому в Долине, никогда в записи не существовала; по их словам, она принадлежит «дыханию», и воспроизвести ее письменно было бы в высшей

степени нехорошо. И не потому, что текст ее так уж сакрален, но потому, что сама его суть — устное/временное/совместное исполнение. (Когда мне мягко намекнули, что записывать эту песню неуместно, я отнеслась к подобной вежливой просьбе с большим уважением. Специальное и очень ценное исключение было сделано для меня по поводу записи песен смерти, Песен Ухода На Запад До Самого Восхода, приведенных в главе «Как умирают в Долине» и упоминаемых далее.)

Нам обычно кажется, что не только хорошо, но и желательно, чтобы все слова, даже служебные записки, даже записи частных разговоров, даже бабушкины сказки были непременно записаны, напечатаны, остались на пленке магнитофона, в компьютере, хранились бы в библиотеках... Вряд ли кто-то из нас может сказать, зачем мы храним такое безумное количество слов, почему уничтожаем наши леса, изготавливая бумагу, почему перегораживаем плотинами и губим наши реки, чтобы электростанции давали электричество, способное питать наши компьютеры с их памятью; однако мы делаем это, словно одержимые навязчивой идеей, словно в страхе перед чем-то, словно отдавая кому-то несчетные долги. Может быть, мы боимся смерти, боимся того, что наши слова, сказанные лишь однажды, тут же умрут, оставив для рождения новых слов молчание и тишину? А может, мы ищем пути общения, утраченные и невосстановимые?

Поэзия Кеш существует как в письменном виде, так и в устном. Стихи можно импровизировать, декламировать наизусть перед аудиторией или в одиночку, читать вслух с листа, но даже если читающий стихи находится в комнате совершенно один, он должен читать их вслух. Значительная часть стихотворений и песен, приведенных в этой книге, не были даже записаны их авторами или исполнителями, однако им доставило удовольствие, когда это сделали мы. Если то или иное поэтическое произведение представляет собой некую разновидность диалога, вы можете даже не пытаться записать его целиком, однако действительно оцените потом те наиболее яркие отрывки, которые сумели записать. Некоторые приведенные здесь стихотворения были записаны самими авторами и переданы затем в хейимас. Там все подобные дары хранят в «сокровищнице» или в библиотеке, а через некоторое время подвергают разборке и сортировке: бумага идет на макулатуру, а сам текст кто-нибудь из желающих переписывает и забирает к себе домой, если он ему нравится. Позже он может любым способом распространить его. Другие литературные произве-

дения читались вслух на занятиях в Обществах или на церемониях в хейимас; некоторые из них считаются общественной собственностью, иные были переданы «с дыханием» кем-то одним (автором или владельцем текста) кому-то одному: такие произведения — личная собственность и воспринимаются как подарок частного лица частному лицу.

Я даже не пыталась отличить лирические стихотворения от песенной лирики. Когда я просила записать мне слова какой-нибудь импровизации или песни, певец обычно охотно соглашался, хотя и не всегда. Как сказал мне четырнадцатилетний мальчик, когда я попросила его повторить одну импровизацию, чтобы записать ее на магнитофон:

«Это была песня стрекозы, а стрекозу нельзя заставить вернуться».

Когда Кеш записывают песни с некими «матричными» словами, они обычно фиксируют только синтаксически значимые слова и опускают «матричные», которые зачастую представляют основной текст песни и наиболее глубоко «прочувствованную» ее часть. Однако, с их точки зрения, значимость привносится в песню «музыкой и дыханием», а при письменной фиксации такая песня только «портится». Я думаю, что они правы.

Наставления и описания ритуалов и порядка проведения церемоний существуют как в письменном виде, так и в устном. Мне не приходилось встречаться со сколько-нибудь определенными правилами на этот счет. Герметическая литературная традиция с одной стороны и сильное сопротивление герметической и эзотерической практике с другой в Долине развивались параллельно. Перевернутая ситуация с «доверием» (между автором и читателем или слушателем), о которой я говорила выше, сводится, в конце концов, к тому убеждению, что тайна лучше всего хранится «вместе с дыханием»; записать слово — значит опубликовать его, предать публичной огласке. В своей истории Говорящий Камень упоминает о некоторых культовых таинствах Союза Ягнят и Общества Воителей; несмотря на то что все это давно уже было обнародовано и обсуждалось открыто, она все еще не могла заставить себя *написать* об этом.

Песни и наставления Ухода На Запад являются как эзотерическими, так и общеизвестными, существуют как в письменном виде, так и только в устном. Эти песни, которые люди поют для умирающего и вместе с ним, весьма ими почитаются. Учат этим песням строго отобранные наставники, члены Общества Черного Кирпича; и обучение такого рода происходит в строго определенное время года, в строго определенном месте, обязательно вдали от города, в специально для этих занятий построенном доме. И тем

не менее вокруг самих этих песен никакой тайны не существует. Все взрослые рано или поздно выучивают их, дети слышат, как их поют в Первую Ночь Танца Вселенной. Эти песни в самом полном значении этого слова — общественное достояние. И все-таки, хотя и можно записать их слова во время занятий, чтобы лучше запомнить, а порой даже сам наставник пишет их для своего ученика, который, например, плохо слышит, но такие записи всегда сжигаются в последнюю ночь обучения. Тексты этих песен никогда не размножались ни от руки, ни на станке. То, что они опубликованы в моей книге, — огромная привилегия, дарованная мне моей наставницей, Слюдой из Синшана, с разрешения членов Общества Черного Кирпича после длительных переговоров.

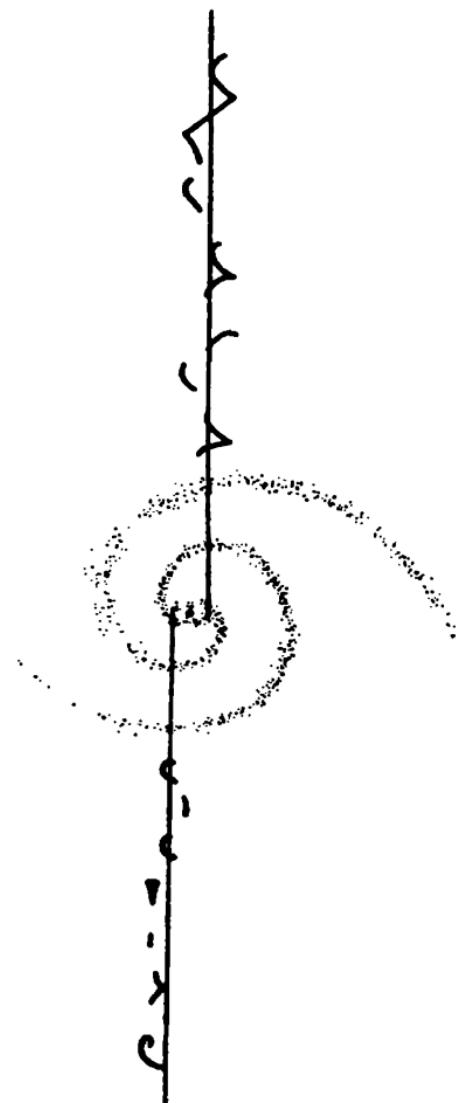
Что же касается художественной прозы, то она может существовать в обоих видах — как устном, так и письменном. Это могут быть пересказы или импровизации профессиональных рассказчиков; или же читка вслух с листа — этим способом чаще всего пользуются ученые-библиотекари и более или менее профессиональные исполнители прозы и стихов. Некоторые повествовательные жанры имеют исключительно письменную форму и никогда не исполняются вслух: биографии, автобиографии, романтические истории (сказки) — все это передается «с помощью руки», а не «дыхания» и появляется на свет в виде манускриптов или печатных изданий. Их суть — быть доступными для всех и в любую минуту. То же самое можно сказать и о крупных формах — романах, написанных такими писателями, как Топъ, Трусливая Собака и Пылинка. Увы, романы эти слишком велики, чтобы включить хотя бы отрывок из них в эту книгу, хотя я все-таки всунула сюда целую главу из романа Словоплета «Опасные люди».

Практически все сказанное мной относительно письменного и устного литературного творчества относится в целом и к творчеству музыкальному. У Кеш есть собственная система нотной записи музыкальных произведений, однако они пользуются ею главным образом при занятиях с учениками и предпочитают не записывать на бумаге ту или иную композицию, хотя могут иногда сделать пометки относительно основной мелодии, или же определенных созвучий, или таких технических моментов, как «стержневое дыхание» — исключительно «для памяти». Музыка исполняется как спектакль. Но вот что удивительно: они никогда не делают даже попытки записать такой спектакль! Они разрешают компьютерам на ПОИ записывать и хранить подобные вещи в своей электронной памяти, когда их об этом просят из Столицы Разума, да и нам удалось записать некоторое количество песен и музыкальных представлений, однако сами они не делают этого никогда и частенько намекали нам тактично и вежливо, что копирование дан-

ного музыкального произведения — и вообще любой музыки — это вредное заблуждение, возможно, затрагивающее природу самого Времени.

Или же, иными словами, то, что нам казалось желательным и совершенно необходимым, они, по всей вероятности, считали слабостью и ненужным риском, способным привести к нарушению Равновесия: всякое повторение, размножение копий.

«Одна нота в диком краю звучит лишь однажды...»

Пандора больше не беспокоится.

И вот, когда церемония подходит к концу и открывается хэйийя-иф, Пандора берет за руки своих друзей и танцует с ними вместе, и среди тех, кто кружится в этом прекрасном танце:

Барт Джонс, который первым услышал песни про перепелку и про ручей и спел их мне, чтобы я смогла услышать голос своего любимого народа.

Джадд Бойnton, который рассказал мне, как делается резина из сока молочая, и как можно потом пустить в дело всякие старые вещи, и как привести в действие стиральную машину, и именно он показал мне, как, умирая, может танцевать человек — именно так, как нам о том поведал Йейтс:

Душа хлопает в ладоши и поет, поет тем громче,
Чем больше ветшает ее смертное тело!
(«Плавание в Византию»)

И другие Обладатели Ценностей, которые подарили нам эти четыре месяца.

Джим Биттнер, который исполнил «Генриха Оффердингена». Джин Нордхаус, которая в «Библиотеке Шекспира» позволила мне визжать от восторга и ворчать от огорчения.

Миссис Клара Пирсон из народа Нехалем Тиламук, которая рассказала мне ту историю, украденную Королевским Питоном; а также И. Д. и Мелвилл Джейкобс, и Джаролд Рамсей, которые записали и перепечатали ее.

И все те, кто создавал музыку для танцев: например Грегори К. Хейс, который обеспечил нам время и место для праздника.

Мастера Цеха Мельников, работающие под эгидой Четырех Небесных Домов, Дуглас К. Фарбер, сам Мибби, и Кимберли Барри, кого я называю *Новелемаха*, что значит «Прекрасная Неподвижность».

И певцы, послушайте-ка имена этих певцов: Анна Ходгинсон *Бейюнахео*, и Томас Вагнер *Томхойя*, и Ребекка Уорнер *Одбахо Хандуше*, Женщина, Которая Восхищается Птицами; и Патриция О'Сканнелл, Дэвид Марстон, Сьюзен Марстон, Малколм Лоув и Мередит Бек. *Хиодадмнес ханойя донхайю коумушде!*

А тे Трое, Кто Заботился О Корове, моя Вирджиния, Валери и Джейн, они, разумеется в центре, без них никаких танцев просто не было бы!

И берегитесь Гадателя С Помощью Земли, Геоманта, который способен измерить Долину, который придал форму холмам и помог мне утопить половину Калифорнии, который ходил в Путешествия За Солью, останавливал Поезд и ни на шаг не отставал от Серого Быка — *Хейя Хегтайя, хан ес им! Амоуд геваквасур, йешоу геваквасур.*

ГЛОССАРИЙ

В мои намерения входило составить этот глоссарий, чтобы включить в него все слова языка кеш, которые встречаются в самом тексте книги или в песнях и стихах на тех пластинках, которые к ней прилагаются. Некоторое количество других слов были включены сюда исключительно для удовольствия моих приятелей, больших любителей всяких словарей и адептов того, что один наш знаменитый предшественник называл Тайным Пороком.

Числительные кеш.

ап...	0	чечемдаи...	26
даи...	1	дидечем...	30
ху...	2	дусечем...	35
иде...	3	бекельчем...	40
кле...	4	гахочем...	45
чем	5	чумчем...	50
диде...	6	чумчемдаи...	51
дузе...	7	чумчемчем...	55
бекель...	8	чумдиде...	60
гахо...	9	чумдузе...	70
чум...	10	чумбекель...	80
хучемдаи...	11	чумгахо...	90
хучемху...	12	чумчум...	100
хучемиде...	13	чумчумвайху...	200
хучемкле...	14	чумчумвайде...	300
идечем...	15	чумчумвайчум...	1000
идечемдаи...	16		
идечему...	17	ведаи: первый	
идечемиде...	18	веху: второй, и т. д.	
идечемкле...	19		
клечем...	20	вайдай: единожды	
клечемдаи...	21	вайху: дважды	
чечем...	25	вайде: трижды, и т. д.	

А

а 1. (префикс или суффикс, обозначающий мужской род. См. также «та», «пеке»).
2. (междометие, обозначающее звательный падеж).

ач красное дерево (секвойя) как растение, так и древесина.
адре луна. Светить (подобно луне).

адре ваква — Танец Луны. Танцевать Танец Луны.

адселон пума, горный лев (*Felis concolor*).

адсевин Венера (планета), утренняя или вечерняя звезда.

адги (или) **агти** дикая собака (*feral Canis domesticus*).

айбре пурпурный, фиолетовый цвет.

айха молодой, новый.

айо вечность, бесконечность, открытость. Вечный, бесконечный, открытый.

аль енот (*Bassariscus astutus*).

ам (обычно перед объектом) рядом, возле, при ком-то, вместе с, сразу перед или после ч.-л., почти в то же время.

амабабушка, любая родственница по линии матери и старше ее.

амаб принятие, признание. Принимать, признавать.

амакеш Долина Реки На.

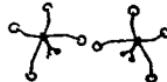
амавтат дедушка (с материнской стороны).

амбад дарение, акт дарения (отдачи); щедрость, благополучие. Давать, дарить, быть богатым, быть щедрым.

амбадуш даритель, богатый человек, щедрый человек.

амху (обычно перед объектом) между, посредине; (как существительное) кожа, поверхность, прокладка; (как глагол) быть между, быть тем, что разделяет или противопоставляет.

амхудаде водомерка (насекомое; см. также «тайдагам»).

амоуд (обычно перед объектом) вместе, вместе с, одновременно или в одном ритме с кем-то.

амоуд манхов (быть) членом (одной) семьи, жить вместе.

ан (после объекта) в, внутри, в середине.

анан (после объекта) внутрь.

анасайю земляничное дерево (*Arbutus menziesii*) как растение, так и древесина.

ансай радуга, спектр.

ансанвше Люди Радуги.

анийбад обучение (скорее «тому, что необходимо или следует знать», чем «тому, что просто нужно знать»). Учить(ся).

ао голос. Выражать словами, звучать, говорить, сказать.

аш ноль, пустота.

ашап игра в кости.

арба рука, обхождение, обращение. Брать руками, работать руками, управлять.

арбан работа, ответственность. Заботиться о ком-то, работать с кем-то вместе.

арбан хануврон обращаться бережно, работать тщательно.

арбайяйи физический труд, осуществляемый с помощью ума и образования, «рука и разум», или результаты такого труда.

аретин побережье, берег, пляж, край, поле, кромка.

арегиноунхов «жить на побережье», т. е. соблюдать половое воздержание.

аррв слово. Говорить (на таком языке, в котором есть слова).

арракоу (или) **арракоум** стихотворение, поэзия, поэма. Создавать или писать стихи.

арракуш поэт.

арш (прил., относ. мест., субъект сложн. глаг., агенс) который, кто, тот(те) который(ые), он/она, который.

асан (или) **асай** пересечение. Пересекать.

асанка прохождение(проходить) через все Пять Домов к Четырем Домам или наоборот; иначе говоря, умирать или рождаться.

аше мужчина, существо мужского пола. Мужской, мужественный.

асоле опал.

аст ломаться, распадаться на части.

айя учение, обучение, игра, имитация, подражание.

Учиться, учить, играть, подражать, участвовать.

айяче дикая вишня «манзанита»

(*Arctostaphylos spp.*), отдельное дерево, кустик, заросли.

айяш ученый, учащийся, учитель.

айеша действительно, верно, точно.

Б

бадап дар (в значении «талант», «способности»).

бахо удовольствие, радость. Доставлять удовольствие, радовать.
банже принятие, включение в себя, внутреннее видение,
понимание; оргазм у женщины. Включать в себя. понимать,
организировать (о женщине).

барои (или) **барой** добрый, доброжелательно. Быть добрым.

бата (или) **та** (или) **тат** отец (биологический).

белай кабачок, тыква.

беш стена, убежище. Стоять между, служить убежищем.

бешан внутри (дома).

бешвоу снаружи.

бейюнахе выдра

би (суффикс, выражение нежности) дорогой.

бинье (суффикс) дорогой малыш.

биби дорогой(ая), любимый(ая).

бинбин котенок, детеныш любого вида кошачьих.

бит лисица.

битбин лисенок.

бод глиняный горшок, кувшин.

болед (предшествует объекту) вокруг, поблизости
(в пространственном и временном отношении).

болека возврат. Возвращаться, приходить назад,
поворачивать назад.

босо дубовый (большой пестрый) дятел.

боу (суффикс) вне, извне, наружу (см. «вой»)

брай вино.

хван (или) сухван белое вино.

уйюма розовое вино. (В Долине производилось около тридцати сортов вина. Наиболее знаменитыми были красные вина Ганаис, Беррена, Томехей и Шипа; розовое вино Текаге из Унмалина; и белое Текаге из предгорий Горы-Прапорительницы.)

бу большая ушастая сова (филин) (Бубо).

буребуре (множ. число) много, великое множество.

бута рог.

буйе (может как предшествовать объекту, так и следовать за ним)

рядом, возле, близко к, рядом, поблизости, вскоре, незадолго.

B

в, ив (суффикс с посессивным значением; может иметь значения «от», «принадлежащий к», а также «сделанный из, состоящий из» и т. д. Таким образом, «нахевна»: река воды; «навнахе»: вода реки, речная вода.)

вахеб соль.

вахевха Путешествие за солью.

вахевхедом Общество Соли.

вана еще не, почти, не совсем, чуть не.

ваве облако, прежде всего кучевые и перисто-кучевые облака.

вед сиденье. Садиться, сесть

гевед ханойя сидеть вольно, т. е. размышляя или будучи погруженным в медитацию.

ведет тяжелое врожденное заболевание.

вен (суффикс) к (прежде всего, к какому-то месту).

вероу кварц.

вешеве туман, дымка, низкая облачность, густая облачность.

Закрывать облаками, туманом, быть туманным, промозглым.

ветулоу игра вроде поло, в которую играют верхом на лошадях с помощью клюшек и мяча.

вейя (множ. число) несколько, парочка, больше одного, но не очень много.

видди слабость. Быть слабым.

водам внутренние районы страны.

каводам переселяться во внутренние районы страны, т. е. прекращать половое воздержание.

вон тень. Отбрасывать тень, затенять.

вой (суффикс) вне, за пределами, снаружи, вовне ч.-л.

вуре песок, пески.

ваква водный источник, родник; церемония, праздник, обряд, ритуал, соблюдение обычая; танец; тайна. Быть источником, пропистекать из источника, выходить на поверхность; проводить (или участвовать) некую церемонию, праздник или ритуал;

танцевать; быть загадочным, таинственным, участвовать в таинстве.

ваквана водный источник, истоки реки, родник.

ви (префикс, обозначающий использование данного слова в качестве прилагательного; может переводиться в значении «водянистый», «водный», «водяной» и т. п.)

венха обнаружить, открыть.

венхаш открыватель, искатель. Искатель (мн. ч.: вехауде).

венхав хедом Общество Искателей.

венун желание, жажда, нужда. Хотеть, желать, жаждать, помогаться, испытывать приязнь, любить.

вешоле злой, бедный, скупой, жалкий, несчастный.

вейвсе (весь), целый, целостность, полностью, полнота, цельность.

вейевей все на свете, все времена и страны.

визую ива (*Salix*), растение и древесина.

во семя. Быть семенем, обсеменять.

вой, вой (суффикс) к, по направлению (см. «об»).

вой яйцо. Быть яйцом.

вотун увеличение, созревание. Расти, созревать, увеличиваться (в размерах при росте) (см. «хоудада»).

ву, вуд (префикс повторяющихся действий) снова.

вудун обмен, передача, некоторые формы бартерной торговли.

Сбменяться. ПОИ (компьютерные терминалы) Столицы Разума.

вукайя возврат, повторение. Вернуться, повторить.

вуррай история, художественная литература, выдумка, изобретение, рассказывание историй. Рассказывать, рассказывать истории, собирать, изобретать.

вуррапан пересказ, сообщение, рапорт, рассказ. Рассказать, повторить, отрапортовать, сообщить, пересказать.

вуйяй рефлексия, размышление. Размышлять, представлять себе в образах, мечтать.

ва солнце.

В последующих словах начальный звук произносится как немое «w».

вадьюха юг.

ваха юго-запад.

вай время (время дня, когда случается то или иное событие, некая времененная точка, отрезок времени). Выбирать время, назначать время, измерять время.

ван желтый, золотистый.

ваневейо сухой сезон (прим. май-октябрь).

вавгедью утро, время до полудня.

вавгодью полдень.

вавгемало время после полудня.

вавгомало закат, вечер.

ве 1. (перед объектом) напротив ч.-л., перед, прежде.

2. (после глагола) вперед; правда.

вевезент поезд, Поезд.

верин лошадь.

оверин кобыла.

таверин, верина жеребец.

шеверин мерин.

клин жеребенок.

ветте карликовый дуб. (В качестве имени произносится как Уэтт, чтобы лучше соответствовать нашим меркам.)

вик половина. Разделять пополам.

виконой мул (самка)

тавик мул-самец.

во дуб (дерево и древесина).

воввон желудь.

вой помошь, поддержка. Помогать, поддерживать.

вол выдох. Дуть, отдуваться.

вотс игра в кости.

ву индустриальные отходы, попадающиеся в виде отдельных

кусочков или волокон главным образом в земле,
а также — в воде.

вун олива, дерево и плоды.

вья 1. (после объекта) за, позади. 2. (после глагола) назад,
в обратном направлении.

выве перемена, перестановка. Изменять, совершать перемены.

вевъяве обращенный назад.

Г

галик олень, косуля (*Odocoileus?* или сходные, чуть более крупные виды).

огалик олениха.

галика самец олена

галикайха молодой олень.

гай 1. готовый (к), подготовленный, решившийся, решительный, целеустремленный.

2. соединенныйочно, закрепленный, решенный, сжатый.

гамканюк индюковый гриф (*Cathartes*).

ганай родник, ручей, поток. Бежать, течь, струиться (о ручейке или ином небольшом водном источнике).

гат ударить, потрясти. Удар.

гаватсе жаба .

гебайю Юпитер (планета).

гедадхя направление.

гедвеан см. медицинское лечение, описанное в главе «Замечания по медицинской практике кеш».

геле бег. Бежать на двух ногах. (Бежать на четырех ногах: йяклегеле, йяклеле, лесте.)

геттоп скунс.

геттоп веваве облачный скунс (по описанию похож на Западного Пятнистого скунса, *Spilogale*, однако кеш настаивают на том, что этот зверек танцует на передних лапах, испуская сладкий аромат, который привлекает собак, диких собак и койотов и заставляет их танцевать тоже, пока они не упадут и не умрут от истощения; таким образом, это, вполне возможно, животное мифическое).

гевед ханойя медитация. Медитировать.

гевотун арбан сажать, сажать сад.

говотун (или) **мане** дам **говотунсад** возделанный и засаженный участок земли.

гей огонь. Обжигать.

хоумгей лесной пожар.

гейи тон (музыкальный).

ги терпеливый, внимательный, выждающий; терпение, терпеливый человек.

гошней разделенный, общий, тот, которым владеют сообща, сообща используемый.

голи большой дуб (*quercus agrifolia*), растение и древесина.

гора еда, питье. Есть, пить, поглощать пищу через рот.

гоу темный, темнота. Быть темным, темнеть, затемнять.

гоутун (или) гедагоутун утренние сумерки.

гоувоу (или) гедагоувоу вечерние сумерки.

грут слизень.

гунью дикая свинья (одичавшая домашняя свинья).

Д

д, ду (префикс, обозначающий употребление слова в функции прямого дополнения).

дад уход, хождение. Идти.

дадам движение. Двигаться.

даде касание, прикосновение. Ощущать (прикосновение), прикасаться, сдва заметно касаться, задевать.

дагта нога; средство передвижения по земле (см. хурга).

дахайхай большой американский кролик (*Lepus californicus*).

дай один, единственный, единственno, в одиночестве.

дайхуда хождение. Ходить (на двух ногах; применяется к человеческим существам, животным, когда они стоят на задних ногах, и к птицам, таким, как голуби, которые много ходят по земле).

хайда прыгать на двух ногах.

йякледа ходить на четвереньках.

хандесдаде ползать.

дадам ходить или идти на более чем четырех ногах или на бесконечно большом количестве ног.

дам земля, почва, грязь; Земля.

дамише Земной Народ.

дамса Вселенная, мир, космос; Девять Домов.

дао движение, действие, активность, деяние. Двигаться, двигаться по кругу, быть активным.

делуп сердце (орган). Пульсировать, колотиться, стучать (как сердце).

дем ширина, широта. Расширять. Широкий, обширный.

депемехай (обычно перед объектом) далеко, далеко от, на расстоянии от, в другие времена, далеко от, задолго от.

дест змея.

дейон дикая роза (*Photinia arbutifolia*).

дидуми избыток, обилие, чрезмерность. Быть избыточным, чрезмерным.

дифту маленький, низенький (но не короткий; см. «инийе»).

Камешек бывает «дифту», а не «инийе»).

диратс кровь. Кровоточить.

дигу подъем, вставание. Вставать, подниматься, идти в гору.

диха юго-восток.

дихафар восток.

додук скала, камень; но скала такого размера, что ее не слишком трудно поднять или сдвинуть с места.

дон пестрый, полосатый, муаровый.

дот овца.

дото ярка.

дота баран.

педота валух.

меби, омеби, амеби ягненок.

доу (обычно перед объектом) на, сверху, через
(см. также **стону**, **тай**, **оун**).

доубуре (мн. ч.) много, великое множество.

доум коричневый или смешанных темных и теплых тонов.

доумиаду охве искусственный «дракон», в котором прячутся несколько танцоров; появляется во время Танца Вина. Также называется «дамив ходест», что значит Старая Земляная Змея. Землетрясения, как и человеческая дрожь или пошатывание могут приписываться движениям Доумиаду Охве, который простирается подо всеми горными хребтами побережья.

древи зеленый или желто-зеленый.

ду (может предшествовать или следовать за объектом) сквозь,
насквозь (пройти насквозь некое пространство).

дуча сын.

дучатат сводный брат, сын отца.

дудам помещение, убежище, ячейка, комната (обычно под землей). Давать убежище, окружать, содергать.

дуеде ясность, прозрачность. Быть прозрачным, ясным.

дүи порода пастушьих собак с очень короткой вьющейся шерстью.

дукаб (или) **берка** (или) **тук** домашняя птица, куры.

думе рассчитывать, подсчитывать.

думи наполнять до краев, достигать пределов, достигать цели, выигрывать в игре или скачках.

дур красный.

дут (местоим., относит. местоим. или прил., объект сложн. глаг.)
который, кого, того/тех которые, кто.

две приношение, привод. Приносить, приводить.

Е

ед зрение, способность видеть. Видеть.

ем протяженность/продолжительность; пространство/время.

емвей (или) **емвейем** всегда, навечно, вечно, повсюду.

емвоум проявление, манифестация. Проявлять(ся), быть обнародованным.

ене возможно нет. (Часто используется в значении «нет»).

енсе 1. (перед объектом) после. 2. (после объекта) затем, следом, сразу за.

енне конец, остановка, перерыв. Останавливать(ся), прекращать, оставлять незаконченным.

еншеше смерть (живого существа), прекращение, разрушение, конец (неживого предмета). Прекращать существование, кончаться, не существовать более.

ер северо-запад.

ерай (или) **фарер** север.

ервахъ запад.

еше пока, в то время как, во время чего-либо.

естун выбор, право выбора. Выбирать.

евай Общество: так переведено это слово в данной книге. Группа людей, организованных общими интересами и общей деятельностью, цеховой или культовой. Также — место, где они встречаются или работают.

ейе (или) **ей** да.

3

З (суффикс, обозначающий, что данное слово употребляется в Земной Речи, используется только в разговорном языке).

И

им здесь.

име губа.

имеху губы.

имкай здесь и немедленно.

иру **имхайи** на этом самом месте в это же время.

ии (уменьшительный префикс).

инийе маленький, крошечный, коротенький (см. «дифту»).

(Большая часть мелких живых существ определяется прилагательным «инийс», а не «дифту», за исключением, возможно, черепахи или еще кого-то небольшого, но известного как долгожитель.)

ирайдом. Быть дома. Дома (нар.).

ирайвой дад идти домой.

иривин ястреб Долины На, краснокрылый или с красной спинкой.

ишаво дикий край, дикое место, дикий. Быть диким.

ишаволен дикий кот (домашняя одичавшая кошка).

иситут дикий ирис.

июго зенит, вершины, высоты.

ийя стержень, соединение, круг, источник, исток, центр.

Соединять, давать начало, порождать.

ияквун любовь, взаимная любовь, взаимозависимость, любовь к людям или месту, космическая любовь.

ииэ энергия, мощность. Работать.

Й

йа (перед объектом или в качестве префикса) с помощью, благодаря.

йабре вино.

брайв йабре виноградное вино

содев йабре дикий виноград, используемый как черешки для прививок культурной лозы.

йан разум, мысль, мышление. Думать, мыслить.

йайвач (яйвач) Столица Разума, автономная компьютерная сеть или организация искусственного разума, представленная в человеческих общинах терминалами, которые называются «вудун», ПОИ.

йакле, йакледа ходить или идти на четвереньках.

йаклегеле, йаклеле бежать на четвереньках.

йамбад (буквально) пожалуйста. (Обозначает повелительное наклонение с глаголами, обычно с глаголом «хио».)

йе (префикс наречия.)

йебше уступать, обязывать.

йем берег моря, берег реки или ручья.

йи нота(музыкальная).

гейи тон, звук, звучание.

йик лодка. Плыть на лодке, плыть по воде на лодке.

йо, йовут чтобы; так, чтобы.

йовай койот.

йовайо Койотиха.

K

ка приход. Приходить.

кач столица (не употребляется в разговоре о городах кеш).

када волна. Приходить и уходить. Двигаться подобно волнам.

кайлику перепелка Долины (*Lophortyx californicus*).

кайя поворот, разворот. Поворачивать, оборачиваться.

какага сухое русло. (Русло полной реки или ручья — «генакага» или «нахевха».)

кан акт входления, проникновения внутрь. Входить, проникать внутрь.

канадра утка (дикая или домашняя).

каоу уход, выход, исход. Уходить, покидать, выходить.

карай возвращение домой. Возвращаться домой.

ке (обычно в виде префикса) особь женского пола, женщина, женский род (грам.).

кекош сестра (см. «кош»).

кемел Марс (планета).

кеш 1. долина, прежде всего Долина Реки На (варианты: кешхейя, амакеш, ррукеш, кешнав.) 2. человек, люди, обитатели Долины На (вариант: кешивше). 3. язык людей, населяющих Долину На (варианты: аракешив, арракешив).

кеше, кешо женщина, самка.

кевем сандал.

кинта война. Воевать.

кингаш воин, воитель.

кингашуде Воители (Общество).

клей, клейи четвероногое существо или человек; животное.

клема Четыре Небесных Дома (употр. также как прилагат. «Небесный»).

клемахов, клемаше обитатель Четырех Домов. Жить в Четырех Домах, быть обитателем Четырех Домов (а также в некоторых случаях «быть мертвым», «быть еще не рожденным», «быть нереальным», «принадлежать к области мифологии, вымысла, истории или к вечности»). «Клемаше» в данной книге обычно переводится как Небесный Житель.

клилти Adenostoma.

код зерно, кукуруза, маис.

кош родственник. Биологические родственники:

кекош родная сестра.

такош родной брат.

соума сводная сестра, дочь родного отца, но другой матери.

дучатат сводный брат, сын родного отца, но другой женщины.

Родственники по Дому (не обязательно кровные):

макош брат или сестра по Дому.

макекош сестра по Дому.

матакош брат по Дому (см. главу «Кровное родство»).

коум ремесло, созидание, изготовление. Делать, создавать, придавать форму.

гокоум (сущ.) форма, очертания.

кулкун гора. (Ама Кулкун, Гора-Праородительница, — это дремлющий вулкан в самом начале Долины Реки На.)

кванио сердце в метафорическом смысле; эмоциональное существо; чувствительность, чувство, чувства; тонкость чувств (в смысле интеллекта), познание с помощью органов чувств, чувственное восприятие. Думать, ощущая; познавать чувственно или же «душой и сердцем».

кванио — вой дад испытывать приязнь, любить.

Л

лахе сон. Спать.

лама половое соитие. Заниматься любовью.

ламавенун половое желание, страсть, любовь. Любить, страстно желать, жаждать.

лемаха красота. Быть красивым.

лени кошка домашняя.

олен пестрая кошка.

лена кот.

бинбии котенок.

лесте бежать на четвереньках (особенно о мелких животных).

лим волосы.

лир сон, видение. Спать, видеть сны, иметь видения.

лирш ясновидящий.

лийи похоже, как будто, вроде бы.

лонел американская рысь.

лоусва затопление. Затоплять, стекать.

люте мыльный корень (*Chlorogalum pomeridianum*).

M

м, мей, также, так же как.

ма дом (жилище), Дом (социально/космич. принцип).

мачумат зяблик.

мал холм, горка.

малдоу подъем, движение вверх. Подниматься, идти вверх, карабкаться на вершину.

мало спуск, движение вниз. Спускаться, идти вниз.

мамоу мать (биологическая).

мане (обычно как партитивное прилагательное) несколько, не все, частично.

манхов акт или состояние проживания в доме или в Доме. Жить в доме или Доме, населять (дом), проживать.

манховоуд сообщество, коммунсалия. Жить вместе, совместно.

маран домашнее хозяйство, дом (место и люди).

мед камыши, болото, заросшее камышом или тростником.

меддельт левый. Левая Рука (в символе хейийя-иф).

мехой слушать, обращать внимание (на).

мемен семя.

мин мышь (когда вид неизвестен или не поддается определению).

арегимин болотная мышь (с засоленных болот, *Reithrodontomys*).

миби полевая мышь (полевка).

уты оленя мышь (*Reomyscus*).

мо корова, рогатый скот.

амо корова.

момота бык.

муди вол, холощеный бык.

айхамо, айхама теленок.

муддумада бормотание, жужжание. Бормотать, жужжать, гудеть.

мудуп большой американский кролик (*Sylvilagus*).

мун глина.

сумун синяя или гончарная глина.

Н

на река, прежде всего Река, текущая через Долину, где
проживает народ Кеш. Течь как река или подобно реке.
нахай свобода. Быть свободным.

нахе вода.

ней для.

ноне подвижность, медитация. Быть неподвижным, застывшим,
пребывать в покое.

О

о (префикс или суффикс, обозначающий женский род).

о, ок (обычно в виде предлога или префикса перед объектом) под, под поверхностью, ниже, внизу.

об (перед объектом) к, по направлению к (см. «вой»).

ого надир, самый низкий уровень, глубины.

оху (вопросительная частица, обозначающая, что данное заявление является вопросом. Употр. чаще всего в начале предложения, но может быть и в любом другом его месте.)

оухан сколько? (стоит) сколько? (всего) как? каким образом? оло цапля.

олун благородный лавр, мирт (*Umbellularia californica*), дерево, кустарник, плоды или листья (пряная приправа).

ом там, в том месте.

ррай ом, ррай ом пехайи там-то тогда-то, однажды в одном городе (повествовательная формула зачина).

оие возможно, может быть.

онхайю музыка. Исполнять (творить) музыку.

онкама песня. Петь.

оной осел.

оншал лягушка.

осай кость.

оу гончая собака. Выть, лаять.

оуд (обычно прибавляемое в виде суффикса к объекту.) с, вместе с.

оудан (обычно прибавляемое в виде суффикса к объекту) с, внутри ч.-л., в среде ч.-л., среди.

оуклалт правый, находящийся на или вне Правой Руки.

оун (прибавл. в виде суффикса или просто следует за объектом)
на, на поверхности ч.-л.

оий покой, досуг. Быть спокойным, наслаждаться отдыхом
войо легко, спокойно.

ханойя вольно, свободно.

гевед ханойя сидя в вольной позе, т. е. медитируя.

П

п, пе (префикс со значением отрицания или привативности).

пao достижение, посев, эякуляция, оргазм (у мужчины).

Достигать, сеять зерно, извергать семя, достигать оргазма (мужского).

пaрад луг, невозделанное поле, поле, оставленное под паром.

пaвон держать, нести на руках, в охапку или в объятиях.

пехай тогда (не сейчас, в другое время). При обозначении порядка следования событий употребляется другое «тогда» — сине.)

пехам недышащий, неживой, мертвый.

пеке (обычно как префикс) мужской, мужского рода (грам.).

пекеш иностранец, чужеземец, человек не из Долины.

пекеше мужчина, существо мужского пола.

пема иностранец, чужеземец, человек без Дома.

перру другой, иной, еще один.

перрукеш долина (иная, чем Долина Реки На).

пешай засуха.

певейо кусок, порция, район, территория, место; эпоха, отрезок времени.

ваквав певейо площадь для танцев, святое место.

шевейв певейо, гошай певейо городская площадь.

поуд отдельный, отдельно, в стороне, в одиночестве.

пойя трудность, боль.

вепойя тяжелый, трудный, болезненный.

прагаси лето, жаркая погода.

прагу сияние, ясность. Сверкать, сиять, светиться.

пуч колючий кустарник, чапараль.

пул если не.

P

рахем души (различные виды души, принадлежащие одному и тому же существу, или же души многих существ).

рава речь, язык, язык (орган). Говорить (как с помощью слов, так и без слов), поговорить с кем-то (см. «арра»).

реча охота (понятие и процесс). Охотиться.

речуди хедом Общество Охотников.

рейш линия, что-либо очень длинное, тонкое и прямое.

хурейш Рельсовая Дорога, рельс.

рип ребро, балка, перекладина.

ро (возвратное местоим.) себя.

рон забота. Заботиться, любить, быть осторожным.

уврон осторожный.

рой мужество. Быть мужественным, бесстрашным.

оверой бесстрашная (женщина), имя

ррай (указ. прил. или местоим.) тот.

рру (указ. прил. или местоим.) этот.

ррутоуюю (или) **рруненю** потому что, из-за того что, благодаря чему-либо.

ррувей космос, Вселенная.

С

са небо, Небеса.
сахам атмосфера.
сахамдао ветер. Дуть, сдувать, подобно ветру.
сахамно безветрие, штиль.
сас (или) дессас гремучая змея.
сайя (может предшествовать объекту или следовать за ним) через.
сайятен послать послание, связаться посредством ч.-л.
сайяготен послание.
ше сайягетен, сайягетенш посланник.
сей цветок «фонарик» (*Calochortus spp.*).
сенсе (может предшествовать объекту или след. за ним)
следующий, последующий; после, позади, позднее.
сепши ящерица (*Sceloporus*).
сет уровень, ровный, равнина, гладкий. Выглаживать, ровнять,
выравнивать.
сетайк (перед объектом) предшествующий, перед чем-то,
раньше, прежде чего-то.
сев трава, травы.
севай 1. щит, ящик, конверт, оболочка. Заключать в оболочку,
обволакивать. 2. смертельное дегенеративное заболевание.
Заболеть севай.
сейед глаз.
хусейед глаз.
ситшиду зима, холодная погода.
собе руководство, ведение, поведение. Вести себя.
соде дерево. Расти или быть похожим на дерево по форме.
соко делес, леса, чаща, лесная страна.
соун колибри.

стад опасность, угроза, риск.

станай искусство, умение, мастерство. Делать ч-л мастерски, делать ч.-л. хорошо.

стечаб предлагать.

гостечаб подношение, подарок.

стик ястреб, острокрылый коршун, сапсан.

иниести ястреб-перепелятник.

стоу, доу (обычно предшествует или употр. в качестве фикса при объекте) через, через верх, поверх.

стре, сустре калифорнийская сойка.

су белый, бесцветный. Белизна. Быть белым.

су голубой, сиреневый. Голубизна. Быть голубым.

судревидо змеевик (камень).

судревидовма Дом Змеевика.

сум голова, макушка, вершина.

сумун синяя глина, гончарная глина.

сумунимвма Дом Синей Глины.

суша серый или смешанных светлых или холодных тонов, палевый, бледный.

Т

та (префикс или суффикс) мужской, мужского рода (грам.), мужчина.

табетупа миниатюрная драма (жанр устной литературы).

тай (префикс или суффикс) над, на поверхности.

тайдагам водомерка (насекомое).

тайк (перед объектом) перед, предшествуя, напротив.

тар конец, окончание. Кончить, завершить, прийти к концу (к заключению).

тат (или) **бада** отец (биологический).

тавкач Столица Человека, то есть цивилизация.

тей послать.

тетисвоу летучая мышь.

тибро королевский питон.

тиодва сине-зеленый, бирюзовый цвет.

тис мед.

то круг, колесо. Образовывать круг, вращаться по кругу, окружать, катить, вертеться колесом. (Если круг или движение по кругу нарушено или представляет собой спираль, то употребляется слово «тоудоу» или «хейийя».)

ТОК (слово не принадл. языку кеш) компьютерный язык, которому обучают всех программистов по сети Обмена Информацией из Столицы Разума и который используется также в своей устной или письменной форме как «лингва франка» среди людей, говорящих на разных языках.

том шар, сфера, окружность, круглый.

томхой завершение, исполнение, удовлетворение. Завершать, доводить до конца, удовлетворять. Завершенный, полный.

топ хранить.

топуш хранитель.

тотоп запас, сокровище. Накапливать.

тоу (префикс, обозначающий, что данное сущ. является в предложении подлежащим, а также обозначающий деятеля в пассивной конструкции).

тоудоу открытый или сломанный круг или кольцо, круговое движение, которое не доводится до конца. Движение мельничного колеса описывается словом «то» (см.), однако движение воды в колесе и сквозь него описывается словом «тоудоу».

трамад смерть, убийство. Умирать, быть причиной смерти, убивать.

трегай гусь.

трегайаварра стая диких гусей в полете.

трум медведь. Судя по изображениям и описаниям это животное больше американского медведя, но это, возможно, простое преувеличение. По рассказам он всегда черного или темного цвета, однако с белым или серым брюхом и прочими внутренними сторонами тела.

трунед субстанция, остающаяся от живого существа после его смерти, — плоть, труп, дерево, солома и т. п. Тело — в значении «мертвое тело. (Тело живого существа называется «чуну».)

ту сквозь (вещество, дыру, проход. См. «ду»).

тун (суффикс) из.

тушуде (мн. ч.) несколько, некоторое количество, довольно много.

у

уббу середина, средний. Быть посредине.

убиу сова (обычно, сова-сипуха).

убиши сипуха.

уд, удде (префикс, обозначающий косвенное дополнение).

уддам чрево. Быть беременной.

уддамтев, уддамтуите роды. Носить дитя, рожать.

уддамготен рожденный, быть рожденным.

уддамготенше тот, кто был рожден, иначе говоря, существует (только о животных).

уде 1. (мн. ч.) группа, опред. к-во. 2. (аффикс, обозн. группу, группирование, стадо и т. п.).

кинташуде Общество Воителей

галикуде стадо коз.

удин Сатурн (планета).

удоу открытый, отверстие. Открывать.

ул если.

ум пустой, пустотелый, пустота, пропасть. Опустошать.

уми пчела.

унне любовь, доверие, дружба, привязанность, любовно доброе отношение. Любить, доверять, быть другом.

урлеле стрекоза.

ушуд убийство. Неоправданно убивать, убивать без причины, неправильно, в недозволенном месте, в неподходящее время, совершать убийство.

ути мышь (см. «мип»).

ув (префикс, обозначающий использование слова как прилагательного).

увлемаха прекрасный.

увьяй благоразумный, заботливый.

уйюма роза.

Φ

фарки земляная белка, бурундук.

фас суп, бульон, сок.

фат клоун.

суфат Белый Клоун.

древифат Зеленый Клоун.

ведиратсфат Кровавый Клоун.

фефинум кедр.

феге тик, тиковое дерево.

фехоч поле, возделанная земля, пашня.

фехочовоуд Возделывать, обрабатывать землю.

фейтули ядовитый гриб.

фен веревка, бечевка.

фесент движение чередой, вереницей, друг за другом. Двигаться или идти чередой, следовать один за другим.

фия испарение. Испарять(ся), уходить в небеса, становиться частью атмосферы (о воде, дыме, дыхании и т. п.).

фини поэтическое состязание в шуточных оскорблений.

фийойю конский каштан, который цветет в мае и сбрасывает листву в конце лета.

фоуре начало, старт. Начинать, стартовать.

фумо вещество, явно продукт разложения технических продуктов или отходов промышленности, возможно, изготавливавшихся из нефти пластических материалов, встречается в виде мелких беловатых зерен или более крупных частиц, покрывающих огромные участки морской поверхности, а также пляжи, полосы прибоя иногда на глубину в несколько футов. Вещество это совершенно бесполезно, не поддается разрушению, а при горении выделяет ядовитые вещества.

фун крот.

Х

ха путь, прокладывание пути, путешествие. Путешествовать, направляться куда-то или в ту же сторону.

хай сейчас.

хайп укус. Кусать.

хайтру страх. Бояться, опасаться.

хам дыхание, воздух. Дышать.

хамдүше птица.

хан 1. подражая к.-л., похоже, напоминая к.-л.

2. (суфф. наречия). 3. итак, а вот. Хан (ес) им — А вот и вы! (т. е. «здравствуйте!»).

ханнахеда ручей, поток, течение, постоянное непрерывное движение в одну сторону. Бежать, течь, струиться.

ханъю таким образом, что.

хат глина для кирпичей или земля.

дурхатъма Дом Красного Кирпича.

хванхатъма Дом Желтого Кирпича.

хечи порода домашних собак, напоминающих чау-чау.

хе действие. Действовать, делать.

хе дом Общество: так это слово переводится в данной книге.

Организованная группа людей, занимающихся обучением, учащихся, упражняющихся в определенных ремеслах, умениях, ритуальных действиях, знаниях и так далее, а также практические действия, деятельность такой группы и то место или здание, где эти люди встречаются и работают.

хедоу 1. великий, главный, важный, замечательный.

2. Калифорнийский кондор или другие весьма близкие виды птиц, однако распространившиеся несколько дальше к северу и значительно шире, чем теперь.

хегтай домашняя собака (слово употребляется, если порода или вид не определены).

хебби (или) **ви** щенок.

хегоу черный.

хегоудо обсидиан (вулканическое стекло).

хегоудома Дом Обсидиана.

хехоле подарок на память, сокровище, предмет, который считают прекрасным или священным.

хехоле-но предмет такого размера, чтобы можно было легко держать его в руке или носить в сумочке или в кармане, используется обычно как «помощник» при медитации или при сидении в спокойной позе.

хем, хелм (архаич.) душа.

хемхам душа-дыхание (один из видов души).

хенини (вопросит.) что? что такое?

херш 2 фута 9,2 дюйма: основная мера линейного измерения в Долине и во всех культурах этого региона, за исключением северного Побережья, где проживает народ Красного Дерева. Херш подразделяется на четверти, на пять частей, на десять, на двенадцать и на двадцать четыре, и каждая из этих единиц употребляется преимущественно какой-либо одной профессией (так, для измерения бумаги используется «кекель», для пиломатериалов — «еяйя», для шерстяной пряжи — «отоне-хоу», для х/б тканей — «кумпету»).

хестанай Цех: так это переведено в данной книге. Гильдия или сообщество людей, занимающихся обучением и повышением своего мастерства в каком-либо мастерстве, ремесле или профессии, а также само занятие этим ремеслом.

хеве (или) **хевевахо** душа (исп. как общий термин).

хейимас строение (обычно разнообразные вариации пятистенного подземного помещения под четырехскатной пирамидальной крышей), где ведется основная деятельность одного из Пяти Земных Домов. «Правая Рука» любого из городов Долины состоит из пяти хейимас, построенных вокруг площади для танцев.

хейний священная, святая или очень важная вещь, место, время или событие; соединение; спираль, круг, завиток; стержень; центр; перемена. Быть священным, святым, чрезвычайно важным; двигаться по спирали, кружиться, описывать круги; быть центром или быть в центре; меняться; становиться, превращаться. Хвала; хвалить, возвеличивать.

хейний-иф рисунок или образ «хейний».

хилла достаточно, достаточный (сущ. и прил.). Удовлетворять, быть достаточным.

химши маленький зверек, напоминающий крупную морскую свинку, в Долине одомашнен; по слухам встречается в диком состоянии в Горах Света.

хио (неизменяющаяся глагольная форма, исп. для образ. императива и оптатива).

хио войя (ес) **ханойя** Ступайте с миром, т. е. «до свидания!».

хирай тоска по дому, ностальгия. Скучать, тосковать по дому.

хиш ласточка.

хо возраст, старость, старый. Быть старым.

хоо старуха.

ахо, хота старик.

хохевоун дух, божество, сверхъестественный или неестественный объект. Бог. Быть чудесным, необычным, одухотворенным, сверхъестественным.

хонне корешок, тонкое волокно.

хосо древесина, пиломатериалы.

хуудада рост, величина, увеличение. Расти (в размерах), увеличиваться, разрастаться, раздуваться, становиться большим.

хоухво большой дуб Долины.

хоум большой, обширный, длинный и широкий, долговременный.

хов проживание, жизнь, обитание (в некоем месте). Оставаться, обитать, проживать.

майхов жить в доме или в Доме (т. е. существовать).

ховинье приходить в гости, оставаться ненадолго, быть гостем или посетителем.

хойфит енот.

ху два.

хүгэ разделение, отделение, расставание, трещина. Расставаться, разделяться, отделять одну вещь от другой, раскалываться надвое.

хүгэлэ бежать (на двух ногах).

хүн двуногое существо или человек, люди. Быть человеком.

хүшайда прыгать, подпрыгивать на обеих ногах.

хур поддержка, основание, повозка. Поддерживать, везти, нести, подпирать.

хурга ножка (стула, стола и т. п.), пьедестал, суппорт.

III

ш (суффикс, обозначающий агента).

ша серый или смешанных темных холодных тонов.

шашу океан.

малов **шашу** Тихий океан.

шай дождь. Выпадать в виде дождя, быть дождливым.

шайпево дождливый сезон (прим. ноябрь — апрель).

шанса (мн. ч.) несколько, немного.

шасоде сосна.

ше личность, люди, существо, собственное «я». Быть личностью, существовать (как личность или живое существо).

шейе работа, бизнес, делание чего-то, промышленность.

Работать, делать, действовать, быть активным.

шестанай мастер, мастеровой, создатель.

шевей все, каждый, все (на свете), каждый, всякий.

шо как.

шоко 1. дятел (большой пестрый). 2. повторяющиеся

множественные движения, мелькание, сверкание, сияние.

Двигаться или танцевать (о большом к-ве людей или объектов), сверкать, мерцать или мелькать.

шоу обширный, большой. (Но не обязательно прочный, долговечный — см. «хоум». Гора будет «хоум», а большое облако — «шоу». Большая часть живых существ будет «шоу», а не «хоум».)

шун (суффикс) на.

Пьяная песня

(Из библиотеки Ваквахи)

Путь иной у меня теперь, и желанья,
И что-то другое хочу я сказать.
Я возвращаюсь назад по дальней дороге
Вокруг того же холма, да с другого конца.

Здесь долина раскинулась — гор не видать.
Здесь река протекает, подобная морю.
Здесь есть люди, но бесплотны они
И танцуют у реки той безбрежной
Текущей в долине.

Я пила эту воду речную допьяна,
До того, что язык стал неповоротлив,
А танцуя, спотыкаюсь и падаю я бесконечно.
Когда же умру, то вернусь я по внешней дороге
И выпью воды из реки, и вмиг стану трезвой.

Есть такая долина, и высокие горы ее окружают.
Есть такая река, и на берегах ее пышные ивы.
И есть люди там — легконоги, прекрасны —
И танцуют они у реки той в долине.

Содержание

**Всегда возвращаясь домой,
перевод с английского И. Тогоевой**

ВОСЕМЬ ИСТОРИЙ ЖИЗНИ	7
Поезд	9
Она слушает	11
Джунко	13
Светлая пустота ветра	19
Белое дерево	21
История третьего ребенка	25
Собака у дверей	30
Мечтательница	32
НЕСКОЛЬКО КОРОТКИХ ТЕКСТОВ ИЗ ДОЛИНЫ	70
Пандора беседует с архивисткой из библиотеки Общества Земляничного Дерева в Ваквахе	84
ОПАСНЫЕ ЛЮДИ	90
По поводу данного романа	90
Глава вторая	92
Пандора, кратко обращаясь к благосклонному читателю	123
ГОВОРЯЩИЙ КАМЕНЬ. Часть третья.	125
Послания, отправленные через сеть Обмена	125
Информацией относительно Великого Кондора	187
О собрании, посвященном Обществу Воителей	193
ПОЭЗИЯ. Раздел четвертый	200
От людей Земных Домов Долины тем...	219
ПРИЛОЖЕНИЯ	222
Длинные названия домов	222
Некоторые из прочих народов Долины:	229
1. Животные Дома Обсидиана	229
2. Животные Дома Синей Глины	238

Система родства	243
Общества, Союзы, Цехи	250
Что носят в Долине	256
Что они едят	260
Музыкальные инструменты...	270
Географические карты	276
Танец Вселенной	280
Танец Солнца	290
О Поезде и рельсовой дороге	299
Некоторые замечания по медицинской практике	302
Игры	313
Три стихотворения Пандоры	317
«Жизнь на побережье», Энергия и Танцы	319
Любовь	325
Письменный кеш	326
Особенности Земного и Небесного кеш	333
Схема повествовательных жанров	334
Устная и письменная литература	336
Пандора больше не беспокоится	342
ГЛОССАРИЙ	344
Числительные кеш	344
Пьяная песня	381

МИРЫ УРСУЛЫ ЛЕ ГУИН
Собрание фантастических произведений
ВСЕГДА ВОЗВРАЩАЯСЬ ДОМОЙ

Книга вторая

Ответственный за выпуск *Е. Чутов*
Технический редактор *К. Козаченко*
Корректоры *Н. Дундина, А. Хиршфельде*
Оператор компьютерной верстки *В. Рихтер*
Оформление шмидтитулов: *В. Ковалев*

ЛР № 065224 от 17.06.97.
Подписано в печать 8.07.97. Формат 84×108¹/32.
Гарнитура Таймс. Печать высокая.
Усл. печ. л. 20,16. Тираж 10000 экз. Заказ № 898.

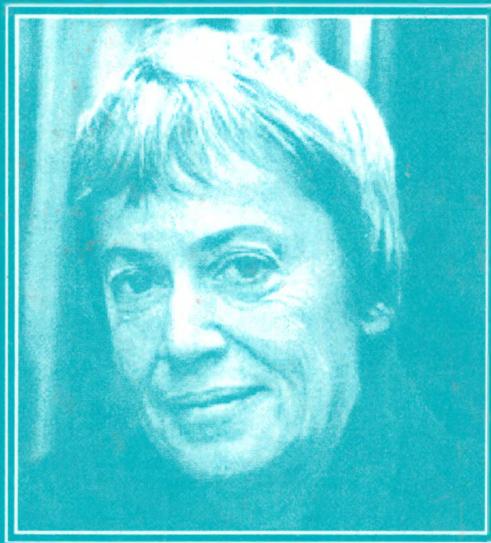
ООО издательство «Полярис»
101000, Москва, Главпочтamt а/я 900

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Государственного Комитета Российской Федерации по печати
170040, г. Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

МИРЫ УРСУЛЫ ЛЕ ГУИН

ВСЕГДА ВОЗВРАЩАЯСЬ ДОМОЙ

Необычайный мир открывается перед нами в этой книге — «опыте археологии будущего». Много веков прошло с той поры, как человечество, оглянувшись на искореженную землю, отказалось от высоких технологий и больше того — от того образа мысли, что едва не уничтожил род людской. Мириады местных культур, связанных лишь Пунктами Обмена Информации, существуют в бывшей Калифорнийской долине. Их быт, привычки, обычаи описаны с предельной убедительностью. И когда воины народа Кондора — реликт прежних времен — сталкиваются с Кеш, они оказываются не в силах понять, что движет этими людьми. Как и сами Кеш не могут понять, что заставляет детей Кондора подчинять всех своей воле...

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»

1997

МИРЫ УРСУЛЫ ЛЕ ГУИН ВСЕГДА ВОЗВРАЩАЯСЬ ДОМОЙ

Книга вторая

